Б. Жид биржевой

Кто способен удвоить свой капитал в течение года, тот заслуживает быть повешенным двенадцатью месяцами раньше.

Итальянская пословица.

1. Переходя от всего указанного к той разновидности Агасфера, которая ныне известна как еврей биржевой[1], мы должны без колебаний признать, что она представляет собой самое яркое выражение, так сказать, квинтэссенцию иудаизма. Очевидная сама по себе, мысль эта подтверждается такими авторитетами, как Лессинг и д'Израэли. Взяв чуть ли не всеведущего и безупречного человека, дав ему, однако, в руки лишь "главную книгу" (Grossbuch) и ключ от банкирской кассы, а затем украсив изрядным лапсердаком, оба помянутые автора говорят: *"Вот истинный еврей!... — Натан Мудрый Лессинга и пресловутый хранитель Азиатской тайны"* (Asian mistery), банкир Сидония, — герой романов Биконсфильда, изготовлены по указанному рецепту. А что взгляд этого рода совпадает с иудейским, тому доказательством служит как чистокровность еврейства в Вениамине д'Израэли, так равно, если не еврейское же происхождение, как утверждает Дюринг, то не малая задолженность Лессинга у детей Израиля...

Талмуд же, в свою очередь, повествует, каким образом, не занимаясь ни торговлей, ни комиссионерством, успел, однако, нажить крупное состояние величайший из пророков Израиля. Разрезывая бриллиантовые доски, на которых Иегова пальцем начертал десять заповедей, Моисей ловко прятал осколки, а затем выручил огромные деньги от их распродажи...

Не бесполезно сверх того напомнить, что для еврейства проценты являются лишь естественным благоуханием капитала.

Правда, уже Бисмарк полагал, что из невозможности для еврея стать чиновником ещё не следует, что он должен быть ростовщиком, но сыны Иуды столь же вправе думать, что, в обеспечении кагального господства ничто не мешает им требовать обоих этих званий совместно, когда это угодно старейшинам "многострадальной" синагоги.

С другой стороны, ещё в древности справедливо указывали на полное отсутствие у иудеев того, что составляло нравственное величие и неодолимую силу духа в Риме. Источником и основанием его владычества над миром представлялась verecundia созидателей римского государства. Под данным термином разумелось всё, что есть беззаветного, мужественного, самоотверженного в сердце человека. Но именно этих качеств и нет у сынов Иуды. Как нами было отмечено выше, рыцарское благородство и сердечная простота — такие понятия, которые для евреев непостижимы и не встречаются в их среде. Раса, кровь, текущая в их жилах противятся всему, что мы, арийцы, называем долгом чести и великодушия. Как насыщаемый морской солью береговой песок, с каждым приливом, поглощает всё новые и новые дозы соли, так и отравляемая талмудом еврейская душа с каждым поколением пересыщается идеями талмуда всё с большей силой. Столь сродный арийскому духу идеализм, безусловно, чужд еврею и он ненавидит его у других. Он насмехается над всяческими идеалами, или, по меньшей мере, норовит выставить их в шутовском виде. Цинизм издевательства над самой возвышенной деятельностью гоев — лучшее для него торжество. Вообще же говоря, "Quint-Essenz der Shelmerei" у евреев такова, что решительно не знаешь, каким её образцам следовало бы отдать предпочтение?...

---

[1] Из обширной литературы, к сожалению, ещё не заключающей ин жизнеописаний "великих" банкиров, ни, тем паче, какого-либо труда в области энциклопедии или философии данной проблемы, можно для первоначального ознакомления указать хотя бы на некоторые, достойные внимания, исследования:

Н. Бунге "Экономический кризис 1857 года", см. "Отечественные Записки" за 1859 год. — Георг Гёшен, канцлер казначейства и министр торговли Великобритании, "Теория вексельных курсов". — Н.А. Бишоф. "Краткий обзор истории и теории банков, с приложением учения о биржевых операциях" — И.И. Янжул. "Основные начала финансовой науки", — Wolowsky, membre de l'institut. "La banque d'Angleterre et les banques d'Ecosse" — Victor Bonnet. "Le credit et les banques d'emission" — Octave Noel, professeur a l'ecole des hautes etudes commerciales, laureat de l'Institut. "La banque de France". — X.M. Capefigue. "Histoire des grandes operations financieres". — Claudio Jannet. "Le capital, la speculation et la finance au XIX siecle". — Студенческий. — "Биржа, спекуляция и игра". — La Semaine Financiere. "Le mecanisme des operations financieres a la bourse de Paris" с приложением длинного списка под заглавием: "Nomenclature des societes en faillite et en liquidation de 1882 a 1890". — H. Quinet et Francois Bournaud. "Les pieges de la bourse" — Макс Вирт. "История торговых кризисов в Европе и Америке". — К. Маркс. "Капитал". — Auguste Chirac "L'agiotage sous la troisieme republique". — A. Toussenel. "Les juifs, rois de l'epoque". — E. Wilmans. "Die gol-dene Internationale". — Аноним. "Vampyr", oder das Wucher-Judenthum". — Kolk. "Das Geheimniss d. Borsen-Kurse und d. Volksausraubung d. d. internationale Borsen-Lunst". -Friedrich Edlen von Scherb. "Geschichte des Hauses Rothschild". — Edouard Demachy. "Les Rothschilds, une famile des financiers juifs au XIX siecle". — John Reeves. "The Rothschilds, the financical rulers of nations". — Max Bewer. "Bismark und Rothschild". -Mores et ses amis. "Rothschild, Ravachol et C°". — Edvin Bauer. "Der baron Vampyr". "Die Rothschild-Gruppe und der monumentale Conversions-Schwindel von 1881". — Edmund Kikut. "Judische Borsenjobber". — Otto Glagau. "Der Borsen und Grundungs-Schwindei in Deutschland". — Germanicus. "Die Bank-und Bankiers-Diebstahle und die Auslosung von Eigenthum und Besitz in Scheinbesitz". — L.M. Floridian. "Les coulisses du Panama". -Gustave Rouanet. "Les complicites du Panama". — Paul Pousolle. "Le tombeau des mil-lards Panama". — E. Bontoux. "L'Union general, sa vie, sa mort, son programme". -Emile Zola. "L'argent". — A. Hamon et Georges Bachot. "L'agonie d'une societe". — F. Kolk. "Der Geheimbund der Borse". — И.И. Янжул "В поисках лучшего будущего". -Генри Джордж. "Прогресс и бедность". — Biblioteque generale des Sciences sociales. — I. Chastin. "Les Trusts et les Syndicats de producteurs" и союзный труд нескольких авторов "Le droit de la Greve". — Joseph Banister. "England under the jews". 1907. London.

Возьмём, тем не менее, к примеру, хотя бы кое-что из фактов, раскрываемых на наших глазах.

Приняв католицизм, прусский еврей и агент Бисмарка, Бауэр, успел не только стать духовником императрицы Евгении, но и главным священником французской армии; устроив игрой на самомнении Евгении такой дивертисмент, как франко-прусская война 1870-1871 гг., оказался в Брюсселе антрепренёром оперетки, и, наконец, женившись в Австрии на богатой еврейке, всенародно заявил через лейб-орган кагала “Neue Freie Presse”, что отрекается от христианства навсегда. Корреспондент “Times” Бловиц на вопрос королевы румынской о его национальности отвечал, что, *“родившись в Богемии от израильских родителей, он пишет из Парижа на английском языке pour le roi de Prusse.”* Мещанин из крещёных евреев Михаил Семёнов проник в С.-Петербургскую духовную академию и даже в сан архимандрита, затем, уже с этим званием, перешёл в коноводы иудейской революции. Будучи расстрижен, он обратился в старообрядчество, где с бесподобным пронырством стал епископом но, вместо Канады оказался в Саратове, а здесь, подписываясь титулом епископа, профанирует и этот новый сан как автор разухабистых статей в “освободительной прессе” местного еврейства. Об известном в Петербурге старообрядческом священнике Волощуке, вторично перешедшем из католичества в православие, а ныне выступающим снова от имени старообрядцев в Ватикане, в Москве рассказывают, по сведениям “Нового Времени”, следующие забавные подробности. По происхождению Волощук — еврей. Служа в полиции, он в Волынской губернии обратил на себя внимание архиепископа Антония, который посвятил его в диаконы. Не дождавшись места священника, он обратился в раскол и успел попасть на фабрику А.И. Морозова в Богородске Московской губернии, а там на средства Морозова же занялся изданием старообрядческих духовных учебников. Операция этого рода стоила, однако, Морозову слишком много денег и скоро вызвала к Волощуку такое недоверие, что ему пришлось удалиться. Тем не менее, он вслед за этим вынырнул в Громовской общине, где, т.е. уже в самом Петербурге, опять натворил немало дел. Тогда Волощук перебрался в католицизм и настолько подластился к епископу Цепляку, что получил он него антиминс и облачение. Затем, обманув, разумеется, и католиков, Волощук ещё раз вернулся в лоно православия и при торжественной обстановке даже произнёс покаянную речь. Не получив, к своему негодованию, вновь и диаконского сана, он решил бросить духовный мир и стал заниматься коммерцией, а когда и тут не повезло, паки объявился католиком. В заключение, он, на радость кагалу, рассудил соединить принадлежность к клиру и гешефтмахерство, а потому ещё раз перебежал к раскольникам... Казалось бы, Волощук побил все иудейские рекорды. Но “угнетённый” кагал смеётся над столь наивными предположениями.

Означенный выше и под именем Бернарда Мэмона столь прославившийся сын раввина из Месопотамии [2] Айзик Маймун занимался в Берлине порнографией и помаленьку приторговывал и революцией. Вместе с другим евреем, Срулем Герстманом, он издавал мемуары своих единоплеменников — “русских эмигрантов”, равно как печатал для сознательных пролетариев в России руководства по изготовлению бомб. Соблазнившись, видно, триумфом очаковского раввина, который при благословенном участии одного из парижских Ротшильдов сбыл Луврскому музею за 400.000 франков фальшивую тиару скифского царя Сайтеферна, Маймун для “чистоты отделки” подлогов также принялся за “археологические раскопки” в Малой Азии. Нажив этими, уже оптовыми плутнями, через “троянцев” деньги, Маймун избрал для разнообразия своим поприщем кражи секретных дипломатических документов и политическое шпионство de la haute volee. Напал же он на эту мысль, поставляя француженок Абдул-Гамиду, который хотя не любил евреев и от них же удостоился ссылки в Салоники, однако “живым” их товаром весьма не гнушался. Но вот “случился” пожар в Константинополе, да ещё, как на грех, в министерстве иностранных Дел. Пропали важные, незаменимые акты, и он оказался в Лондоне, у английского правительства, которому их, по случаю же, продал Маймун. Этот удачный гешефт внушил ему мысль “помогать своему счастью” и дальше. Не даром говорят, что аппетит приходит во время еды. Сообразно с этим, Айзик Маймун среди увеселительной поездки своей по чужим карманам превратился, что нам уже известно, в Бернарда Мэмона, но в апофеозе странствований из земли Халдейской к богатствам нового Ханаана, Франции, учинился виновным в “посрамлении Имени”, так как попреки трогательным симпатиям единоплеменников, был пойман на покупке чиновника министерства иностранных дел в Париже, где, очевидно, по заказу нового “Карфагена” избрал специальное оптовое, в свою очередь, расхищение важных государственных тайн, преимущественно касающихся постройки Багдадской железной дороги и Потсдамского свидания... Впрочем, и оказавшись в остроге, названный талмид-хахам никак не должен сокрушаться, если заслуги его перед Израилем достаточны. Ведь объявлен же невинным страдальцем Дрейфус, а изобличённый в мошенничестве почти на миллион франков другой Барцелонский мученик Ицка Ферреро не даёт покоя Испании и после своей казни. Напрасно отверг тамошний парламент домогательство шаббесгоев о пересмотре дела Феррера. Революционная агитация продолжается сугубо, по соседству, иудео-масоны уже открыто грабят Португалию. Да и в самой Франции разве палата депутатов не пыталась равным образом безуспешно затушить дрейфусаровский пожар прежде, чем он успел разгореться на весь мир?!... Значит, Берке Маймуну горевать нечего. Разве не соплеменник он великому революционеру Маймониду?... А

[2] По другим сведениям венской печати Маймун — еврей из Брод либо Коломыи (Галиция). Проездом через Берлин он принял лютеранство в тамошней английской церковной миссии. Торговал “старинными” коврами и молодыми женщинами. За шантаж был выслан из Германии. На пути дальнейших скитаний пятикратно менял исповедание, при чём, на всякий случай переходил даже в мусульманство...

между тем, “свет Запада” и “слава Востока”, “второй Моисей”, “Орёл” среди первоучителей еврейства знаменитый и недосягаемый авторитет священной синагоги, гаон и рабби Моше бен Маймонид сам в течении полутора лет, исповедывал магометанство, так как, будучи придворным врачом султана Саладина в Египте, не мог устраивать своих ганделей иначе... Да и не сказано ли в “святом” талмуде (трактат Бетца, 25 а): *“три существа не знают стыда — Израиль среди народов, собака между четвероногими и петух в среде птиц”?...*

Мы, со своей стороны, заметим, что сыны Иуды различают два рода обращения в христианство: “мумер легакхиз” именуются крестившиеся из злобы к еврейству и преследуются им с крайним ожесточением, без всякой пощады; напротив, “мумер летиэвун” называются те, которые приняли христианство по “увлечению”, т.е. из корыстных или иных личных видов либо даже в интересах и по приказу самого же кагала. Эти признаются излюбленными соглядатаями Израиля в лагере гоев, не переставая, конечно, быть доподлинными евреями.

Если хочешь иметь врага, заведи себе друга, он уже будет знать, когда и как тебя ударить... Крещёные иудеи — лучший образец подобной дружбы.

Оппонируя непочтительному к сынам Иуды Рихарду Вагнеру (см. его “Das Judenthum in der Musik”), один из них, некий Эттингер[3], покаялся: *“пишущий эти строки обязан заявить, прежде всего, что, будучи иудеем от рождения, он сделался христианином-католиком только впоследствии и единственно для того, чтобы иметь право уже с безопасностью оставаться евреем”.*

“Если бы законы дозволяли кражу серебренных ложек, уверяю тебя, я никогда бы не крестился”... Писал в свою очередь Гейне Фуне Мозеру.

“Le clericalisme, voila l’ennemi!”, — проповедовал “народный трибун”, еврей гамбетта, умалчивая, разумеется, о том, что у всего христианского клира, денег меньше, чем у одного Блейхредера либо Ротшильда... И сыны Иуды на обоих полушариях не замедлили подхватить этот кличь. С другой стороны, в эпоху смешно затеянного и Каноссою законченного Culturkamf, Бисмарк не придумал ничего умнее, как назначить министром народного просвещения еврея Фалька. Отчего же было кагалу не позабавиться и над “железным канцлером”, когда он сам пожелал стать шутом “избранного” народа?!... И вот Фальк принялся науськивать лютеран на католиков, по жидовски, конечно, т.е. издеваясь над обеими сторонами. Период Culturkamf в Германии, как и эпопея удаления христианских эмблем из народных училищ либо изгнания сестёр милосердия из больниц во Франции, доказали воочию, что если травля религии христиан — весёленькая забава для еврейской прессы, то осмеивание в картинках и эстампах, в скульптуре и комедии духовенства гоев — самый восхитительный для сынов Иуды гешефт.

“Да и самому папе римскому, — уверяет всемирный кагал, — *приятнее доверяющие ему* (т.е. открывающие кредит), *чем в его святость верующие...”*

[3] E.M. Oettinger — “Offenes billet-doux an den beruhmten hepp-hepp-schreier und juden-fresser, herrn Wilhelm-Richard Wagner” — Dresden, 1869.

Дело дошло, наконец, до такой прелести, что еврейская “серьёзная” печать стала упрекать жидовские карикатурные листки “Ulk” в Вене и “Wespen” в Берлине уже за то, что они осмеивают не только священное, а и не священное. Лейб-орган кагала Berliner Tageblatt “в минуту раскаяния” решился даже приобрести редакционные чётки... Наряду с ним, имея от Бисмарка поручение терзать католиков, еврейство не замедлило истолковать задачу “распространительно”. Выходящая под редакцией еврея Ульштейна “Berliner Zeitung”, ради потехи над евангелическо-протестантским синодом требовала, чтобы *“непременно дезинфицировали место его собраний от распространяемого попами запаха святости...”*

Впрочем, для глумления над христианством, евреям не нужно и Culturkamf. Вся талмудическая литература тому порукой.

При удобном случае еврейское издевательство достигает “художества” во истину гомерического, как показывает, например, дело Ясногорского (Ченстоховского) монастыря, где Дамазий Мацох и К° расцвели столь пышно при талмудическом покровительстве приора из жидов Хацкеля Реймана...

В изложенном нет, однако, ничего удивительного. Не на счастье же иноплеменников выработали раввины своё исходное положение: *“Гуфо муфар кол шехен мамома!”* т.е. *“жизнь (чужеродца) в твоих руках (о, иудей!), — колъми же паче его собственность?...”*[4]

“Мы — природные иудеи, natu, потому что мы рождены иудеями”, — поясняет такой “Правительственный Вестник” всемирного кагала, как “Archires Jsraelites”. *“Дитя израильских родителей принадлежит Израилю, и уже самый факт рождения даёт ему права и возлагает на него все обязанности израильтян. Отнюдь не в силу обрезания становимся мы евреями, нет! Обрезание не имеет ничего общего с христианским крещением. Не потому мы дети Израиля, что обрезаны, а мы потому обрезаны, что — израильтяне. Приобретая достоинство Израиля путём рождения, мы никогда не можем утратить или устранить его. Даже израильтянин, отрекшийся от своей религии, даже тот, кто позволяет себя окрестить, не перестаёт быть сыном Израиля, и все его обязанности, как члена избранного народа, лежат на нём, — без всякой отмены”.*

Вполне согласно с таким положением вопроса свидетельствует и Шопенгауэр:

“Отечество еврея — все остальные евреи. Отсюда явствует, до какой степени нелепо желание открывать им доступ к участию в правительстве или какой-либо государственной службе. Их религия, с места слившаяся воедино с их

[4] См. рабби Иосифа Альбо “Основы веры” ч. Ill гл. 25. — Рабби Элиезера 48; Ялкут Шимони Миша, л. 82 кол. I №553. — См. также Раши в его коммент. на тр. Шаббат. -Баба Камма, 37; Хош. Гамишп., 156, Хага. — Тр. Соферим, XV, л. 13, кол. 2; тр. Абода Зара, 26, Тосеф.

же государством, никак не является здесь главным делом. Она скорее представляет лишь связующий их узел, point de ralliement, и флаг, по которому они распознают друг друга. Это замечается и в том, что даже крестившийся еврей отнюдь не навлекает на себя, как все вероотступники, ненависти и гнушательства прочих, а остаётся обыкновенно, за исключением разве изуверов, их другом и товарищем, не переставая смотреть на них, как на своих истинных земляков. Даже при совершении уставных торжественных молений, для чего требуется участие по крайней мере десяти евреев, заменить недостающего крещёный еврей может, а другие христиане, очевидно, нет. То же относится и к остальным религиозным действиям. И это ещё ярче выступило бы наружу, если бы, например, крестились, mirabile dictu, все евреи, или, наоборот, если бы христианство когда-нибудь совершенно пришло в упадок и прекратилось. Потому что и тогда евреи не переставали бы держаться отдельно и сами по себе.

Еврей, у которого заведомо есть свой, исключительно для него существующий Бог, мозолит нам в обыденной жизни глаза своей деланной, показной внешностью; но к какой бы из европейских национальностей ни принадлежали мы, эта внешность всегда заключает в себе нечто отвратительное и неизлечимо чуждое"...

В гармонии с отзывом Шопенгауэра, спрашивает и Гёте: *"Что я могу сказать о таком народе, который из всех других судеб усвоил лишь благодать вечного бродяжничания и который ставит себе задачей перехитрить тех, кто остаётся на месте, и покинуть всякого, кто рискнёт отправиться по одной с ним дороге? Вот почему мы не в силах терпеть евреев в нашей среде, ибо каким образом мы могли бы допустить их к участию в высшей культуре, когда они отрицают её источники и отвергают причины?!".*

Параллельно со всем сказанным поучает, в свою очередь, и Рихард Вагнер:

"В споре из-за эмансипации евреев участвовало, строго говоря, много больше борцов за теоретический принцип свободы, чем за освобождение именно сынов Иуды. А так как весь вообще так называемый либерализм наш является не очень дальновидной и сознательной умственной игрой, то нам довелось поратовать, между прочим, и за свободы такого народца, о котором мы ясного понятия не имели... Отсюда, как это вполне очевидно, наше рвение на защиту еврейского равноправия обусловливалось несравненно более отвлечённой идеей, нежели действительной симпатией к жидам.

Увы, — к немалому удивлению своему, мы только теперь замечаем, что, пока мы строили воздушные замки и воевали с ветряными мельницами, благодатная почва реальной действительности оказалась в руках узурпатора. И если, говоря откровенно, наши воздушные полёты не могли не позабыть его, то ему всё-таки не следовало бы считать нас за таких олухов, которых можно удовлетворить кое-какими подачками из отнятой у нас же территории. Совсем незаметно "кредитор королей" превратился в "короля кредиторов", и мы не можем, конечно, не признать чересчур наивной просьбу об эмансипации, предъявляемую этим "королём" именно в такой момент, когда мы видим самих себя в жгучей необходимости бороться уже за свою собственную эмансипацию из под еврейского гнёта.

И мы невольно стараемся не иметь с таким субъектом ничего общего.

— *"Иудейская армия,* — равным образом, повествует Эдуард Дрюмон см. 'La France juive), — *распадается на три корпуса:*

а) *настоящие евреи, т.е. явные сыны Израиля, как их называют "Archives Israelites"; эти евреи открыто почитают Авраама, Исаака и Иакова и довольствуются возможностью устраивать своё благополучие, оставаясь верным своему Иегове;*

б) *евреи, перерядившиеся в свободных мыслителей (по типу Гамбетты Дрейфуса или Рейналя) — которые прячут своё жидовство в кармане,* а *затем преследуют христиан уже во имя пресловутых идей "терпимости" и священных прав свободы, и, наконец,*

Иудейские биржевики и политики соединены между собой как бы телеграфными нитями, ибо во всякий данный момент у них на языке те одни и те же вопросы и одинаковые слова. Говорить и действовать заставляет всех их единообразное "внушение", неведомое, но тождественное кагальное "потрясение". Или, ещё ближе их можно сравнить со взаимнозависимыми нервными центрами, по которым впечатление пролетает, как рефлекс, мгновенно. Им не надо ни видеть друг друга ни совещаться, чтобы знать, как быть и куда лезть. Таинственный, мистический голос диктует им свои веления, а они повинуются с удивительной гармонией.

Затем, если в еврейском мире существует такая проблема, которая составляет "идеальную" цель и над которой действительно ломают себе голову дети Израиля, то это, конечно, жажда быстрого обогащения, невероятного, огромного барыша и притом схваченного, так сказать одним махом! Но это, без сомнения, не исключает и такого жестокосердия когда, чтобы подстеречь и сожрать добычу, разумеющий своё достоинство талмид-хахам (вернее, талмид-хохим) выжидать готов целые годы.

Самый богатый и, по-видимому, образованный еврей — всё тот же шинкарь Янкель, дрожащий над каждой копейкой. И чем более сведущ еврей, чем сильнее он в экономическом или политическом смысле, тем строже, обдуманнее и целесообразнее проводит он иудейские замыслы в жизни, тем ярче и пагубней для чужеродцев его расовые особенности, тем язвительней его приёмы, тем дерзновеннее, вероломней и опаснее он становится...

Приглядитесь внимательно, и вы должны будете признать, что наследственности не вытравишь у евреев ни акциями, ни чинами, ни дипломами. Этого мало. Иудей в лапсердаке много безвреднее иудея в мундире либо во фраке. Первый — ничтожное кремневое ружьё, второй — ружьё многозарядное и центрального боя...

Plus le singe monte en Tair, plus il montre son derriere!...

Что же касается тактики еврейства, то достаточно почитать анналы истории, чтобы убедится в неизлечимо-предательской его повадке нападать с тыла. Другой излюбленный кагалом приём — найти где-нибудь щель, либо отверстие в кирассе врага и всадить кинжал как раз в это место.

Располагая запасом энергии, накопившимся в течение долгих веков рабства, Израиль представляет собой армию, задуманную образцово и построенную в боевом порядке. У этой армии есть строжайшая дисциплина и своя непререкаемая иерархия — командиры, солдаты, музыканты и разведчики. Приказы в ней передаются с быстротой электричества, или, что ещё вернее, каждый по внутреннему наитию сам знает, что именно от него требуется.

Да и стоит потрудиться. В туманном ореоле будущего кагалу рисуется уже мировое владычество...

При таком созвучии авторитетов нет, пожалуй, надобности в дальнейших удостоверениях, хотя их не трудно, разумеется, привести в любом количестве. Укажем лишь, в дополнение к Шопенгауэру, что согласно с опытом Карла Великого и Фридриха Великого, равно как с убеждением многих других предшествовавших и последовавших государственных людей, Фридрих II Гогенштауфен, император германский, хотя и покровительствовал еврейским учёным, тем не менее, на государственную службу сынов Иуды ни одного не принимал. Действительно, пред всеми правителями должен непоколебимо стоять вывод, к которому пришёл император: *“как только еврею дана власть, так он ею нагло злоупотребляет!”*.

2. *“Мы обладаем,* — говорят сами о себе евреи, — *мудростью змия, хитростью лисицы, взглядом сокола, памятью собаки и общежительством бобра”*. Если не существо, то принцип исключительности еврейства, здесь отмеченный, является, без сомнения, знаменательным.

“Природа, — утверждает Аристотель, — *не даёт ничего более совершенного, чем то, что ею создано для определённой цели”*.

Еврей получил это высокое отличие. Сделав его законченным торгашом, природа наделила его проницательностью, чутьём, вероломством, пронырливостью, быстротой в захвате добычи и жестокостью, чтобы мучить, пожирая её, — вообще всеми теми свойствами, которые необходимы для жизни на счёт других. Как лаборатория лжи и обманов, голова еврея находится в непрерывном брожении; его вкрадчивый язык умеет говорить обаятельно и ябедническими мелодиями потрясать струны сердца, застигнутого врасплох; нежность и преданность так и текут, если надо, из его уст, и никогда античная Сирена с большей силой не увлекала своих жертв чарами восторга и упоением лести...

Во всякие гешефты, как и в любую из своих денежных спекуляций, еврей вносит искусство и чутьё виртуоза. Он найдёт место, где следует стать и время, когда надо действовать; своему “воздушному” банкирскому “заведению”, как и выставке своих товаров он сумеет придать и треск, и блеск; знает он язык, которым надо говорить, и тот гвалт, который выгодно затеять; понимает, как расставить сети доверчивым страстям и какую бросить приманку расточительным капризам; не ошибается в выборе посредников и не промахнётся, преследуя конкурентов то деланным небрежением, то клеветническим наушничеством. Потеряв доверие, он не теряет надежды вкрасться ещё раз и обманывать вновь. Не забывает вовлекать в свои затеи сильных мира сего, а преуспевая, становится заносчивым и бесцеремонным. Будучи же разоблачаем, никогда не прочь через интриги и подкуп достигнуть молчания и безопасности.

Тем не менее, прежде всего и больше всего изощряется в энергии его скользкая и эластичная воля. Не отступая ни перед каким риском и приноравливаясь ко всяким комбинациям, еврей одинаково способен довести до благополучного конца плутню, рассчитанную на десять лет, как сообразить и завершить обман с быстротой молнии.

Будучи результатом хода вещей и влияния тех публицистов-философов, которые с середины XVIII столетия пустили в ход все рычаги для ниспровержения религии и христианского общества, тирания золота превратила освобождение евреев, т.е. равенство их государственных и гражданских прав с христианами, в жизненный вопрос европейской политики.

И нельзя не сознаться, что именно еврей (Серфбээр, “Les Juifs”) был первым, кто уже в то время раскрывал народам глаза на деспотизм, способный поразить ужасом людей, как только взоры их обращаются к тому, что ещё предстоит впереди.

Изобретательные, хищные и пронырливые от рождения, одержимые инстинктом господства и ровно ничего не стесняющиеся, евреи заняли на наших глазах все дороги, ведущие к богатству, почестям и власти. Самый дух жидовства проник в современную цивилизацию. Они заправляют биржей, прессой, театром, литературой, администрацией, главными путями сообщения на суше и на море, а, вообще говоря, через власть денег и национальных дарований особого сорта, держат в руках всё нынешнее поколение. Путём наблюдения событий нельзя, кажется, устранить сомнения и в том, что, будь это возможно, евреи захватили бы самый воздух, которым мы дышим, и стали бы торговать им...

Но ничто не ново под луной. Если не в столь унизительной мере, как теперь, то срам подобного рода всё же не является чем-либо небывалым. Во времена Людовика Благочестивого, например, владычица его сердца, императрица из евреек — Юдифь так усердно “искала добра своему народу и говорила во благо своего племени”, что самим французам вовсе не стало житья, а придворные кавалеры и дамы вынуждены были испрашивать у сынов Иуды “благословения и молитв”. Нашёлся, однако, мужественный человек, епископ лионский Агобард, который возвысил голос на защиту коренных жителей страны и оставил нам рассуждение *“De insolentia Judaeorum” (“О наглости жидов”). “Перевести его с*

латинского на французский, — говорил Дрюмон, — *и вы не узнаете, когда оно написано, — до такой степени неизменен характер евреев!...”*

Блистательным доказательством этому является в наше время хотя бы факт, что, завладев и такой газетой, как “Times”, расходящейся по обоим полушариям, еврейство не только не устыдилось своего второго панамского триумвирата, но самые повествования свои о “Панаме” вело, как уже замечено нами раньше, под рубрикой “Gesta Dei per Francos!”.Чтобы оценить по достоинству всю ядовитость этого заглавия, необходимо принять во внимание следующее. Оно значит: “Деяния Господни через Франков”. Под таким заглавием в 1611 г. было издано в Париже собрание исследований нескольких историков об участии Франции в Крестовых походах. Невероятных жертв и многих потоков крови потребовало от крестоносцев, увлекаемых пламенной верой, завоевание Гроба Господня. Немало нажили денег от тех же крестоносцев евреи. И вот, наследники этих самых евреев издеваются над потомками собственных жертв...

Не очевидно ли, что уже дерзновение кагала в этом роде показывает, до какой степени разрослось в наши дни могущество иудеев, а неразумие их безнаказанности убеждает, что в своём порабощении арийцы, наконец, унизились до потери способности защищаться. Отсюда естественным представляется переход к такому стыду, когда вместо защиты мы начинаем стремиться к оправданию хода событий, устранение которого почитаем выше своих сил.

Действительно, в известные эпохи, чувствуя, что иудаизм становится ему поперёк горла, арийское общество начинает мечтать о примирении. Оно укоряет себя в несправедливости и варварстве по отношению к еврею, говорит, что истинный сын Израиля совсем не тот, которого оно преследовало, что злодеяния некоторых оно приняло за пороки всех, или же, что, унижая еврея, оно само сделало его преступным, и что, наконец, в обоюдных интересах следует положить предел ненависти и, вернувшись к юношеским понятиям, пригласить освобождённое еврейство на помощь его же собственному обновлению.

Тогда наступает, быть может, опаснейший из стадных психозов, результаты которого не медлят обыкновенно и самых наивных мечтателей привести в содрогание.

“Безумие, — говорит Тэн, — *всегда сторожит нас на самой меже нормального состояния, ибо та комбинация элементов, которую мы называем здоровьем, ничто иное, как счастливая случайность, которая возникает и повторяется, только благодаря неустанной победе над противными силами. Тем не, менее, эти последние — всегда на стороже, и оплошность может дать в их сторону перевес, потому что лишь немногого не достаёт им до победы. Как в духовном, так и в физическом отношении, форма, которую мы называем нормальной, сколь бы она ни повторялась, на самом деле проявляется только среди бесконечной массы всевозможных искажений... Темную для нас работу природы, результатом которой бывает так называемое нормальное сознание, можно сравнить с шествием того раба, который после побоища в цирке проходил арену с яйцом в руке среди утомлённых львов и насыщенных кровью тигров. Если противоположного конца арены он достигал благополучно, его отпускали на волю. Подобным образом двигается вперёд и жизнь духа в суматохе уродливых стремлений и диких безумств...”*

Мысль Тэна как нельзя больше иллюстрируется поклонением еврейству, с позволения сказать, интеллигенции. Особенно в России, да ещё после ужасов 1905 года...

В свою очередь, поучаемый историческим опытом, еврей издалека предчувствует веяния данного психоза и злорадно следит за его развитием. Он знает, что эти веяния будут обобщены и даже возведены в закон, что долгие цепи еврейства падут и что сынам Иуды будет дано разрешение хлынуть на сцену мира со всем избытком злобы, выработанной целыми веками гнёта, и под науськивание неутолимой жажды мщения. Сам, далее, заражаясь психическим недугом, который известен под именем “maladie de croissance” — “болезнью возрастания”, еврей предвидит, что ему станет, наконец, благоприятствовать все. Он был презираем, как пария и окажется существом высшего порядка; его обижали, будет оскорблять и он; его изнуряли, подавляли налогами, и вот целое человечество предаст он всепожирающей кагальной эксплуатации.

Великие и малые станут равно ничтожными перед ним. Он поселится в замках аристократии, а бриллианты самой могущественной из корон пойдут на украшение его жены или любовницы. Некогда на него смотрели, как на существо международное, а его собственный, чёрствый, ревнивый и упорный жидовский патриотизм исключал, по-видимому, какой-либо иной; сейчас он признаётся патриотом в квадрате, и никто уже не думает спрашивать, где он родился? Галлюцинация достигает того, что чем больше еврей пребывает евреем, тем безумнее начинают любить его гои и тем раболепнее ему дивятся. Правительство, дипломатия, армия, администрация, суд, — всё кажется созданным для него одного, и наилучшие места повсюду принадлежат только ему.

В его же собственных видениях содрогаются владыки земные и горе тем трепещущим, кто не отправит своего посла на похороны “беднейшего” из сынов Израиля, либо на свадьбу “последней” из его дочерей!...

Впрочем, как это нахальство “игры в жмурки”, так и забавное бешенство перед разоблачениями достаточно показывают, насколько велик у сынов Иуды страх грядущего возмездия...

Между тем, у арийцев разочарование возникает лишь медленно. Требуется много условий, чтобы под гармонией лести и нежностью заигрываний арийское общество услышало скрежет ненависти, подметило свистопляску цинизма, стало анализировать жидовский смех и предательство.

Но, и независимо от нас, еврей хорошо понимает, что всё окружающее его великолепие не может остаться бесповоротным. Провидение указало ему предел и бодрствующий в своём покое, но страшный в долготерпении своём Промысел

Божий остановить его в роковую минуту...

Надо ни разу не наблюдать еврея, чтобы не заметить в глубине его души суровых, мрачных предзнаменований. За наглыми проблесками болтливого высокомерия следуют почти без перехода молчание и унижение. Надменные, дикие порывы владычества внезапно сменяются странным беспокойством... Можно сказать, это средневековые заклинатели, в самый разгар наслаждений ночного шабаша с ужасом взирающие на приближение дня.

Вот эта, например, голова, заносящаяся превыше облака ходячего, не держит ли себя так, как будто она никогда не лобызала праха земного?!...

Но пока что, а настоящий период истории принадлежит еврею. Труба свободы и победы властно звучит в его ушах. Горькие предсказания, которые несколько позже приведут его в трепет, теперь ещё мало дают о себе знать. У него есть время поработить землю, а, поспешив, он, быть может, успел наложить заклятие и на самую участь свою...

И вот, мы видим с какой адской быстротой на бирже, в прессе и политике еврейство срывает, хватает, обездоливает, стремясь разлить свою тиранию, как можно шире, глубже и неодолимее. Но деспот сам испытывает тот страх, который внушает другим, и наоборот, ужас подстрекает тиранию. Попав в этот заколдованный круг, деспот увлекается неудержимо к собственной погибели.

“La peur fait la terreur!...” — верно заметил Мишелэ, и в этом источнике иудейского деспотизма. Безумие евреев готовит им катастрофу, как воздаяние за хищнические издевательства над самоотверженным психозом арийцев...

3. Заключая, так сказать, лишь увертюру к проблеме о еврее биржевом, всё изложенное для уразумения последующего и ради правильности в оценке требует, сколько бы это ни казалось странным, хотя бы немногих данных ещё из области музыки. В самом деле, коренное противоречие между равно приписываемыми еврейству биржевыми и музыкальными дарованиями оказывалось бы непостижимым, если и те и другие могли существовать совместно. Наоборот, являясь, безусловно, чуждыми друг другу, эти сферы исключаются взаимно. Значит, раньше, чем обратиться к талантам сынов Иуды на бирже, где они действительно должны быть признаны монополистами, так как одинаково наделены коварством, чтобы подстеречь жертву, и жестокосердием, чтобы растерзать её, мы попытаемся выяснить, о какой собственно иудейской музыке идёт в данном случае речь? Не смешивают ли поклонники евреев божественный язык души с политиканствующей и вымученной техникой комбинирования звуков?...

На этом пути нельзя уже в исходном моменте не заметить, что если ум необходим для всего, то и ни для чего не может быть почитаем достаточным. Будучи непререкаемым вообще, это положение бесспорно даже на бирже, очевидно на сцене истории и в политике, но блистательнее всего раскрывается в музыке.

Действительно, чего же ожидать здесь от “избранного народа”, когда и собственную религию он превратил в своекорыстный схоластицизм талмуда, а жизнь человечества и, что всего поразительнее, его будущее представлялось себе не иначе, как с материалистической точки зрения?!...

Отсылая любознательных читателей к вдохновенному рассуждению о данном глубоком вопросе великого маэстро Рихарда Вагнера, мы считаем нелишним привести некоторые мысли и на основании других источников.

Потаённые, эгоистические, вероломные побуждения масонства и еврейства не способны обеспечить за ними какую-либо власть потому, что противоречат требованиям общежития, которое не может существовать ненавистью и бомбами. Являясь причиной деморализации и озверения, материализм влечёт за собой анархию, разложение и смерть.

Среди злоупотреблений разного рода спорами и всяческих нелепостей мании быстроты (велосипеды, автомобили, аэропланы и т.п.), крайности материализма увлекают людей в неврозы и сумасшествие. Благоприятствуя алкоголизму и свободе заражения сифилисом, отсутствие духовных интересов влечёт за собой физическое и духовное вырождение. Пропаганда свирепых и кровавых инстинктов; разрушение семьи; духовное и телесное переутомление в добывании средств к жизни под гнётом алчной обстановки, которая, иудаизируясь с каждым днём, становится всё безжалостнее; возрастание числа самоубийств и молодых преступников, — всё это является смертельным приговором оскотинивающему учению социализма.

Если, безумствуя в поисках лучшего будущего, человечество разбивает свои вековые идеалы, то, без сомнения, не для того, чтобы создать себе кумир из варварского деспотизма “безработных”, подстрекаемых, вдобавок, талмид-хохимами для обоснования собственной, беспросветной, но, увы, и безнадёжной тирании...

Независимо от сего, как анархисты в философии, адепты материализма дают теорию, которая не только отнимает у людей страх пред сверхъестественной оценкой их действий, но и стремится к уничтожению веры в закон, карающий обиды и злодеяния. Приписывая человеческие действия влиянию обстоятельств, а не личной воле, так называемый “детерминизм” имеет своим естественным результатом безнаказанность преступлений. И, что всего ужаснее, эта теория в кругу наших еврействующих интеллигентов делает поразительные успехи.

Но всякий, кто способен рассуждать даже среди масонов, начинает беспокоиться пред крайне опасными симптомами текущих событий и пугаться той будущности, которую готовят нынешние “учёные” прожектёры счастья человеческого.

Между тем, яко бы разумное, т.е. реальное, материалистическое учение ниспровергается самой наукой.

Открытие Виллиамом Круксом четвёртого — лучистого состояния материи, явления икс-лучей и радиоактивности вещества убеждает в том, что предполагавшаяся доселе неразрушимой, материя, напротив, исчезает от

наблюдения, хотя и медленно, но постоянно через рассеивание атомов, её составляющих. Продукты дематериализации атомов, образуют промежуточные по их свойствам субстанции, занимающие середину между весомыми телами и невесомым эфиром, стало быть, те промежутки двух миров, которые всегда считались не переходимо разъединёнными.

Признававшаяся до сих пор инертной, т.е. способной лишь восстанавливать ту энергию, какая была ей сообщена посторонней силой, материя оказывается, наоборот, колоссальным резервуаром собственной, междуатомной энергии, которую она и может расходовать, ничего не заимствуя извне. Именно из этой, проявляемой через рассеивание, междуатомной энергии проистекает большинство сил природы, например, электричество и солнечная теплота.

Вообще же говоря, новейшие открытия направляются, по-видимому, к доказательству того, что нам суждено быть свидетелями вселенная образована исключительно из энергии, и что лишь её проявлений...

Но, что всего изумительнее, указанная теория относится к глубокой древности, а до нынешнего дня она только не могла быть удостоверена научными опытами.

Таким образом, чем дальше человек идёт вперёд и разрабатывает среду, где и сам совершенствуются, тем с большею силой он раскрывает вокруг себя Непостижимое, т.е. Божественное... Лишь через сознание бесконечного, укрепляемое и расширяемое с каждым днём, откровение Божие достигает нашего сердца.

Истинная наука — пионер религиозного чувства.

Никогда человек не мог обходиться в своём младенчестве без ласк матери, а впоследствии — без забот отечества и твёрдых нравственных правил, т.е. без религии. Лишь озаряемый её светом, он может направлять свой путь среди непроглядных туманностей жизни.

Прогрессируя в знаниях, народы не только продолжали верить, а укрепляли и уясняли веру в своей смятенной душе.

История показывает, что сильные народы были верующими.

“На рубеже точных знаний, — с чарующим полётом мысли, рассуждает Александр Гумбольд, — *как с высоты гористого берега, наш взор любит обращаться к странам далёким и неведомым... Образы, воскресающие тогда перед ним, могут быть простыми видениями, но как и обманчивые картины, которые, по-видимому, гораздо раньше Колумба являлись взорам жителей Канарских или Азорских островов, точно также и эти видения могут повлечь за собой открытие нового мира...”.*

“Душой чист и любит море!” — вдохновенно говорил Лазарев о Нахимове.

“Больше всего старайтесь развивать в детях, — советовал Белинский, — *чувство бесконечного. Научите любить Бога, который является им и в ясной лазури, и в ослепительном блеске солнца, и в торжественном великолепии дня, и в грустном величии наступающей ночи, и в реве бури, и в раскате грома, и в цветах радуги, и в зелени цветов, во всём, что есть в природе живого, так безмолвно и столь красноречиво говорящего душе юной и свежей, и, наконец, во всяком движении их младенческого сердца”.*

“Ты был один в минуту рождения, ты будешь один в минуту смерти... Ты один должен отвечать перед неумолимым Судьёй!” — учит мудрость наших праотцов-индусов.

Но всё это не имеет общего с талмудизмом, масонством и социал-демократией, построенными единственно на животной стороне человека. О сынах Иуды и говорить нечего. Являясь “сообществом взаимного продвижения” (societe d'avancement mutuel), масонство ради своего материального преуспевания предписывает, наравне, впрочем, с иудаизмом: *“сокрушайте всякого, кого не успеете покорить!...”.* Совместно с евреями завладев социализмом, масоны пользуются этим страшным орудием, как средством невиданной деспотии именно к окостенению человечества, и, вероятно, к людоедству... Иудаизировав “свободных каменщиков”, еврейство привило им свою основную черту — отрицание бессмертия души. Таким образом, стал неизбежным тот страшный факт, что на Западе душа убывает...

— *“On dit que les Juifs sont devenus Francais, et moi, je dis, que ce sont les Francais qui sont devenus Juifs”,* — справедливо отметил арабский вождь Магомет эль Мохрани.

Можно ли при данных условиях удивляться тому, что Антон Рубинштейн не понимал русского гения Глинки?

А чему наставляет “социальных пролетариев” Мардохей (он же Карл) Маркс?... Чему, в частности, поучают наших революционеров разные иные евреи?...

Ведь сама по себе мягкая, чистая, славянская душа не способна проникнуться дьявольской злобой талмуда. В 1905 году вспоённые его отравой “иллюминаторы” принялись обучать нас, но ожидовить не могли. Никогда иудейская революция не имела корней в русском народе. Что бы ни рассказывал еврей, у русского своё на уме: *“моя правда голубиная, а твоя змеиная!...”.*

С особой, чрезвычайной яркостью это разоблачается в музыке. Стремясь обездолить всё окружающее, иудейство подменяет реальные ценности фальшивыми. Таков общий и повсеместный факт. Но, дабы не оставалось сомнений, мы не можем игнорировать ещё одной стороны, предшествовавшим почти не затронутой, хотя и далеко не маловажной. В самом деле, наряду с биржевыми талантами, разве не приписываются евреям и музыкальные дарования высшего порядка? Правда, межу биржей и музыкой нет ничего общего, если не считать, разумеется, что и для верной игры на бирже необходим тонкий слух. Однако, по закону контрастов многие в наше время готовы за “избранным” народом признавать и в музыке такую же гегемонию, какая за ним установилась на бирже. Взгляд этого сорта даже столь распространён, что

приходится, пожалуй, удивляться, как ещё до сих пор не возводят храмов для совместного поклонения Талмуду, Меркурию и Полигимнии...

Не разделяя восторгов означенной категории, мы в удостоверение противного и ради полноты картины раньше, чем перейти к ближайшему анализу биржевых гешефтов Израиля, полагаем уместным коснуться и жидовства в музыке.

Отметим прежде всего, что собственно иудейской музыки не существует, кроме той, которая сводится к особому роду кагальных произведений, исчерпываемых немецкой поговоркой: *Wenn die Christen m-teinander raufen, machen die Juden die Musik dazul...* [5]

Никакой иной музыки у сынов Иуды нет и быть не может.

Помимо всего изложенного, это явствует из следующего.

Души людей подобны факелам и зажигаются одна о другую. Благороднейшие порывы идут из сердца, а не от ума. Высокое и прекрасное увлекает человеческий дух не на биржевые спекуляции, а к героическим подвигам и беспримерным деяниям. “Когда, среди грома оружия, искусства молчать наравне с законами, красноречие не умолкает никогда и в стране воинов именно внимается с наибольшей жадностью!”[6] — говорит Тацит, а приказы Суворова и Наполеона являются ближайшей порукой. Но с не меньшим обаянием расцветает на полях битв и ораторское торжество музыки...

С другой стороны, на позор тому ожидовелому рабству, которое, по указу Мардохея Маркса и К”, должно составлять удел человечества, ещё недавно в Невштателе (Швейцария) появилось переводом с греческого знаменитое в древности рассуждение Лонгина “О высоком”, где ряд блестящих страниц посвящён обаянию музыкальных произведений. Вообще же говоря, чем ужаснее развивается пропаганда оскотинивания, тем неодолимее возрастает за свои права бессмертный дух человечества... Конец XVIII столетия был в Англии эпопеей величайших её ораторов: Борка, Фокса и Шеридана, золотым веком британского красноречия. Самый могучий из этих триумфатор, Эдмунд Борк, оставил нам священный трепет своего сердца в чудном рассуждении “О высоком и прекрасном”, где с удивительным мастерством начертал влияние музыки в истории. Изданное в XVIII, а затем трижды в XIX веках, произведение Борка переиздаётся снова и быстро расходится как раз в наши дни.

Таково могущество доблести и красоты.

Музыка не даёт новых фактов и познаний, быть может, не служит источником новых идей либо веяний, но из таинственных глубин нашего сердца она вызывает то бестелесное, идеальное, неземное, что залегло там неведомыми для нас путями, вероятно, через наследственность. Музыка и только музыка служить

[5] Когда христиане рвут волосы друг у друга, — евреи пишут к этому музыку...

[6] “Cum sileant, inter arma, artes non minus quam leges, eloquentia nunquam silet, et in medio armorum strepitu auditur!...”

спутником и выразителем мечтаний, чаяний и молений исстрадавшегося сердца. Ей одной без слов и доказательств вверено красноречие утешения, ей свыше дана тайна духовного врачевания. Музыка — не сон, но, убаюкивающая слушателей, она зовёт их на путь великого и божественного, раскрывает чарующую область вне мира сего.

Вдохновение, истинная музыка — пение души, которые небесными звуками вливается в другие души, завоёвывает и просвещает их.

Музыка не заменима и потому, что власть её начинается, главным образом, там, где роль слова заканчивается. Требуя внешнего импульса для-своего проявления и ароматом музыки призываясь, непроизвольная, но и беззаветная, свободная, беспредельная жизнь духа воскресает из трогательных музыкальных впечатлений.

Облагораживающее, чудодейственное, хотя и непостижимое влияние музыки не подчиняется технике и формальным указаниям. Тайна обаяния над окружающими, дар чаровать сердца заключаются не в книгах или словах, а в мистицизме гармонии. Даже сама игра может быть мастерской, но бессильной, ибо не в этом суть, так как механическое пианино либо паровой оркестрион способны в техническом отношении превзойти любого Рубинштейна. Помимо виртуозности, душа должна слышать, как звуки не просто льются из под пальцев, а ими поёт человеческое сердце, которому доступны радость и отчаяние, скорбь и упование...

В области религии и нравственности ведёт всё, что возвышает наш дух, а этим откровением, прежде всего, обладает музыка.

Зайдите хотя бы на Рейне в древний готический собор с его чудесными сводами и уходящими в небеса мечтательными башнями — свидетелями минувших веков, благодатных радостей, умиротворяющей, кроткой, светоносной веры. Так как это — страна глубоко религиозная и люди бывают у церковных служб ежедневно, исполняя молитвы сообща, то в праздники под торжественные аккорды могучего органа стройность и сила гармонии, в которой сливаются тысячи голосов, невольно трогает сердце, создаёт трепет в душе, производит неотразимое просветление.

Чуждый этому миру, неведомо откуда явившийся иностранец ни слова не понимает в тексте хорала, даже не успел осмотреться, а идеальное, святое умиление уже повеяло на него, охватило чувства и помыслы и вызвало слезы счастья на глазах. В эти мгновения перед его духовными очами раскрывается, что Бог, объяснённый людьми, бесконечно непостижимее Бога, никем не объяснённого, что музыка — истинная молитва смятенной души, а религия — стремление нашего конечного духа к Духу Бесконечному...

Велением Божиим вменяется человеку в обязанность почитание отца и матери, следовательно, любовь к родине, т.е. и её защита не за страх, а за совесть.

Для всего живого родина священна, и сама французская революция олицетворилась в Марсельезе. Но если при звуках этого гимна мести и страдания

сердце разгорается злобой, то гениальным произведениям Глинки или Шопена дарована неизмеримо большая власть — обаяние кротости и милосердия. Возьмите всё, что хотите, но оставьте Глинку и Шопена, и никакие испытания судьбы не отнимут у русских и поляков любви к отечеству, потому что эта музыка — сокровищница их души...

Что же общего между всем, сейчас изложенным, и тем мертвенным космополитизмом, который представляет собой ключ к еврейской "музыке"? Что в божественный мир гармонии способна внести действующая по контракту со своим Иеговой "ame sordide de juif" — гнусная душа еврея, как аттестовал её Виктор Гюго?...

На эти вопросы даёт прежде всего ответ рассуждение гениального композитора и гордого своей родиной германца Рихарда Вагнера, "Жидовство в музыке" (Das Judenthum in der Musik). Пришлось бы выписывать целые страницы, чтобы в собственном виде передать идеи Вагнера о "жидовстве" этого рода. Посему читатель благоволит сам обратиться к подлиннику.

Мы укажем лишь, что, впрочем, и само собой подразумевается, на бесчестность иудаизма даже в музыке. И эту, столь, казалось бы, чуждую политическим страстях, область сыны Иуды пытаются эксплуатировать не только для собственного прославления, но и для посрамления гоев.

Не понапрасну в своём "Роберте Дьяволе" заставляет иудей Мейербер танцевать монахинь, а в "Гугенотах" натравливает католиков на протестантов. Под еврейскую музыку христиане здесь режут друг другу горло...

С ядовитым лукавством осмеивая в театральных процессиях и аксессуарах обряды католической религии, оперы Мейербера, а особенно "Гугеноты", снова пробудили и значительно усилили среди полуобразованных масс презрение и ненависть к христианству на радость Израилю.

Ещё еврей Галеви своей "Жидовкой" преследовал ту же тенденцию — внушить Европе отвращение к христианству и любовь к евреям. Как омерзителен у него кардинал и как прелестна еврейка!... Другая опера Галеви, "Агасфер", имеет ту же цель — представить христианина скверным, а еврея увлекательным.

И что всего хуже, эти замашки характеризовали сынов Иуды далеко не только в наши дни. Отнюдь не являясь отражением современного рационализма, так как нелепостям и бесстыдству талмуда евреи и сейчас поклоняются по-прежнему, они проистекают из совершенно другого источника.

Мало того, что сыны Иуды отвергли христианство, они для искоренения его предпринимали всё, что могли. Действовали же они так именно потому, что не признавая человеческого достоинства ни в ком, кроме самого себя, и будучи решительно чуждым религии самопожертвования, возвещённой Иисусом Христом, "избранный" народ не видел в ней ничего, кроме отрицания присвоенной им себе монополии на эксплуатацию мира.

Талмуд преисполнен лютой ненависти к Божественному Основателю христианства. Дабы не сомневаться в этом, достаточно, помимо других источников, обратиться к труду столь авторитетного учреждения при берлинском университете, как Institutum Judaicum, — "Jesus Christus in Talmud".

История страданий христиан на арене древних цирков, как и жестокие на них гонения при Нероне и Диоклетиане, происходили главным образом по подстрекательству евреев. С другой стороны, лишь иудейское зверство могло дойти до "светочей Нерона", с которым у сынов Израиля была весьма подозрительная близость...

В Средние века талмудическая злоба отразилась снова в целом ряде отравленных неистовой скверной книг, каковы: "Ницзахон" ("Победа" — произведение трёх раввинов: Шмерки Маттатии, Липма-на из Мюльгаузена и Иосифа Кимхи); "Хизук Эмуна" ("Укрепление веры") раввина Сруля-Исаака из Трок, в глухой Литве; "Маазе Фалуи ("История повешенного"), равно как "Фоледоф Иешу" ("Происхождение Иисуса") и т.п.

То же самое продолжается, хотя и в разных иных формах, по сей день. Не оскорбляя читателей воспоминаниями о злодеяниях еврейства на этом пути, укажем хотя бы на подвиг перед Израилем газеты "Речь", высмеивающей православных епископов, и посоветуем твёрдо памятовать о бешенстве, с которым ожидовлённая пресса стремилась погубить многострадального Иллиодора, этого нового Петра Пустынника, внезапно явившегося бичевать позор нашего отчаянного времени.

Что же касается еврейской музыки в буквальном смысле слова, то Мейербер и Галеви продолжают служить посрамлению христианства, в свою очередь, невозбранно доныне.

А, между тем, пронизывая гнусными оскорблениями самых скромных и малых людей, сколько эта жидовская музыка принесла "славы" и денег целым шайкам опаснейших еврейских плутов — биржевых удавов и акул, с невероятной быстротой поставляемых сынами Иуды всё вновь и вновь?!

Изложенного, казалось бы, достаточно хотя бы и для "музыки" кагала. Но еврейство отличается законченностью в универсализме. На смену энциклопедистам XVIII века пришли их наследники, евреи-энциклопедисты. Иудаизм же не покидает ни жертвы, ни темы, пока не выжмет всего, что они могут дать.

За пределами религии стоит "музыка" в политике, и художество исполнения было направлено "угнетённым" племенем сюда.

Вместе с Оффенбахом другой Галеви дал "Прекрасную Елену", "Орфея в аду", а затем и "Герцогиню Герольдштейнскую". Политическая сатира достигла своей кульминации. Над богами и царями Эллады захохотали оба полушария. Отрава этого рода была много ядовитее "Капитала" и даже пресловутой "Интерналки" Маркса. В сопровождении зазвонистой, эротической музыки политическая оперетка кагала задавалась целью в корне подорвать у арийцев религию и монархию, презрительно вышучивал их обеих. Воистину непостижима

близорукость, с которой, измываясь над собственным достоинством и участью своих детей, сами же коронованные владетели отплясывали под эту сатанинскую музыку...

Среди подобной трагикомедии непорочным агнцем является Мейербер со своими "танцами монахинь" по сравнению с замыслами и результатами жидовских опереток Оффенбаха-Галеви.

И если для своего грозного аккомпанемента "Марсельеза" не требует ничего, кроме барабана, то кагальная потеха над Зевсом и Менелаем не могла, без сомнения, повлечь к какому-либо иному аккомпанементу "освободительного" движения, чем профессорские "иллюминации" и браунинги, бундистские газеты и бомбы...

Мудрено ли, что в "триумфе социальной революции" эту именно музыку оркестровали сыны Иуды как новый гимн "свободе", увы, наивными, чтобы не сказать более, арийцами вполне заслуженными?!

4. Установив, таким образом, в некоторых чертах издевательство евреев над иноплеменниками даже в сферах религии и музыки, мыслимо ли ожидать чего-либо иного там, где израильтяне рассматривают себя уже как непререкаемые хозяева, т.е. в области имущества гоев?

Ответ не может, конечно, представлять сомнений. В удостоверение этого надлежит обратиться хотя бы к самим евреям.

Вот что свидетельствует Мардохей Маркс: *"Напрасно старались бы мы отыскать ключ к лабиринту природы еврея в его религии. Следует, наоборот, искать решения загадок его религии в тайниках его природы. Что является первоосновой иудаизма? Практические вожделения, корыстолюбие. К чему сводится культ евреев? К барышничеству. Кто их действительный бог? Деньги"*.

Другой, немало вопиявший против антисемитизма еврей Бернал Лазар; однако же, сам повествует: *"Когда жид является банкиром, он для всего злого располагает могущественной организацией и особого рода трущобными дарованиями. Он заносчив и жаден, нагл и фальшив. Свои плутни он развивает неизменно по одной и той же схеме — от ловкого, а подчас и банального мошенничества, до отчаянно-дерзкой, но "ненаказуемой" кражи. Вместе с этим, он неусыпно размышляет о тончайших махинациях и коварных манёврах. Вы его найдёте повсюду, так как отовсюду же. он черпает золото: вблизи правительств, совершающих займы; в "дружбе" с наивными изобретателями, которые только и умеют что творить; во главе бесчисленных, им же эксплуатируемых обществ, которые он учреждает либо "поддерживает" всем лукавством своей предательской болтовни. Но если бы случилось несчастье, он, разумеется, будет вне опасности. Да и к чему годилось бы богатство, если бы оно не могло предохранить даже от "неприятных случайностей"? А дабы официальная справедливость могла шествовать с полным торжеством, есть малые и слабые, те, кто питается крохами, кого до времени прикармливают, а затем кидают на произвол судьбы, и кто спасает своими боками"*.

Таковы отзывы еврейские.

Недаром, стало быть, в самом талмуде значится: *"для того и существуют большие воры, чтобы вешать маленьких!..."*

Кто раскроет чудеса биржевых уток, фокусы игры на повышение и понижение, тайны операций выпуска "дивидендных" бумаг или же по захвату ценностей в одни руки?!... Лихорадочная подвижность, неожиданность выходок, ухищрения в сфере лжи и путём шатания из стороны в сторону, страсть к немедленным результатам, будто дело всей жизни сводится к тому, чтобы ограбить и сейчас же бежать[7], всё это так и сыплется из замыслов кагала, как из рога изобилия. Ненависть и корысть, маниакальное шарлатанство, необузданность самомнения, стремление провести и одурачить, — таковы инстинкты и "забавы", которые наблюдаются здесь, на сцене и за кулисами, действуя с невероятным напряжением и с тем могуществом, которое накоплялось веками...

Какова внезапность в изобретении обманов? Как бесподобно лукавство в расстановке сетей? И каково умение притворяться, скрывая когти под чарующей мягкостью компромиссов и обольстительной нежностью дружбы?!...

Эволюция плутовства следует у евреев по определённым законам. Она слагается из тысячи стратегий, которые, будучи применяемы к обстоятельствам, сочетаются взаимно и в своём разнообразии координируются по началам биржевого генерала-баса. У эволюции этого рода есть собственные слова, специальные восклицания и нарочитые особенности, до такой степени неизменные, что, подметив их однажды, уже незачем останавливаться вновь.

Рядом с этим, надменно выставлять своё могущество на показ — основная повадка евреев во все времена. Обращаясь к этой стороне проблемы, необходимо прежде всего отвергнуть два весьма распространённых заблуждения. Говорят нередко, во-первых, что евреи приобретают шаббесгоев только за деньги либо за иные выгоды и, во-вторых, что на пути своих кочевьев "избранный народ" угнетает коренное население собственными капиталами.

И то и другое неверно по крайней мере, в значительной степени. Предписывая не одно лишь обездоление гоев, а и превращение их в шутов Израиля, цинизм талмуда, с другой стороны, требует, чтобы сынам Иуды это ничего не стоило, а вместе с тем указывает, что среди благоприятных условий способен действовать всякий. Выйти же победителем из обстоятельств враждебных, даже, по-видимому, безысходных, может только еврей. Если, далее, по талмуду имущество гоя принадлежит первому еврею, который его захватит, и если, вообще говоря, мир есть собственность "избранного народа", как, впрочем, и сама жизнь гоев, то

[7] Впрочем, как известно, у евреев существует именно особый грабёж большой скорости, "магер-шелал-хаш-баз" ("спешит грабёж, ускоряет добыча", — см. Исайи, VIII, 1)

было бы возмутительным противоречием и нелепым до крайности унижением для сынов Иуды, когда они вздумали бы подкупать гоев за свой, а не за их же счёт.

Отсюда следует, что уже ради величия своего имени евреи обязаны изыскивать другие приёмы. И мы видим, что если, например, уже осенью 1905 года в Москве убийство городового расценивалось кагалом не свыше трёх рублей, да и то лишь по невежеству "сознательных пролетариев", которые оскорбляли дело свободы домогательством мзды, то истинные подвижники во славу Израиля растерзывали его супостатов бомбами "во имя идеи", т.е. уже совсем безвозмездно. Правда, кагальная пресса трубила им хоралы, возводила на пьедестал героев, чуть не обожествляла их, но она имела, понятно, не это целью, а лишь во славу премудрого талмуда подготовляла таким путём новых и даровых шаббесгоев на ту же самую дорогу.

Стремясь к дальнейшему развитию, это явление само собой переходило в эпидемию стадного психоза. С точки же зрения большинства "русской интеллигенции", сыны Иуды оказывались ещё страстотерпцами, равноправие которых представляется эмблемой великого будущего России, и сверх того — недосягаемыми талантами, которым довлеют всякие честь и поклонение. Искореняя всё противное кагалу, а в частности, уничтожая появление разумных книг и сколько-нибудь терпимой литературы, монополия кагальной прессы достигла, таким образом, апогея в издевательстве над русским народом среди роковых, даже беспримерных испытаний, ему ниспосланных на Дальнем Востоке...

Если конкуренция — война, то монополия — избиение пленных. А так как наряду с этим основной принцип евреев — "ни стыда, ни жалости!...", то ход событий не замедлил превратиться в такую тиранию, одним из результатов которой должна была явиться популярность "избранного народа" и в рабочих массах. Популярность сия тем более очевидна, что непререкаема. Посягать на неё, значит обрекать себя же самого на погибель нравственную, экономическую, а если мало, то и физическую. Дерзновение этого рода бессмысленно уже в виду того, что нигде не найдёт убежища. Ему суждено даже оставаться неведомым и в отчаянии бессилия проклинать лишь собственное неразумие.

А еврейство среди подобных обстоятельств имеет право торжествовать уже потому, что столь блистательный гешефт ему ничего не стоит. Этого мало. Покрывая расходы, например, по изданию еврейских и жидовствующих газет, осмеиваемые и обездоливаемые ими же гои спешат паки обогатить кагал, равно как его ставленников, безграничными доходами с объявлений и необъятным расширением иудейских замыслов вообще, рассчитанных именно на ослепление и порабощение гоев через эту же кагальную либо шаббесгойскую прессу...

С другой стороны, мероприятия евреев сводят государственную и международную политику арийских народов, во-первых, к рублю, а во-вторых, к монопольному, за их же счёт, новому обогащению Израиля другими путями.

5. Не одна, конечно, пресса служит этому, а и капиталы, но опять таки нееврейские. Анонимные общества, а в особенности Банки, питаются деньгами и кредитом, равным образом самих же гоев...

Если, далее, торговые и промышленные стачки всякого рода параллельно с размежеванием их внутри кагала, представляют одну из главенствующих тем в талмуде, как синтез эксплуатации иноплеменников, то захват сынами Иуды кредита проистекает отсюда логически, как верховный синтез. "Художественность" исполнения состоит в том, что пресловутый "nervus rerum gerendarum" добывается еврейством через подчинение ему государственного кредита страны, т.е. ещё раз за её счёт с ничтожной либо даже нулевой затратой кагальных средств.

Потребление без производства, иначе говоря, проживание на чужой счёт, есть паразитизм. Будучи же возведённым в систему и осуществляясь путём присвоения кагалом самих знаков обмена гоями своих богатств, он обращается в иудаизм.

Между сложными причинами, которыми обусловливается переживаемый Европой кризис, есть одна главнейшая, новоизобретённая, явная. Она заключается в том, что течение капиталов, предназначенное для питания всего социального организма, отводится по грязным каналам талмуда в пользу немногих вампиров — израильтян. Живительный сок, необходимый для жизни ветвей, отпрысков и листьев, высасывается прямо из ствола дерева чужеядными паразитами. Несомненно, что положение этого рода в разных странах может представлять своеобразные ступени развития. Там твёрдое и прозорливое правительство, здесь энергичная аристократия, ещё дальше — строгая привычка к порядку и коммерческий дух народа встречают натиск еврейства спасительным сопротивлением, или, по крайней мере, ограничивают его сносными пределами. Наоборот, к сожалению, в других государствах недостатки национального характера и колебания в политике, смуты и революции, химерические предприятия и растление в идеях, непригодность общественных деятелей и безнравственность партий комбинируются разом, дабы ускорить и распространить иудейское нашествие.

Прав был Берне, когда сказал, что *"всякая страна имеет таких жидов, каких заслуживает..."*

Действительно, среди союзников еврейского господства, основанного на тайных обществах, типом которого является собственная организация кагала, как не назвать золота?... Не его ли упрекало язычество в одичании и разврате нравов, а христианство проклинало за расслабление духа и очерствление сердца? Не золото ли искуситель всякой совести. В самом же безмолвии своём не оно ли красноречивейший из ораторов? Не оно ли безграничный владыка человеческих стад?...

Простой, по-видимому, металл, и, тем не менее, всё, что может быть куплено, продаётся либо отдаётся ему.

“Продажный город, как ещё не нашлось желающего купить тебя!...”, — с бешенством, воскликнул гордый Югурта, переступая заставу города Рима, — этой надменной республики, где, привыкнув к грабежу провинций, сенаторы и полководцы столь часто унижались перед золотом, которое протягивал им грозный враг Рима, тот же Югурта.

В наши дни покупатель есть на всё и притом повсюду. Верховный хозяин и повелитель золота, никогда не испытавший его тирании на себе самом, еврей, является обладателем и несокрушимой земной власти.

Золото — важнейший рычаг еврейского могущества.

Иудейские Банки возвышаются в этом мире, как гордыня цитадели, а сильные еврейские банкиры являются настоящими властелинами. И странное дело! Чем выше поднимаемся мы по социальной лестнице, тем это верховенство оказывается более могучим и тягостным. Человек простой, трудолюбивый рабочий видит проносящуюся мимо карету иудейского банкира, не ослепляясь: он даже отворачивается с невольным презрением. Наоборот, человек среднего сословия, разжившийся кулак, замотавшийся фабрикант или купец взирают на эту карету жадными глазами. Прогорающий аристократ ещё более откровенен и с изысканной любезностью кланяется своему кредитору, ставшему его “приятелем”. Наконец, какой-нибудь владелец собственности раскланивается с “великим” банкиром уже как равный с равным. Действительно, банкир поклонился ещё как раб, но это не помешало владетельной особе, обернувшись к своему адъютанту, с печальной иронией заметить: “Вот наши господа!...”.

Могущество золота имеет сходство с владычеством ума в том отношении, что наравне с ним мечтает о всемирном господстве и парит выше отдельных национальностей. Всё должно быть подчинено ему, а оно ни от кого не должно зависеть. Все сферы жизни, а в особенности, её болезненные уклонения, равно как и всякий вообще беспорядок, подлежат его эксплуатации, должны быть данниками усовершенствованного им ростовщичества.

Вообще говоря, двигатель мира и войны, любой службы государственной или общественной, всякого предприятия либо замысла, всяческой власти либо наслаждения, — главная сила в мире, где религиозность угасает, а нравственность осмеивается, конечно, — золото. Ничто иное, увы, не заменяет его, и заменить не может. Золотом коварно заказывается и пускается в ход идея; золото же куёт и оплачивает железо, меч или механизм, предназначенные осуществить её. Царствуя, как повелитель и выражаясь, как тиран, золото повергает к ногам того, кем оно раздаётся, королей и знать, министров и поданных, философов и женщин, старцев и юношей, искусства и науки, законы и понятия, нравы и склонности...

Каждый истекший день придаёт сказанному всё более зловещий блеск, в конечном же выводе убеждает, что золото — это еврей.

Режим иудейских финансистов, если не уничтожает вполне возвышенных стремлений человечества, то сверху до низу потрясает их. На горизонте восходят новые светила, пред которыми бледнеют идеи нравственности. Иные становятся более или менее туманными, а некоторые и совсем невидимыми. Вместо них безумие подражания евреям овладевает умами и производит легко объяснимое понижение общественного уровня.

Раз деньги явились главным центром тяготения и обратились в верховную цель бытия, это роковым образом проникает до отдалённейших глубин социального организма. В такой среде наклонности и призвания размениваются на мелочь, государственный человек становится похожим на биржевого дельца, наука живёт рекламой, искусство впадает в продажность, либеральная професии вырождаются в эксплуатацию сомнительной честности и с весёлым цинизмом отвергаются старые традиции, а люди, которых они поставляют на общественное поприще, ведут себя, как интриганы, стремящиеся только к наживе.

Если сыны Иуды были царями финансистов во все времена, то никогда в том же размере, как ныне финансы не являлись основанием войны и мира, душой политики и промышленности, равно как всех вообще человеческих отношений; счастьем и покровом семьи; обстановкой всякого положения, отличия или достоинства, всевозможных связей и почестей; увенчиванием любой славы и родовитости. Сверх того, отнюдь никогда раньше это владычество, домашним очагом и цитаделью которого служит железная касса еврея, не сосредотачивалось в кагале столь вероломно, как в наши дни.

По объёму настоящего исследования трудно, к сожалению, войти в подробности проблемы. Предстоит ограничиться тем, что неизбежно для раскрытия беспредельности и глубины деспотизма, которым еврей обязан своему металлу, равно как неподражаемому искусству вызывать его просачивание к себе и, наконец, природному инстинкту, таланту, если хотите, гению, с которым еврейство превозносит оказываемый им кредит над всяким иным величием и уравновешивает так, что поколебать либо низвергнуть этот кредит — значило бы перевернуть мир вверх дном.

Не упало ли современное общество до такого цинизма, что допустило биржу сделаться безапелляционным судьёй народных движений и правительственных мер?!...

Да, — золото владеет миром, а еврей — золотом!...

Если вообще согласен с истиной афоризм *habes habeberis,* то еврейство как хищническая и неумолимо организованная орда подтверждает его ежедневно. Вовне оно, как губка впитывает золото из сферы, где вращается; внутри себя оно становится всё крепче и внушительнее, потому что ничего почти не расходует за своими пределами.

Еврей больной идёт к врачу-еврею; участвуя в судебном процессе, еврей обращается к адвокату-еврею же; еврей-грамотей подписывается на еврейскую газету, подчас и на жаргоне; еврей-покупатель старается иметь дело с продавцом-евреем; еврей-директор консерватории наполняет её, а затем и оперную сцену евреями; еврей-врач окружает себя еврейскими же ассистентами; еврей-

профессор подтасовывает шаббесгоев и заполняет университетские кафедры опять-таки евреями и т.д... А мы, христиане, не хотим ни понимать этого, ни оценивать по достоинству. Мы даже поклоняемся евреям и несём к ним сбережения, сделанные для наших детей. Но ведь у немцев существует даже поговорка: *“wer sein Geld zumjuden tragt, sich mit eignen Fausten schlagt!...”* [8]

Между тем, всякий, кто хочет видеть, может легко убедиться, с какой быстротой разрастаются иудейские капиталы, как нагло сосредоточиваются они в больших компаниях, неуклонно захватывающих все отрасли народного хозяйства, тираннизирующих и деморализующих всё вокруг. Сами же “акционеры” — евреи, *“как врачи граяхуть, трупии себе деляче”!...*

Всемирный кагал уже достиг такого положения, что может командировать своих членов в состав того или иного правительства. Он это и делает.

Но, и независимо от сего, проникновение еврейских финансистов в правительство навострилось происходить более точным и ближайшим путём. Рядом с фабрикацией общественного мнения сыны Иуды подделывают как народных представителей порознь, так и целые партии “негодной свободы” либо “народной невзгоды”. Для таких манекенов кагала управлять через евреев и для евреев — основной пункт программы. По взятии же власти эти шаббесгои передают еврейству всё — от финансов до дипломатии страны...

Действительно, представим себе, что ad hoc сфабрикованные Haute Banqu лицо или партия вступили во власть. Поддерживавшие их деньгами банкиры, очевидно, не могут удовлетворяться воздействием на политику издали. В той либо другой форме, а потребуют они раздела власти и непосредственного участия в управлении страной. Тогда наступает захват высших должностей креатурами биржи, а затем и иудаизация министерских постов. Банкиры, в свою очередь, станут толкать их во всякие антрепризы, подмалёванные блистательными красками, но неизменно являющиеся ареной для спекуляций и всегда разорительные для государства. Чрезвычайное развитие государственных сооружений тому характерный пример. Ближайшим же и, кажется, не дурным образцом, в связи с нашим бланком на китайском векселе в 100 миллионов рублей для уплаты контрибуции, на которую Япония изготовила затем флот, устроивший нам же Цусиму, является занятие нами Порт-Артура, вызвавшее сооружение отнятой вскоре японцами маньчжурской железной дороги на сотни миллионов рублей, заимствованные Россией у Франции под учёт дружественного распевания нами Марсельезы... Новые и новые займы, необыкновенное размножение акционерных обществ, усердное возделывание взяточничества через изобильные выпуски “промессов” параллельно с целыми тучами экономической саранчи — акций и облигаций, невероятные субсидии и повсеместная кутерьма хищений, увы, чего только с еврейской ловкостью нельзя извлечь из строительного умопомрачения под иерихонские трубы либеральной прессы, овладев наивным или восторженным народом. А уж если кто способен содрать с одного вола две шкуры, то, без сомнения, дети “избранного” народа, банкиры же его — в особенности. Между тем, пока безрассудные, скажем, “маньчжурские” строительные мероприятия доведут государственные финансы до истощения, Израиль где-нибудь в другом месте успеет, конечно, своих тощих коров заменить тучными...

6. Нарисовать полную картину банкирских махинаций кагала мог бы разве энциклопедический ум. Как Афины и Рим, так и Иерусалим — город единственный во вселенной. Подобно тому, как афинские мудрецы положили основание философскому умозрению, а римские армии развернули все доблести и осуществили чудеса войны, так и завоеватель — Иерусалим воздвиг искусство обогащения на недосягаемую высоту. У него есть свои гениальные люди и смиренные рядовые, неудержимые храбрецы и благоразумные кунктаторы; он умеет вести одну и ту же линию на протяжении веков и в несколько месяцев совершить дело целого столетия. Как и Рим, он владеет собственными правилами тактики и руководящими началами стратегии, особой дисциплиной и нарочитым героизмом. В нём даже больше гордыни, чем в Риме, так что он и сам отнюдь не прочь бросить вызов. Лишь в тот роковой день, когда оскорблённый Рим наносит ему coup de grace и повергает ниц, Иерусалим познаёт, наконец, кто истинный владыка мира!...

На пути эволюции и завоеваний Израиля, его банкиры играют роль главнокомандующих армиям. Деятельность их мозга, знание территории, талант маневрирования, чутьё великих случайностей, спокойная, господствующая над бурями воля и такая выдержка, которая привлекает победу, всё в них, вплоть до высокомерия победоносного генерала, оправдывает такое наименование.

История европейских бирж распадается на два периода: первый, юношеский, открывший “забаву” игры ценами товаров на срок идёт с XVI до начала XIX века; второй, зрелый, изобретя новую игру бумагами, жонглирует, фикциями, торгует мнимыми ценностями, но прежде всего потешается устройством государственных займов и государственных же банкротств, о чём минувшие века и понятия не имели.

Как раньше предсказывали страшный суд, так евреи пророчат теперь какой-нибудь великий крах, универсальное, мировое банкротство с достоверной, однако, надеждой, что им самим испытать его не придётся.

Здесь, впрочем, ещё раз замечается параллель между надменным Альбионом и Всемирным кагалом. Оба они — кредиторы вселенной, а уж никак не её должники. Тем не менее, если англичанин способен чему-нибудь удивляться, то в особенности тому, что шотландец ещё лукавее его самого! И мы знаем, что холодная Шотландия — родина пуритан, таинственная же и неразрывная связь между пуританством и капитализмом — явление бесспорное как в Великобритании, так и в Швейцарии (где им соответствуют последователи Кальвина — и Цвигли), так главным образом в Северной Америке. Отсюда

[8] Кто несёт свои деньги еврею, тот себя же колотит собственными кулаками.

естественно, что если на земном шаре существует страна, где “угнетённое племя” до жалости беспомощно, то ею должна быть, по-видимому, признана именно Шотландия. *“Jts hard for a Jew to take the breeks off a Highlander!”*[9], — говорят сами англичане о её коренном населении, что вполне справедливо не только по свойству его костюма, а и по национальному характеру.

Иное, конечно, замечается в тех странах, где от их имени выдаются даже “гусарские” векселя...

Положение задолженного евреям государства очень просто, хотя и весьма унизительно. Имея внутри себя кагального повелителя, оно вынуждено остерегаться не угодить ему. Положим, биржевой владыка обыкновенно пользуется своей властью с предусмотрительностью и “действует” лишь, когда этого требуют “его выгоды”, но он всегда начеку и зорко следит за любыми совещаниями министров, точно он сам там присутствует либо соединён телефоном. Но что он знает особенно хорошо, так это то, что на таких совещаниях о нём говорят не иначе, как с почтительным страхом. Да и в самом деле, если ещё возможно гордиться званием всемирного кредитора, то нет уж ровно ничего завидного в звании всемирного должника.

С другой стороны, указанный повелитель отнюдь не желает замежевать себя в стенах биржи.

Забавная вещь! Вопреки узко торгашеским своим инстинктам, еврей охотно допускает в себе необыкновенные таланты и для политической карьеры. Между тем дух толкучки кладёт неизгладимую печать на иудейскую политику. Не только на сцене, а и за самыми её кулисами гешефты всякого рода неизменно присутствуют и размножаются, или, лучше сказать, этот дух никогда не бывает более деятельным, чем в тот презренный момент, когда, расширяя поле своих операций, политика позволяет ему проникнуть в самое сердце государственной жизни. Тогда, будучи властителем правительственных тайн уже ни мало не опасаясь боязливой юстиции, еврейство может спекулировать с безграничной свободой.

Обетованная земля в его руках, остаётся лишь собирать жатву!

А чтобы не ходить далеко за примерами, заметим, что ещё несколько десятков лет назад, в одном из австрийских юмористических кагальных листков наряду с другими ядовитыми афоризмами был дан и такой: *“если бы и существовали общества страхования государств, то и тогда, разумеется, ни одно из них не согласилось бы принять жизнь Австрии на страх”...*

Вдумываясь же во всё изложенное мы не можем отрешиться и от следующих указаний.

Из зловещих талантов иудейского банкира нет ни одного, за которым государственные люди должны бы так смотреть в оба, как за искусством развращения. Там, где есть какой-нибудь его зародыш, как бы он ни был сокровенен, еврей сумеет откопать его и дать расцвесть. Повсюду, где растление нравов стало хроническим, там под усердным жидовским воздействием оно принимает чрезвычайные размеры. Брожение, которое при этом совершается в известных странах, нельзя ни с чем сравнить лучше, как с пышным развитием скромной былинки под влиянием жаркого и влажного климата.

А вдруг узнают?... Но и в этом направлении еврейский банкир располагает страшным оружием — молчанием. Непроницаемость тьмы, которой должно быть прикрыто дело подлога, “девичья” скромность, делающая его невидимым, художество сноровки для уничтожения малейших следов, — таков священный залог, предлагаемый евреем, и небезызвестно, что он останется верен своему обещанию. Да, это коварнейшее существо умеет не изменять другому, чтобы не выдавать и самого себя. Политический разврат, нужно сознаться, отличается высоким достоинство в том смысле, что умеет молчать. Как только преступление совершилось, он, как змея скрывается в глубокую нору, откуда его невозможно достать.

Сказанного мало. Дабы вернее застраховать от нападений и себя, и шаббесгоев, кагал переходит в атаку. Изощряясь в травле непокорных, он с невероятным бесстыдством навязывает им именно те гнусности, в которых сам же повинен. Шантажируя и глумясь, он в своей лжи бывает тем реальнее, чем с большей подлостью успел применить собственные таланты на практике.

Правда, шаббесгоям от этого не легче. Договор с еврейством напоминает сделку о продаже души дьяволу, его нельзя нарушить.

А если какой-нибудь еврейский “трибун” вдруг засверкает более или менее осязательной честностью, пусть этим никто не обманывается: его соплеменники тем блистательнее спекулируют вокруг него, а состояние мозговой зависимости от них вменяет ему в обязанность отдавать всё своё влияние на службу их интересам[10].

Кто, например, не знает, что сыны Иуды, даже не ведущие никакой торговли, приходят, однако, в “священное” негодование перед любыми таможенными пошлинами, как учреждением омерзительным для иудейского космополитизма и преследуемым со стороны кагала вечной ненавистью?!..

Что касается гражданской ответственности иудейских банкиров, то их иммунитет обеспечен здесь в той же мере, как и в области суда уголовного. Действительно, отдавать назад вещь отвратительная для еврея, и тот, кто его принуждает к этому, — последнее из чудовищ! Вот почему он грызётся с

---

[9] “Трудненько жиду снять штаны с шотландца!...”

[10] Отметим филиппики еврея Ласкера в германском рейхстаге против злоупотреблений железнодорожным учредительством и наряду с этим укажем, что как раз в то же время, да ещё именно на колоссальных плутнях “учредительствах” всякого рода, германское еврейство переживало золотой век благодати, только что перед тем излившейся ему на потеху в виде 5.000.000.000 фр. французской контрибуции.

осатанелым упорством. Тогда разражаются целые потоки брани, ураганы оскорблений, язвы клеветы, идут открытые подстрекательства на самые крайние меры и на государственные злодеяния[11]. Подобно вулкану в период извержения еврейская пресса изрыгает огонь и серу, отплёвывает грязь, камни и пепел. Иной раз невольно вообразишь себя на шабаше ехидн, одержимых всеми ужасами демонического помешательства...

Где уж при таких условиях пострадавшим думать о вознаграждении за убытки! Им подстать разве скрыться, куда глаза глядят от диких проклятий, которыми “угнетённое” еврейство преследует своих жертв.

Закидывая “счастливую тоню”, еврейский банкир приспособляет и свои гешефтмахерские ресурсы, и биржевую оркестрировку. Весьма нередко задача сводится не к действительному осуществлению предприятия сплошь и рядом заведомо дутого, а лишь к увлекательному замыслу, рассчитанному на осмеяние и ограбление гоев.

Каково изобилие стратегических ресурсов, да и само проворство в захвате обманом раньше, чем появиться свет? Каков гений орудования рекламой? Какова сноровка “раздвигать” само время скоропостижностью операций? Какова обдуманность подготовки набега через разврат и шпионство и каков навык разрушения? Как обильно текут серебро и золото в победоносные руки? Какие удивления, печаль и страх царят среди всего окружающего?!...

Увы, спуск вниз и “выпуск газа” из шара последуют ещё быстрее!...

7. Являясь строго организованными компаниями охотников за гоями, еврейские сообщества разработаны в талмуде принципиально и систематически. Коренным их началом служит правило, что еврей не смеет обманывать еврея, отвечая в противном случае перед иудейским судом, как государственный преступник, а это звание не обещает виновному ничего хорошего. Скрыться от евреев некуда. Они разыщут кого надо и на другом полушарии, а затем накажут его через силы и средства тамошней иудейской общины. Если же, с другой стороны, принять во внимание, что по отношению к гоям любому еврею дозволено всё, то нельзя не уразуметь, каковы бывают результаты охоты.

Общества, учреждаемые иудейскими банкирами напоминают знаменитый эпизод римской истории — битву при Тразименском озере (217 г. до Р.Х.). Консул Фламиний не понимал Ганнибала. Ему, как видно, и в голову не приходила характеристика этого образцового семита, данная впоследствии Титом Левием: *“perfidia plusquam punica, nihil veri, nihil sancti!”* Возможно ли удивляться, что римская армия, увлечённая Ганнибалом, попала в западню — ущелье, выходы из которого лукавый карфагенянин закрыл, а затем вырезал несчастных солдат республики поголовно...

[11] Образцом является бешенство кагала на городских выборах, равно как при избрании Люэгера первым бургомистром Вены. Теряя тысячи муниципальных должностей и монополию городских займов, а также лишаясь обладания богатейшей городской кассой и учитывая большую часть силы, через которую властвовали на политических выборах, евреи пришли в неистовство. Не только с пеной у рта принялись они требовать введения осадного положения, но в виду аудиенции, данной австрийским императором Люэгеру, дерзнули в “Neue Freie Presse”, номер которой по этому случаю был даже конфискован, посягнуть и на критику действий самого монарха... *“Noli me tangere!”* -вопиял “святой” кагал.

Евреи — ближайшие родственники и преемники карфагенян, выходцев из Финикии, проделывают по сути то же самое, когда горемычных акционеров заманивают в ущелья биржи, сулят горы золота и чудеса в решете, не прочь даже уверить, что и уплаты денег не потребуется... Увы, “резня” не заставляет себя ожидать. И если не новый Ганнибал, то конкурсное управление либо “администрация” из адвокатов-шаббесгоев, а то в большинстве и из самих же евреев явится палачом!

Таким образом, идёт ли речь об армиях и военных предприятиях или об иудейских капиталах и спекуляциях, проделки семитизма всегда одни и те же. Над потоком столетий грандиозная эпопея второй пунической войны *(“bellum maxime memorabile”,* — называет её Тит Ливии) протягивает руку современным грабительствам.

“Министерство, где правит еврей, дом, в котором он держит ключи от денежного сундучка и хозяйства, администрация или интендантство, где какой-нибудь отдел вверен евреям, университет, где евреи терпимы, хотя бы как факторы или как заимодавцы денег студентам, являются, без всякого сомнения, столькими же Понтийскими болотами, которые необходимо осушить. Ибо по старинной пословице ястребы слетаются туда, где есть мертвечина, и лишь там, где происходит гниение, извиваются черви”-. (Herder. — Ideen zur Geschichte der Menschenheit).

Консорциумы, синдикаты, картели и тресты новы лишь по нынешним названиям. В действительности же они известны сынам Иуды давным-давно. С научной тщательностью разработаны в талмуде хазака или хазука и мааруфия. Первая — монополия имущественная, вторая, — так сказать, политическая. Мааруфия даже идёт дальше того, что заключают указанные современные термины. Это слово халдейское и выражает отношение кошки к мышке. Монополия заигрываний, мааруфия (наравне с хазукой), приобретается в кагале и даёт купившему её право плясать *с* данным представителем власти гривуазный кэк уокк [12] на славу и веселие Израилю.

“Я знаю страну, где еврейское население многочисленно, но, где, наряду с этим, крестьяне на собственной земле, ничего не называют своим. Начиная с постели и кончая ухватом, вся движимость принадлежит еврею. Скот в стойле принадлежит ему же, и крестьянин за каждую собственную вещь вносит наёмную плату тому же еврею. Крестьянский хлеб на поле и в овине —

[12] Ведь, по верному определению Чемберлена, евреи суть негро-монголо-семиты.

собственность опять токи еврея, который и продаёт мужику его же хлеб, семена и корм для скота осьминами..." (Бисмарк).

Такое положение вещей является прообразом для всякой страны, которая позволит еврейству захватить власть и укорениться. В том или ином виде мы уже и наблюдаем это по всюду.

Налагая руку на грозное могущество денег, евреи оставались доныне терпимыми хотя и крайне опасными гостями народов. Шаг за шагом они успели обездолить своих благодетелей, стать на их место, присвоить себе их вольности и обосноваться везде, где есть нажива или влияние. На развалинах древней аристократии, которая, по крайней мере, была национальной они создали бродячий феодализм железной кассы. Но аристократия этого последнего рода, не имея за собой, как прежняя, ни блеска и заслуг, ни пролитой за отечество крови, отметила себя лишь финансовым пиратством, "набегами конкурсов" и художественными плутнями биржи...

Видоизменения иудейских мероприятий по форме либо размеру не влияют на существо. Так или иначе применяется талмуд, для жертвы безразлично, потому что в итоге наступает рабство либо самая погибель гоев...

Теряет ли человек силы на жизненной борьбе, в это же мгновение близь него оказывается жид подобно тому, как в равнинах южной Америки невидимый дотоле кондор внезапно бросается на раненого коня прежде, чем он испустит последний вздох... Закутит ли маменькин сынок — еврейские ростовщики, сводники и бриллиантщики тотчас же сбегутся со всех концов, чтобы помочу ему разориться, как можно скорее. С каким соревнованием и с какой "любовью" к юноше поведут они свой предумышленный, кагальный гандель, делая вид, будто друг о друге понятия не имеют?!...

Надо ли устроить застрахование — "со своим поджогом" или потопить корабль в открытом море, дабы воспользоваться страховой премией за товары, которых на нём никогда не было, сыны Иуды оборудуют и эти гешефты. При "благоприятном" ветре через пропойцу-шаббесгоя, страховой же агент-еврей пустит красного петуха с соседней, нигде не застрахованной усадьбы... От таможенных чиновников в Бразилии либо в Мексике "талантливые" израильтяне добудут подложные грузовые документы, всё устроят так гладко, исчезновение корабля, пожалуй, со всем экипажем произойдёт столь естественно, что страховому обществу ничего не останется, как уплатить за все убытки, в том числе и за те слитки золота, которые остались... в волнах океана.

Ястребиным взором наметив "дельце", которое можно пустить в ход, еврей быстро организует комбинацию и завершает выбор союзников. Из этих последних одни являются прямыми "доверенными", другие же — только влиятельные люди, но для "операции" нужны их имя и поддержка. С первыми толковать нечего, известная часть добычи определяется в их "законную" пользу без дальних слов. Наоборот, по отношению ко вторым необходима сноровка и дипломатия. Как, например, заручиться герцогом X., генералом Y., либо крупным взяточником Z?... Но талмид-хохим знать не хочет препятствий. Справки из под руки уже доставили ему кое-какие сведения, так что в самом омуте житейских невзгод своего "простофили", он твёрдо рассчитывает найти преданного соучастника. Однако, это только начало. Зайдёт ли вопрос о том, чтобы ослепить или усыпить, обольстить или совратить — извивы змеи ему одинаково присущи. Он сумеет и заманить и увлечь. Преодолевая опасения как самой жертвы, так и предостережения её близких, он способен достигать такого господства над человеком, когда обманываемый видит и слышит глазами и ушами только своего "псковича". Да, иудейский банкир знает, как проделывать и это дельце. Поэтический жар речей, симуляция дружбы, энтузиазм высшего гешефтмахерства, воззвания глубокими переливами голоса к самым жгучим страстям, немедленные посулы денег, все эти средства вводит он с невероятным цинизмом и превосходством. На пути развития данного явления приходится наблюдать, что целый круг лиц испытывает потребность пасть ниц перед могущественным представителем "Haute Banque". Встречая его, так сказать, в состоянии концентрации, когда он сверкает уверенностью и невиданным полётом замыслов, кидает своим поклонникам и врагам обиды с такой же ловкостью, как профессор фехтования наносит удары шпагой, обязательно импровизирует ложь, плутует и увлекает, издевается и мистифицирует, одним словом, воссоздаёт знаменитый тип халдея былых времён, общество, а то и целая страна принимает его за существо необыкновенное, чуть не за полубога.

Едва ли когда-нибудь удастся нарисовать эти сцены финансового гипнотизма во всём их драматическом колорите. Калиостро, тоже еврей, не мог лучше проделывать вызов чьей-либо прославленной тени, чем иудейский же "заклинатель" — банкир набрасывает "зайчиками" видения ослепительной роскоши. "Бессмертный" чародей должен трепетать от радости и, вне всяких сомнений, мог бы сказать себе, что его гений не умер вместе с ним...

Так или иначе, но кагальная mise en scene не идёт прахом. Околдованная жертва более не сопротивляется, стоит лишь покончить с ней. Приглашенная в кабинет, а затем, пожалуй, и в чудные гостиные банкира, эта щука, возмечтавшая стать котом, поражается неслыханным великолепием, сокровищами всемирной культуры, произведениями искусства всех времён. Сияние и блеск кружат ей голову, а опьянение золотом до такой степени овладевает ею, что она уже не принадлежит себе. Щука согласна на всё. Она будет "фарширована" на первых же строках объявления о задачах и средствах нового предприятия; в учредительных собраниях она явиться одним из корифеев, по крайней мере, немых и декоративных. Затем она не преминет, конечно, удостоить своим присутствием совет нового "благодеяния" отечественной промышленности, а в заключение незапятнанным ещё именем либо внушительным положением своим не замедлит прикрывать жидовские затеи. "Учредитель" же банкир, со своей стороны, не позабудет извлечь из этой щуки всё, на что она ещё пригодна, манипулируя ею perinde ac cadaver.

Как правильно заметил Эдгар Кинэ, папы успели поработить епископов, т.е.

аристократию католической церкви, через монашеские ордена, т.е. демократию клира, а орден — путём учреждения и организации преторианской гвардии sui generis, каковой явилось “Общество Иисуса”. Увы, папы вели расчёт без всемирного кагала. Сынам же Иуды несколько более опытным удалось не только биржевыми спекуляциями запятнать и погубить самих иезуитов, как уже, впрочем, за несколько веков раньше было проделано с орденом тамплиеров, но своим талмудическим кредитом надеть мёртвую петлю и на “непогрешимое” папство.

На пути эволюции и завоеваний Израиля его видные банкиры играют роль главнокомандующих армиями. Деятельность их мозга, близкое знание территории, редкий талант маневрирования, чутьё великих случайностей, смелость решений, забота о мельчайших деталях, ясная, спокойная, господствующая над бурями воля и такая выдержка, которая привлекает победу, всё в них, вплоть до высокомерия победоносного генерала, оправдывает такое наименование.

И пусть это поймут хорошенько! Всякая борьба против еврейства, которая в свою первооснову не положит глубокого изучения его свойств, сил, специальных познаний и сноровки, будет на первых же своих шагах осуждена ни бессилие и послужить, разве, к тому, чтобы дать ему вид ещё большей непобедимости.

Иудейский банкир — прежде всего, испытанный чародей. Идёт ли вопрос о том, чтобы двинуть слабое правительство на заключение нового займа? Красноречиво и убедительно, с поражающей логистикой раскроет он государственные затруднения и ту лёгкость, с которой путём “необходимой” меры следует придти на помощь безотлагательно и упростить всё.

Как тонко поспешит он улыбнуться в ответ на колебание министра финансов и с импонирующей иронией устранить его возражения?! Как в особенности хитро вносит он в переговоры своё биржевое величие, как умеет кстати показать свою мощь, всемирные связи, целые синдикаты, уже готовые образоваться под его управлением, такой финансовый рынок, все нити которого находятся в его распоряжении! На этой откровенной выставке его власти царствуют, однако, условная и таинственная безопасность и лишь его же неограниченный авторитет.

Ничего нельзя сделать помимо него, и самое доверие к финансам государства в его руках; по своему произволу, ровняет он и поднимает ренту; всякая же попытка выпустить заём без его участия или посредничества и не на предложенных им условиях — сущая химера; “толстые карманы”, как и “шерстяные чулки”, давно разучились двигаться без его указки, а если и явятся в государственное казначейство, то не иначе, как под его руководством!...

Как всякий порок, так и ненужный заём имеет свои соблазны и мимолётные чары, свои софизмы и теории. Да и еврейский банкир видит, что через немного времени к нему же опять постучатся в дверь. Превращаясь в болезнь хроническую, т.е. неизлечимую, бесшабашность этого рода влечёт за собой нищету и позор. Грабительство и рабство следуют за ней безотступно, а цепи, наложенные банкиром, становятся всё более тяжкими, пока не настанет день, когда уже целый народ воскликнет: “Вот наш Владыка!”

К такому именно результату и стремится всемирный кагал. Могущество Израиля, равно как и сама еврейская нация, представителями которых являются банкиры, желают покорять и господствовать не иначе, как на правах признанных повелителей...

8. Располагая достаточными средствами для производства рекогносцировок, иудаизм с уверенностью “помогает своему счастью”. При учреждении плутовского акционерного предприятия, еврей явится если не инициатором, то, по крайней мере, организатором; он выработает задачи нового общества, проведёт устав, подтасует членов правления, погонит на бойню стадо акционеров, изобретёт и осуществит всё к лучшему в этом лучшем из миров; станет говорить и действовать больше, чем кто бы то ни было, и, тем не менее, сумеет перенести ответственность на других, оставив за собой лишь самые крупные барыши.

На собраниях акционеров и по языку и по авторитету он прямо не досягаем. У него даже есть нечто импонирующее, и какое-то веяние светоносного величия украшает его чело, а то выражение могущества, с которым он держит в руках устав или доклад, невольно заставляет мечтать о пророке, возвещающем новое откровение... Нет ни противоречий, ни рассуждений; резолюции вотируются единогласно. Жалкое и робкое возражение само же себя подняло бы на смех в таком собрании. Не удивляйтесь, однако, тому, что он мгновенно ускользнёт с проворством заправского фокусника. Дело идёт, например, о принятии решительного, но компрометирующего постановления. Он признаёт таковое необходимым и даже сам подсказывает. И вот “акционерное” собрание открыто... Но в известный момент, “будучи вызван по неотложному делу”, он вдруг исчезает. Что же делать? Пусть проведут операцию без него; нельзя терять ни минуты! И всё так хорошо настроенное скользит, как по маслу, а “заведённые” автоматы продолжают действовать неуклонно и в его отсутствии... Лишь когда пробьёт час суда, тогда только поймут, зачем он скрылся. Но он будет вправе сказать “меня там не было!...” По французской поговорке, это называется *“tirer le diable par la queue”*.

На болезненной почве предприятий недоношенных и худосочных либо самим же кагалом изувеченных, расцветает и еврейское “учредительство”, нередко рассчитанное уже на дела, явно обманные, а то и вовсе несуществующие, причём необходимым соучастником и важнейшим пособником, без сомнения, является “освободительная” пресса.

Во имя кагальной свободы еврейство в первую очередь и повсюду истребляет супостатов, да ещё так, чтобы они впредь показываться не осмеливались. Иудейские бюро объявлений — прямой к тому путь. И мы видим, что тогда как еврейские газеты богатеют и размножаются, независимые издания, лишаясь объявлений, гибнут одно за другим. Этого мало. Прославляя гешефты и таланты

“избранного” народа и предавая ему всё материально ценное, жидовская печать забавляется над гоями в двух направлениях. С одной стороны, кагальные газетчики отравляют всякие идеалы, утешая читателей азартом, порнографией, сводничеством и панацеей “606”, а с другой, под флагом любви к народу и к величию демократии торгуют социальной революцией, как заведомо смертельным ядом для всех учреждений, ещё способных противостоять “угнетённому” племени.

Для самих же евреев есть книга “Сефер-Гаюшор”. Она претендует на очень древнее происхождение и на такую важность, что её чтением можно заменять обязательные и срочные занятия Торой (Пятикнижием) для торговцев и путешественников из евреев, не располагающих временем, чтобы изучать Тору. На странице 100-й этой книги (см. издание 1874 г, в Варшаве) в назидание правоверным израильтянам повествуется, что один из сыновей патриарха Иакова, Иосиф, проданный братьями в Египет, стал там первым при фараоне лицом и, воспользовавшись семилетним голодом, привёл коренное население “за его же счёт” в такое состояние, что не только оно лишилось всей своей движимости и недвижимости, но и самого же себя закабалило в рабство. Вместе с этим, отца его и братьев Иосиф поселил в самой лучшей части страны, а из отобранного у египтян золота и серебра семьдесят два кикара (кикар около 3.000 руб.), равно как множество драгоценных камней, разделил на четыре доли и припрятал на будущие времена, т.е. для грядущих поколений “избранного народа”, у Чёрного моря, на берегу Евфрата, в дальних пределах Индии и Персии. Всем остальным золотом Иосиф наделил своих братьев, невесток и их домочадцев, так что в сокровищницу фараона поступило всего двадцать кикаров. Таков государственный идеал сынов иуды, на утешение гоям...

Увы, мы никогда бы не кончили, если бы решились продолжать. Особым же “любителям” еврейства и его дарований мы рекомендуем недавно появившееся в Германии чрезвычайно вразумительное исследование профессора Зомбарта “Die Juden und das Wirtschaftsleben”. От этой мудрой книги трудно оторваться, но и нельзя не придти в ужас...

Тем не менее, растворив Францию в Иерусалим, кагал принялся и за другие страны!

9. Рассуждая на изучаемой почве далее, необходимо признать, что центром тяжести иудейского “творчества” является превращение действительных, реальных ценностей в сомнительные или мнимые и наоборот. Как в самом деле понимать иначе параллели биржевой игры закладными листами и облигациями земельных банков и городских кредитных обществ рядом с “оркестровкой” вспучивания курсов на бумаги трансатлантического треста и гондурасского займа либо на “промессы” Панамы?!..

Только приурочив публику к ценностям “воздушным”, эфемерным, акулы и удавы биржи, в огромном большинстве евреи, могут закидывать “счастливые” тони главным образом на “учредительстве” либо на расширении дутых, а то и прямо мошеннических операций через выпуск новых либо привилегированных акций, дополнительных облигаций и т.п. Между тем, именно эта область приносит Израилю такие “урожаи”, о которых не снилось и в земле Ханаанской.

Наряду с этим, повелитель биржи — тайный союз главенствующих банкиров распределяет между своими членами в исключительную для каждого эксплуатацию не только сферы, территории и категории кредита, торговли и промышленности, но и целые страны, хотя бы, скажем, по организации государственных займов и... банкротств.

Химера греческой мифологии была козой с хвостом дракона. Гешефты детей Израиля с их внутренними судорогами и прыжками, равно как *с* внешними опустошениями, не в этой ли химере должны найти свою эмблему?!..

Сталкиваясь с еврейством, арийское общество заражается и его недугами. Гои, в свою очередь, начинают, завидуя кагалу, мечтать о преумножении своего состояния счастливыми комбинациями. Горестная популярность счётов “on call” уже сама по себе служит тому порукой. Но, одно дело определить пороки чужой расы и совершенно другое — усвоить её способности. Пытаясь спекулировать, доверчивый и несведущий ариец является для биржевого охотника предпочтительной дичью. Здесь мы до некоторой степени наблюдаем повторение того факта из жизни хищников, что раз отведав человеческого мяса, они уже навсегда становятся людоедами. А еврею именно присуще то дьявольское проворство, которое необходимо для возбуждения алчности к наживе — лучшего средства снять с жертвы последнюю сорочку. Естественно, что, застряв на бирже, ариец становится лёгкой добычей иудейского ажиотажа. Этого мало. В самой заразительности своих дьявольских инстинктов еврей находит как неиссякаемый источник обогащения, так и необъятность другого сорта “побед”. Разврат в семье и школе, хищения и подлоги в должностных областях, шарлатанство в политике, сокрушающее иго государственного долга, нашествие иностранцев, скандалы всякого рода, отчаянные бедствия, все виды позора настигают и разъедают алчную страну. В истощении же её материального благосостояния и крушении идеалов обнаруживаются симптомы смерти.

Кагалу ничего большего не требуется. Он разрастается и живёт на останках своих жертв.

Самым же, быть может, плодовитым иудейским ганделем в политико-биржевой сфере является инструментовка Haute Banqu бурь испуга и смятения. Нет более совершенного средства реализовать на бирже “гениальные” барыши. Успех бывает тем поразительнее, чем еврейские финансисты шире двигают в дело свои международные ресурсы.

Симфонии бурь поручаются мудрейшим талмид-хохимам и разыгрываются с неподражаемым мастерством. Сперва состоящие на содержании у банкиров газеты распускают лишь тревожные слухи. Затем выступают на сцену уже вполне точные факты передвижения войск, дипломатические осложнения, угрожающие ноты... Иудейская пресса гремит воинственными предсказаниями, трубит в атаку.

Уже под влиянием этих комбинированных ловушек биржа начинает волноваться, курсы падают, публика теряет голову... Вдруг, страшная телеграмма, и всё погибло!... Грозное понижение ниспровергает все ценности... И какая превосходная жатва! Сама Земля Обетованная не давала ничего прекраснейшего!...

Правда, через несколько дней заговорят о гнусных проделках и о подложных депешах; осмелятся даже взывать к закону для пресечения подобных плутней. Закон?... Какая нелепость! Да разве возможно представить себе в парламентской стране такого наивного хранителя печати (министра юстиции), который решился бы начать уголовное преследование? Он был бы разбит, как осколок стекла и на собственных невзгодах выучился бы размышлять о хитросплетениях кагального паука и о биржевых гамадриадах.

10. Консерватизм и единообразие явлений в иудейской среде обусловливают тождество результатов. Так, по поводу надменности "главного редактора" еврейской газеты и подхалимства её ничтожного репортёра нами были сделаны замечания вполне уместные и относительно других разновидностей "вечного жида". Различия, их отделяющие — ничто иное, как стороны одного и того же индивидуума, проявления единой природы. Между олимпийской гордыней первого и лакейскими улыбками второго идёт восходящая и нисходящая цепь. Удача, деньги и влияние быстро присвоят грошовому репортёру наглую повадку главного, и, наоборот, этот последний также скоропостижно вернётся к льстивым заискиваниям "лапсердачного" времени. Буквально такую же картину дают нам еврейские интонации на бирже и в политике. Нет различия по существу между зайцем и удавом биржи, разумеется, кроме самого масштаба операций, как его не усматривается между политическим сыщиком из евреев и лордом Биконсфильдом...

Наряду с изложенным, в иудейских операциях замечается и следующее. Нуждаясь чрез расширение горизонтов в безграничном увеличении средств, между прочим, на содержание всё возрастающего количества рабов, и согласно с этим координируя свои затеи рационально, еврейство логически вынуждается и к размножению своих соглядатаев. Контингентом рядовых иудейской армии в этом направлении являются странствующие приказчики, затем её офицерский корпус образует адвокатура, а к генеральному штабу относятся сильные мира сего, так либо иначе прирученные кагалом.

Разъезжая по стране, коммивояжёры выясняют, куда и сколько может прибыть для охоты за гоями новых транспортов израильтян, равно как намечают, кто из местных торговцев либо промышленников может быть искоренён немедленно через закрытие кредита и подтасовку конкуренции в лице шаббесгоев, а кого предстоит уничтожить измором, путём обратного метода, т.е. облегчением кредита и даже обещанием утроить через артистов, кагальных же адвокатов, "несчастное" банкротство. Впоследствии, где надо открывается комиссионерство или отделение еврейского банка и, наконец, воздвигается синагога как увенчание торжества Израиля.

Ожидовление адвокатского сословия — увертюра и суррогат иудаизации суда. Кагал стремится властвовать обманом и разграблением, но безнаказанно. Для этого надлежит нейтрализовать, а вслед затем и подчинить суд.

"Гениальным" этому иллюстрированием служит мало, к несчастью, понимаемый гоями доныне процесс Дрейфуса.

Еврей от природы — фактор. Отсюда вполне естественно, что он не забывает о факторстве и как адвокат. Комиссионная и "наблюдательная" деятельность иудейской адвокатуры не только общеизвестна, но и заразительна, а другие евреи тому же всемерно содействуют. В виду этого подобно зайцам на бирже, промышляющим наряду с маклерами, мы наблюдаем и вольнопрактикующих шаббесгоев-комиссионеров на разных ступенях до области сильных мира сего включительно. Без таких соучастников кагал не мог бы, конечно, и мечтать о том, чего достиг в наши дни.

Тема, сюда относящаяся, расцветает главным образом в сфере концессий и на парламентской ниве, но, к сожалению, может быть здесь только намечена, хотя и достойна проницательного анализа, так как именно в ней лежит центр тяжести опаснейших замыслов еврейства.

Что же касается адвокатуры, то крайнее ожидовление её, например, в России открыло сынам Иуды возможность лишать защиты на суде даже обвиняемых в "погроме", т.е. тех внезапно настигнутых кагалом русских людей, которые среди разгара еврейского бунта 1905 г. втайне, заранее, предательски подготовленного, снабжённого браунингами и бомбами и кинувшегося на растерзание нашей родины, восстали беспомощные и безоружные для её спасения. Евреи же не только принимали всяческие меры к преданию "погромщиков" уголовному суду без защиты, но и, объявляя себя пострадавшими, посылали обвинять их целые десятки ядовитейших представителей своей жидовской и шаббесгойской адвокатуры.

Прикрываясь сочувствием к "угнетённому" племени и отождествляя его победу с расцветом русской свободы, такие шаббесгои в действительности руководствовались другими, более звонкими мотивами. Торговля и промышленность, железные дороги и кредит, биржа и пресса, общественная и политическая деятельность завладевают Израилем неотвратимо и беспредельно. Свобода "без чеснока" становится немыслимой. Ясно, что преуспеть в карьере и даже существовать в адвокатуре нельзя иначе, как питая нежную склонность к жидам. И вот наблюдение ясно показывает, что русская адвокатура, как и сама национальная печать, приговаривается кагалом к смерти. Уже в настоящее время адвокатская практика повсюду сильно зависит от "избранного" народа. Некоторые же её категории, например, risum tene-atis, бракоразводные дела, а в особенности, конкурсы и администрация, почти всецело захвачены евреями. Представляя наилучшую, пожалуй, территорию для иерихонского соглядатайства, а затем и для радикального истребления русского купечества, равно как для пожирания русских фабрикантов, конкурсы и администрация

распространяются эпидемически. Но тогда как, имея по иудейскому замыслу, задачей превращать подлинных кредиторов в подставных и наоборот, конкурс требует хотя бы грошового удовлетворения для своих клиентов. “Администрация” есть учреждение для той же цели, но высшего порядка. Еврейский идеал заключается в том, чтобы, формально действуя от имени подлинных кредиторов, на самом деле оставлять их через “администрацию” вовсе не при чём наравне, конечно, с самим хозяином предприятия, для восстановления операций которого администрация будто бы учреждается. Злоупотребляя именно этим и откладывая удовлетворение кредиторов в какой-либо доле на неопределённое время, “администрация” открывается подчас на основании фальшиво преувеличенного актива и преуменьшенного пассива баланса, а по открытии немедленно переставляет регистр, извращая актив и пассив в обратных отношениях. Сверх того, под видом пользы делу администраторы, скупая под рукой претензии и подтасовывая собрания кредиторов, так сказать, сами же себя нередко уполномочивают закладывать и продавать имущество администрации, равно как для неё и от её будто бы имени кредитоваться вновь, а затем сами же на фальшивых собраниях одобряют и утверждают вредные для кредиторов результаты. Опасаясь не получить в конце концов ничего, настоящие кредиторы оказываются в необходимости уступать свои претензии по чем бы то ни было или хозяину предприятия или в большинстве случаев администраторам, каковые сплошь и рядом бывают представителями “избранного” народа в оркестре с его же адвокатами. Не мешает заметить, что многие адвокаты евреи специализировались на администрациях ещё и в качестве юрисконсультов точно так же, как и при торговых фирмах вообще, которые, изумляясь перед иудейскими талантами, предпочитают евреев русским, сами же евреи-коммерсанты. русских адвокатов и подавно знать не хотят.

Такова одна сторона вопроса, другая, политическая, была, как известно, освещена в столь же печальных красках перед русскими законодательными учреждениями. Тем не менее, вопрос ещё далеко не исчерпан. Проникая во все слои населения и располагая, — как организованная умственная сила, большим влиянием, адвокатура не должна оставаться вне надзора власти, а потому иудаизация адвокатуры, как факт грозный, требует глубокого и всестороннего исследования. Если надо пресечь иудейскую деятельность в прессе и на кафедре, то едва ли менее настоятельно обуздание кагальной адвокатуры. Будучи сплочённой и распространяясь на любые классы общества, адвокатура эта деморализует всё вокруг, а потому должна быть поставлена в не менее суровые условия, чем иудейская пресса. Ещё римляне поняли, что право толковать законы мало уступает праву издавать их вновь. Памятуя же о талмудической подготовке евреев, равно как и о том, что извращение буквы и разума чужих законов с точки зрения кагала исполнению не подлежащих, оказывается излюбленной специальностью “угнетённого племени” и рассматривается им, как обязанность, подвиг и тождество. Нельзя не видеть, что запрещение иудеям доступа в адвокатуру — вопрос не только национального достоинства, а и безопасности России.

Мероприятия по этому предмету настоятельны, особенно, когда мы видим, что в Москве, пожалуй, более половины, а в Петербурге около трёх четвертей адвокатуры уже состоят из евреев либо шаббес-гоев, чего ни в какой стране более нет. Когда, сверх того, адвокаты-иудеи в большинстве стремятся не к одному только обездолению русских конкурентов, а и к злостным талмудическим стеснениям самого их рекрутирования. Таким образом, промедление угрожает явной опасностью захвата кагалом всей адвокатуры в своё исключительное владение. Но это равносильно монополии еврейства на отправление правосудия. А так как без справедливого суда никакое государство существовать не может, то и неизлечимое заражение судебного ведомства иудейской отравой было бы нравственной, а затем и политической гибелью нашего многострадального отечества.

Изложенное, уже само по себе, знаменательно и непререкаемо. Однако, тяжкие опасности, из сего проистекающие, при условии, что “правовой порядок” требует, как уверяют сыны Иуды, выделения не только в делах прессы, а и во всех явлениях социальной жизни, главенствующей роли суду, — достигают наивысшей грозности вследствие ещё одной, далеко немаловажной, особенности в лютом характере еврейства. Забава его “мероприятий” направляется прежде всего к тому, чтобы они были учиняемы “на точном основании существующих узаконений”. Здесь, соревнуясь друг с другом, члены “избранного” народа раскрывают подчас ни с чем не сравнимые дарования.

Талмудическое искусство извращать закон так, чтобы придавать ему обратный смысл и по содержанию его же текста доказывать запрещение дозволенного либо разрешение воспрещённого, достигает бесподобного расцвета, принося “премудрому” кагалу изысканнейшие плоды биржевых оранжерей...

Арийские же народы остаются беззащитными. Не только нет законов, карающих иудейское творчество, когда оно изощряется в обездолении многих людей и даже целых государств, но ни один парламент не дерзает хотя бы коснуться деяний этого рода.

Что же относится до самых методов гешефтмахерства и его безнаказанности, то кагальный разврат не ограничивается каким-либо обыденным, а нередко требует, в наши дна, уже махрового триумфа.

Давно замечено, что чем выше станете вы подниматься по социальной лестнице, тем всё чаще сыны Иуды будут перебегать дорогу. Здесь, между прочим, коренятся источники такой системы мероприятий финансового ведомства, когда под замысловатым предлогом “воспособления отечественной торговле и промышленности” коммерческие фирмы делятся в стране на овнов и козлищ. Забавные, даже невероятные легенды цитирует автор этюда “С.Ю. Витте и падение русского государственного кредита”. Но если гонимым акционерам

остаются в этих случаях лишь глаза для слез, то не очень завидна и роль большинства акционеров покровительствуемых. Правда, излюбленные финансовым ведомством предприятия субсидируются казёнными заказами, а то и просто миллионами. Но и это не ведёт к добру. Разоряя конкурентов, благодетельствуемые фирмы деморализуются и расхищаются собственными заправилами. Желая спасти прежние субсидии, но будучи приводимо к необходимости продолжать их, министерство берёт такие фирмы под свою опеку, т.е. за свой счёт. Увы, командируемые в состав правления чиновники оказываются неспособными к ведению крупных, да ещё и запутавшихся предприятий. А если, сверх того, в деле участвуют (что почти неизбежно) сыны "угнетённого" племени, то ход событий превращается уже в оффенбаховскую трагикомедию.

Явившись только с правом veto, чиновник, подстрекаемый евреями, фактически становится директором-распорядителем. Заблуждаясь в способах достижения предуказанного результата, чиновник оказывается в невозможности раскрыть истину перед акционерами и, однако, гипнотизируемый еврейством, сам настаивает на дальнейших субсидиях. А когда станет уже немыслимым определить, что в данном положении было унаследовано от прежней дирекции и что проистекает из распоряжений казённого чиновника, тогда сыны Иуды успевают всю ответственность перенести на главнокомандующего, т.е. на министерство финансов, себя же превратив в его непорочные жертвы.

Среди таких условий отнюдь не гешефтмахеры — евреи, а само министерство становится, наконец, вынужденным подыскивать меры, чтобы, как говорят китайцы, "спасти лицо". Отсюда в апофеозе — смешение иудейских деяний с мероприятиями финансового ведомства, бесплодные попытки выйти из беды через переименование старых учреждений в новые, якобы им чуждые, и кормление казной целых иудейских полчищ либо министерских агентов, а в заключение, ликвидация кагальной потехи с огромными убытками для страны, равно как с новым обогащением из её кассы членов "избранного" народа. Что и требовалось доказать!

11. Случается, впрочем, что эта кагальная симфония варьируется как бы для того, чтобы показать всю безграничность нашего... великодушия. Торгуя мнимыми, "воздушными", дутыми ценностями, еврейство прежде всего забавляется устройством государственных займов и государственных банкротств, о чём минувшие века понятия не имели. С другой стороны, как раньше предсказывали страшный суд, так евреи пророчат теперь какой-нибудь великий крах, универсальное мировое банкротство с достоверной надеждой, что им самим испытать его не придётся. В новейшее время художественность кагальных мероприятий наряду с эксплуатацией государственного банка, кое-где и с его арендой (напр, во Франции, отчасти в Австрии и даже в Германии), равно как параллельно с монополизированием кредита страны через государственные займы, а также ипотечные банки достигла, наконец, и вновь изобретённого усовершенствования, именуемого репортом[13].

По талмуду первоисходный долг "избранного" народа — оперировать так, чтобы это ему ничего не стоило. Репорт блестящее воплощение данной идеи. Дело в том, что при ликвидации урожая, особенно в странах земледельческих, как Россия, частные банки нуждаются в капиталах, которыми не располагает и государственный банк без временного выпуска новых кредитных билетов, что, как известно, требует дополнительного обеспечения золотом. Отсюда — необходимость временных займов, хотя бы в замаскированной форме и лишь на бумаге. Среди таких условий за известный процент и "приличное" комиссионное вознаграждение, иностранные банкиры кредитуют государственный банк золотом на период означенной ликвидации. Банк же через специальные ad hoc выпуски кредитных билетов подкрепляет кассы частных кредитных учреждений путём переучёта векселей, ими для сего учтённых. Теоретически предполагается ликвидировать всё это по окончании хлебной компании. Но для России в особенности такая теория непригодна, ибо сроки, назначаемые иностранными банкирами, короче периодов "развязки" у нас с хлебами, да и государственному банку нельзя без потрясения рынка внезапно извлекать из народного обращения сотню-другую миллионов рублей. Посему требуются отсрочки, и за границей, очевидно, не безвозмездные. Всё это обходится государственному банку тем дороже, чем искуснее удавы и акулы биржи играют русским кредитом. Результатами же пользуются преимущественно евреи — содержатели частных коммерческих банков внутри страны. А если, бесстыдно "помогая своему счастью", какой-нибудь из этих банков потеряет хотя бы и весь свой акционерный капитал через хищничество собственных заправил и противозаконность операций уже далеко не с одним хлебом, то и тогда ему не следует терять надежды. Казна опять придёт с "воспособлением"...

Всё сказанное раскрывает, впрочем, только одну сторону вопроса, а есть и другая. Не касаясь чуждых нашей задаче, многосложных проблем о бумажно-денежном обращении, равно как о моно— и биметаллизме, мы обязаны указать, однако, на логическую зависимость репорта от золотой валюты. Ею обусловливается как обеспечение дополнительных выпусков кредитных билетов, так и платежи золотом же по государственным займам. Между тем, при неискусном ведении финансового хозяйства и превосходной осведомлённости близких к финансовому ведомству иностранных банкиров их тирания истощает всякое терпение. В мире кредита нет большей ошибки, как сделать врагом того, кому сперва официально поручали представительство своих интересов. Подчиняясь естественным законам, народное хозяйство испытывает на себе последствия их нарушения. Важнейшим же из таковых является потрясение

---

[13] См. — "С.Ю. Витте и падение русского государственного кредита". Л.Г. С.-Петербург. Издательство А.Л. Арабидзе. 1907. Брошюра достойная внимания русских людей.

кредита страны, которая бывает вынуждена исполнять par raison de force то, о чём не позаботилась вовремя, per force de raison. Располагая колоссальными связями в мире финансов и в дипломатических сферах, владыки биржи создают для больного народного хозяйства la pluie et le beau temps и, незаметно даже для министра финансов, могут, когда захотят, привести его к конкуренции с самим же собою. Значит, нечего удивляться факту, что еврейскими банкирами специально для утешения нашего отечества придумана "репортная" операция sui generis. Благодаря ей иностранное золото передаётся частным банкам — заёмщикам не прямо, а через государственный банк. Но так как у него есть и особые счёты по государственным займам, хищные заграничные банкиры, не долго церемонясь с нами, оставляют "репортное" золото у себя для оплаты обязательств России по государственному кредиту. Таким образом, репорт совершается лишь на бумаге. Иными словами, являясь бланконадписателем за частные, в большинстве иудейские банки, на всём пространстве России, кредитуя их для эксплуатации её же целыми полчищами других сынов Иуды, неся значительные расходы по этой крупной операции и уплачивая иностранным банкирам, в свою очередь евреям, конечно, миллионы рублей за проценты и комиссию по репорту, русский государственный банк получает обыкновенно из-за границы вместо золота одни лишь талмуд-гусарские счета...

Этого мало. По логике вещей, тем крупнейшая часть нашего золота должна оставаться заграницей, чем большее развитие получает операция репорта. Такова "воздушная" система, единогласно отвергнутая в марте 1899 г. советом государственного банка, причём его постановление было утверждено С.Ю. Витте, как министром финансов, и, тем не менее, введённая не далее, как в 1900 году по личному усмотрению того же С. Ю. Витее без нового обсуждения советом.

Однако, и всем указанным значение репорта не исчерпывается. Усиливая кассы иудейских, по преимуществу коммерческих банков, т.е. облегчая кредит сынам Иуды, репорт, тем самым способствует быстрейшему захвату "избранным" народом и самой хлебной торговли. На этом факте мы наблюдаем, впрочем, лишь частный случай еврейской гегемонии в торговле и промышленности через монополию кредита вообще и притом не столько за счёт собственных средств кагала, сколько именно через переучёт его банками еврейских, главным образом, векселей в государственном банке страны. Параллельно с завладением верховенства над её коммерческим и фабрично-заводским рынками, равно как хлебной торговлей, кагальные банки стремятся забрать в свои руки непосредственно и все наиболее выгодные отрасли торгово-промышленных предприятий, где, располагая широким переучётом в государственном банке, уничтожают сперва конкуренцию, а затем предписывают порабощённым гоям уже свою волю без апелляции. Но если на долю коренных жителей остаются, значит, лишь кагальные отбросы, то, неуклонно проводя свой универсализм, сыны Иуды и этим не довольствуются.

Установив изложенное, мы поймём и всю тяжесть последствий завладения иудейскими банками операций не только по государственному, а и по частному кредиту. Особенно же вразумительны гешефты евреев по ипотечным ссудам, раздаваемым за счёт русского народа и под его гарантией, но уже, разумеется, не в его пользу из Земельных Банков, почти сплошь иудаизированных.

В этой области, торгуя на правах монополистов не своим, а исключительно государственным кредитом, сыны Иуды взимают, тем не менее, только для одних себя изобильную "провизию" со всей территории страны. Это гораздо выгоднее для кагала, чем скупка домов и земель. Не говоря о неизбежности в этом случае подъёма цен, одно управление приобретённым влекло бы за собой огромные убытки. Много, значит, умнее держать управляющих под видом собственников. Вынуждаемые тянуться из последнего, они приносят кагалу и доходы с заложенной вотчины, и своё жалованье, и женино приданое, и наследство своих детей... А когда всё это, наконец, иссекает, их нетрудно выгонять по кагальному произволу, заменяя новыми "мотыльками", увы, неизменно готовыми лететь на ауто-да-фэ в новоявленных лампах "избранного" народа. Сверх того, ясно, какой источник влияния, связей и политического господства открывается здесь для детей Израиля. Печальная и глубокая тема! Ей следовало бы посвятить особое, крайнее, даже чрезвычайное внимание, потому что вопрос об экспроприации Земельных Банков в государственную собственность, особенно в такой, прежде всего, земледельческой стране, как наша родина, без сомнения, не может быть отсрочиваем во имя её внутренней и внешней безопасности.

Даже не сомневаясь в этом, отнюдь не мешало бы издать на память потомству хотя бы географическую карту нового "удельно-вечевого" периода.

Тогда россияне увидели бы следующее: а) губернии средней России с её первопрестольной столицей Москвой — территория Московского Земельного Банка, другими словами, Лазаря Полякова; б) северо-восточная полоса, с выдачей ссуд и на Урале, а до японской войны и в Порт-Артуре — Ярославско-Костромской Земельный Банк, владение Розалии Поляковой; в) среднее течение Волги — Нижегородско-Самарский Земельный Банк, где, сколько известно, принимали благосклонное участие Гинцбург и тот же Лазарь Поляков; г) Ростовский на Дону Земельный Банк состоял в обладании Якова Полякова; д) Харьковский Земельный Банк командовался евреем Алчевским, который, не успев возвыситься до Поляковых, положил голову на рельсы; е) Полтавский Земельный Банк наравне с Харьковским в течение долгого времени состоял под эгидой своего главного комиссионера еврея Рубинштейна; ж) Киевский Земельный Банк имеет своим феодальным бароном Бродского; з) Виленский Земельный Банк многие годы был подчинён еврею Блиоху; и) Варшавское Общество Поземельного Кредита обитает под главенством еврея Кроненберга; к) Бессарабско-Таврический Земельный Банк — удел евреев Рафаловичей; л) бывший Золотой, а ныне Особый Отдел Дворянского Земельного Банка находится, если я не ошибаюсь, и теперь в договорных отношениях с домом Ротшильдов; и, наконец, м) Херсонский Земский Банк; являясь взаимным, он не мог установить официальной связи с кем-либо из князей Израиля, и вот, как бы в

виде утешения на закладных листах этого Банка имеется надпись по-еврейски, своего рода: “мене, мене, текель, упарсин!”. Sapienti sat!...

Что же касается кредита торгово-промышленного, то совершенно очевидны как его необходимость, так и господство тех, кем этот кредит оказывается. Посему уже само отсутствие кредита грозит тяжёлыми невзгодами народному хозяйству. Но они ничтожны в сравнении с теми, которые проистекают из экспроприации упомянутого кредита евреями. Впрочем, и это ещё полбеды перед рабством, постигающим страну с момента захвата иудеями капиталов её государственного банка через монопольную аренду оного, как во Франции (Banque de France) либо через учёт и переучёт кагальных векселей как отдельными евреями, так и целыми их сообществами под видом частных банков разных лживых наименований. Для полноты картины запомним, что нет еврею ничего отвратительнее, как отдавать назад, и что история едва ли в состоянии указать случай, когда бы кагал сполна возвратил награбленное. Завладев чем либо, еврей, умудрённый опытом, заботится прежде всего окружить себя соучастниками, действительными или мнимыми — безразлично. Основная задача в том, чтобы главным образом запятнать их. Il s'agit de prendre sans etre pris!...

Поэтому сыны Иуды оркестрируют свой лакействующий аккомпанемент так, чтобы при наступлении беды гои хлопотали уже не за страх, а за совесть, спасая даже неевреев, а самих себя. Действуя по этому рецепту, таланты “угнетённого племени” становятся не только безнаказанными, а и, почти всегда, неуязвимыми. Образцом такого иудейского иммунитета являются хотя бы интендантские процессы. Здесь, как известно, остались вне преследования не только подстрекатели-евреи, но и все вообще их сподвижники, кто расхищал многие миллионы, обогащаясь на счёт разутого и голодающего русского солдата, безропотно умиравшего на полях Маньчжурии, когда иудейство браунингами и бомбами обучало нас “освободительному” движению в самой России... Но примеры этого рода бывают не в одной интендантской, а и в банковской среде, где кроме Струзберга известны другие имена оправданных князей в Израиле. Зато железнодорожные евреи, по-видимому, как агнцы беспорочны. Идеалом же данного сочетания представляется “Панама”, где, не взирая на расхищение многих сотен миллионов франков и оптовый, так сказать, подкуп парламента, были оправданы уже все подсудимые евреи и неевреи, так как, quod erat probandum, ни у кого из них в бесподобную славу талмуда не оказалось “состава преступления”...

Руководствуясь изложенным, нельзя не заключить, что как ни опасна тирания кагала, оперирующего государственным кредитом и при содействии государственного банка, тем не менее, излечение этой болезни, да ещё при её современной, тяжкой и хронической форме, едва ли возможно, по крайней мере, на глазах нынешнего поколения...

12. Для полноты картины и в виде иллюстрации всего сказанного новейшими данными мы признаём не излишним привести по сведениям “Московских Ведомостей”, “Русского Слова” и “Нового Времени” пять следующих очерков.

I. Из процесса “Волго-Бугульминская Панама” (январь 1912, СПБ.)

Сегодняшнее заседание палаты по Волго-Бугульминскому делу оказалось банковским. Оно было целиком посвящено показаниям двух свидетелей: Лилиенштерна и Рубинштейна[14]*. Первый из них — международный банковский делец. Второй, — по-видимому, также обладает слухом для игры... на бирже.*

В этих показаниях, с достаточной яркостью отразились и банковская техника по реализации железнодорожных займов и даже банковская этика. Характер признаний, сделанных Лилиенштерном в самом начале своего показания, чрезвычайно интересен. По смыслу его заявления выходит, что Россия, которую он давно знает, является по части взяточничества безобидным ягнёнком в сравнении с французскими хищниками.

Свидетель, бывший комиссионер Волго-Бугульминского общества по реализации его капиталов, а теперь сам парижский банкир, Лилиенштерн, подробно рассказывает, на какие специальности делятся французские банки, но, по словам свидетеля, у них есть одно общее свойство: ни в одном нельзя сделать никакого дела без крупных взяток.

“Уверяю вас, гг. судьи, — настаивал Лилиенштерн, — что во Франции взяточничество развито гораздо сильнее и приняло там более страшные формы, чем в России. Я по опыту знаю, что там не может пройти ни один заём, если в осуществлении его материально не заинтересованы банковские директора и французская пресса. На подкуп уходят сотни тысяч, а иногда и миллионы франков”.

При посредстве Лилиенштерна же Дмитрием Нератовым был заключён в Париже договор о реализации 13-миллионного облигационного займа Волго-Бугульминского общества. По этому делу свидетель был командирован в Париж, обусловив комиссионное вознаграждение в свою пользу — 3% с номинальной суммы займа, т.е. около 400.000 руб. и 1.000 руб. еженедельно на расходы. Лилиенштерн осуществил комбинацию по известному курсу через парижский банкирский дом Гиршлера[15]*. Через несколько дней этот банкирский дом переуступил реализацию облигационного займа Лион-Марсельскому банку, но уже по курсу 78, а последний разместил облигации под 87%, т.е. с выгодой для себя на сумму около 1200.000 руб. Лилиенштерн в это время не знал, что русским министром финансов минимальный курс по реализации был категорически определён в 80%, а из вырученной по этому курсу суммы ни комиссионерам, ни другим посредникам нельзя было уделить никакого вознаграждения. В результате сделки, заключённой Нератовым в Париже по*

[14] Разумеется, ни тот, ни другой даже не слышали об “избранном народе”.
[15] Очевидно, также “не еврея”!...

реализации облигационного займа, как исчисляет обвинение, бугульминское общество на 13.000.000 руб. номинальных потеряло по курсовой разнице и на вознаграждение комиссионеров и парижского банка свыше 4.000.000 рублей.

Любопытно, далее, признание свидетелей, что из своего 400-тысячного гонорара он добровольно сделал скидку — приблизительно в 270.000 руб., оставив в свою пользу из 3% лишь 1%.

“В чью пользу уступленные вами 2%” — интересуется прокурор.

“Конечно, в пользу правления!” — удивлённо отвечает свидетель.

Крупное вознаграждение получили различные директора парижских банков, участвовавших в синдикате, и не только директора, но и их друзья. Личные расчёты свидетеля на вознаграждение от этой операции оправдались не вполне: за устройство займа он получил всего 136 тыс. руб.

Другой свидетель, бывший член правления частного коммерческого банка, Рубинштейн развил вопрос о правильной акции Волго-Бугулъминской дороги, находя, что правление, главным образом в лице его директора-распорядителя Голубева, допустило только одну “небольшую оплошность” — оно не провело своих операций по книгам банка. Впрочем, свидетель весьма невысокого мнения о способностях т.е. Голубева, как финансиста, и Д. Нератова, как железнодорожного деятеля...

За своё посредничество в делах Волго-Бугулъминской дороги банк получил 60 тыс. руб.

Между прочим, свидетель разъясняет суду, почему банк вступил в переговоры с французским банком через посредника Лилиенштерна, а не непосредственно. Оказывается, что прямые переговоры отнюдь не позволяет вести банковская этика. Переговоры могли окончиться отказом, а это было бы неудобно, и потому специальным комиссионерам поручается предварительное зондирование почвы. За это зондирование комиссионеры, по словам свидетеля, получают вознаграждение большее, чем то, которое причитается на долю самих банкиров.

Когда возникает вопрос о действительной осведомлённости самого Рубинштейна, последний с пафосом восклицает:

“Я профессиональный банкир с детства!...”

В дальнейшем оказывается, что при реализации бугулъминских бумаг в Париже Рубинштейн, образовав компанию, подписался на 1 мили, рублей по курсу 78%. Когда же он потребовал от Демэ либо курсовую разницу на эту сумму, либо выдачи записанных бумаг, Демэ отказал, но вызванный Нератов согласился уплатить компаньонам Рубинштейна 20.000 рублей.

“А вы располагали миллионом для приобретения облигаций?” — спрашивает прокурор.

Оказывается, для этой операции было достаточно внести только 20.000 рублей (“Русское Слово”)

II. Банки и народные средства.

Накопление средств населением в последние два года приняло у нас особенно значительные размеры.

Попутно с оживлением производительных сил, с развитием промышленности и торговли происходило и накопление денежных ресурсов.

Верным показателем этого может служить работа наших кредитных учреждений, стягивающих к себе свободные капиталы и распределяющие их в торгово-промышленный оборот. Начиная с 1895 года, когда вклады во все акционерные банки краткосрочного кредита достигли 308 мил. рублей, размеры сбережений постепенно увеличивались, составляя средний годовой прирост около 60 мил. руб. В 1909 году они уже достигли крупной цифры в 1.212 мил. руб., а в истекшем году, благодаря исключительным обстоятельствам, поднялись до 1.675 мил. рублей.

Казалось бы, этому росту должен был соответствовать и отлив средств на развитие производительных сил. Однако, это необходимое условие нормальной экономической жизни у нас не имело места.

Торгово-Промышленная Газета, откуда нами взяты некоторые цифровые данные, вполне правильно определяет указанный момент, говоря, что накопление банками энергии в виде золота не находится в должном соответствии с производительностью, которая должна бы была её использовать. И, действительно, если мы обратимся к двум показателям распределения денежных запасов — к учётным банковским операциям и к развитию промышленных предприятий, то не увидим необходимого соответствия.

Рост учёта у нас с 1895 года определился в 647,9 мил. руб., акционерные же капиталы с 2.068 мил. руб. в 1901 году поднялись до 2.594 мил. руб. (+526 мил. руб.) в 1907 году. Следовательно, их годовой прирост за этот период не превысил 75 мил. рублей.

1909 и 1910 годы весьма мало уклонились от этой нормы. Первый дал 82 новые компании, обратившие в свои основные капиталы 74.611 тыс. руб., а второй год — 91 компанию с общим капиталом в 95.078 тыс. руб.

И это тогда, когда вклады в 33-х акционерных банках коммерческого кредита возросли за год на 412,8 мил. рублей, а учёт поднялся только на 246,5 мил. рублей. При этом не надо забывать ещё и значительного участия в организации акционерных предприятий иностранного капитала. Только за один прошлый год (по данным Торг.-Промыш. Газеты) иностранных компаний у нас открылось 9 (из 17-ти разрешённых) с капиталом в 24 мил. рублей.

Куда же девались остальные свободные средства, бывшие в распоряжении банков? Некоторый ответ на это даёт развитие нашими частными банками онкольных операций, сделавших за последние два года резкое движение вверх. С

1895 г. по 1909 г. ежегодный их прирост был в среднем равен 24 мил. рублей, а в одном 1909 году — уже 375,7 мил. рублей.

Можно вполне согласиться с Торгово-Промышленной Газетой, что онкольные операции, заняв первое место, заслонили остальные активные операции банков и опередили даже основную — учётную.

Об увлечении публики биржевой игрой и о всей несостоятельности этого увлечения говорилось немало, и повторять истину, что выигрывает единственно тот, кто не играет, не приходится. Да и суть дел не в этом, а в том, что пособничество банков приняло слишком широкие размеры, что излишки средств расходуются ими на поддержку биржевого ажиотажа, а не предприимчивости в области индустрии. Если эту ошибку в погоне за быстрой наживой делает публика, захваченная азартом биржевой игры, то это ещё понятно. Но если в биржевой вакханалии повинны банки, направляющие средства не на развитие производительных сил, а на спекуляцию игровыми бумагами, то это, без сомнения, убеждает лишь в необходимости для них известных сдерживающих начал.

Выше мы привели показателем нашего экономического роста число открывающихся акционерных предприятий. Однако, необходимо оговориться, что незначительность этих цифр становится ещё более красноречивой, если мы вспомним, что сюда входит и некоторое число старых, захудалых, ослабевших предприятий, теперь, в момент всеобщего подъёма, потребовавших средств и себе.

С каждым днём открываются у нас новые промышленные перспективы, жизнь ставит производительности новые и высокие требования. И в это время капитал, избалованный всевозможными гарантиями и обеспечениями, старается себе найти при благосклонном участии банковского синдиката выгодное помещение в биржевой спекуляции.

Но есть и ещё не менее вредное следствие такой политики частных банков. Это их фаворитизм излюбленным ценностям во вред интересу к государственным бумагам.

Как-то странно после этого слышать сетования на нашу финансовую политику, направляющую часть государственных средств на поддержку курса своих капитальных бумаг. Наоборот, нам кажется достойной упрёков указанная деятельность банков, направленная отнюдь не в сторону государственных интересов, вследствие чего регулятор для этой деятельности становится положительно необходимым. (“Московские Ведомости”, статья В. Крупенина).

III. Английская дружба

На Мурмане, как, впрочем, и везде на окраинах, мы так “ретиво” оберегаем наши интересы, что хищнические успехи англичан принимают размеры совершенно невероятные. “Новое Время” приводит поучительную таблицу улова рыбы англичанами в наших полярных владениях:

В 1906 году — 141.027 пудов.

В 1907 году — 283.854 пуда.

В 1908 году — 440.960 пудов.

В 1909 году — 1.049.707 пудов.

В 1910 году — 1.574.560 пудов.

В 1911 году — 2.361.840 пудов.

Не правда ли, как выгодно “дружить” с Россией. Стоило только Англии втянуть нас в “соглашение”, и хищничество её сразу удесятерилось... А мы всё улыбаемся...

IV. Мировая торговля хлебом и евреи

“Относительно захвата некоторых отраслей промышленности (железоделательной, угольной, хлебной и пр.) мне уже приходилось писать. В связи с законопроектом М.Д. Челышева коснусь ещё раз основной народной промышленности — хлебной. Она почти целиком в руках того пронырливого племени, которое не в шутку вытесняет у нас национальное правительство. У читателя, может быть, мелькнёт соображение: да что же тут такого худого, если настоящая сила вытесняет призрачную? Обрезанное правительство или необрезанное, в конце концов не всё ли равно! Что ни поп, то батька...

Нет, достолюбезный читатель, отвечу я, — не всё равно. Правительство (национальное) может иногда быть очень плохим, но всё же оно, за редкими исключениями, существо честное и сознательное, выжимать из населения весь пот и кровь не станет. Частные же биржевые синдикаты (хотя бы и христианские) делают это вполне сознательно, очень часто забывая, что курица, несущая золотые яйца, не бессмертна. Не только у нас, а даже в Америке практика хлебных промышленников, особенно еврейских, принимает преступный характер. Вот что пишет проф. Руланд в сочинении, обошедшем все европейские страны: “Участие спекулятивного капитала в образовании цен на хлеб превратилось в пагубное явление”. Благодаря сроковым биржам цены на хлеб колеблются так же сильно и неожиданно, как на спекулятивные бумаги. Есть в Америке частное бюро Брэдстрата, сообщающее статистику с 1.000 хлебных рынков. Североамериканский синдикат элеваторов, по словам проф. Руланда, пользуется этой статистикой “для фальсификации рыночных сведений в целях своих особых спекуляций”. Вот вам и хвалёная американская статистика! Прирождённые фальсификаторы, евреи, захватившие хлебную торговлю, дурачат весь мир вымышленными цифрами, заявляют об урожае в странах, где его нет или, наоборот, создают хлебную панику либо преувеличенные надежды и сообразно с этим играют на повышение цен или понижение их. В результате не только отдельные олухи из зерновладетелей, но

и огромные страны со слабым правительством попадают в ужасный просак. Одурманенная заграничными хлебными бюллетенями, Россия вывезла в 1897-98 г. почти половину всей своей пшеницы (из 473 мил. пудов — 214 мил. пудов), между тем как в следующем году при значительно лучшем урожае (673 мил. пуд.) вывезла только 17% (114 мил. пуд.). Тоже сделала и Индия, и обе великие кормилицы народов, не имеющие счастья обладать хорошим мозгом, были жестоко наказаны, пережив в этом же году сильный голод..., "так как, — прибавляет Руланд, — они вывезли слишком много хлеба — за короткий период времени".

Знаете ли, во что обходятся мошенничества в хлебной торговле и биржевой хлебный ажиотаж? "Размеры денежных выдач по игре на разнице только на крупных хлебных сроковых биржах С. Америки достигают 700-900 мил. рублей". Вот куда проваливаются трудовые копейки нашего землероба, не выработанные, а выстраданные за сохой! Чудовищный факт, не замечаемый, очевидно, правительством. "Мы, по словам г.Челышева, сбываем за границу почти за бесценок в урожайные и даже в голодные годы не избыток своего хлеба, а, хотя и существующий по нашей же вине, недостаток. Душевое потребление всех хлебов у нас в России дошло до 14 пудов, что составляет уже недоедание, тогда как на Западе размер душевого потребления не опускается ниже 22-25 пудов".

Вот что составляет истинный ужас, который многие сановники наши упорно не желают заметить! О недоедании народом, я помню, мне приходилось много писать больше 20 лет назад, но и официально признанное явление это так и не дождалось правительственной борьбы с ним. Между тем, недоедающий народ есть народ гибнущий. Начните недокармливать самую лучшую породу скота. Поглядите, как быстро она станет мельчать и вырождаться, принимать карликовые формы. Буквально то же происходит и с великим русским племенем, опять только потому, что головной мозг страны, правящее сословие, не прогрессирует, не поспевает за её физическим развитием..." ("Новое Время", статья М.О. Меньшикова).

V. Гинцбургиада на Лене

/. Изумительна, непостижима в наше время даже не система воздействия, доныне отсутствующая, а хотя бы оценка самых тяжких событий, происходящих при благосклонном участии еврейства. Так, например, убийство П.А. Столыпина отразилось не на судьбе злоупотребляющих русским гостеприимством сынов Иуды, а на усиленной охране их же в Киеве от погрома. Равно как, с другой стороны, нарочитое расследование условий злодеяния обратилось главным образом к выяснению виновности должностных лиц, а не степени соучастия кагала... Точно также, за редкими и поверхностными изъятиями, всё, совершившееся на далёких берегах Бодайбо за период Пасхи 1912 г., не обусловило и в периодической печати, и в государственной думе пока решительно ничего, что здраво соответствовало бы действительному содержанию явлений во имя государственных интересов, которыми англо-еврейская золотопромышленная компания причиняет нам столь важный ущерб.

Но если пресса, в большинстве иудаизированная, заслуживает здесь не упрёков, а иных мероприятий, то нельзя не заметить о государственной думе, что ни в одном из трёх её запросов не только ни слова нет об иудеях, столь прикосновенных к делу, а само имя директора-распорядителя Гинцбурга оказалось ни разу не упомянутым...

Между тем, если бы и возможно было закрывать глаза пред той кровью, которой, вследствие созданных компанией ужасов, забрызгано достоинство России, то и тогда во имя государственной прозорливости надлежало остановиться по пути вопроса, до каких пор английские и наши евреи со своими шаббесгоями будут издеваться над русским народом? Куда это ведёт нас? Чем грозит закончиться? Увы, на эту, единственно подобающую почву, никто в государственной думе не становился. Сама система защиты от врагов родины, коварно именующих себя её представителями, велась только в отрицательном направлении, а какого-либо, само собой напрашивавшегося требования отнюдь не заключала. Строго говоря, во всём составе этой нижней палаты "парламента", как многие, особенно "либеральнейшие" из её мудрых членов, не прочь величать её, не обнаружилось и в проблеме столь поразительной важности ни одного воистину государственного ума. Обвинения против агентов правительства, да ещё в том содержании, как они были заявляемы, будучи, во всяком случае, лишь второстепенными, ни в какой степени даже не приближались к той сущности дела, о которой следовало внести запрос.

Если наступающая вновь избирательная борьба вызвала по трафарету "левых" необходимость атаки на представителей власти, то, без сомнения, она не могла казаться ни заманчивой в смысле популярности, ни целесообразной хотя бы в пределах дискредитирования режима, так как массы избирателей успели значительно развиться политически, а и наилучший режим сам по себе, т.е. без всенародной поддержки, не может рассчитывать на победу в бою с интернациональным, потаённым, жестоким и бесчестным заговором против любого правительства и всякого государственного устройства.

Наоборот, разоблачение его замыслов и указание приёмов не менее оригинальных, чем нов и во всём прошлом беспримерен сам факт такого заговора, являлось заслугой перед человечеством. Рассматриваемое на мировой сцене, оно мыслит не отвлечёнными идеями либо теоретическими выводами, а образами и картинами, убеждается не умозрительными методами, а тем более не туманными обещаниями или предсказаниями, а неоспоримыми данными, реальными событиями. Отсюда естественны жажда народных масс к разумным и беспристрастным указаниям на суть происшедшего и полное безучастие ко всякой мелодраме либо к трагическому, своекорыстному лицемерию.

Значит, и по отношению ко всему, что происходило во владениях ленского товарищества, жалкими и бесплодными останутся крокодиловы слезы над участью порабощенных им тружеников, столь вероломно проливавшиеся в государственной думе параллельно с возгласами из той же среды "при чём здесь евреи?..." Нет, не этой дорогой придут к русскому сердцу его истинные друзья!...

II. Вникая в смысл явлений, трудно прежде всего не заметить беспросветных жестокостей на Лене рядом с уверенностью их авторов в безнаказанности. Помимо трусливых евреев, самим просвещённым мореплавателям, только что пережившим опаснейшую каменноугольную забастовку и не дерзнувшим, однако, прибегнуть к военной силе, к своей власти, метод обращения с рабочими, применяемый ими в России должен был внушить сознание крайних опасностей, из него же логически проистекающих. Тем не менее, мы видим, что ни евреи, ни англичане об этом не задумывались. Спрашивается, — почему?...

Ответ может быть предложен в следующем. 1905 год слишком свеж на памяти. Нельзя, а в особенности так скоро, допустить возобновление того, что происходило тогда при участии рабочих. Нельзя, стало быть, терпеть никакого проявления их самодеятельности. Напротив, при малейшей отсюда искре необходимо гасить её всеми средствами. Заключение, этим определяемое, достигает неумолимости при совпадении вероятия внутренних беспорядков с дипломатическими осложнениями, а тем паче — с нарушением английских интересов, Великобританией не дозволяемым. Насколько абстрактные посылки означенной категории могли бы оправдаться в действительности, мы пророчествовать не берёмся. Достаточно признать, что они могли иметь место. Но если отрицать сие бесполезно, то неизбежный вывод является таким. Призвав себе на службу в 1905 году "сознательных пролетариев" и причинив нам столько горя, а затем не переставая играть призраками "свободы" поныне, всемирный кагал, между прочим, рассудил, что власти в России окажутся на его стороне при всяком движении 6.000 рабочих на ленских приисках и, следовательно, остановят таковое при любых обстоятельствах. Иными словами, подстрекнув своих "пролетариев" хотя бы на "иллюминации" и даже из одного этого приобретя многие миллионы, членам ли "избранного" народа подобало засим стесняться в добывании золота какими угодно путями?... Они и стали вести себя по этой программе. А когда довелось покрыть содеянное кровью нескольких сот рабочих, то же еврейство через своих же ставленников в государственной думе попыталось обратить всю ответственность на русские власти, устранившие насилие, себя же ещё раз выдвинуло, как паладина тружеников и мстителя за принесённые ими для кагала кровавые жертвы... Это, разумеется, не исключает и впредь нового превращения сынов Иуды в ревностнейших охранителей "порядка" на своих приисках через ту же власть, распинать которую они собираются среди оркестрируемых кагалом "народных" протестов даже в С.-Петербурге, равно как на пути избирательной в IV государственную думу трагикомедии вообще... Duobus litigantibus, tetrius gaudet!

Таково политическое "художество" евреев в данном случае.

Но мы уже. знаем, что иудейская политика неразрывно связана с таковыми же прессой и биржей. О кагальной печати в "Гинцбургиаде" мы пока лишь упомянули, ниже постараемся добавить и ещё кое-что. С другой стороны, мы не оставим, конечно, без внимания и биржевых талантов "избранного" народа, насколько через эту "музыку" они заявили о себе в захвате под свою тиранию огромной площади русской земли с богатейшими россыпями золота...

Сейчас, начиная, так сказать, увертюрой, мы, по горьким сведениям "Нового Времени" (8 апреля 1912 года, №12956) сперва лишь в общих чертах коснёмся "освободительной" деятельности Гинцбурга и К", определяемой девизом "Зарвавшиеся монополисты":

"На глазей: министерства торговли и промышленности за несколько последних лет в монопольное владение ленского товарищества попал обширный золотоносный Витимский район. Постепенно более мелкие предприниматели сдали свои позиции, и где работало до 20 фирм, там безраздельно воцарилось товарищество, оперирующее на английские капиталы и щедро кредитуемое из средств Государственного Банка [16].

---

[16] "Русское Слово" (26 апреля 1912 г., №97) в статье "Следственная Комиссия" делает такие указания:

О широких задачах, стоящих перед следственной комиссией, можно заключить уже по тому обстоятельству, что ревизия должна будет заняться в числе других разъяснением вопроса о действиях Государственного Банка по ленскому товариществу и о роли представителей этого Банка, находящихся в непосредственных отношениях с правлением "Лены". Связь Банка с товариществом сложна и многообразна. Если следствие начнётся с приискового товарищества, тогда внимание ревизоров должен прежде всего обратить на себя факт, что в самом центре его владений находятся прииски, оставшиеся за Банком от бывшей "Бодайбинской компании" и ему доныне принадлежащие. Они были переданы ленскому товариществу в аренду для разработки, но de facto арендатором являлся хозяином. Странность положения заключается в том, что, по существу дела, товарищество не могло не находиться в зависимости от учреждения, которому принадлежали прииски, так как, по географическому положению и обстоятельствам разработки они представляют собой ключ ко всему окрестному району владения товарищества. Держа в своих руках означенные прииски, Банк мог диктовать какие угодно условия "ленцам", а последние не могли бы спорить во избежание приостановки работ на своих приисках. Следовательно, при правильной постановке вопроса уже сам Банк имел возможность не допускать той эксплуатации приисковых рабочих, которая в результате привела к кровавой развязке.

С другой стороны, если следственная комиссия начнёт работу в Петербурге и примется за расследование финансовой постановки дела, то ей понадобится прежде всего обратить внимание на разрешение проблемы, откуда ленское товарищество доставало деньги для пополнения своих оборотных средств? При этом может разоблачится, что в числе других источников товариществу широко служил и Государственный Банк. Может выяснится даже, что Государственный Банк оказывал до странности дешёвый кредит. Если бы, наконец, перед следственной комиссией возник вопрос, каким же образом

Правительственные агенты всячески содействовали успехам названного товарищества в деле закабаления края. Только местный горный инженер Тулъчинский пытался ограничить произвол товарищества в отношении населения и рабочих. Но его заботы систематически тормозились как Иркутским горным управлением, так и горным департаментом. В результате неравной борьбы создалось решительное подчинение как рабочих масс, так и местного населения всесильному товариществу. Атмосфера беспросветного недовольства сгущалась до крайних пределов.

Товарищество прежде всего приняло все меры к тому, чтобы уменьшить количество подъёмного золота.

Пока существовала конкуренция среди предпринимателей, рабочие на приисках широко пользовались правом выбирать самородки из породы и сдавать их владельцу прииска по установленной цене.

Ленское товарищество, очутившись в положении монополиста, почти уничтожило возможность рабочим пользоваться подъёмным золотом. До чего выгодно выбирать самородки, можно судить хотя бы по тому факту, что за впуск ночью в шахты сторожа брали по пятисот рублей с человека. Теперь товарищество строго оградило свои права собственника. Однако, по заявлению главного управляющего прииска г. Белозерова, подъёмного золота поступает всего на 800 т. р., тогда как прежде одни рабочие на этом золоте зарабатывали около 2.000.000 р.

Отсюда понятно и требование рабочих о компенсации в виде увеличения заработной платы на 30%. Платят за такое золото по 3 руб. 60 коп. с золотника вместо 4 руб. 44 коп. Золото, поднятое в виде самородков, сдаётся в опечатанные кружки, и стоимость его уплачивается артели. Таким образом, у рабочих порознь отнята надежда на внезапное обогащение. Между тем, эта-то надежда и позволяла рабочим массам мириться с крайне тягостными условиями работы и самой жизни на приисках, заброшенных в глухую, холодную тайгу.

Наряду с этим, ревниво оберегая свои прерогативы, как собственника каждой крупицы золота, а в другом направлении пользуясь своим положением монополиста, ленское товарищество лишило рабочие массы фактической возможности защищать свои права, выработанные, однако, местными обычаями на протяжении почти целого столетия.

Труд, правда, оплачивается сравнительно высоко. Годовой заработок рабочего колеблется между 500 и 600 руб., но почти не стало слышно, как раньше, о рабочих, уносящих тысячи рублей и десятки тысяч. Главная приманка, своего рода лотерея, исчезла. Всё урегулировано, и масса уже этим самым фактом чувствует себя обиженной. Прежде "фарт" (выручка от самородков) делился между предпринимателем и рабочим. Теперь "фартовый" заработок всецело выпадает на долю счастливого владельца акций ленского товарищества. Рабочая масса видит, как непропорционально затрачиваемому капиталу обогащается владелец предприятия. Она слышит, что управляющий на сверхсметной добыче золота наживает сотни тысяч рублей. Но все эти блага идут мимо работающих. Создаётся опасное настроение против алчных монополистов, не желающих делится дарами природы с теми, кто их открыл и добыл.

На приисках к тому присоединяется тягостное чувство порабощения всех и каждого деспотическому товариществу. Почти все жители города Бодайбо находятся в подчинении "хозяину", все являются лишь подрядчиками у него. В виду этого, раз администрация товарищества признаёт чьё-либо пребывание вредным, то опальный рабочий, не поладивший на приисках, не может выступить хотя бы в роли старателя, т.е. самостоятельного, мелкого предпринимателя-рабочего. Стоит администрации под рукой объявить кому-нибудь отлучение, и такой рабочий не получит нигде кредита. В буквальном смысле слова, он окажется лишённым крова и пищи. Вот почему общая зависимость от товарищества создаёт враждебную ему атмосферу.

Она сгущается и тем, что более мелкие служащие далеко не всегда остаются на высоте положения. Власть, сознание могучей силы хозяина опьяняет исполнителей среднего и мелкого калибра. Поэтому очень часты случаи нетактичного отношения мелкой администрации к отдельным рабочим. Обиженный встречает, конечно, огромное сочувствие в сотрудниках, понимающих, что каждый из них не застрахован от подобной участи. Фактическое бесправие массы вызывает ощущение неуверенности в завтрашнем дне. Между тем, эта неуверенность не имеет противовесом прежней надежды на возможность быстрого обеспечения. Сама высшая администрация прекрасно сознаёт необходимость выдержанного отношения к запросам и интересам массы. Тем не менее, на каждом шагу исполнители велений начальства выступают в роли насильников.

Создаётся такое положение, при котором фактически упраздняются все юридические и правовые нормы. Казалось бы, что право иска по нарушенному договору является неотъемлемым у каждого лица. Между тем, среди требований, выставленных рабочими, фигурирует именно признание за ними "права предъявлять иски товариществу о нарушении договора". Несомненно, что никто юридически не в состоянии лишить рабочих права на иск. Но, в действительности, рабочему даже проживать негде после расчёта, чтобы вести процесс с товариществом по нарушению им контракта. Всякая же

Государственный Банк осуществлял своё право контроля над действиями товарищества, то за получением ответа комиссии лучше всего было бы обратиться к директору Государственного Банка Н.И. Бояновскому, состоявшему одновременно и членом правления ленского правления. Он в полной мере ответственен за действия этого правления во весь период забастовки приисковых рабочих, потому что был своевременно и детально осведомлён обо всём происходившем, принимал участие в совещаниях правления и знал все теневые стороны ленского дела не хуже гг. Белозерова, Гинцбурга, Тимирязева, Шампаньера и друг.

юридическая помощь на месте отсутствует. Тот факт, что рабочим по иску, ими предъявляемому, пришлось обратиться к иркутским адвокатам, красноречивее всяких слов свидетельствует о совершенной беззащитности рабочих в золотоносном районе. Крепостническая зависимость рабочих от администрации приисков вызывает то, что на деле не может быть осуществлено право каждого назначить плату за сверхурочные работы по соглашению. Засим, как видно из требований рабочих, они фактически лишены возможности привлекать лиц из приисковой администрации к ответственности за оскорбление, настаивать на регулярной уплате денег за дни, пропущенные по болезни и увечью, приключившемуся по вине товарищества и т.д. Не обеспечены правильность расчёта, выдача на руки расчетных книжек да и самая оплата труда деньгами, а не талонами.

Об обстановке, в которой живут рабочие Ленских приисков и совместной жизни семейных с холостыми говорить не приходится... Ужасы казарменной жизни рабочих были описываемы на страницах "Нового Времени". Очевидно, что создание полного и беспредельного порабощения товариществу толкнуло, наконец, рабочих, решительно не склонных поддаваться агитации, на мысль о необходимости объединённому образу действий товарищества противопоставить объединённое же выступление рабочих масс.

Не надо забывать, с другой стороны, что нравственную поддержку рабочие встречают во всех слоях местного населения. Против товарищества настроены мелкие золотопромышленники, выбитые из колеи непосильной конкуренцией, против него же и многочисленные поставщики, работающие на ленцев, но всегда сожалеющие, что те диктуют им цены, какие угодно.

Круговая кабала в районе объединяет всех на чувстве недовольства вообще, а в частности, и на глубине ненависти к отдельным лицам, из состава его администрации. Слишком очевидна для всех общая подчинённость, заставляющая 25-тысячное население покорно уступать львиную долю извлекаемых богатств в руки пришлых иностранцев и евреев. Неимение выхода, отсутствие других предприятий, куда могли бы передвигаться элементы, возмущённые действиями товарищества, всё делает обстановку подобной той, которая создалась бы в котле, лишённом предохранительных клапанов...

Заправилы ленского товарищества настолько привыкли к атмосфере беспрекословного подчинения всех и каждого, что уже сама попытка рабочих восстановить свои попранные права вывела "хозяев" из равновесия.

Ленцы неотступно требовали от представителей власти крутых мер. Непокорных протестантов предполагалось выселять зимой, т.е. обрекать на все невзгоды странствий в дикой тайге, по морозу и пешком. Между тем, один выход из тайги в заселённую местность обошёлся бы бедному рабочему при этих условиях в 80-100 руб.

Колебания местной администрации в деле немедленного выселения вызвали жалобы ленцев на агентов правительства. Не довольствуясь сказанным, товарищество первым делом потребовало отправки войска. Это обстоятельство ещё более возбудило рабочих, в начале даже склонных охранять шахты от затопления водой. Арест стачечного комитета без повода к тому с его стороны, а затем и коварное стремление Ленской администрации придать стачке присущий ей политический характер, запутали все отношения.

Губернские власти, естественно, потеряли голову, и в результате — пролитая кровь!...

Как всегда, собственные важные недочёты пробуют теперь прикрыть вероломными криками о политическом выступлении. Свою бесцеремонность в обращении с правами населения и рабочих масс маскируют возгласами о подрыве основ!... Между тем, единственным коренным выходом из создавшегося положения является уничтожение монополий ленцев, закабаливших весь край, благодаря бездорожью и трудности проникновения в район, нередко и совсем отрезываемый от мира.

Приходится пожалеть, что, благодаря проискам города Иркутска, вопрос о соединении судоходной части р. Лены железной дорогой с Сибирской магистралью отложен до осени. Каждый год промедления отдаёт край в безраздельное господство монополистов, очевидно потерявших меру в своих притязаниях и не останавливающихся, для защиты своих привилегий перед пролитием крови рабочих, в жесточайшей, каторжной обстановке создающих им колоссальные богатства..."

III. Установив путём изложенного магистральные линии вопроса, нельзя не перейти к его анализу, разумеется, сжатому. Материалом служат данные, опубликованные в печати и прения в государственной думе.

На первом плане необходимо ознакомиться, по крайней мере, с главными из действующих лиц и прежде всего остановиться на фамилии Гинцбургов.

Основателем её, увы, зловещего для России благоденствия является Иевзель Гинцбург, занимавшийся винными откупами, равно как казёнными порядками и поставками, особенно же снабжением войск по наставлениям талмуда в Крымскую войну. Но, сколь бы они ни были вразумительны, гешефты Иевзеля Гинцбурга в кровавую эпопею Севастополя, строго говоря, выходят за пределы нашей задачи. В виду этого, ограничиваясь ссылкой на данный факт и пологая, что он достаточно говорит сам за себя, мы отметим лишь, что плодам своих благодеяний, оказанных русской армии, Гинцбург не давал, конечно, оставаться втуне. Нет, он для них нашёл блистательное помещение как в денежном, так и в политическом смысле. Превратившись в барона и открыв банкирский дом в самом Петербурге, он не замедлил принять участие, без сомнения, иудейское, и в освобождении крестьян... Грандиозность финансовой операции правительства по выпуску 5% билетов Государственного Банка в уплату помещикам за наделяемые крестьянам земли, была немедленно учтена международным еврейством, представителем которого в С.-Петербурге оказался тот же Гинцбург. Сперва совместно с сыном, Гиршем, переименовавшим себя в Горация, а после своей

смерти уже в лице его одного, основатель фирмы начал скупать 5% билеты у крупнейших рабовладельцев. В этом направлении были одновременно достигаемы две цели. Через еврейскую стачку цена 5% билетов была понижена в среднем процентов на 20 против номинала[17]. Когда же Гинцбург выезжал на гастроли в Ниццу, Ментону, Канн либо Монте-Карло для "воспособления" неунывающей российской аристократии, то эта цена низводилась им, по мере нужды "клиентов", даже на 30, а временами и на 40 процентов. Ясно, какие отсюда проистекали барыши...

Но Гораций Гинцбург этим не довольствовался. "Помогая своему счастью", он во славу Израиля умножал знакомства и завязывал связи сильных мира сего, пока не сделался в петербургских сферах persona gra-tissima, используя своё положение как посол всемирного кагала. Между прочим, ему удалось с чрезвычайным торжеством и в присутствии высших должностных лиц русской администрации открыть вновь сооружённую кагалом синагогу в Петербурге, причём иудеи встречали его, как нового Моисея, нисходящего с горы Синая, а издатель журнала для семейного чтения, еврей Маркс, на страницах своей "Нивы", возвестил об этом событии, даже как о неизречённой благодати и о залоге новой эры в России... И стал Гораций Гинцбург, как некогда Мадрохей, *"великим у сынов Иуды и любимым у множества братьев своих, ибо искал добра народу своему и говорил во благо племени своего"*. Чрез него на горе нашему отечеству проводились всякого рода еврейские дела, под его покровительством быстро размножались и усиливались иудеи в Петербурге, при его же содействии проникали они в высшие правительственные учреждения и ему, наконец, мы больше всего обязаны кадетскими, а то и прямо еврейскими депутатами в государственной думе от первенствующей русской столицы... Гинцбург был действительным главнокомандующим русского еврейства и, концентрируя его силы против нас, являлся в течение долгих лет для собратий своих незаменимой опорой. А для того, чтобы составить себе решительное понятие о степени нашей близорукости, укажем, в заключение, на столь поразительный факт, как принадлежность того же еврея Горация Гинцбурга к "Священной Дружине", организованной важнейшими русскими сановниками для охраны Государя Императора Александра III, после злодеяния 1 марта 1881 года[18].

Расширяя кагальное господство, Гораций Гинцбург направил свою деятельность в сторону драгоценнейших металлов — платины и золота. Месторождения платины на земном шаре редки. Посему Урал, как её важнейший источник, должен был оказаться в отношении платины монополией одного из сыновей Горация Гинцбурга — Александра. Из 450 пудов ежегодной добычи этого незаменимого в электротехнике металла больше половины захватывается именно на Урале анонимной компанией, во главе которой стоит барон Александр. Скупая, в частности, всю вообще платину у графов Шуваловых, князей Сан-Донато и других известных промышленников, еврей Александр Гинцбург держит в своих руках не только платиновое дело всей России, а и целого света. Разбогатев за счёт русского народа и у нас же безмерно обогащаясь вновь, барон Александр, тем не менее, как еврей и ставленник иностранных сынов Иуды, ведёт, конечно, на Урале непримиримую борьбу с русской частью предпринимателей, средних и мелких геройски отбивающихся от окончательного закабаления иностранцами и еврейством. Увы, они едва ли могут питать какую-либо надежду... После трёхлетних усилий, совету съезда представителей уральских золотопромышленников удалось, наконец, добиться внесения в государственную думу законопроекта об урегулировании платинового вопроса в Империи. И что же?... Александр Гинцбург выступил в совете съезда представителей промышленности и торговли с докладом о вреде этого законопроекта. С другой стороны, были найдены ходы в одну из комиссий государственной думы, и та согласилась с мнением барона...

Наряду со сказанным, не излишне, пожалуй, указать и на следующее. Русская золотопромышленность имеет в Петербурге свой орган, именуемый постоянной совещательной конторой. В его работах принимают участие и представители местных съездов. Однако, по странной иронии судьбы большинство членов конторы евреи. Председатель — Грауман, члены — Оссяндовский, Захер, Литауэр и т.п. Сверх того, эти евреи являются, по-видимому, лишь ставленниками иудейской же затеи, "Лензото", иначе говоря, "ленского золотопромышленного товарищества".

"Оно родилось на свет 29 марта 1896 года, — говорит Марков 2-й в государственной думе, — *ну, разумеется, преемником его был никто иной, как министр финансов Сергеи Юльевич Витте, а в столь полезной деятельности ему содействовал и тогдашний министр земледелия г. Ермолов. Громадные золотоносные владения отдавались новым учредителям, каковыми объявлялись барон Гораций Иевзелев Гинцбург и торговый дом "Мейер и К'", т.е. махровый жид и коллективный жид. Далее, хотя в Сибири жиды не имеют права и проживать, особым законом того же 1896 года двум названным жидам, коллективному и единоличному, были отданы громадные сибирские земли с разными иными недвижимостями и, сверх того, предоставлено приобретать столько земель, сколько заблагорассудится. И они своим правом воспользовались... Теперь даже ораторы из кадетской партии, правда — сибиряки, на собственной шкуре испытывающие эту прелесть, заявляют, что чуть ли не вся Лена с Вилюем и Витимом принадлежат тем же жидам без остатка. В параллель со сказанным трудно не напомнить, что русское благородное дворянство и до сих пор не может настоять на исполнении священной воли Императора Александра III, повелевшего отводить в Сибири*

[17] Те же златые для сынов Иуды дни настали лет сорок спустя, вновь, когда под гнётом ужасов "освободительного движения" дворянские земли, нередко за бесценок сбывались Крестьянскому банку, а 6% закладные его листы шли на бирже лишь в 80% их номинальной стоимости, евреи же получали, на совершенно чуждом казалось бы, для них деле ещё раз 20% своей "провизии".

[18] См. Исторический Вестник — "Эпоха мира и успокоения" Глинского.

необходимые угодья дворянам, нуждающимся в земле...”.

Надо ли прибавлять, что в защиту русских рабочих от еврейской эксплуатации, а также и вообще о рабочем законодательстве в горнозаводской промышленности С.Ю. Витте отнюдь не заботился, ни будучи всесильным министром финансов, ни в качестве премьера даже в 1905 году...

С этой точки зрения, следует привести жалобы в государственной думе сибирского депутата Чиликина.

“В прениях о Ленских событиях осталась не освещённой одна сторона. Дело в том, что в самой основе событий лежит отсутствие рабочего законодательства по отношению к рабочим, занятым в горных промыслах. Такое отсутствие попечения государства о жизни, здоровье и положении рабочих, занятых золотопромышленностью, и явилось главным побудителем к тому, что Ленские рабочие взялись за столь бедственное орудие в борьбе с предпринимателями, как стачка. Между тем, уже 7 лет назад правительство признало невозможным охранять существующий порядок во взаимных отношениях рабочих с золотопромышленниками, а в 1908 г. министерством торговли и промышленности был разработан целый ряд проектов о рабочих на горных промыслах. Но эти проекты так и остались не внесёнными в думу, не смотря на то, что съезд золотопромышленников проектировал даже создание особых промысловых судов из рабочих и предпринимателей, и примирительных камер. Когда же депутат Волков сам внёс предложение о распространении закона о страховании на Сибирь, государственная дума по настоянию Литвинова-Фалинского отклонила его предложение, хотя съезд золотопромышленников ещё в 1907 г. признал возможным распространить этот закон на Сибирь. Ныне от имени сибирских депутатов я предлагаю думе принять следующую формулу перехода: “Принимая запрос, государственная дума считает необходимым внесение правительством проекта, устанавливающего правила о найме рабочих на золотые и платиновые прииски, нормирующего рабочее время и жилищные условия на этих приисках, а также распространение на приисковые районы в Сибири законов о страховании от несчастных случаев, болезней, инвалидностей и т.д.”.

Директором-распорядителем в “Лензото” состоит, разумеется, другой сын Горация Гинцбурга — Альфред. Что он мало способен к делам вообще, а к этому в частности, и что он больше занимается прожиганием жизни, нежели чем-либо иным, это вовсе не мешает ему быть владыкой 6.000 рабочих, порабощённых ленским товариществом. Барону Альфреду достаточно носить фамилию Гинцбурга для того, чтобы повелевать неограниченно. Da schweigt alles!... Само собою разумеется, что как и барон Гораций, Альфред и Александр Гинцбурги являются, прежде всего великими во Израиле и в этом качестве состоят членами духовного правления Петербургской синагоги... Впрочем, черезполосность кагальной власти с правлением ленского товарищества, неизбежная, так сказать, теоретически, раскрывается и соучастием в обоих учреждениях кроме самих Гинцбургов ещё таких “золотоносных” иудеев, как Мейер, Мориц и другие. Столь же логическим результатом является как назначение высшим представителем товарищества на месте приисков иностранца Теппана, так и переход в товарищество со службы Правительству окружного инженера Амурэ. Не взирая на страшное впечатление кровавых событий 4 апреля по всей России, слуги Гинцбурга Амурэ и Теппан, стали вновь требовать у власти энергического воздействия на рабочих, а инженер Теппан даже заявил публично в присутствии окружного инженера Александрова, что нечего останавливаться на полумерах при защите интересов такого крупного, мирового дела как ленское предприятие... Возможно ли сомневаться, при этих условиях, что среди упомянутых вселенских забот чужеродцам аккомпанируют и доподлинные евреи? Действительно, подготовляя выступление на данную сцену англичан или, выражаясь проще, английских евреев, подкреплённых несколькими шаббесго-ями-лордами, занимался оборудованием драгоценнейшего Феодосиевского прииска еврей же, инженер Гассовер, а главным инженером товарищества и доныне оказывается Гирш Дувидов Гершберг, самое имя, отчество и фамилия которого лучше свидетельствуют, чем любое жизнеописание!...

Тем не менее, всё это — сравнительная мелочь. Главными поддужными Альфреда Гинцбурга являются два особых, русских шаббесгоя — Белозеров и Тимирязев.

Глубоко прозорливым являлся старый русский закон, которым бывшему крепостному, хотя бы и достигшему дворянства, запрещалось владеть своими бывшими односельцами, как и крепостными людьми.

Такой закон необходим и по отношению к бывшим рабочим, сколь бы они ни были воспеваемы биржей. *“Трясётся земля и не может носить раба, когда он сделается царём!”* (Притчи Сол., XXX, 21 и 22). Члену правления синагоги Альфреду Гинцбургу этот текст не может быть неизвестным. Ясно, что, назначая вершителем судеб приискового населения одного из бывших “старателей”, Белозерова, барон Альфред понимал, что делал. И мы видим, что непомерное возвышение размера “уроков”, наряду с принудительным понижением заработной платы и ухудшением всех условий жизни тружеников на приисках, отказы даже в медицинской помощи, удаление всякого из служащих, как только он дерзнёт выразить симпатию к рабочим, вообще крайняя жестокость их эксплуатации, выработанная его собственным опытом, как рабочего, проистекали от Белозерова. Увеличивая, стало быть, барыши товарищества, он не только приобретал репутацию “дельца” и непререкаемый авторитет на собраниях акционеров, но и, получая жалованья до 150.000 руб. в год, находил возможным переноситься с печальных, слезами и кровью залитых берегов Бодайбо, на Cote (ГAzur и целыми месяцами наслаждаться в Ницце, либо Монте-Карло. Англо-еврейская кампания, добывавшая груды золота из промёрзших Ленских песков, ставила труд рабочих в крайне тяжёлые условия. На это указывали и правительственные обследования. Министерство торговли, к которому обращались руководители золотого дела во главе с Гинцбургом, советовало, к сожалению бесплодно, улучшить положение рабочих, пойти на встречу их

материальной нужде...

Между тем, цены на ленские акции росли с головокружительной быстротой; на покупке и продаже этих бумаг наживались в короткое время миллионные состояния.

На бирже "Лена" оказалась сказочным талисманом, позволяющим извлекать золото шутя, играя в жмурки. Мри этих чудесных превращениях все, конечно, забывали о песках Бодайбо, мёрзлой пустыне, в которой создавались сказочные богатства. Тяжкий грех г. Гинцбурга и прочих заправил компании лежал в пренебрежении к тому фундаменту, на котором они возводили своё колоссальное золотое сооружение. Всё их внимание было обращено на лицевую сторону здания, а то, что совершалось в его отдалённых углах, они скрывали, пользуясь недоступностью края.

Для полноты же картины остаётся, разве, привести следующую выдержку из "Земщины", обоснованную на сведениях "Нового Времени".

"Непосредственное распоряжение всеми делами приисков возложено на некоего Белозерова, который является настоящим "царём тайги". Хотя сам он вышел из простых рабочих, но их интересами не занимается, а хищнически эксплуатирует силы рабочих и всех причастных к делу.

Такие встречи и проводы, какие делаются Белозерову при его приездах и отъездах с приисков, устраиваются в России только членам Царской семьи. Флаги, триумфальные арки, венки, транспаранты, гирлянды зелени и сотни электрических ламп пестрят и сверкают на пути полновластного распорядителя судеб целых тысяч людей. Чиновники пред ним молчат, его служащие благоговеют. Умный, хитрый, прекрасно знающий местные условия, а главное характер местных людей, сибиряков, до мозга костей — в смысле эгоизма и настойчивости, он властной рукой ведёт ленское т-во, заставляя всех подчиняться своей воле.

Тройка из такого Колупаева, Гинцбурга и "просвещенного" Тимирязева дружно "работала", но и не менее дружно вела рабочих к взрыву... Кулак, жид и ка-дэк — компания восхитительная!

Мудрено ли, что и деяния их кровавые..."

Но, поручив такое амплуа Белозерову, "директор-распорядитель", равным образом, не мог не сознавать надобности и в "заслуженном" агентстве среди петербургских сфер. Стремясь по иудейскому обыкновению к тирании и безнаказанности, барон Альфред должен был охранять как надлежащие условия положения в Ленской тайге, так и гарантии их незыблемости. А что там проделывалось, тому показателем служит хотя бы следующее: [19]

"Здесь, только что, один из сибирских депутатов читал выдержку из газет о том, каково положение товарищества, положение совершенно исключительное, облеченное всеми атрибутами власти, которые должны быть только у правительства. Моё внимание остановила и перепечатка из "Сибирской Жизни", воспроизведённая "Речью" в №95, от 8 апреля. Да, действительно, там сказано всё то, что нам здесь читали:

Ленское товарищество доставляет средства на содержание мировых судебных установлений, горно-полицейской стражи, личного состава почтово-телеграфных учреждений, горных исправников и их канцелярий, квартирного довольствия чинов горного надзора; на оборудование Бодайбинской тюрьмы, на квартирное довольство чинов местного тюремного управления и надзора. Вся эта масса правительственных чиновников, за получением жалования, вынуждена обращаться в кассу ленского товарищества.

Возмутительное положение! Но ведь, господа, оно создалось не со вчерашнего дня. Ведь это — положение, установленное законом. Почему же до сих пор молчали гг. сибирские депутаты? Почему они ждали расстрела, чтобы заговорить об этих безобразиях".

Наряду с такой картиной, знаменателен и дальнейший вызов "Земщины".

Корреспондент "Нового Времени" также рисует порядки, воцарившиеся на Ленских приисках. Указав на громадное государственное значение приисков, являющихся важнейшим колонизационным пунктом Сибири, он говорит, что вся власть над экономической жизнью его была сосредоточена в руках товарищества.

Правительственные учреждения города Бодайбо завалены исключительно делами, касающимися так или иначе ленского товарищества.

Все должностные лица, имеющие по закону право на получение определённых пособий от съездов золотопромышленников, получаю! таковые от товарищества, так как оно одно фактически представляет собой весь съезд. Даже местная, бодайбинская воинская команда, и та не избежала влияния всесильных ленцев. Часть этой команды отдельно проживает на Надеждинском прииске, при главной промысловой конторе, будучи занята охраной запасов ленского золота и сопровождением его, при перевозках с приисков в гор. Бодайбо, для сплава. Привлечение воинской команды к несению обязанностей охраны золота началось в период экспроприации, но продолжается и до нынешнего дня...[20]

---

[19] См. статью "Земщины" со ссылкой на речь депутата Замысловского 9 апреля 1912 года

[20] Объяснением и развитием указанных порядков на Лене могут служить данные, изложенные в статье "Русского Слова", от 26 апреля 1912 г. № 97:

"Золотые судьи". (От нашего иркутского корреспондента). *Все опровержения и оправдания барона Гинцбурга и администрации ленского товарищества, как петербургской, так и местной, основываются исключительно на авторитете судебных решений и следственных постановлений бодайбинских мировых судей, решивших все дела о забастовке в пользу товарищества.*

Конечно, не только соображения скромности, но хотя бы известная практичность должна была продиктовать г. Гинцбургу совет поменьше распространяться о бодайбинском судебном авторитете.

Дело в том, что ленские “золотые судьи”, они же и следователи (их двое Рейн и Хитун), не столько коронные судьи, сколько служащие ленского золотопромышленного товарищества, подчинённые товариществу в такой же степени, как приисковые врачи, инженеры, материальные надсмотрщики, десятники и др.

Правда, судьи эти формально назначаются министерством юстиции, подчиняются иркутскому окружному суду и получают казённое жалованье: 2.700 руб. содержания и 900 руб. на канцелярские расходы. Но получаемое каждым судьёй содержание от приисков по особой раскладке, сообразно числу рабочих, значительно превышает скромную казённую цифру. Не считая даровой квартиры, лошадей, прислуги и хозяйственных удобств, представляемых приисками судьям, каждый судья получает от ленского товарищества не менее 7.000 руб. в год. Обходится же приискам каждый мировой судья не менее, чем в 25.000 руб. в год. Это не трудно установить по бухгалтерским и торговым книгам того же ленского товарищества.

Прежде, когда золотопромышленных компаний было много, судьи да и другие правительственные чиновники держались несколько самостоятельнее. Не так резко проявлялась их зависимость от хозяев приисков. Теперь, когда ленское товарищество владеет чуть ли не 3/4 работающих приисков, роль судей свелась к роли обыкновенных приисковых служащих.

Зависимость эта обусловливается даже не столько личными качествами судьи, сколько самыми обстоятельствами. Судья на приисках не может достать буквально фунта мяса и хлеба где-либо, кроме приисковой лавочки. От управления приисков зависит доставлять ему товар по той или иной цене, отпустить даром или вовсе не отпускать, дать дров на отопление квартиры, керосина, снабдить прислугой либо совершенно лишить судью возможности кого-либо нанять в услужение. Естественно, что судьи должны быть послушны, — тем более, что это им только выгодно.

Строптивый судья просто физически не может существовать на прииске.

То же, конечно, всецельно относится и к горной полиции и к горному надзору. Ведь, высадил же как-то главноуправляющий приисков г. Белозеров окружного инженера Тульчинского из вагона приисковой железной дороги, как безбилетного пассажира...

Но, и помимо разных хозяйственных соображений, ссориться с приисковой администрацией никто из правительственных чиновников не может и потому, что ему трудно рассчитывать хотя бы на поддержку со стороны своего начальства. Ближайший административный центр, Иркутск, отстоит за 1.700 верст. Почта туда идёт чуть ли не две недели, а два раза в году, осенью и весной, вовсе прекращается на целый месяц. Наконец, всякому известны те, увы, таинственные, невидимые влияния, которыми пользуется ленское товарищество в самых могущественных сферах...

Назначение правительственных чиновников производится не только с согласия ленского товарищества, но и по его рекомендации. Служба на приисках для всякого чиновника чрезвычайно выгодна. Охотников всегда много. Одерживают же верх только протеже товарищества.

Так, в прошлом году, иркутский окружной суд представил в “золотые судьи” члена суда Осинина.

Был назначен совершенно неожиданно некий Рейн, зарекомендовавший себя в этой же должности на Зейских приисках. Его собирались уже причислить к министерству за некоторые черты его юридической деятельности, но... вдруг, назначили мировым судьей, да еще на ленские прииски.

Второй мировой судья Хитун, уже хорошо известный по телеграммам, был назначен

Вполне очевидно, что столь безжалостная и, как об этом ныне кричат уже воробьи на крышах, опасная для спокойствия не только на приисках, а и по всей России, эксплуатация трудящегося населения иудейством обусловливала необходимость призвать на стражу его мероприятий в Петербурге, по крайней мере, бывшего министра. Честь этого рода выпала на долю В.И. Тимирязева, наперсника и креатуры Витте. Чтобы составить себе о нём понятие, необходимо прежде всего, остановиться на его письме в “Новое Время”, где министр сі-

в Бодайбо по ходатайству Белозероваа. До этого иркутский окружной суд однажды отказал г. Хитуну на его самостоятельное ходатайство о предоставлении ему этой должности. Суд признал его ценз недостаточным. Он — выбывший их полка офицер.

До него на приисках был судьей знаменитый Иванов, пользовавшийся громкой “репутацией” во Владивостоке и в Казани, где он даже судился за “присвоение чужой собаки”. Этот г. Иванов пробыл судьей недолго. Его причислили к министерству за занятие торговлей, порядками, скупкой мехов и за “злоупотребление” властью судьи”. Это злоупотребление не лишено пикантности. Г. Иванов, заспорив со своим компаньоном по поставке дров на прииски г. Томчиком, посадил его в тюрьму “за обман компаньона”. Замечательно, что до судебного разбирательства ни обман одного компаньона, ни судейские злоупотребления другого не доходили...

Вот краткий синодик представителей правосудия на приисках.

К этому остаётся разве добавить, что между всеми этими судьями и приисковой администрацией установились прочные, дружеские связи, гарантировавшие судьям в случае каких-либо служебных неприятностей обеспеченный во всякое время приют в ленском товариществе.

Помимо регулярных праздничных, семейных и хозяйственных сувениров, вроде небольших самородков, оригинальных золотых запонок, портсигаров, собольих шуб, новогодних ящиков шампанского, коров, лошадей и т.п., каждый судья, выходя в отставку, получал солидное единовременное пособие, а если только чувствовал себя трудоспособным, то переходил и на службу в товарищество.

Так, бывшие судьи Иванов и Переломов состоят теперь юрисконсультантами ленского товарищества: первый — в Бодайбо, а второй — в Иркутске.

Насколько прибыльна была судебная деятельность г. Иванова, видно из того, что он теперь владеет собственными приисками и держит в аренде Усть-Кутский солеваренный завод. Г. Переломов еще так далеко не пошел. Он — только владелец лучшего дома в Иркутске, на Мыльниковской улице. Кстати, о г. Переломове. Некий Фурман обвинял его в том, что, будучи судьёй, он замял дело по обвинению главноуправляющего ленскими приисками Белозерова в растлении малолетней. Дело доходило до суда, но стороны помирились.

Этими судьями, в сущности, и представлена вся юстиция на ленских приисках, если не считать товарища прокурора г. Преображенского, уже пять лет бессменно состоящего на этой должности, но проживающего главным образом у своего тестя, председателя судебной палаты г. Еракова, в Иркутске.

На приисках г. Преображенский бывает наездом, не чаще раза в год.

При этих обстоятельствах не приходится удивляться работоспособности двух “золотых судей”, Рейна и Хиту на, решивших в три дня 1.500 дел о выселении рабочих с приисковых квартир непосредственно в безлюдную тайгу, откуда до ближайшего жилья не менее 300 верст!...”

devant, между прочим, говорит:

“По поводу событий на Ленских приисках были в печати и в государственной думе высказаны резкие суждения о моей будто бы причастности к этим горестным событиям. Моё место — место председателя лондонского правления английского о-ва “Lena-Goldfields”, которое было основано лет пять назад, когда финансовое положение ленского т-ва пришло в упадок, с единственной целью обеспечить русскому т-ву лёгкую и постоянную форму кредита для оборотного капитала и вообще для развития дела, равно как содействовать при помощи английских инженеров более успешному изучению золотоносных площадей и их разработке. К самому управлению промыслами лондонское правление никакого отношения не имело, никаких вопросов из этой области к рассмотрению не принимало и никаких указаний не давало. Английское о-во никогда не возбуждало ходатайства о допущении его в Россию, где оно являлось лишь простым акционером русского о-ва. Я отнюдь не удивляюсъ тому, что без доказательств моей причастности ко всему, что происходило на приисках, даже без расследования дела, надо мной совершают моральную казнь. Мы живём в такое печальное время классовой ненависти и жестокого сведения счетов, что нравственный расстрел человека незапятнанной репутации, ни в чём не уличённого, никого как будто не смущает!... Но содеянное со мною является в сущности повторением приёма о стрелочнике, на которого стараются поскорей, не разобравшись в деле, свалить чью-то вину. А это обстоятельство имеет уже более серьёзное значение, так как сенсационными, беспочвенными выпадами против меня только затемняется суть крайне серьёзною вопроса, и, быть может, внимание отклоняется в сторону от тот пути, на который его следовало поскорее направить для тщательного, беспристрастного и всестороннего выяснения обстоятельств глубоко прискорбного события”.

Таким образом, мы с утешением должны видеть, что г. Тимирязев — *не* более, как стрелочник в грандиозной Ленской катастрофе. Но ведь и любой стрелочник способен причинить крушение неправильным переводом стрелки... С другой стороны, пословица “моя хата с краю, — я ничего не знаю”, не уместна, в данном случае, хотя бы потому, что сказки на эту банальную тему утратили даже свою новизну. Правда, наивная элементарность приёмов доброго старого времени отошла в вечность. Лихоимственность изворотов и ябедническое коварство стали в нынешние дни анахронизмами. Теперь в “священных”, глубоко таинственных областях Haute-Banque всё, как всякому известно, совершается “на точном основании существующих узаконений”, т.е. по внешности — неуязвимо. Чтобы не ходить далеко за примерами, укажем хотя бы на маскарад с переодеваниями анонимных электрических сообществ, оперирующих в самом Петербурге, или на бухгалтерские опыты высшей магии датско-шведско-русского телефонного предприятия в Москве, у которого, как сейчас только обнаруживается, есть богатейшие монопольные права, но нет никаких обязанностей, потому что никакого имущества не имеется, вся же многомиллионная видимость ему не принадлежит, так как формально является собственностью других, в свою очередь, безымянных же заведений, либо в Швеции, либо в Дании.

Умывая руки в гибели нескольких сот человек на приисках ленского товарищества, г. Тимирязев, несомненно, забывает, что 75%, т.е. три четверти акций, а значит, и барышей сего последнего, принадлежат той же самой компании “Лена-Гольдфильдс”, лондонское правление которого содержит, однако, его же, Тимирязева, своим председателем именно в Петербурге... Готовый, по-видимому, расплакаться над залпами 4 апреля, Тимирязев повествует о ходе событий так, как будто он только что упал с Луны. Что же касается кредита, которым англичане по протекции бедного “стрелочника” благодетельствуют Россию, то и в этом направлении, поперёк дороги г. Тимирязева становится, как объяснено ниже, не одна операция с выпуском “малой Лены” — именно 14 апреля текущего же года, т.е. всего десяток дней после ужасов на р. Бодайбо, а и та же биржевая свистопляска, которой акции “большой Лены” были взмываемы раньше до десяти — и даже до одиннадцатикратной стоимости их номинала. С другой стороны, не совсем приличествует девичья скромность и самому председателю лондонского правления, когда, вопреки русскому закону, доставшиеся “англичанам” 75% акций “большой Лены” оказались, по крайней мере, на значительные суммы, для вовлечения в игру и мелкого люда в России, разбитыми на “шэры” — по одному фунту стерлингов, то есть, лишь по десяти рублей номинальных, причём их биржевая цена доходила до 50 руб., да и сейчас стоит не ниже 40 руб. за штуку. Игнорировать появление шэров г. Тимирязев не мог, а умалчивать о них теперь невправе, особенно в виду своих же ламентаций на тему, что “ни одно доброе дело безнаказанным не остаётся...”

По отношению к роли Государственного Банка, “воспособлявшего” Ленскую игру, г. Тимирязев, равным образом, не может быть менее сведущ, чем М.О. Меньшиков из “Нового Времени”. А между тем, вот что повествует мужественный публицист:

“Опытные люди утверждают, что все явления нашей экономической жизни имеют паразитный в отношении государства характер. Биржевая спекуляция держится и теперь в значительной степени, как 30-40 лет назад, на участии Государственного Банка. Почему-то считается полезным для страны давать евреям (в частности — еврейским банкам) дешевый кредит, который они превращают в дорогой кредит для обыкновенной публики. На разнице этих кредитов наживаются колоссальные состояния, уже не нуждающиеся затем в казенной поддержке для дальнейших ростовщических операций. В общем выходит так, что, взимая с евреев небольшой процент, государство как бы отдает им страну на откуп. За часть добычи уступается посредникам остальная часть. Эта недостойная государства зависимость от нехристианского народца, внедрившегося всюду в качестве паразита, заставляет смотреть на его губительные операции с терпимостью, ничем не оправдываемой. Как было бы хорошо, если бы гекатомба русских рабочих,

принесённая в жертву еврейскому золоту, заставила, наконец, обратить серьёзное внимание и вообще на биржевой ажиотаж, свирепствующий в последние годы".

Но, и помимо всего уже изложенного, "лондонская" экстерриториальность новоявленного стрелочника мало гармонирует с его петербургским антуражем. Разве не председательствует тот же Тимирязев в Русском банке для внешней торговли, где директорами состоят два Рафаловича, Гаммель, Гротек, Поммер, Банг, Пинхус, Таубвурцель и Юргенсон? Разве не сидит ещё раз тот же Тимирязев председателем в "Саламандре", где директорами Каплан, Мориц, Мейер из ленского товарищества, и Гротек из Русского банка для внешней торговли?...

Правда, ка-дэки Некрасов, Скороходов, Аджемов etc. преисполнены негодованием. Но разве вся прогрессивная компания, заседающая в Ленском золотопромышленном деле, не связана прочно и крепко с целым рядом столь же "культурных" и "прогрессивных" предприятий? Разве капельмейстером не является бывший министр Тимирязев, о пламенно-освободительных взглядах которого знают и грудные младенцы? Разве, наконец, не в бытность его же, Тимирязева, русским министром торговли и промышленности проводился и преуспел новый устав ленского товарищества именно в виду его слияния, говоря просто, с "Леной-Гольдфильдс"?!...

Sapient sat!

Посему только ради апофеоза мы по одной из московских газет возобновляем следующий вопрос, разрешению которого до сих пор, очевидно, помешала лишь неизречённая скромность доблестного "стрелочника".

"Позвольте напомнить обществу о следующем.

Не далее, как в октябре 1911 годя, В.И. Тимирязев, полемизируя с гр. С.Ю. Витте, печатно заявил, что оставил его кабинет "вследствие чрезмерного расширения военно-полевой юрисдикции". В апреле 1912 года, на Ленских промыслах, застрелено 150 человек. Это довольно чрезмерное расширение военно-полевой юрисдикции. Министром торговли В.И. Тимирязев получал 18.000 рублей в год. Тогда он ушел, не стерпел расстрелов. Сейчас в качестве заправилы ленского товарищества он получает 50.000 рублей в год.

Уйдёт ли он из ленского правления, не стерпев расстрелов, или "стерпит"?...

IV. Не напрасно акулы и удавы "Большой Лены" именуют своё дело мировым. Действительно, если бы с количеством добываемого здесь золота могли покушаться на сравнение прииски в Северной Америке либо в Трансваале, то не иначе, как отметив, что тамошние добычи требуют соучастия целых синдикатов, между тем как нет нигде компании, кроме Ленской, которая самостоятельно промывала бы 1.000 пудов золота ежегодно. Её владения — крупное государство, а одно наименование её приисков вызывает напряжение памяти. Таковы: Андреевский, Утёсистый, Александровский, Прокофьевский, Васильевский, Личаевский, Покровский, Ильинский, Надеждинский, Феодосьевский... и т.д. Et ubi solitudinem fecerunt — pacem appelant. Внутри никто пикнуть не смеет, кругом безграничная, ледяная тайга. До ближайшего уездного городка Киренска 300 верст, до Иркутска — почти 2.000 верст, до Петербурга — 8.000 верст. Временами же, например, при разливе рек, это государство отрезается от всего мира. Владычество иезуитов некогда в Перу — ничто перед самовластием евреев на Лене. Единичных жалоб нет и быть не может под страхом изгнания на голодную смерть. Местные власти зависят от товарищества. Белозеров знает, кого и как среди рабочих согнуть в бараний рог. В Петербурге, бывший министр оплачивается товариществом же десятками тысяч рублей жалованья...

Помещения для рабочих грязны, недостаточны по объёму, сыры, даже не освещены. О соглашении между рабочими и хозяином говорить смешно. Потеря рабочего времени на переходах между приисками не считается вовсе. Задание "уроков" и самый заработок преданы на произвол администрации товарищества. Труд рабочих опасный, каторжный — либо в мёрзлой от века земле, либо в воде по колена. Медицинская помощь мнимая, ибо нельзя же считать двух врачей там, где и шестерым не управиться, ведь рабочих несколько тысяч человек. Болезнь, увечье, инвалидность рабочего влекут за собой изгнание. Пища неимоверно дорога, а подчас и отвратительна. Мука с отрубями, непросеянная. Мясо часто несвежее, а то и гнилое. Деньгами товарищество не платит, а выдаёт талоны [21] на

---

[21] Из сведений, сообщаемых сибирской печатью ("Нов. Вр." №д12958), видно что ленское золотопромышленное товарищество производи/ю расчёт с рабочими не наличными деньгами, а своими чеками-ордерами. Такие действия товарищества составляют деяние, воспрещённое нашим законодательством под страхом наказания. Статья 1150' уложения о наказ, гласит: *"Виновный в противозаконном выпуске в обращение безымянных денежных знаков, независимо от обязанностей немедленно, по предъявлении обмена оных на наличные деньги и вознаграждения за причинённые сим выпуском убытки, подвергается: в первый раз — тюремному заключению на время от двух до четырех месяцев, а во второй и последующие разы — от четырёх до восьми месяцев. Если денежные знаки выпущены товариществом или обществом, то личной ответственности подвергаются управляющие делами того товарищества или общества, а имущественная ответственность падает на целый состав последнего с соблюдением при этом правила, изложенного в статье 2181 законов гражданских".*

Не взирая на закон, с приисков была окончательно вытеснена денежная система. Товарищество упразднило и государственные ассигнации, и звонкую разменную монету. Взамен этого оно установило свою: ордер на приисковую лавку. Оно объявило себя государством в государстве, остановило движение и обращение кредитных государственных билетов, расплачивалось только ордерами на собственную лавку и даже поставило "рогатки" свободному обращению государственных денежных знаков. Провозгласило преступлением обращение рабочих за товаром в частные лавки на деньги.

В виду сего, господа ленские заправилы подлежат тюремному заключению и, надеемся, его не избегнут. Но вот что удивительно: каким образом могло происходить такое безобразие на глазах у местных властей, не вызывая с их стороны никакого противодействия? Ведь на приисках постоянно находится полиция и мировой судья, а с

свои же склады, помимо которых деваться некуда, если не считать винных лавок того же товарищества, где рабочим предоставляется пропивать остатки заработка, какие не были отняты раньше грабительскими ценами за провизию. Ростовщичество достигает пышного расцвета тем безжалостнее, чем дерзновеннее удерживаются товариществом их платы рабочим триста и даже четыреста тысяч в год. Чтобы выслать денег для уплаты податей на хлеб семье, рабочему надо продать талон, гиены же и шакалы во образе местных иудеев — "благодетелей" отнимают в свою пользу 50, а то и 75 процентов номинальной цены талона...

От всесильного же товарищества в этом царстве еврейского золота зависят чины всех ведомств, начиная с мировых судей или горного надзора и до почтальона либо урядника включительно. Разве это не государство в государстве? Разве мыслимо было мириться со столь безобразным положением вещей?...

Какова при обыденных условиях могла быть защита рабочих у приисковых властей, можно сообразить по тому, что учинялось ими, когда терпение униженных и оскобленных, наконец, истощилось и, когда осмотрительность повелевалась сугубо. Мировой судья Хитуп постановлял выселять рабочих в тайгу под предлогом нарушения договора даже вопреки иркутскому горнозаводскому управлению, которое, согласно с истиной, признавало, наоборот, что договор нарушен товариществом. Только благоразумием губернатора исполнение таких решений, а значит, и сопряженных с ним беспорядков было предотвращено. В пояснение же сего, правительственный инженер Тульчинский 17 апреля телеграфировал горному управлению, что расследованием установлены пока в общих чертах такие противозаконные действия Ленской компании. Нарушение в договоре пункта одиннадцатого, расплатой вместо денег товарами из, магазина даже и не по таксе; пункта девятого — несоблюдением дней отдыхов; нарушение правил 8 декабря 1897 г. о продолжительности рабочего времени, равно как обязательных постановлений 12 июня 1908 г. и 18 марта 1910 г., а также выдачей талонов на магазин для получения товаров в счёт заработка наряду с отпуском плохого мяса и непросеянного хлеба.

С другой стороны, отсутствие политических тенденций в среде рабочих и вынужденность забастовки экономической тиранией Ленских заправил наряду с мирным характером течения забастовки удостоверяются: а) фактом, что, имея возможность одним лишь пассивным бездействием затопить шахты, то есть нанести товариществу огромные убытки, рабочие до принятия крутых мер им во вред продолжали откачивать воду, б) отзывами иркутских губернатора Бантыша и генерал-губернатора Князева.

другой стороны — наезжают инженеры горного управления и лица прокурорского надзора?...

Тем не менее, вопреки государственной прозорливости, судебный следователь заключил под стражу до 70 выборных рабочего населения на приисках по обвинению в деянии, предусмотренном 125 ст. Угол. Улож., хотя закон этот едва ли относится к делу. Результаты же отсюда не трудно было предвидеть на всём пространстве России. Возможно, конечно, что сосланные по уголовным приговорам и оказавшиеся risum teneatis среди выборных евреи (участник латышской революции Думке и член "бунда" Индрик Розенберг) старались использовать замученную их же соплеменниками рабочую массу, однако, судебная власть повинна была не спешить, в особенности, когда на удовлетворение большинства заявленных рабочими требований товариществом было изъявлено согласие и дело стало налаживаться к миру. 1905 год должен был кое-чему научить. Нельзя было не предусматривать, особенно в настоящую — предвыборную эпоху, что в связи с Ленскими, беспорядки возникнут и в других местах, как бывало раньше. Ведь уже Аристотель заметил, что человек есть животное стадное, а для кого же в настоящее время это ещё может быть тайной?!...

Действительность не замедлила сказаться вслед за событиями 4 апреля 1912 г. близь Феодосийского прииска.

Рутиной отличаются и стачки рабочих. Один за другим забастовывают в том же апреле сперва маленькие, а затем и более крупные заводы за несколько тысяч вёрст, в самом Петербурге. Общее же число бастующих поднимается до многих десятков тысяч. Забастовали заводы Розенкранца и Эриксона, Крейтона, Нобеля, Пинша, Круга, Шове, Чешера, Леснера, Коппеля, Кирхнера, Кана. По обилию таких, чисто-русских, фамилий приходишь к гипотезе, не лишенной вероятия: одни ли рабочие бастуют и нет ли в этом отношении "директив" со стороны инородческой администрации петербургских заводов? Полиция, как и Плеве, делает своё дело, т.е. опять арестовывает уличных агитаторов, производит обыски, отбирает "нелегальную литературу" и "шапирографы" (аппарат для прокламаций, изобретенный Срулем Шапирой)...

Рутинерам правится, что и нынешние беспорядки идут по установившемуся шаблону. Рутинеры из рабочих и учащейся молодёжи страшно гордятся своими репетициями буква в букву того самого, что проделывали "товарищи" эпохи Сипягина и Плеве... Они выкрикивают те же самые лозунги, поют те же давно составленные песни: *"Мы жертвою пали...", "Вставай, подымайся"* и т.п.

Одним словом, как всегда, когда жизнь принимает толповой характер, исчезает творчество и устанавливается своего рода староверие...

Не мешало, далее, властям на Лене памятовать, что в своей дьявольской ма'аруфии[22] сыны Иуды постараются все ими же содеянное направлять во вред правительству, а себя стушевать. Так и случилось. Единомышленные с евреями революционные партии в гос. думе — и разумеется, кадеты обрушились как раз в

[22] Талмудическая игра в кошку и мышку. Разъяснение уже было дано выше.

эту сторону, а связанные с банками и биржей октябристы не осмелились даже назвать Гинцбурга. Этого мало. Как бы случайно, но именно в Киеве, оставшееся безнаказанным за смерть П.А.Столыпина, еврейство поспешило выдвинуть ряд кагальных агитаторов, а иудейская пресса не упустила момента на свой лад позабавиться над ним, как явствует хотя бы из следующей заметки в “Земщине”:

“Жидовские (а таких у нас, как известно, большинство) газеты старательно замалчивают о том, что может повредить иудейству во мнении читателей. Недавний пример. Телеграмма с.-петербургского агентства: Киев: Задержаны 17 агитаторов-евреев, подстрекателей к забастовкам. Большинство из них социал-революционеры. При обыске найдены прокламации Бунда”.

Издающийся же в Вильне иудеем Адамовичем “Северо-западный Телеграф” передаёт эту телеграмму так: *“Киев. Задержаны 17 агитаторов-подстрекателей к забастовкам. Большинство из них социал-революционеры. При обыске найдены прокламации”!*

Со своей стороны, Альфред Гинцбург в беседе с корреспондентом “Нового Времени” не затруднился уверять, что характер забастовки политический, а руководит де ею член первой думы. В свою очередь Меньшиков раскрыл еврейские карты, правда в форме вопроса, но достаточно вразумительно: *“Из публики мне пишут, что забастовка на Ленских приисках подготовлялась ещё в прошлом году, и вот почему. В панический на бирже день 19 сентября, г-да Гинцбург и К” распродали свои акции по высокой цене, нажив до 9 февраля сего года более 10.000.000 рублей. Начиная же с 9 февраля, пошли дурные слухи, что на приисках готовится что-то неладное. С 29 февраля, появились первые известия о рабочей забастовке. Не вызвана ли эта забастовка искусственно, через евреев же провокаторов? У еврейской и еврействующей компании уже не было акций и было важно уронить их, чтобы начать новую биржевую потеху. На этой неделе готовится последний понижательный натиск на “ленские”. Публика в панической растерянности отдаст их по дешевой цене, и тогда, помимо прибыльного возврата прежних, счастливая компания приобретёт ещё новые акции, подписка на которые лишь до 14 апреля. После этого акции снова будут раздуты, а игра в общем даст “золотопромышленникам” прибыли не менее 50.000.000 рублей...”*

Неужели это похоже на правду?

Впрочем, пока что, а трусливый еврейский барон столь растерялся, что начал городить несомненный и уже совсем наглый вздор.

Этим, вероятно, обусловливается и заметка в “Биржевых Ведомостях” на тему “своя своих не познаша”.

“Как известно, директор-распорядитель ленского товарищества барон Гинцбург заявил, между прочим: “Рабочие требовали повышения платы на 30%. Это явилось бы увеличением расхода на 1.300 тысяч рублей, что значило бы “закрыть прииск”. На самом же деле, увеличение расходов хотя бы на 1.300 тысяч вполне явно и совершенно исключает необходимость закрыть предприятие, ибо одной казне товарищество платит большие налоги на доход. Но, и независимо от этого, при исчислении прибыли товариществу следует помнить, что биржевая ценность акции 450 рублей повышалась до 6.000 рублей и почти постоянно держится на уровне около 4.000 рублей, т.е. в 9 раз выше номинальной стоимости. Чистая прибыль в последний операционный год, не смотря на увеличение капитала с 6 до 11 миллионов, определилась в 55% на капитал, т.е. в 5.650 тысяч рублей. Если из этих 5.650 тысяч отнять 1.300 тысяч рублей на удовлетворение требований рабочих, то на долю акционеров осталось бы 4.350 тысяч, что на капитал в 11 миллионов составит без малого 40%. Это, без сомнения, понизит расценку акций, но всё же они будут примерно раз в шесть дороже номинальной цены. Однако, именно страх перед понижением биржевой расценки акций сыграл решающую роль в упорстве центральной администрации, которая и не осмелилась пойти на уступки требованиям рабочих”.

V. Выстрелы, раздавшиеся 4 апреля на берегах Бодайбо, являлись неизбежными, если бы даже, надвигаясь на военный отряд только в НО штыков, толпа рабочих в несколько тысяч человек не имела в руках, как говорит Тульчинский, ни камней, ни поленьев. Вез стрельбы, требуемой в данном случае законом (ст. 30 прилож. к ст. 316 Общ. Учр. Губ.) незначительный военный отряд был бы смят толпой, а она, обезумев, натворила бы таких бед, пожалуй, и себе же самой, что и количество жертв превысило бы нынешнее. По сему вопрос заключается не в действии охранявшей порядок военной силы, а имеет совершенно иной центр тяжести. Посему, далее, не взирая на ярые припадки политической ненависти, разыгравшейся в гос. думе, равно как па содержание её запросов, личный её состав обязан понимать, что в этом деле он действует не в защиту русского народа, а на тяжкий ему вред, играя на руку предательскому кагалу и создавая для нашей родины новые опасности.

Между тем, у думы была другая, несравненно благороднейшая задача. Как это ни странно, а именно кадету Маклакову пришла в голову верная мысль. Он напомнил, что расследование по убиению царевича Дмитрия надлежало производить не в Угличе... Точно также, не приведет к цели и следствие на месте событий 4 апреля, ибо не там их источники. Доказательством служит местное производство по убийству П.Л. Столыпина. Серьёзность факта и те результаты, которые из него добыты еврейством, достаточно показывают, что изыскания не должны были ограничиваться действиями чинов охраны. Всемирный кагал заслуживает большей проницательности следователей и высшего государственного кругозора. Сообразно с этим, вопрос о мероприятиях ленского товарищества необходимо рассмотреть во всей его глубине. Ключ же событий, как правильно и заявил лорд Гарри-сон, находится даже не в Лондоне, а в Петербурге. Необходимо, во всяком случае, отметить, что здесь ещё в начале 1911 года было известно о трёх требованиях рабочих, причём два из них были правительством признаны справедливыми, и по настоянию ленским товариществом удовлетворены. Тогда и надлежало произвести расследование на

месте. Если этого не сделали вовремя, то уже никак нельзя было медлить в конце февраля, а особенно в начале марта текущего года, когда из самого содержания телеграммы рабочих явствовало, что дело принимает суровый оборот.

Примеры Франции и Англии убеждают, что без участия правительства и даже без личной энергии премьер-министра подготовляемые и обострившиеся отношения между хозяевами и рабочими не могут быть ликвидированы благополучно. Заразительность социальных движений категорически требует нейтрализовать их как можно ближе к началу. Эти общие указания современной истории подтверждались в данную минуту тем, что опьянено безнаказанностью своей тирании, ленское товарищество не шло ни на какие улучшения быта рабочих, а домогалось лишь строгих распоряжений властей и прежде всего — отправки на свои прииски военной силы. Рота пехоты и была прислана из Киренска, но не следовало этим ограничиваться. Беспомощность приисковых рабочих в случае изгнания являлась незаменимым вспомогательным фактором, особенно при наличности войска. Возник, значит, момент, когда доброжелательное посредничество органов государственного управления должно было повести к успокоению. Нельзя поэтому не пожалеть, что на это не было обращено внимания и что, наоборот, центральная администрация товарищества продолжала пользоваться доверием. А между тем, она не сумела этого оцепить. Страсти же разгорались. Кризис наступал и не мог не разразиться печально...

Две следующие телеграммы “Нового Времени” рисуют происшедшее с достаточной полнотой. Обосновываясь на фактах, они раскрывают твёрдую почву для суждений. Всё дальнейшее лишь иллюстрирует и разъясняет, ничего, в сущности, не добавляя.

Таким образом и во избежание бесцельных подробностей, мы этими телеграммами свой материал исчерпываем.

“Иркутск. В настоящее время, здесь имеются следующие официальные сведения о событиях в Бодайбо.

В виду затяжного характера стачки, был из Петербурга в конце марта командирован в Иркутск представитель ленского товарищества Солодилов для выработки условий, на которых рабочие могли бы возобновить работу. После ряда совещаний у местного губернатора, Солодиловым от имени товарищества были сделаны следующие уступки рабочим: 1) заработная плата в поисковых партиях, при разведках, а также в зимние праздники — полуторная; 2) бесплатный проезд до Усткута с содержанием рабочих, прослужившим не менее трёх лет; 3) выдача платы ежемесячно при условии заключения контракта на один месяц; 4) бесплатное освещение казарм общего пользования; 5) сменная работа в шахтах; 6) сверхурочные работы по добровольному соглашению; 7) отмена талонов; 8) оплата времени хода на отдельные прииски, как за саму работу; 9) размещение семейных отдельно от холостых; 10) непринуждение к работе женщин; 11) назначение работ по специальностям; 12) выдача квитанций в выработке и 13) присутствие депутата при выдаче припасов.

Отвергнуты были требования: об общем увеличение платы, о 8 часовом рабочем дне, об уплате за забастовку, об увольнении рабочих только летом и с ведома комиссии, о плате больным, кроме увечных, и об увольнении служащих по требованию рабочих.

Эти условия были сообщены Солодиловым по телеграфу управляющему приисками Теппану с приказанием прекратить выдачу припасов продолжающим бастовать и принять меры к выселению их из занимаемых квартир.

Всё было объявлено рабочим утром 4 апреля. Между тем, взволнованные произведённым предыдущей ночью арестом лиц, стоявших во главе забастовки, рабочие не пожелали спокойно обсуждать предложенные условия. С другой стороны, категорическое требование товарищества очистить квартиры и прекращение выдачи продуктов внесли ещё большее волнение.

Толпа в три тысячи человек с Нижних приисков направилась к народному дому, где предполагала соединиться с толпой в две тысячи человек с Одосеевского прииска. В народном доме находились лица администрации приисков, окружной инженер Тульчинский, прибывшие из Иркутска товарищ прокурора Преображенский и жандармский ротмистр Трещенко, а также воинская команда в 110 нижних чинов с двумя офицерами. Последняя при приближении толпы была выведена из народного дома и выстроена наперерез следованию рабочих.

Ротмистр Трещенко, предвидя неизбежность кровопролития, послал стражника Китова объявить толпе, что если она не остановится или не свернёт, то будет открыт огонь. Предвидя, что едва ли рабочие послушаются стражника, окружной инженер Тулъчинский сам бросился на встречу толпе, умаляя её свернуть с дороги. В этот момент она находилась на расстоянии 160 шагов от воинской команды.

Первые ряды готовы были повиноваться Тульчинскому, но задние надавили, и расстояние от команды быстро сократилось до 106 шагов, что вынудило открыть огонь. Тотчас же вся толпа прилегла к земле, а с нею и инженер Тулъчинский, который по прекращению огня оказался среди убитых и раненых рабочих”.

“Иркутск. Окончательная проверка факта катастрофы в Бодайбо из достоверного источника выясняет, что 4 апреля в 8 час. утра возле конторы прииска Феодосеевского собралась толпа в 2.000 человек, требуя освобождения арестованных, расчёта и выдачи продуктов жёнам и детям. Тотчас же, была вызвана команда войск и рабочих предупредили, что если они не разойдутся, то будут рассеяны воинской силой. В ответ рабочие вытребовали горного инженера Тулъчинского, который, без замедления прибыл. По его просьбе войско было уведено. Н этот день собрания рабочих происходили на всех приисках. В три часа дня соединённые прииски образовали толпу в 4.000 человек и в четыре часа двинулись на соединение с рабочими прииска Феодосеевского. Начальник

полиции ротмистр Трещенко вследствие отказа разойтись вызвал воинскую силу. В этот же именно момент Тульчинский вошёл в толпу и просил послушаться. Толпа находилась в расстоянии 160 шагов от военного отряда. После некоторого перерыва Трещенко передал власть начальнику команды, который после трёх сигналов на трубе дал в толпу залп из боевых патронов. Толпа тотчас легла на землю, и огонь был прекращён. Придя в себя, рабочие поднялись и с криком 4ура" пытались броситься на войска, которые вновь дали три залпа. Всё время, до конца смятения, Тульчинский был в толпе. В результате: убитых 107, умерших от ран 74, тяжело раненых 209, между которыми амбулаторных 81; всего жертв 390 человек. Раздражение рабочих было вызвано арестом стачечного комитета тем более несвоевременным, что за последние три дня переговоры возобновились.

Обычного залпа холостыми патронами не было".

Ubi facta loduuntur, non opus est verbis!...

Вглядываясь в события с точки зрения государственной, мы на их пути старались лишь разъяснить внутренний смысл явлений. И ныне, завершая повествование, мы не хотим сгущать красок. Согласно с сим не входит в нашу задачу ни описание потрясающих картин скорби при погребении жертв катастрофы, ни тех страшных условий, какими окружены рабочие теперь. Не станем мы задаваться и предсказаниями о результатах народного волнения пред итогом мероприятий ленского товарищества. С надеждой на будущее мы ожидаем выводов расследования. Но мы не вправе умолчать о биржевой стороне проблемы.

VI. При учреждении ленского предприятия его акции были выпущены по 450 руб. за штуку номинальных. Затем последовал второй выпуск, но уже только по 300 рублей, а всего оба выпуска на 6.000.000 рублей.

Средняя добыча золота не превышала двух или трёх золотников на сто пудов породы. Местами же, особенно в направлении к Гачинскому ручью, впадающему в Бодайбо, возрастала, а ближе к устью ручья, там, где теперь разрабатывается прииск Феодосеевский, стала обещать и нечто изумительное. С открытием этого последнего прииска оказалось, что из ста пудов породы промывается до двух фунтов золота. Общая же добыча товарищества, как уже сказано, переходит за тысячу пудов в год.

Ясно, как развивалась при этих условиях биржевая игра, особенно под дирижёрством такого виртуоза, как Захарий Жданов, должно быть, из бывших евреев. Взмыливая цену акций временами до 6.000 руб., Жданов заблагорассудил на всякий случай сбыть их в среднем около 5.400 руб. за штуку синдикату из еврейских банков при благосклонном участии нескольких лордов и английских же евреев, которым досталась львиная доля в три четверти акций. Наряду с этим усердие, достойное лучшей участи, проявил здесь, как мы уже знаем, и министр Тимирязев. Тем не менее, акции упали рублей, примерно, на 500 в штуке. Тогда решено было выпустить "малую Лену", т.е. новые акции — лишь по 75 руб. Мотивами указывались: желательность расширения добычи приисков и приобщения таким образом большего числа русских людей к пользованию дарами природы, а с другой стороны, несоизмеримость двух прежних выпусков, акции которых ценой в 450 и в 300 рублей, не имеют кратного соотношения. Новый выпуск был разрешён, однако, в размере 150 руб. номинальных за акцию. Самая же операция выпуска была предназначена заправилами на 14 апреля.

Если среди таких обстоятельств допустить, что, как разъяснено выше, Гинцбурги, распродав свои акции по высоким ценам, нажили к началу февраля 1912 года до 10.000.000 рублей, то дальнейшая программа действий определялась для них логически из необходимости вернуть возможно большее количество акций и притом как можно дешевле, дабы, во-первых, удержать за собой верховенство в деле, приносящем более 50% ежегодного барыша, а во-вторых, установить для себя же право на захват хорошей порции новых акций, распределяемых между владельцами старых.

Но если программа данного рода представлялась естественной, то ничто не мешало членам "избранного народа" помогать своему счастью. И мы действительно видим, что уже к концу февраля "топор рабочих батальонов" с берегов Бодайбо стал доноситься в Петербурге. Не начинался ли иудейский концерт, и в биржевом рояле не происходило ли нажатия педалей?... Об этом мы узнаем из расследования. Тем не менее, и теперь ясно, что, будучи само кругом виноватым, ленское товарищество действовало наперекор всему, что требовалось человеколюбием и, без сомнения, благоразумием. Отвергая справедливейшие пожелания рабочих, товарищество цинично взывало к отказу им в самом праве жаловаться на свою горькую судьбу. Стихийный процесс забастовки отягчался, акции же товарищества всё падали и падали. Еврейство не думало, конечно, поднимать их, хотя и подхватывало на лету. Наконец, 4 апреля разразилась стрельба пачками, акции же вновь полетели вниз, да ещё на 600 рублей сразу!...

Предоставляя пожару разгораться, иудейская пресса сперва делала вид, что не придаёт ему особого значения, а затем, вдруг, переставила регистр и, наоборот, впала в "мрачную меланхолию", а засим даже во всекагальную печаль о "варварстве репрессий", не видя уже какой-либо надежды на успокоение. Ожидовленные телеграммы в свою очередь стали напевать похоронный марш известиями о студенческих и рабочих массовках, промышленных и фабричных стачках и забастовках... Шторм испуга и смятения проносился по биржевым бюллетеням неудержимо, пока не наступило 14 апреля, день вожделенного выпуска "малой Лены". Тогда внезапно буря стихла, и банкирское солнце взошло в ослепительной красоте беспримерных барышей. Невиданным ореолом были окружены во Израиле гениальные концертмейстеры, равно как, без сомнения, и сами авторы этой hors de concours талмудической симфонии.

Увы, наш голос слишком слаб. Призываем на помощь ту из московских газет, которая, страха ради иудейска, хотя и не обмолвилась о евреях ни одним словом, однако написала финал к событиям на берегах Бодайбо, кажется, довольно удачно...

“Вчера “финансистами” ленского товарищества, во главе которых, как известно, стоит г. Тимирязев, произведена “операция”. Тоже с кровопусканием. На этот раз у публики. Вчера между “ленцами” были расписаны по 281 рублю за штуку новые акции, которые вчера же котировались на бирже от 759 до 785 рублей. Новые акции, выпущенные для вовлечения в игру состоятельных клиентов, представляют собой каждая одну треть “большой Лены”, бумаги слишком дорогой для карманов доверчивой публики. Рекомендуем внимательно прочитать нижеследующие цифры для того, дабы убедиться воочию, сколь колоссальна проделанная афера...

Выпуск состоялся на 5.520.000 рублей нарицательных, по нарицательной же цене 150 рублей за акцию. Всего выпущено 36.800 акций. Из них семьдесят пять процентов, 27.600 штук, достались ленцам-англичанам. На долю русских ленцев осталось 9.200 акций. Новые акции ленцам, как мы уже сказали, пришлись по 281 рублю. На бирже они вчера же котировались от 759 до 785 рублей за штуку. Да и не могли котироваться ниже, ведь новая акция представляет, как сказано, целую треть “большой Лены”.

Возьмём наименьшую вчерашнюю цену — 759 рублей.

759 руб. — 281 руб. = 478 рублям. Итого ленцы вчера же “выиграли” на только что выпущенные акции по 478 рублей на штуку. По 478 рублей на 281 рубль. Нажили почти 200 процентов!

Английские же ленцы с таким выпуском акций вчера же выиграли:

По 478 рублей на 27.600 акций — 13.192.800 рублей. Российские ленцы на доставшиеся им 9.200 акций “выиграли” 4.397.600 рублей. Деньги эти заплатит публика. Такова восхитительная и грандиозная афера. Являющаяся апофеозом “ленской истории”.

Какую роль в этой афере играла стрельба?...

Мы пока никаких обвинений не формулируем.

Но трудно не вспомнить правила:

“Fecit, cur prodest...” “Сделал тот, кому выгодно”.

А ленская трагедия была выгодна аферистам.

Даже необходима.

Надо было перед выпуском новых акций выбить “большую Лену” из рук публики. И взять её, конечно, по дешёвой цене. Ведь каждые две “большие Лены” давали право на три новых акции. И вот тут “Ленский залп” перед подпиской на новые акции сыграл свою роль. От этого залпа “большая Лена” повалилась. Ленские аферисты в понедельник купили у публики “большую Лену” по 3.100 рублей. И вчера же нажили на каждую купленную за дёшево у публики “большую Лену” на разницу в цене 145 рублей, да сверх того 717 рублей с полуторы приходящихся на каждую “большую Лену” новых акций. Итого на каждую акцию — 862 рубля! Финансовая операция блестящая. Если только это “финансовая” операция. В Брянских лесах это иначе называется”.

Картина говорит многое. Но она была бы не полна без резюмирующего её факта, засвидетельствованного “Новым Временем”.

Кому, в самом деле, неизвестно, что такое счёт “on call”, либо, как взыскиваются убытки с клиентов банкирами? Стало быть, необходимы исключительные обстоятельства, чтобы стремительное падение курса игровой бумаги не повлекло за собой “экзекуции”. Мало уверенности, что она поднимается, так как, применив “экзекуцию”, банкиры и сами сумели положить завидную разницу в карман. Кроме уверенности необходимо sui generis биржевое творчество и во всяком случае единство командования, т.е. обдуманность, а стало быть и предумышление. Но, спрашивается, во имя чего? Ответ прост: ради безопасности биржевых удавов и акул, иначе говоря, дабы расширить им свободу наверняка.

И вот мы видим, что, не взирая ни на что, “большая Лена” никакой “экзекуции” не подвергалась!...

Где же искать лучших доказательств иудейского деспотизма на международной сцене? Что может поделать с такими замыслами государственная власть в любой стране? Какой ещё нужен цинизм, когда по этому же делу именно в русской государственной думе раздавались возгласы — “при чём тут евреи?!...”

Итак, вот что удостоверяет “Новое Время”:

“Трагедия на р. Бодайбо страшно уронила ленские акции. Почти на 30 проц. Кто знает биржевые операции и условия счёта on call, тому очевидно, что это — разорение для всех “держателей” акции. Онкольный счёт редко обеспечен 30 проц., часто 10 либо 15 и, если бумага падает на 30 проц., нужно неминуемо вносить дополнительные деньги (их нет), пополнить счёт, иначе бумаги принудительно продаются, а вас “экзекутируют”, как говорят на бирже. “Экзекутирование” — самое страшное биржевое слово.

Но экзекутируют только за бумаги “португальские” (и русские), а ленские акции и “шэры” — бумага английская. Этих не трогают. Русские банки и банкирские дома, точно по рыбьему слову, решили ничьих ленских акций не продавать, хотя бы падение курса далеко превысило обеспечение, и “экзекуций” не производится. Насколько бы “Лена” ни упала, никого не “экзекутируют”. Так говорят на бирже.

Ещё бы экзекутировать, когда большинство акций у англичан да у баронов Гинцбургов...

Странно не то, что банки и банкирские дома сейчас не разоряют своих клиентов, это даже очень хорошо, но странно то, что, будь здесь какая-либо иная, просто русская бумага, давно бы потребовали доплатить или “экзекутировали” бы...

Если печать “седьмая великая держава”, то биржа, несомненно, — “восьмая”, и у той державы законы свои... Основной из них “право

сильнейшего”.

“Honny soit qui mal y pense!...”

Но здесь законы свои далеко не только для “экзекуции”. Соображая всё, приведённое выше о “Гинзбургиаде на Лене”, дозволительно было бы, по меньшей мере, ожидать, что еврейство попытается на время стушеваться или хотя бы не станет спешить в дальнейшем над нами издевательстве. Увы, дело обстоит как раз наоборот!...

Ссылаясь на ближайшие к 4 апреля номера “Вечернего Времени” и “Земщины”, мы в завершение глубоко поучительной “Ленской” эпопеи признаём долгом указать на следующее:

“Давно известно, что жиды терпеть не могут смертной казни, как возмездия за тяжкие преступления. И сами они и их шаббесгои усердно ратуют за абсолютную отмену казни за какие бы то ни было зверства. Один вид виселицы приводит сынов Израиля в ужас и даже в обморочное состояние. Но это, впрочем, лишь тогда, когда речь идёт о виселице, приготовляемой, как орудие возмездия Фемиды, вообще же “угнетённое племя” ничуть не против виселицы, если, понятно, дело идёт не об “освободительных” бомбистах либо социал-разбойниках.

Жестокая натура сынов Иуды, отравленная безнаказанностью до полного изуверства, отнюдь не прочь и поразвлечься видом виселицы, сделать из смертной казни даже театральное зрелище.

Доказательством может служить спектакль в жидовском театре в Гомеле. Причём афиша этого спектакля (как сообщает в “Вечернем Времени” бен-Акиба, представивший её в театральный музей г. Бахрушина) гласит буквально следующее:

“Труппой русских (читай: жидовских) артистов будет представлена историческая драма, сюжет которой взят из древнееврейской истории эпохи завоевания Иерусалима мидийским царём Агасфером, “Гаманом”, с полной обстановкой и костюмами для всех артистов и для всех участвующих в количестве 75 человек и 25 мальчиков. В пятом действии на сцене устроена виселица, на которой будет на глазах публики выведен и повешен Гаман”.

Это значит, каждому своё или кому что нравиться, соответственно его вкусам и наклонностям натуры. Для иной публики “артисты” устраивают головоломные трюки, палят из пушек, звонят в колокола либо изобретают сентиментальные, “сердцещипательные” мелодрамы. Ну а жидов мелодрамой не проймёшь, не нужно им ни пушек ни колоколов. Им виселицу подай, да ещё и повесь на ней иноплеменника к услаждению веселящегося жидовства...

Это не мешает иметь ввиду, как полезный комментарий к ламентациям гг. Короленок и Милюковых et tutti quanti.

Вот как превозносимая ими “культурная” нация “содрогается при одной мысли о виселице!...” Нот как “избранный народ” сострадает русской скорби пред жертвами пятидесятипроцентных барышей англо-еврейского товарищества на русской земле!... Нот каков смысл подстрекательства сынов Иуды среди наших юношей и рабочих в памяти о той русской же крови, которая пролита ради кагального золота!...

Ограничивая изложенным наше повествование о жиде биржевом, мы должны припомнить в заключение, что сам талмуд советует евреям оказывать иногда милосердие гоям, дабы те говорили: “а евреи, всё-таки, порядочные люди!”.

Руководствуясь такой консультацией, “избранный народ” не отказывает себе ни в удовольствии разыграть оперетку на тему “Сентиментальная акула или крокодил-филантроп”, ни в прекрасном случае позабавиться над “идолопоклонниками”, что, в свою очередь, рекомендуется тем же талмудом. Без такой забавы еврею никакая месть не сладка... Зная это, мы поймём смысл иудейской, разумеется, через гоев же выдвинутой, но скандально провалившейся затеи кагала поставить в Париже монумент Альфонсу Ротшильду как “отцу бедных”.

Вдохновенными строками запятнав эту бесчестную попытку, Кловис Гюг (Clovis Hugues) завершил свою поэму такими негодующими аккордами:

Bonte du vieux bandit restituant la bague
Apres que le doigt a saute!...
Ah! ceber un epi quand on mange une plane, —
Misere!... Qu'importe au troupeau
Qu'il lui rende en passant un flocon de sa laine
S'il l'a tondu jusqu'a la peau!...
Que t'importerait meme, o foule infortunee,
Qu'il donna, par exces de l'amour,
Deux ou trois millions dans une seule annee,
Puisqu'il nous les vole en un jour!...[23]

В. Жид политический

Люди сами хотят, чтобы их обманывали, — так пусть же обманываются/...
Павел IV, папа римский.

[23] Кротость старого злодея, возвращающего кольцо, когда им уже отрезан палец!... А... Дарить один из колосьев, когда съели всю ниву. Проклятие!... Не насмешка ли бросить клок шерсти целому стаду, порезав его до крови при стрижке? Да и не было ли издевательством над тобой, горемычная толпа, если бы в избытке нежности он подарил тебе два или три миллиона в течение одного года, потому что крадёт их у нас же в течение одного дня?!...

I. Относительно политической истории еврейства не худо, кажется, послушать прежде всего такого знатока, как Вениамин д'Израэли. Ещё в 1844 году на страницах романа "Coningsby", его герой, банкир Сидония, говорил так:

"В настоящий момент, не взирая на вековые, тысячелетние унижения и преследования, иудейский дух пользуется огромным влиянием на дела Европы. Я говорю не о законах евреев, которым вы повинуетесь ещё сегодня, равно как и не о их великой литературе, которой насквозь проникнуто всё ваше миросозерцание, а о животворности еврейской интеллигенции. И вы увидите, что не было ни одного великого духовного движения в Европе, в котором евреи не принимали бы выдающегося участия.

Первые иезуиты были евреи.

Преисполненная тайн, лукавая дипломатия Востока неизменно держащая весь запад Европы начеку, организована и направляется евреями. Могущественная революция, которая в данную минуту подготовляется в Германии и задача которой не что иное, как вторая и ещё более возвышенная Реформация, о чём в Англии не имеют, по-видимому, никакого представления, всецело развивается под аудиенциями всё тех же евреев, совершенно монополизировавших профессорские кафедры в Германии.

"Основатель "пектораль-теологии" профессор и ректор университета в Берлине Неандер — еврей. Другой, не менее знаменитый профессор того же университета, Бенари — еврей. Вейлъ — профессор арабского языка в Гейдельберге, также еврей. Да и, вообще говоря, профессоров иудейской расы в Германии легион; в одном Берлине, думается мне, их не меньше десяти.

Несколько лет тому назад Россия обращалась за деньгами к нам. Но между С.-Петербургом и моей семьёй никогда не замечалось дружбы. У *русских существовали смешения с Голландией, которая и удовлетворяла их нужды, так что наши мероприятия с целью улучшить положение евреев в Польше (самой многочисленной, но и самой нищенской и наиболее упавшей отрасли нашего корня) отнюдь не могли доставлять удовольствия. Тем не менее, обстоятельства вызвали сближение, и вот я решил отправиться в Петербург. Прибыв сюда, я имел беседу с министром финансов графом Канкриным, и я увидел в нём сына литовского еврея. Заём оказался в связи с испанскими делами, и я двинулся в Испанию. Приехав сюда безостановочно, я вслед же за своим прибытием испросил себе аудиенцию у тамошнего министра сеньора Мендицабеля, и я снова очутился лицом к лицу с одним из наших, сыном "nuevo christiano"*[24] *еврея из Аррагонии. Засим, в виду сведений, блеснувших в Мадриде, я непосредственно уехал в Париж посоветоваться с председателем совета французских министров. В нём я ещё раз нашел еврея с юга Франции, героя, маршала империи, и это вполне справедливо, потому что кому же и быть героями, как не тем, кто поклоняется Господу броней?!.*

Да разве Сулът еврей?

Без сомнения, и притом совершенно такой же, как и другие маршалы Франции, да ещё и не из наименее знаменитых. Возьмём хотя бы Массену. Ведь его настоящее имя Манассия... Однако, возвратимся к дальнейшему повествованию. В результате наших совещаний оказалось необходимым обратиться к дружескому посредничеству одной их северных держав. Выбор пал на Пруссию. Президент совета обратился к прусскому посланнику, и этот через несколько дней принял участие и нашей конференции. Но едва граф Арним вошел в зал, как я узнал в нём прусского еврея.

Итак, вы видите, мой милый Конингсби, что мир управляется несколько иными людьми, чем предполагают те, кто не бывает за кулисами".

Дерзкий цинизм гордыни и ничем не маскируемое презрение к иноплеменникам наряду с бесцеремонностью обобщения нескольких данных в расчёте подтасовать из них мировой закон, истощают терпение читателя при самовосхвалениях д'Израэли. Но путём романа, т.е. через наиболее доступную невежественным массам литературную форму, он провозглашал лишь то, что для всякого еврея служит непреложной истиной и о чём любой из сынов Иуды готов кричать до потери сознания...

Мы, разумеется, не станем входить с ним в полемику на этой почве, тем более, что и сами не отрицаем многого весьма зловещего, но мы признаём уместным обратить здесь внимание главным образом на отзыв д'Израэли, как на яркий образчик той ненависти, какую иудаизм питает к России, а также в удостоверение нашего основного тезиса, что еврей никогда не перестаёт быть евреем и только евреем.

II. По отношению же к бесподобности кагального величия не следует забывать, что премьерство д'Израэли в Британии, как и диктатура Гамбетты во Франции, обусловливались не столько исключительностью их дарований, сколько организацией и вероломством потаённой силы, которая будто бы во имя благоденствия той или иной страны пытается теперь захватить власть над миром. Для разоблачения сего надлежит во всяком случае рассматривать их биографии не порознь, а совместно. Специальное исследование Дрюмона "Gambetta et sa

[24] У финикиян пиренейский полуостров назывался Сефардим, причём, как тогда уже, так и впоследствии это наименование было переносимо на тамошних евреев. Когда же, в конце XV века, Фердинанд и Изабелла изгнали сынов Иуды, разрешив остаться в Испании лишь тем, которые перейдут в христианство, то часть, разумеется лицемерно крестилась, но оставалась по-прежнему в иудействе, хотя и была именуема "новыми христианами". В эпоху же французской революции, а особенно после наполеоновских войн, все эти "новые христиане" уже открыто заявили себя евреями. Беглые же, между прочим, в Италию и Голландию, испанские евреи также называли себя "Сефардим" в отличие от немецких евреев "Аскназим", ими презираемых, но выпавших через Польшу и на нашу долю. Д'Израэли происходил из крещёных Сефардимов да и лично крестился, но умер всё таки правоверным евреем.

cour” не скажет того, что разъяснит простое сопоставление отказа Франции по настоянию Лейбы Гамбетты присоединиться к английской экспедиции в Египте яко бы для усмирения бунта Араби-паши с одновременностью захвата Англией через Ротшильдов у разорившегося вице-короля акций того именно Суэцкого канала, против сооружения которого, как угрозы её владычеству в Индии, Великобритания поднимала всю преисподнюю. Утратив, таким образом, только что приобретённое гением Лессепса свое обаяние в Египте, французский народ совершил по наущению евреев если не самоубийство, то опасное самоизувечение, так как беда не приходит одна, а с детками... Владея обширнейшими территориями в Африке, Франция была, однако, вынуждена отступить вслед затем в Фашоде, отказаться от плодоносной Уганды и молча взирать на завоевание “просвещёнными мореплавателями” Трансваля. Без её протеста и перед изумлёнными взорами обоих полушарий Англия не замедлила обосновать новую Трансафриканскую империю, а Франции, уже как своему вассалу, “подарила”, вдобавок значительно позже, чужое Марокко, которое пришлось вдобавок, да ещё ценой почти всего Конго, выкупать у Германии для того, чтобы на первых же шагах своего протектората приниматься за усмирение в том же Марокко еврейского погрома...

Арабы поняли, кто их истинные “друзья”!...

Что ничтожные причины порождают иногда важные последствия, тому примером служит запрет Карлом I всякой эмиграции из Англии. И что же? Сюда, наоборот, иммигрировали и здесь основали масонство евреи после того, как в XIII столетии они же были частью истреблены, частью изгнаны совершенно.

“Уповайте на Бога и держите ваш порох сухим!” — отдавал приказ по войскам Кромвелль, когда шёл сокрушать монархию. А когда после казни короля Долгий парламент стал осыпать лорда-протектора “английской республики” королевскими же почестями, хотя протектор не стеснялся говорить, что “парламент у него в кармане” и не раз его разгонял, народ, как всегда обманываемый видениями свободы, встречал своего “благодетеля” с энтузиазмом, надменный Оливер Кромвель, будучи на вершине могущества и славы, не затруднился бросить “республиканцам” в глаза такую аттестацию: *“этой челяди собралось бы ещё гораздо больше, если бы меня стали тащить на виселицу...”*

Скептик подобного рода не мог, стало быть, не сознавать, что делать, когда для сокрушения монархических устоев и ликвидации католицизма призвал на помощь сынов Иуды. Конечные же результаты этого сказываются лишь теперь в сокрушении авторитета палаты лордов и в торжестве демагоги, вызывая жизнеопасные для страны раздоров, равно как железнодорожные либо угольные забастовки.

Потоки золота, через открытие Америки хлынувшие в Европу, эпоха Возрождения и Реформации и, наконец, упадок Нидерландов перед колониальными успехами Великобритании через её военный флот, созданный, увы, португальцем Себастианом Каботом, — таковы были данные, окрылившие еврейство и подготовившие его тайный союз с “просвещёнными мореплавателями” в интересах “избранного народа”, разумеется...

Едва только во время Кромвеля Бэкон Веруламский успел написать “Новую Атлантиду” при благосклонном участии еврея Элиаса Ашмолля, как уже в 1717 году масонство получило в Англии полную кагальную организацию, распространённую затем на обе Америки и на английские колонии вообще, а также через англичан и евреев по всей Европе. Глубокого внимания достойна история подвигов масонства ради мировой политики британцев. Не имея возможности останавливаться на этом вновь, хотя здесь лежит центр тяжести и современных явлений, равно как не задаваясь ни толками и ритуалами, ни генезисом и замыслами масонства, ни фабрикацией им революции, ни даже суммарными данными о положении его в России, ибо это увлекло бы нас слишком далеко, мы вынуждены ограничиться некоторыми резолютивными сведениями для выяснения политической роли евреев ныне.

III. Как безжалостная мачеха, французская революция ниспровергла все христианские корпорации и бросила их на произвол самого страшного из тайных сообществ — кагала, о котором, вдобавок, понятия не имела. Обреченные на жертву судьбе, рабочие предались своему опаснейшему врагу — той противохристианской шайке, которая соорудила для них, или, лучше сказать, для себя через них, ассоциацию “Интернационала”. В настоящее время, фанатизированные подпольными силами, которые питаются их же горькой долей, рабочие идут на приступ социального строя. Они проливают свою кровь ради целей иудео-масонской клики, самого существования которой, однако, не подозревают в свою очередь, с достаточной определенностью.

Впрочем, эта организация даже не таится, как в простоте говорят иные, потому что ей де скрывать нечего. Такое мнение пригодно разве для наблюдателей крайне поверхностных. Наивно, в самом деле, предполагать, что может быть жизнеспособным политический заговор, который стало бы отрицать собственное бытие. Малейшая случайность, и он был бы открыт, а разоблачение явилось бы уже доказательством злонамеренности самой тайны. Тем паче не годился бы план этого сорта для масонства, как учреждения, задающегося неизмеримыми операциями среди обширного круга лиц и на международной сцене. Гораздо рациональней такая система, когда, существуя явно, сокровенное в действительности общество маскировало бы только свою цель. Посему этим принципом и вдохновляются подлинные заговорщики, проникновенные организаторы, если хотят создать нечто воистину тайное. Они руководствуются соображением, что вести своих адептов следует дорогами извилистыми и чреватыми случайностей, подобно тому, как и путешественнику при подъёме на гору случается обращаться спиной к вершине, которой, тем не менее, ему предстоит достигнуть. Опыт и размышление равно показывают, что лишь этим способом можно обезопасить себя от невзгод болтливости. Отказывая своим сторонникам в знании цели, куда общество действительно стремится, главари

исключают таким путём возможность обнаруживать её. А если, сверх того, будет умело подсказана другая цель и сами адепты поверят, что всё направлено к её реализации, то заговор станет ещё безопаснее, так как чем больше "посвящённые" захотят говорить, тем успешнее станет расти заблуждение и тем недоступнее окажется сокрытое.

Построенный по данной схеме заговор становится ограждённым как против легкомыслия и нескромности, так и от самой неловкости своих приверженцев. Параллельно с этим, тайна будет застрахована и от умысла повредить ей со стороны таких членов сообщества, которые задумали бы его покинуть. Наконец, заговорщики могут быть спокойны и за проникновение шпионов, которых полиция той либо иной страны могла бы провести в их среду с намерением поразведать, что у них собственно делается.

Превосходство указанной организации явствует само по себе. Отсюда нетрудно понять, что обществами действительно потаёнными, иначе говоря, единственными, у которых ещё может быть надежда скрыть свои замыслы, а следовательно и наиболее опасными, являются только те, которые устроены по начертанному сейчас образцу.

Сообразно с изложенным необходимо и в масонстве различать двойственность или, так сказать, два наслоения: одно — маска для толпы, а другое — подлинное существо ордена. Открыто и всенародно, масонство является учреждением просветительным и благодетельным. Втайне и сокровенно оно представляет коварную и деспотическую ассоциацию для сокрушения тронов и алтарей с целью замены их собственной тиранией.

В первом направлении ещё раз усматриваются, если можно так выразится, два этажа. Нижний — это пушечное мясо ордена, воспитываемое на мистических аллегориях и волшебстве ритуала, запечатленных иудейством только извне. Верхний этаж — начальство и аристократия сообщества, никакой власти, впрочем, не имеющая, но увлекаемая блеском церемониала и напыщенностью титулов, равно как хранением пустопорожних тайн и бутафорской иллюзией величия.

Здесь видимое возносится над невидимым.

Во втором направлении, как бы эфемерном и легендарном, а потому недосягаемом и неведомом, но совершенно реальном и главенствующем лежит центр тяжести масонства. Отбросив буффонаду и мишуру, действительные и безграничные его повелители диктуют свою волю народам и правительствам. Организация и личный состав этого святилища ордена хранятся, в глубочайшей тайне настолько, что и самое его существование отвергается в большинстве случаев даже искренно самими масонами.

По обычаю сокровенных корпораций, расчитанных на ореол и безнаказанность, а потому анонимных, никто из людей, стоящих на виду, будь то шведский или английский король, как гроссмейстер ордена, либо как Натан, имеющий это звание в "Великом Востоке", ныне же состоящий и городским головой в Риме для потехи над папой, не может быть почитаем членом верховного совета масонов. Надлежит твёрдо памятовать, что не только принцесса Ламбаль, но сама Мария-Антуанетта и даже Филипп Орлеанский хотя и занимали по внешности высокие ранги в масонтве, но это не помешало им подвергнуться смертной казни по его же приговору.

Посему на указанных путях заслуживает внимания и наставление, данное неким масонским коноводом, евреем Тигренком (Piccolo Tigr), в его письме 18 января 1822 года членам одной из первоклассных масонских групп, так называемой "Высокой Просеки" (Haute Vente). "Тигренок" говорит в нем:

"Высокая Просека" желает, чтобы под тем или иным предлогом в масонские ложи проводилось как можно больше титулованных и богатых людей. Не имея законной надежды стать королями "милостью Божией", принцы владетельных домов обыкновенно не прочь достигнуть престола милостью революции. Среди них в Италии и за её пределами немало таких, которые мечтают хотя бы о столь скромных отличиях, как наши символические передник и лопатка. Другие лишены права наследования либо изгнаны. Обольщайте же их триумфом популярности, завладевайте ими для франкмасонства. "Высокая Просека" затем увидит, как лучше использовать их на дело прогресса. Принц, которому нечего ждать престола — изрядный выигрыш для нас. А их не мало в таком положении. Делайте же из них масонов! Ложи приведут их в карбонаризм, а засим настанет день, когда, быть может, "Высокая Просека" снизойдёт и до их усыновления. Покамест они послужат клеем для глупых мотыльков, приманкой для интриганов, мещанства и бедноты. Эти дрессированные принцы будут работать на нас в уверенности, что стараются для самих себя. Сказанное кажется небесполезно, так как всегда найдутся олухи, готовые компрометировать себя на службе тайному обществу, опорой которого является принц...".

IV. Руководствуясь изложенным, мы поймём и неизбежность соучастия евреев с масонами. Владея испытанной международной, глубоко скрытой организацией, еврейство представляет для масонского ордена драгоценное приобретение, но и само немало выигрывает, заключив союз с тайным сообществом, никем не подозреваемые члены которого могут проникать и туда, где прямой доступ кагалу закрыт. С другой стороны, иудаизм через масонство вступил в секретную конвенцию с Великобританией, согласно которой действует, приурочивая её интересы к своим, хотя и сам обязывался служить ей на мировой сцене, но под условием гарантии собственных замыслов всем гнётом британкого могущества.

Результаты известны.

Владычество Британии на морях исключает существование конкурирующих морских сил. Отсюда — истребление через революцию XVII века флота в Голландии, а в конце XVIII столетия и особенно под Трафальгаром, — флота Франции, равно как потопление русских эскадр в Севастополе, Порт-Артуре и,

наконец, под Цусимой, представлялись неизбежными математически.

“L'histoire des anglais est celle des requins, — toujours a l'affut des naufrages, et qui ne sont jamais mieux pourvus qu'apres les tempetes”, справедливо заметил один из наполеоновских генералов — Ламберт.

С другой стороны, казнь Людовика XVI и неоднократные разгромы австрийской империи Наполеоном, начиная с битвы под Риволи, где план, выработанный австрийским генеральным штабом стал через масонов известен Бонапарту ещё накануне сражения, должны были равным образом совершиться с неотвратимостью велений судьбы.

“Кошка, хлебнувшая уксусу”, как называл его Вольтер, невзрачный и ничтожный адвокат из Арраса, Робеспьер был жалкой пешкой, проведённой масонами в короли революции, и если погиб на гильотине, то не за свои злодеяния, а потому, что дерзнул зазнаться перед собственными повелителями. То же самое произошло впоследствии и с Гамбеттой, который был смертельно ранен в мочевой пузырь собственной любовницей, оказавшейся “рыцарем-кадошем”, т. е. масонским шпионом и палачём одновременно. Остров же Св. Елены научил Наполеона, что верховная власть в этом мире принадлежит Великобритании либо Всемирному Кагалу.

Наполеон погиб, а его масонский соглядатай Талейран остался. Причём многократно изменническая карьера этого последнего представлялась бы немыслемой, если бы он не был ставленником всесильных “детей Вдовы”.

Не располагая достаточными сухопутными силами, Англия издавна и с дьявольской прозорливостью готовила противовес России в Германии. По-видимому, роль Пруссии сперва готовилась Брауншвейгу, великий герцог которого и был возведён в гроссмейстеры немецких масонов. Но он оказался малоспособным, и звание гроссмейстера перешло к прусскому королю, за которым оно оставалось преемственно до современного нам Вильгельма II, рискнувшего (пока ещё благополучно, хотя и не совсем, как показали некоторые факты) свергнуть масонское иго.

Линкольн и Карно были убиты, когда стали поперёк дороги Великобритании. Первый не допустил распадения С.А.С. Штатов на два, заранее осуждённых враждовать между собой, государства, чего так жаждала Англия. Второй хотел завладеть Фалиодой, т. е. разрезать надвое созданную вскоре англичанами трансафриканскую империю — от Каира до Капштадта. В апофеозе, как известно, был иудеомасонам принесён в жертву и Феликс Фор, когда задумал обратиться к французскому народу с посланием против второго пересмотра дела Дрейфуса.

Итальянский король Гумберт являлся для масонства необходимым лишь как отрицание светской власти папы, но, подобно герцогу Беррийскому, в свою очередь оказался убитым, когда стал слишком популярен, возвышая, стало быть, монархический принцип, чего масоны не терпят.

Таким образом, масонство следует рассматривать, как талмудизм, приспособленный для гоев. Сравнительно с кровным иудейством, оно, конечно, играет второстепенную роль. Но не так легко определять взаимоотношение Великобритании и всемирного кагала. Кто здесь кого эксплуатирует и кто кого в итоге обманет, покажет будущее. Можно думать, однако, что представляясь лишь одной из картин калейдоскопа, которые проходят перед глазами Израиля на протяжении тысячелетий, и сам надменный Альбион окажется жертвой кагала. Тогда, наконец, муза Клио продемонстрирует новое издание гибели Карфагена воочию... Ведь поднялась же из векового сна Япония...

А пока работа идёт совместно. Не возвращаясь к эпохе 1789 г. либо к генезису династии Ротшильдов, заметим, что в гармонии с этими данными, Прудон после революции 1848 г. был вправе воскликнуть: *“мы только жидов переменили!..”* В страшную же годину 1870-1871 гг., когда Франция истекала не кровью, а сукровицей, мы во главе её правительства видим триумвират из сынов Иуды: Адольфа Кремьё, он же гроссмейстер “Великого Востока” (Grand Orient) и основатель “Всемирного Еврейского Союза”, Жюля Фавра и Леона Гамбетты. Именно сей последний заложил фундамент официальному господству своих единоплеменников во Франции. Засим, в то время, как его ближайшим наперсником и преемником его “диктатуры” явился Иосиф Рейнак, злобный запевала Дрейфусиады, родной дядя этого бесподобного еврея, Иаков Рейнак, входил в состав второго, панамского, триумвирата с доктором панамских же наук Корнелием Герцем и чемпионом резвости в бегах Артоном.

Соображая всё это, нельзя не признать, что рядом с диктатором Франции из виртембергских евреев Гамбеттой, может стоять разве такой же, как и он, выходец чрез своих предков из Испании Веньямин д'Израэли, неизменный враг Гладстона и ядовитый порицатель его реформ. ОЖоннель справедливо заклеймил д'Израэли званием “прямого наследника того злодея, который и на кресте не захотел принести покаяния”. Происходя, как сказано, от сефардимов, т. е. потаённых евреев, крестившихся в Испании после изгнания Фердинандом и Изабеллой всех остальных членов “избранного народа”, д'Израэли вновь крестился лично, в Англии. Тем не менее, он провёл некрещеного соплеменника Лионеля Ротшильда, а за ним и других, в английский парламент, как говорил “во имя христианского милосердия”, и, в заключение, уже будучи лордом Биконсфильдом, возвратился перед смертью в иудейство. Память его была почтена особо торжественными молениями в синагогах обоих полушарий. Припоминая же роль д'Израэли на Берлинском конгрессе, мы уразумеем и ту степень ненависти, какую питают жиды к России. Она способна идти в уровень только с неистовыми проклятиями сынов Иуды по адресу “царства Эдемского”, как в талмуде именуется древний Рим. Такова, впрочем, неизменная повадка евреев приходить в бешенство от обаяния силы, перед которой они рабски трепещут...

Нет надобности осложнять наш текст кагальной номенклатурой далее. Но по поводу Израиля нельзя не упомянуть хотя бы о блистательности выбора в “русские законодатели” обеими нашими столицами столь возлюбивших Россию

евреев, как Герценштейн и Винавер. Затем трудно позабыть и о таких иудейских же потомках и в свою очередь наших "друзьях", как германский канцлер Бетман Гольверг либо как австрийский премьер Эренталь. Для дивертисмента назовём в качестве членов новоявленного кагального триумвиата, Ферреро Натана и первого министра Италии Луццати и отметим, что ещё недавно по инициативе последнего итальянский парламент обменялся масонским приветом с палатой общин той самой Великобритании, о которой даже еврей Гейне не мог не сказать, что *"океан давно проглотил бы этот отвратительный остров, если бы не боялся, что его стошнит!..."*

Посему настольной книгой государственного человека должна быть "История третьей республики" Марсера, министра внутренних дел при Мак-Магоне. Оставаясь в живых доныне, Марсер даёт здесь в результате 30-летних наблюдений панораму как провозвестников и путевых соратников, так и нынешних рабов кагального режима во Франции. Редкое сочетание условий открыло этому доблестному патриоту возможность видеть, шаг за шагом, гибель родины и разоблачить весь цикл её ожидовления. Но что всего знаменательнее, Марсер, наблюдая за Гамбеттой, провидел в его лице нынешние результаты замыслов кагала поработить Францию и доказывает это.

Холодна в синем море волна
И глубоки пучины морские, —
Но ещё холодней глубина,
Где таятся страданья людские!...

V. Таковы логические выводы истории в награду французскому народу за дарование евреям равноправия. А между тем, уже знаменитый юрист и главный автор Наполеонова кодекса Порталис рассуждал по еврейскому вопросу так: *"Учредительное Собрание полагало, что для обращения евреев в добрых граждан достаточно открыть им безразлично и безусловно доступ к правам, которыми пользуются французы. К несчастью, опыт доказал, что если тогда не было недостатка в философии, то не хватало прозорливости, и что в известных пределам, нельзя с пользой издавать новые законы раньше, чем озаботиться подготовкой новых людей. Ошибка проистекает из того, что в разрешении проблемы о гражданском состоянии евреев не хотели видеть ничего, кроме вопроса о веротерпимости. Но сыны Иуды представляют не просто секту, а народ, у которого некогда были свои территории и правительство. Он был рассеян, но не мог быть растворён. Блуждай по лицу земного шара, он ищет убежища, а отнюдь не отечества. Он проживает среди других народов, не смешиваясь с ними, и повсюду считает себя иноземцем. Такой порядок вещей обуславливается природой и характером еврейских учреждений. В настоящее время, евреи приблизительно то же самое, чем они являлись всегда. Наши законы признаются ими, лишь поскольку не противоречат их собственны". Они не французы, не поляки, не немцы и не англичане, — они только евреи. Из факта, что сыны Иуды — меньше секта, чем народ, явствует, до какой же степени было неразумным провозглашать их гражданами Франции без исследования хотя бы того, могут ли и действительно ли желают они сделаться таковыми?"*

Рената никто, конечно, не заподозрит в юдофобстве. Между тем, вот как поучает он в своей книге "Антихрист".

"До наших дней, еврей неизменно вкрадывается повсюду, как бы домогаясь равноправия. В действительности, отнюдь не равноправия ищет он, ибо сохраняет везде свои особые уставы. Он требует тех же гарантий, которыми пользуются все и сверх того законов исключительно для себя. Он хочет пользоваться преимуществами нации, не будучи таковой и не принимая участия в исполнении национального долга. Однако, на это ни в коем случае и никогда не может пойти никакой народ. Нации суть военные учреждения, мечом основанные и мечом живущие. Они представляют собой крестьян и солдат. Евреи нигде и ничем не содействовали их установлению. Здесь именно и кроется крупное недоразумение, лежащее в основе всех иудейских притязаний. Иностранец, которого терпят, может быть полезен стране, но при условии, чтобы он не завладевал ей, как делают евреи. Несправедливо требовать себе одинаковых прав с членами семьи, дом которой не вами выстроен, подобно птицам, устраивающимся в чужом гнезде, подобно тем улиткам, которые забираются в раковину другой породы".

Артур Шопенгауер в своём исследовании "О праве и политике" думает так:

"Скитающийся по белому свету еврей — не что иное, как олицетворение всего иудейского племени. Учинив смертный грех против Мессии, Спасителя мира, он не только не будет облегчён от бремени своего злодеяния, но останется вечным бродягой без отечества среди чуждых ему народов. Таково преступление, такова участь этого маленького народца который, изумительное дело, будучи прогнан из своей родины более двух тысяч лет тому назад, всё-таки продолжает влачить своё бытие и скитаться, между тем как столько других великих и знаменитых народов, наряду с которыми столь ничтожное племя даже не заслуживает быть упомянутым — ассириане, мидяне, персы, парфяне, отошли в вечный покой, исчезли без возврата. Так, ещё и сегодня встречаем мы этого Ивана Безземельного среди всех народов мира. Причём он нигде не у себя дома, но нигде не иностранец, отстаивающий свою национальность, с беспримерным упорством, и всё пытающийся укорениться где-нибудь, чтобы наконец подделать себе отечество, без которого любой народ всё равно, что аэростат в воздухе. Увы, по сие время живёт Израиль паразитом на счёт других народов и не на своей, а на их земле. Но это не мешает ему вдохновляться самым искренним патриотизмом во имя своей собственной национальности, как это ясно показывает строжайшая гармония, с которой все они держатся за одного и один за всех. Поэтому нет белее искусственной и деланной, нет боле лживой идеи, чем представление о евреях просто, как о религиозной секте. Когда с целью поддержать это заблуждение, заимствуют у церковного языка термин "религиозное исповедание", тогда, очевидно, прибегают лишь к рассчитанной стратегами не с целью спутать истинные понятия о вещах. Так

что, полагаю, само употребление подобного выражения не должно быть терпимо, ибо надо говорить о еврейской нации, а не о чём нибудь другом.

А когда дело идёт о пороках, присущих национальному характеру евреев, когда возникает речь о поразительном отсутствии у них того, что мы называем verecundia [25] *и что позорит их несравненно больше, нежели всё прочее, но что служит им в этом мире на пользу лучше, чем самая высокая добродетель, то означенные еврейские пороки можно приписывать угнетению и рабству, но этим их отнюдь нельзя устранить".*

Дополняя Шопенгауэра, известный философ и юрист Клюбер [26] излагает следующее:

"Евреи представляют особую политико-религиозную ассоциацию, сурово подчинённую деспотизму раввинов. Жизнью своих общин, системой действий каждого из них, своим национальным, совершенно исключительным строем, обострённым сознанием кровного родства между всеми ними, то-есть таким чувством, которое в сущности является духом касты, они образуют от отца к сыну сообщество наследственных заговорщиков. Дух еврейства познаётся, вообще говоря, из их религиозной гордыни. Они воображают себя народом, который, будучи избран Богом, стоит выше всех неевреев и отличается от них как физически, так и нравственно, а затем полагают, что все прочие народы должны быть стёрты с лица земного. Но разум доказывает, а опыт подтверждает, что кастовый дух, в особенности же дух религиозно-политической касты, несовместим с благом государства и общества. Кроме того, вплоть до настоящей минуты иудаизм представляет с политической, религиозной и физической точки зрения такую кастовую закваску, которой нет другого примера во всей христианской Европе. Положение этого рода создаёт непрерывный антагонизм между израильтянами и всякой страной, где они поселяются.

Дать еврейству, каким оно является перед нашими взорами, права вполне тождественные с теми гражданами, которые не состоят, подобно ему, в оппозиции и борьбе с государством, значило бы превратить в источник неизлечимый заразы этот бич, этот исконный антагонизм, который мучает и ослабляет государство, если не приводить его к совершенной погибели. По указанным основаниям, мы проповедуем свободное, искреннее и бесповоротное порицание, устранение и отвержение талмудизма!"

"Не смотря на своё рассеяние, евреи тесно связаны между собой. Неизвестными владыками они последовательно направляются к свои." общим целям. Отвергнув все попытки ассимилировать их, евреи доныне и повсюду составляют государство в государстве, а в Польше сделались глубокой, до сих пор не заживающей язвой этой прекрасной страны" (Мольтке).

Основываясь на историческом опыте, С.М.Соловьёв в своих лекциях, читанных в Московском университете (семидесятые годы минувшего столетия), говорит:

"Еврейский элемент самый опасный, самый зловредный для жизни и благоустройства любой страны, ибо, как древоточивый червь, элемент этот подтачивает основы государства, образуя в нём status in statu. Принимая в свой состав иудейское племя с надеждой ассимилировать его, государство жестоко ошибается, так как берёт на себя непосильный, сизифов труд и, подобно человеку, проглотившего камень, обольщается заблуждением, будто его организм в состоянии переварить этот камень.

Евреи достались нам от загубленной ими Польши. Немало предстоит России труда, усилии и неприятностей в борьбе с еврейством, действующим тлетворно и пагубно на всякий народ".

В Японии совсем нет евреев. А почему их нет и как к ним относятся, видно из следующих пояснений одного из членов "генро" (верховного совета при микадо), графа Окумы:

"Это племя не имеет отечества и повсюду, куда ни приходит, старается разрушить чувства патриотизма, растлевая человеческие умы. Евреи стремятся создать всемирную республику. Тогда они сами будут властелинами мира. Мы более всего на свете боимся евреев и не пускаем их к себе. Мы видим, как они завладели Америкой и Европой. Можно сказать, что в их руках скопились богатства вселенной. Война в значительной степени зависит от евреев, благодаря скоплению капиталов в их руках. Они играют мировыми рынками, как мячиками. Мы это увидели во время войны.

Россия была сильна и крепка духом, пока её не расшатали евреи. Евреи разрушают Россию. Именно они растлили устои её патриотизма. Они же разрушили Францию и другие европейские государства!..."

Не евреи ли, добавим мы, повинны и в разжигании той ненависти, которая учитывается заранее, как новый источник колосальных гешефтов, если между Германией и Англией вспыхнет ими же подстроенная война?!... И не то ли же еврейство напрягает далее все усилия, чтобы одновременно поставить на другом полушарии ещё невиданную, быть может, трагедию кровопролития, когда столкнутся Япония и Америка, а всемирному кагалу удастся совершенно по-жидовски отблагодарить таким образом С.А.С. Штаты за всё зло, по иудейскому же подстрекательству учинённое ими России?...

Обращаясь к нашему многострадальному отечеству, мы исповедуем, что священная кровь, пролитая на него русской армией, и жгучие слезы его народа над тяжким, едва переносимым, увы, пока безнадёжным горем, освобождают нас от напоминания о том, что в эпоху войны на Дальнем Востоке и на пути осатаневшей в измене, кагальной революции, проделывали у нас евреи.

[25] Порядочность, благородство, рыцарские порывы души

[26] Kluber, uebersicht der diplomatischen Verhandlungen des Wiener Congresses, III, 375; Deutsches Bundesrecht, 4 изд., § 516, прим.

Австрия — гнездо еврейства, глубоко поработившего христианскую страну. Это едва ли не единственное государство, в котором евреи пользуются равноправием не de jure только, но и de facto. Но и там воочию развивается грозное движение против еврейского равноправия. Два года тому назад в 1908 году уже обсуждался в австрийском парламенте законопроект об ограничении приёма евреев в средние и высшие учебные заведения четырёх-процентной нормой, соответственно процентному отношению иудейского населения в стране.

Картина, нарисованная и объёмистой записке к законопроекту, прямо ужасна.

Евреев в Австрии всего 1.300.000, но в их руках уже сосредоточена половина австрийского капитала. Им принадлежат оба австрийских Земельных Банка — "Lander — Bank" и "Bodenkredit — Anstalt", в которых заложены три четверти частновладельческих земель Австрии. Почти все австрийские синдикаты и частные железные дороги принадлежат еврейским компаниям с венским Ротшильдом во главе. Есть области (как Галиция), в которых уже две трети земельной площади принадлежат евреям на правах собственности. Наконец, еврейская интеллигенция буквально заполнила все сферы приложения интеллектуального труда. На 100 врачей в Австрии приходится: евреев 54 и христиан 46; на 100 адвокатов: евреев 63 и христиан 38. В Буковине, на 100 адвокатов приходится — — евреев 78, а в Черновицком университете евреи составляют 50% числа студентов, хотя в составе населения этого края евреев только $2^{1/4}$ процента.

В виду этого, естественен и знаменателен ответ, данный крупным венгерским учёным Бэла Викором финляндцам, обратившимся за советом, пускать ли евреев в Финляндию?

"Хотя мы, венгерцы, требуем для своей страны и народа все больших прав, фактически мы совершенно побеждённый народ, у которого нет ничего, что он мог бы назвать своим. Евреи завладели Венгрией и являются её полными хозяевами как в государственном, так и экономическом отношениях. Торговля и промышленность находится в руках евреев, равно как и вся печать. То же надо сказать и о банках. Половина докторов и адвокатов — евреи и т. д. Совершенно немыслимо препятствовать их деятельности, а лицо, которое отважилось бы на это, безусловно, стало бы человеком погибшим. Но, что опаснее всего, у венгерского народа уже нет прежней любви к родине и он говорит: что нам до блага родины, когда она вся уже в руках евреев!... Венгерское социал-демократическое движение равным образом является гнусной иудейской аферой, во главе которой стоят одни евреи. Я не знаю характера финского народа, но думаю, что против еврейских мошенничеств он, в свою очередь, стал бы бороться честными, законными средствами, и погиб бы. Вас ожидает участь, которая постигла нас, а если вы уже непременно хотите открыть свою страну для какого-нибудь чуждого, то вам гораздо выгоднее пригласить наших разбойников с большой дороги, цыган, например, чем евреев. От их нападений можно найти защиту у закона, тогда как против еврейского засилья её не существует. Евреи совершают свои гешефты именно под защитой закона, последствия же бывают несравненно тягостнее и оскорбительнее, чем нападения простых разбойников".

Гармонируя со всем предыдущим, известный берлинский проф. Теодор Шиман в своей книге "Deutschland und die grosse Politik", где целый отдел отведён нашим событиям последних лет, удостоверяет, что *"русскую революцию можно с одинаковым правом назвать и еврейской".*

Развивая эту мысль, профессор говорит:

"Современное революционное движение в России оказалось бы совершенно необъяснимым и неразумительным, если не принимать во внимание дерзкую роль, сыгранную в нём русским еврейством. В кружках русской радикальной и революционной интеллигенции еврейские деятели давно заручились весом. Среди двух-трёх тысяч интеллигентов, предававшихся в Швейцарии (в предреволюционную эпоху) революционно-социалистическим проискам, большинство было еврейского происхождения, и они же заведовали руководящим влиянием в революционных партиях. Еврейские интеллигенты и полуинтеллигенты выступают деятельнейшими соучастниками почти во всех террористических покушениях. Они же сумели провести во все русские программы преобразования и во всякие резолюции бесчисленных митингов полное уравнение евреев в правах с коренным населением. Равным образом, неоспорим факт, что русское студенчество находилось и находится под еврейским влиянием, как несомненно и то, что в русской смуте огромную роль сыграл еврейский "Бунд", состоящий преимущественно из еврейской интеллигенции и полуинтеллигентной иудейской же молодёжи..."

Согласно с этим, евреи не только не возражали против прилагания к революции 1905 г. термина "еврейская", но как бы даже, особенно в первое время, кичились этим, а то и сами кричали во всеуслышание, что эта революция — "произведение великого духа еврейской нации", что "мы вам дали Бога, — дадим и царя!..."

Подтверждая изложенное в свою очередь депутат от г. Екатеринослава Способный докладывал в государственной думе:

"Вслед за манифестом 17 октября, евреи ходили по улицам города и в картузы собирали деньги "на гроб Николаю II", прибавляя: "жертвуйте и копейки, на гвозди пойдут!". Евреи говорили также:

"прежде мы вам Бога дали, а теперь дадим конституцию". В результате народного негодования произошёл погром, сопровождавшийся гласами: "Это вам за гроб нашему Государю!..."

Таковы позорные деяния "избранного народа" только в одном 1905 г.

VI. Если теперь, достигнув неимоверных результатов "освободительной" деятельности через свое распространение по всему лицу нашей земли и беспримерный захват её богатств, равно как через воистину страшное обездоление и порабощение новых масс её коренного населения, сыны Иуды не

прибегают к браунингам, маузерам и бомбам, по крайней мере столь же “свободно”, как раньше, то это вовсе не значит, что они изменились. Ближайшим тому доказательством служит отношение иудейской прессы к П.А.Столыпину по поводу сохранения им поста во главе правительства после кризиса в марте 1911 года. Мало знает история государственных людей, которым выпали бы на долю задачи столь же опасные, как П.А.Столыпину. Ещё меньше сохраняют летописи имена, достойные идти в уровень *с* тем, кто, пережив все ужасы предумышленного к его личной погибели злодеяния на аптекарском острове, остался на страже успокоения России и внушил страх её врагам в самую, быть может, тяжёлую для неё годину. *Но* вот наступил кризис, и предатели нашей родины, евреи, возвеселились “в надежде на перемену курса”. Оказалось, вопреки их расчёту, что катальным мечтам пока не суждено сбыться. Чем же ответили сыны Иуды?

Для полноты впечатления мы приведём сперва отзыв серьёзной, хотя отнюдь не русофильской газеты “Temps”, а затем и новый образец еврейской предерзости.

“Temps” посвящает передовую статью оценке русского премьер-министра в связи с известием о возможности его отставки. По мнению парижской газеты, *“П.А.Столыпин, очевидно, считая своим долгом укрепление представительного строя в России, прочное обеспечение существования и деятельности государственной думы. Он знал, что в самой её среде есть враги, знал, что влиятельные в России крайне правые партии не проч воспользоваться каждым подходящим случаем, чтобы свалить министерство и разрушить новый строй. Поэтому он хотел заинтересовать в думской работе и те реакционные круги, которые относились недоброжелательно к самой идее народного представительства. “Можно ли требовать роспуска думы, принявшей закон о Финляндии?” — эта фраза, по мнению “Temps”, ярко характеризует многие тактические приёмы премьера. Надо было прежде всего укрепить бесповоротное сознание необходимости думы как учреждения, зорко стоящего на страже русских интересов. Прав ли был П.А.Столыпин во всех проявлениях своей политики, это решать рано, но во всяком случае справедливость требует отметить, что благодаря ему третья дума работала беспрепятственно, содействуя своим существованием общему успокоению.*

История увековечивает заслуги П.А.Столыпина и отнесёт период его деятельности к выдающимся министерствам XX века”...

А вот и “братская” характеристика по рецепту талмуда.

Если весть об отставке П.А.Столыпина была встречена известной еврейской экспансивностью, то в кагальных же органах, не скрывающихся под псевдонимом, звучала и безграничная наглость.

В “Еврейском Мире” писали, например, так:

“Правление Столыпина богато чуть ли не всеми преступлениями, когда-либо обременявшими совесть правителей, и нет у него ни одного из тех успехов, которые часто выпадали на долю последних. Имя Плеве было проклято миром после кишинёвского погрома, в пассиве Столыпина числятся Белосток и Седлец. Среди беззаконий, совершаемых деспотами во все времена и во всех странах, государственный переворот всегда почитался самым тяжким. Столыпин имеет 3 июня. Военно-полевые и военные суды Столыпина задушили в четыре года больше, вероятно, людей, чем казнено было в России за целое предшествующее столетие. И этим достиг Столыпин только одного: утолена была жажда мщения кругов, пославших его...”

Уж не почуяли ли гг. евреи возвращение 1905 года? Не думалось ли им, что близка возможность отпраздновать вновь революционный шабаш?!...

Тогда бесполезно было бы загадывать вперёд. “И погромче нас были витии, да не сделали пользы пером!...” А тем временем Митя Богров “ради блага своего народа” убил П.А.Столыпина...

VII. Для совершенного же вразумления по вопросу, что такое “жид политический” в России и каковы замыслы сынов Иуды против нас, без сомнения, в связи с общими планами еврейства, равно как для разоблачения тех ужасов, которыми грозит нам “избранный народ”, переполняя чашу русского терпения своими беспримерными даже у евреев злодеяниями, надлежит обратиться к речи, произнесённой Н.Е.Марковым 1 марта 1911 года в государственной думе.

Эта достопамятная речь — заслуженный иудеями приговор, роковые же последствия его неотвратимы.

А если еврейство по общему для деспотов правилу само испытывает страх, который старается внушать другим, то этим доказывается лишь, что есть справедливость и в сей юдоли палача. Речь Н.Е.Маркова такова:

“Господа! Я опасаюсь, что выслушав сегодня, в день 1 марта, мои слова, вы не будете так весело смеяться, как вы это проделывали до сих пор, тем не менее, я всё тот произнесу свои слова.

Депутат Родичев позволил себе сопоставить или “взять в одни скобки” достойного судебного деятеля, сенатора Варварина, с лицом самого Родичева. Я не стану, однако, останавливаться на подобном выпаде, а перейду к существу данного вопроса.

Депутаты Гегечкори и Родичев здесь очень долго упрекали Министерство Юстиции в том, что оно сотрудничает с Азефом.

Господа, мне странно слышать это от революционеров и пристанодержателей революции упреки в том, что Правительство, а в частности, Министерство Юстиции, сотрудничает с лицом, по их убеждению, недобросовестным и преступным, т. е. с Азефом. Кто такой Азеф, вам, господа левые, конечно, ближе известно. Я о нём знаю только то, что слышу с этой кафедры, короче говоря, знаю очень мало. Как бы то ни было, я ныне считаю необходимым обратить ваше внимание, внимание пристанодержателей

революции и прямых революционеров, что этот самый Азеф, которого вы проклинаете здесь чуть не ежедневно, был сотрудником не только департамента полиции, но являлся также сотрудником и ваших революционных сообществ, о чём вам надлежит твёрдо памятовать. Азеф был признанным вашим главой, он был вашим учителем. Десятки лет Азеф руководил вами и исполнял свою миссию в вашей среде, с вами вместе, под вашим флагом (Крупенский с места: *и в Париже рядом с Милюковым сидел!) Если вы сейчас говорите, что Азеф величайший негодяй, то с этим я совершенно согласен, ибо он работал всё время с вами* (рукоплескания справа).

Каким образом человек, вышедший из их революционной среды, человек, которого революционеры десятки лет посылали, по их же авторитетному свидетельству, на грабежи и убийства, на убийства лучших людей в России, на убийства даже людей Царской крови, каким образом теперь за сотрудничество с этим их приятелем смеют они же обвинять кого бы то ни было? Имеют ли они, эти революционеры, нравственное право упрекать за сотрудничество с их руководителем, с их приятелем Азефом Министерство Юстиции? Вы, лживые, должны бы молчать, вы должны бы робко опустить глаза и смотреть вниз, вам должно бы быть стыдно даже слушать, когда произносится имя Азефа, ибо Азеф — это вы сами... (шум и рукоплескание справа).

Депутат Гегечкори, а также и депутат Родичев упрекали Министерство Юстиции в том, что до сих пор не открыли убийцы некоего Караваева... (голоса слева: *вот вот!)..., что до сих пор не наказаны убийцы Герценштейна и Иоллоса.*

Об этом мы слышим уже в течение нескольких лет, уже несколько лет произносят эти три фамилии, из коих две еврейские. Это три жертвы яко бы правых неистовств. И вот, за убийство этих трёх лиц яко бы правыми людьми, что впрочем совершенно не доказано, нас заставляют выслушивать массу речей с нападками на Правительство, на Думу.

Конечно, убийство не то что трёх, а даже одного и не только человека, но хотя бы и одного иудея, есть преступление. Но, господа, надо соблюдать меру. До сих пор с разными натяжками вы могли приписать правым монархистам три убийства за несколько лет, приписать совершенно несправедливо, без всяких доказательств, ибо суд ваших обвинений не подтвердил. Трёх убитых яко бы нами вы начисляете в своём лагере, и это прошу вас запомнить.

Но почему же вы не говорите, господа, о том, кого убили 30 лет тому назад в ужасный день 1 марта?

Почему об этом убийстве вы не вспомните?

Вы всё твердите о каких-то Караваевых, Иоллосах, Герценштейнах, а об убийстве в Бозе почивающего Императора, Самодержца Всероссийского, Александра II забыли?... Вот о ком надлежало бы вам припомнить в *этот день 1 марта, а уж никак не о Караваеве. И я вам напомню!... Вы рассказывали побасенки, а я* (голос справа: *расскажу сказку)... сообщу историю этого дня: кто убил Алесандра II.*

Моё право, моё нравственное право ответить на вашу гнусную клевету ('голос слева: *а вот насчёт Караваева вы ничего не скажите?).*

Насчёт Караваева не я вам буду говорить, а от меня вы выслушаете об убийстве Императора Александра П. Для России это убийство важнее убийства Караваева.

Передо мной лежит исследование привата-доцента Глинского. На стр. 1023 "Исторического Вестника" за 1910г. мы читаем:

"Была выработана программа местной центральной группой партии "Народной Воли", это название звучит почти так же, как "Народная Свобода", но эти партии не совсем тождественны... (голос справа: *тождественны!). Я не буду затруднять вас чтением всей этой, впрочем, довольно краткой программы, но выдержки попрошу выслушать. Статья гласит: "Кандидат в члены центральной группы должен удовлетворять следующим условиям: представить трёх поручителей из числа членов организации; должен обнаружить преданность делу организации, доходящую до самопожертвования; иметь уже революционное прошлое, быть человеком, ранее доказавшим свою способность вести революционную работу", т. е. уже иметь руки, обагрённые кровью. Далее значится: "Члены организации партии центральной группы "Народной Воли" не имеют права обладать частной собственностью". Ну, во всякой организации предъявляются те требования, которые ей нужны, и в критику этих требований я не вхожу. Статья 10 изложена так: "Центральная группа не имеет права поднимать восстание без разрешения исполнительного комитета". Уже чувствуется некоторая аристократичность взглядов. Бунтовать нельзя без разрешения исполнительного комитета...*

Статья 13 говорит следующее, — я попрошу вашего особого внимания:

"Центральная группа имеет право приговаривать к смертной казни частных лиц, своих шпионов и должностных яиц, рангом до губернатора, на уничтожение которого нужно испросить разрешение исполнительного комитета".

Это, господа, составлено не для черносотенной организации, а для той, которая на своём знамени поставила: "долой смертную казнь!..." (смех). *Статья 19 и последняя гласит: "Выход членов из общества не допускается". Слова "не допускается" написаны курсивом* (голос справа: *ого, вот это свобода!). Вы, конечно, поймёте, что будет с тем членом партии, который... "допустит выход". Он будет предан смертной казни. Вот, господа, какие правила ими были составлены для "местных" революционных учреждений* (смех справа и в центре). *Что же касается центрального исполнительное" комитета, то он имел право устранять, освобождать от жизни решительно всех, уже никого не спрашивая о позволении.*

Именно этот самый центральный исполнительный комитет "Народной Воли", этой вашей aіta mater, приговорил на своём Липецком съезде Императора Александра I! к смертной казни и это гнусное, вопиющее

злодейство совершил 30 лет тому назад в день 1 марта 1881 г. Так говорят не анекдоты, а история.

Так вот как надо понимать возглас долой смертную казнь!, когда этот возглас раздаётся с левых скамей. Он означает, что левые могут убивать кого им угодно, но ни в коем случае Правительство не должно казнить левых убийц.

Иначе понимать вашего поведения нельзя, господа Азефы. Нечего говорить уже об отношении левых к свободе слова, к свободе личности. Они выразили это в своих же уставах. Вы видите, что их свобода это рабство перед революционными организациями. Вы все, левые, находитесь в рабской зависимости от злодейских сообществ ваших, а потому считаться с вами, как с независимыми личностями, обладающими свободной волей, невозможно. Вы не граждане, вы — рабы ваших организаций, а ваши организации суть 'злодейские, шайки преступников... Но дальше. Тридцать лет тому назад партия "Народной Воли", из которой потом вывелись, как цыплята из яиц, социал-демократы, социал-революционеры, трудовики и так далее, и так далее... (смех). *Грань между революционерами и кадетами не заметна, она стирается, да этой грани, кажется, и нет вовсе...*

Итак, Император-Освободитель был казнён, казнён за что же? Он был казнён, так как был признан неудобным, мешающим кому-то. Но кому же?

А никому другому, как иудеям!...

На стр. 581 того же исторического документа... (Голос справа: *Нисселович, слушайте!* Голос слева: *это ложь.* Голос справа: *Нисселович, молчите!). Желающие прочесть могут обратиться в библиотеку Государственной Лимы, взять "Исторический Вестник" 1910 года за август месяц, прочесть на свободе и обдумать. Итак, я читаю: "Говорили о цареубийстве", — это даёт свои показания иудей Гольденберг. "С течением времени больше прежнего стали придавать особое значение этому преступлению, как средству для достижения целей, преследуемых не только партией террористов, но и вообще всей социал-революционной партией. Под влиянием такой мысли находился и он, Гольденберг. После совершения убийства кн. Кропоткина, в марте 1880 г., он, отправившись в Петербург, задался целью возбудить там вопрос о цареубийстве (это говорит иудей Гольденберг) и всесторонне обсудить его". Иудей, как видите, очень обстоятельный.*

Приехав в Петербург он встретился здесь со знакомыми, из которых "приходилось раньше говорить с Зунделевичем и с Александром Михайловым. В разговоре с ними после 13 марта ему снова пришлось говорить о цареубийстве. Под влиянием созревшего влияния он, Гольденберг, Зунделевич (тоже иудей) и Александр Михайлов сначала обсуждали этот вопрос втроём", но им эта компания из двух иудеев и одного русского предателя показалась недостаточной и они пригласили к себе ещё Людвига Кобылянского и Александра Квятковского. И вот, два поляка, два иудея и один русский предатель составили комитет, который успел организовать преступление Соловьёва, стрелявшего в Императора Александра II около Зимнего Дворца.

Самое интересное в следующем:

Когда эта приятная и истинно тёплая компания (г. Гегечкори, вот это была тёплая компания, которую напрасно вы искали на правых скамьях), когда эта тёплая компания собралась в одном из трактиров на Садовой улице, то первым предложил свои услуги убить священную особу Государя Императора иудей Голъденберг, "но предложение его не было принято, так как находили (кто находил — неизвестно), что ему, как еврею, не следует брать этого дела на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа", — слушайте крестьяне! Те крестьяне, которые ещё не сняли креста, слушайте: "что ему, как еврею, не следует брать этого дела на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа, оно не будет иметь должного значения!". Признали поэтому, что "преступление должен совершить непременно русский, и только в таком случае оно получит надлежащее значение и окраску", — будет-де жидовская подмалёвка к русскому злодейству.

Так вот кто задумал преступление убийства Императора Александра II, вот кто, в конце концов, оное злодеяние устроил. Это иудей! (голос слева: *может быть и Павла убил иудей?)*

Господа, роль иудеев в этом ужасающем деле совершенно ясна. Но я сейчас говорю не по иудейскому вопросу, а по вопросу об Азефах, предателях, мошенниках и цареубийцах, и, возвращаясь к этому основному вопросу, я продолжаю.

Тридцать лет тому назад, Император Александр II был злодейски умерщвлён партией "Народной Воли", этой aita mater всех нынешних социалистических, революционных и отчасти радикально-прогрессивных партий. Что это именно так, что грань между революционерами и теперешними ка-дэками была весьма неясна, если она вообще когда-либо существовала, это видно из той же истории. В день цареубийства 1 марта некоторые литераторы, которые затем в своих воспоминаниях об этом даже и признавались, поджидали наступление "желанного конца" на Невском проспекте с затаённым дыханием и когда услышали злодейские взрывы, то некоторые из них даже перекрестились: слава-де Богу, наконец-то достигли своего!... Эти литераторы не были членами партии "Народной Воли", но они были родными отцами, прямыми учителями вашими, гг. ка-дэки! Среди литераторов ка-дэкского типа (в то время это гнусное слово ещё не существовало), среди литераторов ка-дэкского типа, которые являлись сотрудника и партии "Народной Воли", т. е. сотрудниками цареубийц, были: Михайловский, Станюкович и Глеб Успенский, эти ваши истинные руководители и учителя, и теперь вы от них не откреститесь. Я утверждаю, что в Базе почивающий Император Александр II был убит не одними революционерами и социалистами.

Он был убит при попустительстве и пристанодержательстве иудеев и прогрессистов, т. е. нынешних ка-дэков...

Вот эта тема интереснее ваших анекдотов про убийство Караваева “неизвестными” вам людьми. Тут вы, левые, мастерски взываете, если не к небу, то к потолку — этому стеклянному потолку о справедливости. Вы возмущаетесь смертными казнями и в то же время составляете уставы о смертных казнях. Вы возмущаетесь, что убивают какого-то Караваева и в то же время вы сами убили Императора Александра II. Вы нас, правых, называли тёплой компанией, а я вам скажу, что тёплая компания это та, которая грелась у дымящихся мученической кровью останков в Бозе почивающего Императора.

Вы убили Императора и какого Императора! Убили Александа //, который дал крестьянам не только свободу, а и землю, который создал то, чего ни в одном государстве создаваемо не было. Везде было освобождение рабов, но нигде не бывало наделения крестьян землёй. Император Александр II был величайший государь, который дал крестьянам не только свободу, но и землю, имущество, ныне оцениваемое почти в двадцать миллиардов рублей, а ведь всего 50 лет назад у крестьян не было ни единого гроша. Убили Императора, который дал суд правый, скорый, милостивый, тот суд, который вы теперь стремитесь испакостить. Вы убили того Царя, который дал земское самоуправление и городское самоуправление, который ввёл всеобщую воинскую повинность, который заставил служить под солдатской шапкой рядом крестьянина и дворянина, вчерашнего крепостного и его вчерашнего господина. Вы убили того Государя, который освободил славян от турецкого ига. И вы Его убили тогда, когда уже на Его столе лежало подписанное Его собственной Императорской рукой учреждение Общей Комиссии, т. е. образование той же самой Государственной Думы, правда на более верных началах чем та, в которой вы теперь присутствуете. Вот истинное злодейство, которое было совершено тридцать лет тому назад вашими отцами, вашими руководителями, господа левые! За это страшное преступление вы ответственны и эту ответственность вы никогда с себя не снимете. Тут вы выходите на кафедру, тут вы припеваете разные песенки, стишки, где говорите о том, как будете попирать вы русского ^'парода (шум в зале) *и короны Царей. Так грозил, кажется, Белоусов, вообще кто-то из вас, революционеры, произносил такие слова. Отсюда, вы постоянно кричите, что в России будет революция, что вы все сметёте в прах!... Но прежде чем так кричать, чем возмущаться на несправедливости, прежде чем упрекать Правительство в том, что оно поступает не так, как вам хочется, помните, кто вы сами есть, помните, что от вашего доверия, которого вы лишаете русское Правительство, Правительство Самодержца Всероссийского, что от этого вашего доверия краснеть надо, что недоверием вашим надо гордиться. Помните, что вы — цареубийцы!...”* (Рукоплескания справа). VIII. Под влиянием речи Н. Е. Маркова, М. О. Меньшиков напечатал в “Новом Времени” глубокомысленную статью “Народоубийство”, где говорит следующее:

“Тридцатилетняя годовщина позорнейшего для русской истории цареубийства 1 марта была отпразднована в Государственной Думе возмутительными выходками жидо-кадетов и революционеров, но в той же Думе этим выходкам был дан и блистательный отпор. В очень сильной речи Н. Е. Марков воздал должное как революционерам, так и “пристанодержателям революции” во главе с г. Милюковым. Речь г. Маркова заслуживает самого серьёзного внимания и образованного общества и крестьян, “ещё не снявших креста”. В этой речи трагедия 1 марта освещена с той именно стороны, которую бунтари наши тщательно скрывают.

В самом деле, пусть хотя бы через 30 лет после неслыханного злодеяния русский народ задумается, до какого унижения он дошёл! На вторую тысячу лет государственной жизни, после многовековой славы, успев создать высочайший на свете царский трон и дождавшись Царя кроткого, свободолюбивого, милосердного, правосудного, что же видит народ? Являются откуда-то два ничтожнейших жидка Голъденберг и Зунделевич, подбирают двух ничтожнейших полячков и одного русского психопата и начинают охотиться на Царя России. Охота идёт долгая и, в конце концов, жидовско-польская бомба отрывает ноги у Повелителя нашей империи...

Мне кажется, тут есть о чём подумать русскому народу. Злодеи прицеливались в священную главу народа, в ту голову, которая держали корону нашей народной Империи и держала её с исключительной честью. Теперь тысячи жидов и подкупленных ими жидохвостов кричат о равноправии инородцев и полноправии всех национальностей в черте Империи, которую строили наши предки не для чужого, а для своего потомства. Но вот первые результаты равноправия: два еврея и дна поляка (на одного русского) сами уполномочивают себя быть судьями и палачами великодушнейшего из царей. Заметьте, поляки не имеют черты оседлости. И два поляка, Кобылянский и Квятковский, обсуждавшие цареубийство, пользовались всеми правами русских граждан. Точно также и два еврея, Голъденберг и Зунделевич, если они разъезжали по России, то, стало быть, уже пользовались равноправием. Но не потому ли именно, что эти четыре инородца были неосторожно пропущены в Россию, они и оказались в возможности развить свой адский план?

Обобщая явление, спросим: не тем ли объясняется почти столетнее революционное брожение в России, что вместе с присоединением Польши мы открыли двери для двух опаснейших и крайне враждебных нашествий — польского и еврейского?

Вторжение восточных инородцев в наше высшее общество эпохи Годунова чуть было не укрепило у нас татарскую династию и повело к великой смуте XVII столетия. Вторжение западных инородцев к верхам власти чуть было не установило у нас немецкую династию и повело к смуте XVIII века, с придворными мятежами и цареубийствами. Обильное вторжение внутренних инородцев в XIX веке денационализировало наше образованное общество и повело к смуте, завершившейся злодейством 1 марта. Едва начался XX век и дальнейшее вторжение инородцев, главным образом евреев, породило подлейшую

из революции, именно 1905 года, подлейшую потому, что она действовала в союзе с Японией и опираясь на её победы.

Пока Правительство старых веков в духе Петра Великого не допускало в Россию евреев, крепко держались, не смотря на все наши невзгоды, дух народный, вера в величие и непобедимость России, жива и могуча была энергия самозащиты. Но достаточно было сделать небольшой прорыв в черте оседлости, достаточно было впустить в организм Империи всего лишь несколько десятков тысяч евреев, и они, как истинные паразиты, начали множиться с поразительной быстротой и поражать прежде всего нервные, духовные центры нации: общественное мнение, печать, литературу, школу, театр, свободные профессии, причём гнилостное разложение древнекулътурного нашего духа очень быстро повело к мятежу.

Припомним, что сынами Иуды чинилось у нас в 1905 году и каковы были их чудные "освободительные подвиги"! Дело обстояло так, что если бы прямые доказательства еврейской оркестровки даже отсутствовали, между тем как она удостоверена вне всякого сомнения, и тогда мрачная история евреев наряду с их национальным, характером должна была бы убедить, что дирижировали именно они. По содержанию и ходу событий, исключительно и давно рассчитанных на иудейское лишь торжество, равно как по крайне отрицательным результатам, отсюда произошедшим для коренного населения России и в материальном, и в духовном направлениях, нельзя не заключить, хотя бы лишь с точки зрения политической, что сыны Иуды не друзья и не защитники свободы, а, наоборот, её лютые враги и предатели.

По показаниям известного Голъденберга, именно он перед убийством кн. Кропоткина отправился в Петербург и задался целью возбудить там вопрос, о цареубийстве. В Петербурге Голъденберг обсуждал этот вопрос с Зунделевичем, Кобылянским, Квятковским и Михайловым. Эти два еврея, два поляка и один русский предатель составили комитет, который организовал преступление Соловьёва, стрелявшего в Императора Александра II около Зимнего дворца. Когда злодейский комитет собрался в одном из трактиров на Садовой ул., то первым предложил свои услуги убить Императора инициатор мысли о цареубийстве Голъденберг. Но комитет (из двух евреев, двух поляков и одного русского) признал, что это преступление должен совершить непременно русский, иначе всё дело не будет иметь надлежащего значения для русского общества и народа!...

Хотя в комитете было четыре инородца на одного русского, хотя весь замысел цареубийства принадлежал еврею, но, страдая неодолимой манией всё фальсифицировать и во всём делать подлоги, еврейство должно было остаться скрытым исполнителем гнусного еврейского замысла выбрали русского полуидиота Соловьёва. Насколько этот русский был высокого разбора, показывает уже то, что собираясь убить Императора, Соловьёв последнюю ночь свою провёл в публичном доме...

А что же делали подстрекатели этого преступника, евреи Голъденберг и Зунделевич? Наладив дело, они выехали за два дня до покушения в Харьков. Покушение 2 апреля не удалось, но еврейская идея о цареубийстве, не погибла. Она повела к Липецкому съезду, на котором и состоялся новый злодейский замысел.

Укоренившись в почве разлагающейся полуинородческой интеллигенции русской, еврейская идея распустилась кровавым цветом 1 марта. Не забудьте, что смертоносная бомба под ноги Александра II была сделана в иудейской квартире, а брошена поляком. Читая историю подготовки 1 марта, вы поминутно встречаете имена таких террористов, как Натансон, Дейч, Войнаралъский, Атик, Арончик, Патекман, Девелъ, Хотинский, Бух, Колоткевич, Геся Гельфмаи, Люстш, Фриденсон, Цукерман, Лубкин, Гартман и разные иные.

Прошло тридцать лет после великого злодейства. Вместо двух первоначальных подстрекателей к цареубийству Гольденберга и Зунделевичи мы имеем бесчисленное множество жидков, которые если не лично состряпали, то всемерно стараются осуществить даже проект всеобщего нашествия сынов Иуды на Россию. В Г. Думу уже внесено предложение о *снятии черты еврейской оседлости и о полном равноправии паразитного племени с народом русским*[27].

---

[27] Следующие члены Думы, приняв на себя инициативу, решились облагодетельствовать русский народ уничтожением черты иудейской оседлости:

Амурская область. — 1) Чилинкин Н.Ф.; Амурское и Уссурийское казачье войско. -2) Маньков Н.А.; Архангельская губ. — 3) Томилов И.С. и 4) Мефодьев Н.В.; Астраханская губ. — 5) Виноградов В.Д.; Бакинск., Елисаветпольск. и Ереванск. губ. — 6) Сагателян И.Я. и 7) Хас-Мамедов Х.Е.; Бессарабская губ. — 8) Гулькин Д.П.; Варшавская губ. — 9) Грабский Ф.В.; 10) Яблоновский В.Ю.; Виленская губ. — 11) Ванькович С.А.; 12) Свенцицкий Г.И., 13) Циунелис М.Е., 14) Мацеевич С.Г., 15) Монтвилл И.С.; Владимирская губ. — 16) Воронин С.А., 17) Кобяков А.М., 18) Черносвитов К.К.; Воронежская губ. — 19) Блинов А.А., 20) Звягинцев А.И., 21) Шпингарёв А.И., 22) Петровский О.А.; Вятская губ. — 23) Бакин М.П., 24) Кропотов А.Е., 25) Липягов С.С., 26) Мерзляков И.Л., 27) Попов 2-й, А.А., 28) Путятин В.П., 29) Астраханцев Е.П., 30) Баш киров В.И.; Гродненская губ. — 31) Бич В.А., 32) Есьман В.К.; Дагестанская область и закатыльский округ — 33) Гайдаров И.Б. И.-Б.; Область Войска Донского — 34) Ад жемов М.С., 35) Воронков М.С., 36) Ефреов И.Н., 37) Захарьев Н.А., 38) Пырков П.Р., 39) Харламов В.А.; Екатеринославская губ. — 40) Алексеенко М.М., 41) Каменский П.В., 42) Кузнецов Г.С.; Енисейская губ. — 43) Караулов В.А.; Забайкальская губ. -44) Войлошников А.А., 45) Волков 2-й, Н.К.; Иркутская губ. — 46) Белоусов Т.О.; Казанская губ. — 47) Дунаев С.В., 43) Лунин А.А., 49) Максудов С.Н., 50) Соколов 3-й И.; Калишская губ. — 51) Парчевский А.И.; Калужская губ. — 52) Шешминцев Л.К.; Карская и Батумская области и Сухумский округ. — 53) Шервашидзе князь П.Л.; Киевская губ. — 54) Лучицкий И.В.; Ковенская губ — 55) Завиша К.А., 56) Кейнис Ф.О., 57) Кузьме Ф.А., 58) Пожелло И.О., 59) Фридман Н.М., иудей; Костромская губ. — 60) Герасимов П.В., 61) Сурков И.И.; Кубанское казачье войско — 62) Бардиж К.Л.; Кубанская и Тверская области. — 63) Покровский 2-й, Н.П.; Курляндская губ. — 64) Карлсберг Э.Ф., 65) Нисселович Л.Н., иудей; Кутаисская губ. — 66) Гегечкори Е.П.; Ке-лецкая губ. — 67)

Яронский В.Ф.; Лифляндская губ. — 68) Мейендорф бар., А.Ф., 69) Шульценберг М.М., 70) Баркман О.А., 71) Предкальн А.И., 72) Эргардт Р.Я.; Ломжинская губ. — 73) Гарусевич Я.С.; Люблинская губ. — 74) Наконечный И.М., Московская губ. — 75) Челноков М.В., 76) Захаров 2-й М.В., 77) Головин Ф.А., 78) Маклаков В.А., 79) Щепкин Н.Н.; Нижегородская губ. — 80) Килевейн Г.Р., 81) Савельев А.А., 82) Фаворский А.Е., 83) Хвощинский В.В., 84) Иконников А.В.; Новгородская губ. — 85) Румянцев Н.Ф.; Олонецкая губ. — 86) Неёлов Н.Н., 87) Ушаков А.А.; Оренбургская губ. — 88) Владимиров Ф.А., 89) Покровский 1-й И.К., 90) Байбурин З.Н., 91) Гродзицкий М.И.; Орловская губ. — 92) Фёдоров 1-й А.А.; Пермская губ. — 93) Бабянский А.Ф., 94) Егоров Н.М., 95) Исполлатов Н.И., 96) Кондратьев Ф.Ф., 97) Степанов В.А., 98) Титов Н.В., 99) Устинов П.Г., 100) Васильев М.А., 101) Петров 3-й К.М.; Петроковская губ. — 102) Жуковский В.В., 103) Ржонд А.М.; Плоцкая губ. — 104) Вонсович И.И.; Подольская губ. — Ю5) Сендерко М.И.; Приморская область. — 106) Шило А.И.; Радомская губ. — 107) Свежинский И.В.; Рязанская губ. -108) Лукашин И.И.; Самарская губ. — 109) Новиков А.И., 110) Попов 3-й А.Н., 111) Пус-тошкин Е.В., 112) Ротермель Н.И., 113) Маров А.И.; С-Петербургская губ. — 114) Полетаев Н.Г.; С-Петербург. — 115) Беляев 2-й С.П., 116) Кутлер Н.Н., 117) Милюков П.Н., 118) Родичев Ф.И.; Саратовская губ. — 119) Лебедев 1-й Н.Ф., 120) Уваров граф А.А., 121) Масленников А.М., 122) Розанов Н.С.; Симбирская губ. — 123) Протопопов А.Д., 124) Березовский 1-й А.Е.; Смоленская губ. — 125) Фёдоров 2-й Г.Ф., 126) Хомяков Н.А.; Ставропольская губ. — 127) Ляхницкий Н.Я., 128) Рожков Г.Е., 129) Иванов 2-й Н.Т.; Су-валкская губ. — 130) Булат А.А.; Седлецкая губ. — 131) Дымша Л.К.; Таврическая губ. — 132) Гальвас Г.Г., 133) Захаров 1-й З.Д., 134) Муфтий-заде И.М., 135) Фальц Фейн В.Э., 136) Мурзаев М.К., 137) Панкеев Н.М.; Тамбовская губ. — 138) Комсин 1-й В.И., 139) Комсин 2-й С.И.; Тифлисская губ. — 140) Чхеидзе Н.С., грузин; Тобольская губ. — 141) Дзюбинский В.И., 142) Скалозубов Н.Л.; Томская губ. — 143) Мягкий А.Г., 144) Климов В.В., 145) Некрасов Н.В., 146) Скороходов А.А.; Уральское казачье войско. — 147) Еремин Ф. А.; Уфимская губ. — 148) Блюменталь Ю.Ю., 149) Сыртланов А.О., Ш.А., 150) Тевкелев К.М.-Б.Г., 151) Толстой граф А.П., 152) Тукаев М.Ш., М.Х., 153) Гутон Г.В., 154) Махмудов Ш.З.; Харьковская губ. — 155) Голицын А.Д.; Херсонская губ. — 156) Сторчак И.И.; От города Одессы — 157) Никольский А.И.; Черниговская губ. — 158) Базилевич П.Е., 159) Глебов 2-й Ю.Н.; 160) Гузь В.Д., 161) Искрицкий М.А., 162) Клименко 1-й И.С.; Эстляндская губ. — 163) Террас А.Я.

Надо ли пояснять, что в этом составе еврейских друзей фигурируют прежде всего инородцы, а в особенности — поляки, которые, однако, у себя не дают сынам Иуды хода ни на каких выборах, вообще же презирают евреев и ядовито злорадствуют когда в безграничных количествах навязывают их нам. Затем идут прогрессисты: “ка-дэ-ки”, социал-демократы и всякие иные революционеры; далее следуют “москвичи-кадеты”, а среди них, разумеется, Щепкин и Маклаков; за этими уже спешат такие “освободители” России, как грузины Гёгечкори и Чхеидзе, а в заключение, наблюдая, чтобы никто из шаббесгоев не отставал, шествуют представители хозяев, т.е. оба думские иудея — Фридман и Нисселович...

Благосклонное участие “инициаторов” в этом триумфе всемирного кагала не требует сложных объяснений. Если исключить немногих, понятия в вопросе не имеющих и руководствующихся либо пустозвонными фразами о “социальной справедливости” либо стадным инстинктом, то мы увидим, что подавляющее большинство всех прочих, увы, действует вполне сознательно. Одни стремятся нанести русскому народу, своему простодушному владыке, смертельный удар, как лютые, но открытые враги его, другие же, как предатели собственного отечества и рабы “избранного народа”, проникнув в самую Думу единственно по милости кагала, не дерзают нарушить его приказ. Посему заявление об “уничтожении черты” должно быть рассматриваемо, одновременно, как увенчание иудейской революции в России и как циническое доказательство самооплевывания шаббесгоев. Своей “инициативой” кадеты, в частности, всенародно признали, что их девиз — “народная свобода” значит в действительности — “тирания жидов”. Таким образом не может быть двух мнений в вопросе, чем руководствовались инициаторы “уничтожения черты оседлости”: любовью к сынам Иуды или же ненавистью к России?...

Вновь заражая её “поцелуем Альманзора”, упомянутые зачинщики разрушения “черты”, очевидно, понимают, что делают!… (из “Земщины”).

Чего доброго, наглейший план этот увенчается успехом. Уже, если даже для цареубийства евреи находили еще тридцать лет тому назад русских исполнителей, то найдут их теперь и для народоубийства. Не чужими руками, а нашими же собственными накинут они петлю на свободу и жизнь русского народа...

Среди двух-трёх тысяч “русских” интеллигентов, предававшихся в Швейцарии революционно-социалистическим проискам, большинство были евреи, и они же оказались вожаками революции. Еврейские интеллигенты и полуинтеллигенты выступают деятельнейшими соучастниками почти во всех террористических покушениях. Они же сумели провести во все русские программы преобразования и во все резолюции бесчисленных митингов полное уравнение евреев в правах с коренным населением.

Точно так же постыдный факт, что русское студенчество находилось и находится под еврейским влиянием не оспорим, как и то, что “ “русской” смуте огромную роль сыграл иудейский “Бунд”... Впрочем, за первое время смуты сами евреи не только не скрывали своего участия “ ней, но с гордостью кричали, что русская революция — “произведение великого духа еврейской нации”, что “мы вам дали Бога, дадим и царя!...”

Достаточно припомнить имена главных вожаков нашей смуты: Гершуни, Рубанович, Гоц, Швейцер, Рутенберг, Азеф, Чернов, Бакай, Роза Брилиант, Рейза Люксембург и пр. и пр... Все сплошь — евреи, как евреями же оказались в печати и обществе пристанодержатели революции жидо-кадетского лагеря.

Убийство великого князя Сергея Александровича организовано Розой Брилиант. Главарём московского вооружённого восстания явился Мовша Струнский. Бунт на “Потёмкине Таврическом” налажен был евреем Фельдманом. Группой максималистов — социал-революционеров этой зловреднейшей анархистской шайки, совершившей бесчисленные террористические преступления, заправляла Фейга Элькина. Знаменитый “совет рабочих депутатов”, игравший некоторое время роль революционного правительства в Петербурге, руководился такой компанией, как Бронштейн, Гревер, Эдилькен, Гольдберг, Фейт, Мацелев, Бруссер, да и сам председатель совета Хрусталёв оказался евреем Носарем. Отставной же лейтенант Шмидт,

главарь севастопольского бунта, хвастался тем, что он орудие евреев.

Вот кто гнусно скрывался за кулисами "русской" революции и кому Россия обязана потрясениями, унижениями и разорением последних лет! Вот чьими "благородными" побуждениями разорваны бомбами и расстреляны из браунингов 50.000 русских людей, виновных только в том, что они русские! Вот по повелению какого синедриона Россия принуждена была заключить позорный мир и в течение пяти лет, между прочим на японские же деньги, терзалась анархией, заливалась кровью своих сынов!..."

IX. От столь позорных злодеяний и перед ужасами такого вероломства не может не содрогаться благородная душа. На горестной судьбе России всякое человеческое общество, как и любой политический строй, должны видеть воочию, что презрение и ненависть, которые всегда и повсюду были возбуждаемы против себя еврейством, заслужены им.

Явной неправдой пятнают себя евреи, когда нравственную проказу свою пытаются мотивировать исключительностью русского отношения к ним.

Заведомо лживая, предательская попытка иудеев либо их шаббесгоев объяснить революцию 1905 года будто бы невыносимым положением "угнетённого племени" в России ниспровергается данными истории всех времён и народов.

Что внушает американцам брезгливость, даже прямое отвращение к евреям? Что заставляет Америку отгораживаться от них?

Откуда эта строгость запрета вступать на территорию С.-А. Союза обладателям паршей или трахомы, как не из трепетной надежды сделать запрет неуязвимым для иудейской наглости и сократить иммиграцию в страну сынов Иуды?... Какой ещё мотив возможно подыскать хотя бы для недавно изданного в С. Америке закона, которым объявлены уголовно наказуемыми не только подстрекательство, а и какое-либо пособничество переселению в великую заатлантическую республику "нежелательных иностранцев"?!...

На это отвечает рапорт начальника нью-йоркской полиции Бингкэма, помещённый в журнал "North American Rewiew" (1908 г., август).

Констатируя на основании официальных Данных, что не менее 50% преступлений в американских городах совершаются сынами Иуды, Бингкэм говорит:

"Учиняемые евреями преступления большей частью направлены против собственности. Они — грабители, поджигатели, воры, карманники. Однако, хотя евреи упражняются во всех этих видах преступлений, тем не менее, карманные кражи являются излюбленной их профессией. Негодяи других национальностей единогласно признают неподражаемость еврейских дарований в этом искусстве. Другую облюбованную евреями специальность составляют содержание тайных притонов разврата и кражи детей. Завлекают красивых девушек обещанием выгодного заработка либо женитьбы и продают их в дома терпимости в Буэнос-Айрес или в Африку. Я знаю одного еврея, который женился 120 раз и всех своих жён продал в притоны разврата. Что же касается убийств, то, избегая напрасного риска, "талантливые" евреи участвуют больше в качестве подстрекателей".

Дополнением к свидетельству Бингкэма может служить и проповедь пастора Линча в одной из нью-йоркских церквей:

"Наши друзья-евреи постоянно жалуются на то, что с ними обращаются, как с совершенно особой расой, а между тем, они сами стараются применить всё возможное, чтобы отделаться от остального общества и выделить свои интересы. Мы были их друзьями, мы защищали их, провозглашали терпимость и любовь по отношению к ним, мы осуждали и порицали порывы ненависти к этой расе. И всё-таки необходимо признаться, что по временам нас просто заставляют терять терпение. Евреи возбуждают гнев всякой нации, среди которой селятся, своим надменным осуждением самых священных её установлений и своим неизменным повсюду упорством в желании оставаться расой внутри расы. Они распинаются лишь за одно: за евреев, за еврейские права, за покровительство евреям, одним словом — за иудаизм. Но в этой стране не существует никаких еврейских прав, никаких ирландских прав, никаких японских прав, здесь только американские права"...

Но разве таковы результаты еврейской деятельности в одной Америке?... Всякий, знакомый с вопросом наблюдатель, без сомнения признает, что не местное, а всеобщее положение должно быть резюмировано девизом "cherchez, le juif". Повторяем уже сказанное однажды для памяти.

Cherchez le juif! — вырывается невольно, как только общественное внимание возмущено какой-либо, ещё неслыханной, плутней. Cherchez le juif! — решает судебный следователь, когда запутанное и безнравственное преступление, наглое и предательское злодеяние является особенно загадочным. Cherchez le juif! — говорит землевладелец, не постигая колебаний цены на хлеб или сокровенной причины своего разорения. Cherchez le juif! — догадывается финансист, задумываясь над крушением христианского банка или внезапным падением курсов, переворачивающим рынок вверх дном. Cherchez le juif! — приказывает главнокомандующий, замечая, что лучшие из его планов перестаю! быть тайной для врага. Cherchez le juif! — восклицает государственный человек, когда национальные мероприятия отравляются сатанической ложью в яко бы либеральной и будто бы нееврейской печати, а с другой стороны, извращаются какой-то лицемерной, подпольной силой. Cherchez le juif! — твердит себе дипломат, видя, что его шахматные ходы кем-то спутываются и направляются ему же во вред. Cherchez le juif! — вправе, наконец, воскликнуть мыслитель, когда вечные законы разума и сама идея справедливости осмеиваются и замирают в том биржевом хаосе, который на наших глазах охватывает жизненные силы и важнейшие центры социальных организмов...

Надеемся, что всем изложенным в настоящем труде справедливость

сказанного знаменуется вполне достаточно. Но в “Земщине” появилась на днях статья Н.А. Бутми, к которой нельзя, в свою очередь, не отнестись с исключительным вниманием. Под заглавием “Иудо-масонский Бнай-Берит” статья имеет такое содержание:

“В “Новом Времени” 12 апреля помещена заметка: “Гибель титаника и еврейство”. “Нью-йоркский еврейский кагал оплакивает гибель на “Титанике” одного из главных руководителей всемирной плутократии еврейского миллионера Штрауса. Вместе с еврейскими же, нью-йоркскими банкирами Шифом и Зелигманом, Штраус составлял верховный триумвират масонского общества “Бнай-Берит”, играющего громадную роль не только в американской, но и во всемирной истории. Борьба против России и отказ С.-А. Соединённых Штатов от торгового договора 1832 г. — дело их рук. Это же общество помогало китайской республиканской партии с д-ром Сун-Ятзеном во главе и потрудилось больше всего над низвержением с престола Богдыханов. Зелигман при помощи Моргана Шустера запустил свои руки в Персию и в Турцию, где последние государственные перевороты совершались тоже при содействии “триумвиров”.

В этих немногих словах заключается нечто ужасное и грозное не только для христианских государств, но и для всего неиудейского мира.

Трое американских жидов-миллионеров ворочают судьбами мира! Они разрушают существовавший в течение тысячелетий строй одного из древнейших государств — Китая, как какой-нибудь карточный домик. По их приказу совершаются государственные перевороты, расторгаются договоры между великими державами, льётся кровь, ведутся междоусобные, братоубийственные войны, разрушаются и гибнут целые государства!...

Что такое этот “Бнай-Берит”, вожди которого, американские жиды Штраус, Шиф и Зелигман, полновластно распоряжаются мировой политикой?

Мы писали о нём уже несколько лет тому назад. “Бнай-Берит” (по-иудейски “Сын Союза”) есть верховное иудейско-масонское тайное общество, основанное в Нью-Йорке в 1843 году, в которое допускаются исключительно иудеи. В 1874 году между всемирным масонством и “Бнай-Берит” был заключён союз или конкордат, подписанный верховным патриархом всемирного масонства Альбертом Пайком и представителем “Бнай-Берит”, жидом Арманом Леви. В подтверждение этого конкордата Альберт Пайк издал торжественный указ следующего содержания:

“Мы, Великий Мастер, Хранитель Священного палладиума, верховный Патриарх всемирного Масонства по одобрении Светлейшим Великим Коллегиумом заслуженных масонов

во исполнение Акта Конкордата, заключённого между Нами и тремя Верховными Федеральными Консисториями “Бнай-Берита” Америки, Англии и Германии, который подписан Нами сегодня,

постановили и постановляем:

Статья единственная. Генеральная Конфедерация тайных Израильских Лож учреждена с сегодняшнего дня на основаниях, изложенных в акте Конкордата.”

Дано под Священным Сводом в Верховном Востоке Чарльстоуна в любезной Долине Божественного мастера в 1-й день Луны в 12-й день 7-го месяца года 000 874 истинного Света” (т.е. 12-го сентября 1874 г.)

Таким образом, “Бнай-Берит”, в действительности учреждённый в 1843 г., был торжественно признан масонством в 1874 г. Всё это является, разумеется, чистейшей комедией, цель которой состоит в том, чтобы ввести в заблуждение масонов из неиудеев и показать им, что “Бнай-Берит” находится якобы в зависимости от масонской организации. Согласно же истине, дело здесь обстоит как раз наоборот: “Бнай-Берит”, как чисто — иудейская организация, в которую никто кроме иудеев не допускается, управляет и руководит всемирным масонством, а через него и мировой политикой.

Жид Штраус, один из вождей “Бнай-Берита”, потонул в Атлантическом океане, но на его место найдутся другие и ужасная злодейская работа “Тёмной Силы” будет продолжаться. Велико мировое могущество иудейства, но оно неполно и непрочно пока ещё существую! сильные государства. Против них теперь направлены удары “Тёмной Силы”. Под этими ударами уже начинают колебаться и сильнейшие...

Русские и французские антисемиты и антимасоны уже много лет выбиваются из сил, чтобы выяснить опасность, грозящую всему неиудейскому миру от всё возрастающего иудейско-масонского засилия. Но давно ли ещё на эти спасительные предостережения смотрели, как на бред сумасшедших, как на игру больного воображения?

Однако, жизнь сама показывает, на чьей стороне правда. То, что ещё недавно считалось бредом сумасшедших, становится ужасающей реальностью.

Читая в “Новом Времени”, что иудейско-масонский союз “Бнай-Берит” разрушает на наших глазах большие и сильные государства и руководит мировой политикой, мы не можем не радоваться и не говорить: слава Богу, начинают прозревать и в России. Но этого мало. Недостаточно признать, что другие гибнут, надо оглянуться и на самих себя и признать, что и у нас далеко неблагополучно, и неблагополучно по тем же самым причинам. Пусть же судьба погибающих на наших глазах государств послужит предостерегающим уроком, пока мы ещё имеем силы бороться.

X. Соображая все упомянутые данные, мы вправе перейти, наконец, и к Евно Азефу — этому исправленному и дополненному, второму изданию Гапона. Только неискренность либо жалкое неведение могли оставить за ним роль, навязанную тем самым Бурцевым, в котором кагал, очевидно, не нуждается, если не выдвигает его с целью вновь посмеяться над нами.

Азеф в русском департаменте полиции, это масонство в любой стране. Взмыливая дело Азефа и разражаясь против него “священным” негодованием, сыны Иуды, без сомнения, успели доставить своему махровому коварству немало

весёлых дивно-опереточных минут... Достигнув невероятного, а именно созыва “всероссийского конгресса сионистов” в Минске уже в августе 1903 года, еврейство приобрело, стало быть, возможность подготовиться к 1905 году. Оно могло, значит, (чему имеются доказательства), предвидеть неизбежность японской войны и учесть на её пути многое заранее.

Как понять выдачу разрешения на “конгресс” столь, казалось бы, прозорливым и непоколебимым министром внутренних дел, как В. К. Плеве?... Чем бы он мог даже не оправдать, а хотя бы мотивировать подобное, явно недопустимое разрешение, да ещё в такое опасное время? Намерением произвести смотр вражеским силам?... Но для этого у министра некого было послать, Да и, сверх того, мы видим, что евреи проделали на “конгрессе” всё, им необходимое, и вдобавок беспрепятственно... Расчетом ускорить открытый бунт, чтобы сокрушить неуловимую, скрывающуюся гидру анархии, с которой тайными мероприятиями становилось не под силу бороться? Но помимо рискованности такого манёвра, ни откуда не видно, какими средствами предполагалось обеспечить власти победу, особенно в виду надвигавшейся уже японской трагедии... Тем не менее, скажут: В.К. Плеве действовал искренно. А не был ли сам обманут?... И это отнюдь не являлось у нас невозможным. Не переоценил ли В. К. свои силы, как случилось и с Гамбеттой. Если же Плеве собственной кровью запечатлел служение отечеству, то не надо забывать, что и Гамбетта был убит масонами, хотя служил только евреям, но, правда, зазнался перед Ротшильдами...

С другой стороны, всё последовавшее исключает возможность сомневаться как в сказанном, так и в обработке кагалом своей революции систематически. Было бы безумным, однако, да и несоответственным положению евреев в России, предполагать, будто ими же созданы и самые элементы революции. Для сынов Иуды она могла являться лишь средством, совсем не целью. Да и были произведены ими только подтасовка и шулерское “крапление” требований “народа”, равно как учинено снабжение “освободителей” деньгами, прокламациями, браунингами и бомбами, причём сими последними, благодаря столь изобильному урожаю кагальных фармацевтов, что продуктов их “творчества” хватает и на “химическую обструкцию” в высших учебных заведениях, а не на одно учёное изготовление бомб. Наконец, кагалом было избрано время для всероссийских забастовок по иудейскому рецепту, т.е. с митингами и убийствами, что среди “особо благоприятных” условий в Москве и разразилось для талмудического диверсимента логически, вооружённым восстанием.

Революция 1905 года принесла колоссальные выгоды исключительно евреям, ещё раз доказав, как дьявольски вышучивает “избранный народ” гоев и вновь показывает, что не будет никаким гоям житья, когда иудаизм восторжествует окончательно, если уже теперь таковы плоды его побед. Затеяв столь грандиозную биржевую спекуляцию, еврейство желало, разумеется, придать ей и невиданную по “художественности” форму. Не говоря об издержках предприятия, без сомнения, ассигнованных иудейскими банкирами лишь авансом и, конечно, за наш же счёт, требовалось организовать постановку трагикомедии на огромном пространстве. Многих, без сомнения, забот и расходов стоило кагалу само “исполнение”, но ведь и “угнетённое племя” приобрело кое-что. Не ради одного же, в самом деле, “спорта” бомбы, например в Одессе, оказывались и у еврейских богачей... Съезд социалистов-революционеров при благосклонном участии Азефа и Милюкова в Париже и организация печатания для маньчжурской армии прокламаций в Японии; инсценирование “9 января” в Петербурге, равно как убийство затем Гапона евреем же Рутенбергом и стравливание армян с татарами на Кавказе параллельно с поставкой туда оружия через Финляндию из Швейцарии; помимо ординарных везде чрезвычайные “освободительные” митинги в Томске и Твери на один лад и с теми кровавыми результатами; военные и морские бунты во Владивостоке и Кронштадте, в Свеаборге и Севастополе; “одесские и туккумские дни”; всеобщие железнодорожные, телеграфные и почтовые забастовки на необъятной территории России; злодеяния над эмблемами святынь русского народа по всему же лицу его земли; преднамеренные убийства и разрывы бомбами самых доблестных паладинов нашей родины; “герценштейновские” иллюминации и вопиющие к небесам потоки крови коренного населения страны; предательская подтасовка выборов в Государственную Думу, куда “угнетённые” евреи проведены были даже от Костромы, Петербурга, Киева и Москвы и в виде кагальной премии захват у нас “избранным народом” главных отраслей жизненной деятельности, — всё это, вне всяких сомнений, не могло быть случайным...

Отсюда явствует, что план был обдуман, разработан и проведен сокровенной и беспощадной, несокрушимой центральной властью.

Между тем, не только для “премудрого” кагала, а и для всякого человека не могло не быть очевидным, что поднять революцию в целой России и устроить от её имени вооружённое восстание в Москве представлялось не мыслимым при жизни В.К. Плеве как министра внутренних дел и Великого Князя Сергея Александровича как московского генерал-губернатора.

Отсюда, увы, следовало, что дни их сочтены...

Кому же, однако, было поручить задачу столь решающей важности как не заслуженному, испытанному агенту департамента полиции и властному среди самых озверелых революционеров, свирепому злодею Азефу!?...

Но если такова положительная сторона вопроса, то к тому же, несомненно, выводу приводит и проникновение в его отрицательную сторону. Здесь нам предстоит обратиться к методу, обыкновенно применяемому в науке. Когда перед наблюдателем факты, причина которых ещё неизвестна, то он допускает предположение. Если гипотеза верна, то она будет оправдываться тем ярче, т. е. объяснять явления тем рациональнее, чем глубже станет развиваться исследование. Наоборот, если гипотеза ложна, то она не только не раскрывает

ничего, а встречая всё большие затруднения и отрицания, разражается в нелепости. Именно к reductio ad absurdum, а не к чему либо иному, увлекла бы нас младенческая гипотеза, будто Азеф предавал даже своих единоплеменников департаменту полиции, а всемирному кагалу не повиновался.

Дабы проверить это, обратимся к анализу вопроса.

Проворовавшись ещё в средней школе и шпионствуя за товарищами в высшей, куда определился по подложному аттестату, Азеф не такой субъект, чтобы работать на опасном политическом розыске во имя идеи. Значит, он шёл сюда из-за денег. Но любой “князь во Израиле” советом и даже авансом — ad majorem Jsraeli gloriam мог доставить ему такой выигрыш на бирже в один день, какого не покрыло бы жалованье из департамента и за целый год. Допустим, тем не менее, что Азеф охотился за анархистами, как спортсмен, жаждя, так сказать, особого сыскного чемпионата. Предположение это уже не годится потому, что, будучи евреем, Азеф не мог не знать о шпионах кагала, как не мог, с другой стороны, рассчитывать и на скромность других, еврейских же, агентов самого департамента полиции. Надо быть ребёнком, чтобы утешать себя обманом, будто в течение полутора десятка лет сыны Иуды не успели осведомиться о департаментской агентуре Азефа. Независимо от сказанного, если уже говорить о спорте и чемпионате, то предательство в отношении государственной полиции и превращение её средств в орудие кагала должны были в глазах еврея казаться несравненно заманчивее, а потому неизмеримо достойнее любого талмид-хахима. Если же заподозрить, что при данных, совершенно исключительных обстоятельствах, Азеф стремился и к деятельности необыкновенной, которая за верную службу принесла бы ему особый почёт, то и эта версия несостоятельна. Помимо условий времени, категорически исключавших её, функции тайного агента, хотя бы и политического, не могли бы, разумеется, идти в уровень с подвигами еврейского патриотизма ради мирового господства “избранного народа”, если бы даже забавляясь над своей яко бы показной ролью социал-революционера, Азеф пренебрёг сопряжёнными с сим опасностями, как верный сын Израиля. Ещё далее, с большей, чем кто-либо из чинов департамента, ясностью Азеф в качестве еврея обязан был сознавать, что другие сыны Иуды, потаённые соглядатаи кагала, не дадут ему хода, сколько бы он ни лукавил. Иначе говоря, всякие ухищрения с его стороны будут “выворочены наизнанку” ещё большим коварством “совета предателей”. Этого мало. Тогда как и личная безопасность и обеспеченность будущего представлялись бы за действия в интересах революции гарантированными со стороны всемирного еврейства, обратные мероприятия влекли Азефу заведомо смертную казнь по неотвратимому приговору иудейского суда.

Стало быть преданность Азефа департаменту полиции исключалась всеми обстоятельствами дела. Она не только противоречила естественному взгляду еврея на ход событий, но являлась бесцветной вообще, а для него самого гибельной.

Резолютивным подтверждением этого служат даже личный состав и сама процедура суда над Азефом. По талмуду гой, как животное, не способен участвовать в еврейском суде, хотя бы и в качестве свидетеля. Отсюда явно нелепым оказывается предположение, будто над евреем можно было поставить гоя судьей. Между тем известно, что именно судьями над Азефом были два гоя Кропоткин и Лопатин. Участие же и еврейки Фигнер отнюдь не изменяло положения Еврейка — не еврей. Она не только не изучает талмуда, но, за исключением одного лишь трактата “Мегилла” (эпизод Мардохея и Есфири) сам доступ к талмуду ей воспрещён. С другой стороны, в отношении процедуры нельзя не заметить, что не так уж просты евреи, как хотел бы уверить нас, очевидно, неграмотный в еврействе либо и вовсе неумный Бурцев. Не только целой ночи на размышления, а то и на бегство не дали бы сыны Иуды Азефу во время суда, но произвели бы “суд”, а затем и казнь без промаха и уж, конечно, без нашего ведома, если бы он действительно являлся предателем Израиля. Убийство Гапона — недалёкий пример... Азеф же имел возможность скрыться и остаётся в живых доныне, да и останется, насколько это зависит, понятно, от центрального кагала социалистов-революционеров.

В виду сего, нет возможности не придти к убеждению в том, что эксплуатируя своё звание заслуженного агента департамента полиции и не останавливаясь перед сообщением ему шутовских сведений, и большинстве подтасовываемых, вероятно, ad hoc, равно как принося фальшивые жертвы и в лице членов “избранного народа”, Евно Азеф, тем не менее, стремился к цели, предначертанной “старейшинами многострадальной синагоги”, неуклонно и, наконец, достиг её — ad majorem Jsraeli gloriam!... Страшные кончины Плеве и Великого Князя Сергея Александровича — дело жида-изувера Азефа.

Взгляните хотя бы только на его портит и вас уже никто не обманет...

XI. Таковы картины современной действительности. Правда, они нередко превосходят всякое вероятие и в этом отношении разнствует даже от того, что было учиняемо избранным народом в минувшие века. Сверх того, надлежит памятовать, что не сегодня явилось изречение “если бы небеса обратились в бумагу, а океаны в чернила, то и тогда едва ли хватило бы материала, чтобы описать злодеяния евреев против человечества”

Во всяком случае, и того, что мы уже знаем, довольно, чтобы не ошибаться в выводах.

Многое из мудрости времён указано на страницах этого исследования. Для суждения есть основания.

Просвещающие нас в этом направлении цитаты можно было бы приводить ещё и далее по желанию в произвольных количествах. Для этого не требуется обращаться, например, к таким новейшим знатокам еврейства, каковы Бональд и Туссенель, Прудон и Ширак, Капефиг и Жанне, Гартман и Штилле, Делагэ и Дэни, Вармунд и Дюринг, Фритч и Андрэ, фон-Ланген и Глагау, Либерман фон Зонненберг и Штеккер, Тридон и Пикар, Вергани и Лихтенштейн, Пранаитис и Роллинг, Врунер и Шлейхер, Дженкинс и Шонерер, Источчи и Люгер, Морес и

Дрюмон.

Древние и новые историки и поэты, философы и ораторы, государственные деятели и полководцы, духовные и светские патриоты одинаково и неустанно предостерегали от евреев. Среди них: Аристофан и Плутарх, Набу-Куддур-Уссур и Антиох Епифан, Катон и Тацит, Гомер и Ювенал, Персии и Диодор Сицилийский, Марциал и Тит Ливии, Цицерон и Аппион, Полибий и Аммиан Марцеллин, Сенека и Рутилий Нумантийский, Помпеи и Веспассиан, Тит и Луций Квиета, иероним и Дион Кассий, Сципион и Адриан, Магомет и Ричард Львиное Сердце, Лютер и Вольтер, Эйзенменгер и Леман, Гердер и Трейчке, Дройзен и Вагнер, Д'Агессо и Наполеон, Гужено де-Муссо и Иогап Шсрр, Тьер и Мишлэ, Гиббон и Эдгар Кинэ, Шекспир и Шопенгауэр, Хозе Амадор де-Лос-Риос и Ренан, Кант и Фихте, Шампаньи и Литтре, Франц Лист и Виктор Гюго, Чацкий и Мацеевский, Державин и Достоевский, Костомаров, гр. Мордвинов, Иловайский и Гоголь, Аксаков и Грановский, Бисмарк и Мольтке, О'Жоннел и Кар-лейль, Роберт Пиль и Гладстон. Все они по фактам свидетельствовали об опасностях, которыми грозят сыны Иуды остальным народам, религиям и государствам... Не станем же забывать этого.

XII. Обобщая данные на пути проблемы о жиде политическом, мы видим следующее.

Где только сыны Иуды ни появляются, всюду тотчас же возникает и еврейский вопрос. Причём вопрос этот с успехами просвещения всё яснее и правильнее входит в сознание народов. "Антисемитизм" — термин не верный, так как евреев презирают и среди семитов. Араб в частности, считает своё ружьё опозоренным, если оно даже случайно выстрелит в еврея. Поэтому надо говорить не об "антисемитизме", а об "антигебраизме".

На всех перекрёстках евреи галдят, уверяя, что они становятся богаче, вследствие большого трудолюбия и строжайшей бережливости. Но ведь эта сказка рассчитана на невылазность иудейской проблемы, равно как на презираемое "угнетённым племенем" наше добродушие, а уж, разумеется, не построена на желании "избранного народа" раскрыть "человекообразным животным", каковыми по святому талмуду являются гои, тайны охоты кагала на них же. Хищническое, ничем не стесняющееся стремление к присвоению наряду, конечно, с безнаказанностью, вот что даёт иудеям возможность с таким успехом высасывать деньги из всех каналов человечества.

Хозяйственная свобода наравне со всякой иной — просто средство в глазах евреев, чтобы создать себе род фактической монополии и с ничем уже не обуздываемой наглостью заниматься грабежом. К либеральным хозяйственным учениям "избранный народ" отнёсся совершенно так же, как и к идеям революции. Во-первых, он добыл отсюда все выгоды, какие только извлечь было мыслимо; во-вторых, он всё исказил и, наконец, в-третьих, оставляя, так сказать, в живых ту часть свободы, какая ему особенно приятна, он, если это выгодно, изменяет и ей.

В сущности, ему хочется из общей свободы сделать свободу для евреев, иначе говоря, захватить в свою пользу монополию бесстыдства.

В своей обширной истории евреев ("Geschichte der Juden", Leipzig, 1870, т. XI, 368) иудей же, несомненно, Грэц сам утверждает следующее: *"Берне и Гейне отделялись от еврейства только по внешности, подобно тем воинам, которые захватывают оружие и знамя врага, чтобы скорее настигнуть и с большей лёгкостью сокрушить его"*.

"Иудеи, — говорит Дюринг, *— были изобретателями рабской формы религии и ярыми приверженцами теократического построения государства. Если не исключительно одни евреи, то зато всего более именно они содействовали рабскому отпечатку в религии и они же распространили это в области античной испорченности. Если еврейство и доныне готово разыгрывать комедию любви к ближнему или даже к врагам, чтобы чем-нибудь прикрыться, а лучшие национальности удержать во имя христианства от всяких критических поползновений, то комедия этого рода является только характерным примером всего, что когда-либо порождалось на свет иудейским лицемерием.*

Le chef doeuvre de l'Enfer est de se faire nier luimeme!...

Боги суть копии людей и зеркало народов.

В Иегове отражается "избранный" им народ, с которым ему угодно вступить в пререкания и подчинять еврейству весь мир, а за это слышать от евреев же хвалу себе. Бог иудеев отличается такой же нетерпимостью, как и его народ. Он должен пользоваться исключительной монополией и рядом с ним не могут существовать никакие иные Боги. Иудеи — избранный народ, а Иегова — единый Бог. Иудеи — его рабы, и за это они уполномочены обладать вселенной. Отсюда явствует, что теократия на лицо и в полном объёме. Иегова есть воплощение замыслов иудейства. Еврейское представление о Единосущии — не что иное, как деспотизм эгоизма. Однако, господство, с которым неразрывно связано рабское подчинение, вовсе не знает свободного человека. Все — креатура и раб. Народ же, сплошь состоявший из креатур и лишённый чувства свободы не мог, без сомнения, не обнаружить этого и в судьбах своей истории. Где всё создаёт такая религия, там она должна быть религией рабов. Понятие сынов Иуды о единосущии Бога вытекало, как из своего зародыша, из их стремлений к монополии, равно как из домогательств, жаждавших всё преклонить под свою пяту.

Иудей знает только рабов и рабов над рабами. Стоять по лестнице рабства на самой высшей ступени — единственное честолюбие, ему понятное. Подчиняясь власти Иеговы, самому угнетать ниже стоящих, т.е. разыгрывать роль обер-раба, вполне отвечает врождённому настроению еврея. Его религия — самое полновесное свидетельство такого образа мыслей. В еврейском служении Иегове заключается расчёт, что своим рабам он поможет осилить все прочие народы и даст владычество над ними. На культе господства и силы евреи всегда были первыми. Они повсюду ластились к властелинам и выделялись

пресмыкательством, конечно, если это клонилось к приумножению их влияния и содействовало приобретению положения обер-рабов. Специфическая идея евреев о Мессии другой цели не имеет. Из их среды должен появиться один, который и вручит им власть над миром. Себя же самих они, неизменно, считали избраннейшим народом на земле, а потому были и остаются бесстыднейшим в оклеветании других людей, даже собственного Иеговы. Религия евреев — самая исключительная и самая нетерпимая из всех. В сущности, она не признаёт ничего, кроме голого иудейского себялюбия и его целей. Вся иудейская законность есть исконное и принципиальное беззаконие по отношению к остальным народам.

Nimst du den Juden gnadig in s *Haus, —*

Bald treibt er mit Weib und Kind dich hinaus...

И они же, сыны Иуды, тем не менее, не только сами дерзают посягать, но и целыми полчищами "шаббесгоев" хиротонисуются на звание "освободителей"! У *кагала в знак этого есть даже, как известно, целая партия "народной свободы".*

Qui nescit simulare, nescit regnare.

С другой стороны, своими религиозными союзами иудеи пользуются для житейских дел и даже пристёгивают сюда свои интернациональные бунды, повсюду вмешиваясь в политику, а в настоящее время норовят и монополизировать её. Притязания, выдаваемые за требования иудейской религии, на самом деле означают домогательства иудейской расы в политическом и социальном отношениях. Тогда как право союзов у других народов более или менее находится в летаргии, иудеи, сплочённые своей религией, владеют преимуществом с энергией, им одним свойственной, поддерживать между собой даже всеобъемлющий интернациональный союз для оркестрировки своих интересов против остального человечества. Как в раннюю эпоху их истории, так и ныне религия евреев служит средством для их существования и распространения, а с другой стороны обеспечивает таковые. В виду этого, ни один иудей по крови, выдавай он себя за атеиста либо материалиста, всё равно не относится к иудейской религии безразлично. Ведь именно она гарантирует ему то господство или, лучше сказать, то положение обер-раба, которого во все времена только и домогался народ Израиля. Вероломный эгоизм, дерзкое превознесение себя над всеми другими народами, непримиримо враждебное к ним отношение, наглое попрание их прав, — вот то, что имеет здесь опору и продолжает действовать тысячелетиями.

Повествуя о своих злодеяниях при Мардохее, сыны Иуды ссылались на то, что им грозило поголовное избиение. Но то же самое они говорили всегда, чтобы выводить своё право травли, практикуемой евреями неукоснительно, как только сила оказывается на их стороне Интриги и оскорбления, которые через свою прессу они направляют против всего независимого, что в противность иудейскому нахальству, не отрекается от самого себя, равно как изветы и заговоры к разрушению устоев народного духа и уничтожение его представителей у гоев, это, по словам евреев, их самозащита, а не травля. И наоборот, малейшее порицание их собственного бахвальства, они уже называют преследованием их за веру.

Наряду с этим нет отвратительных гнусностей и презреннейшею цинизма, чем всё, на чём изощряется "бесправное" еврейство для посрамления нравов, понятий и верований остального человечества. С неподражаемым пафосом говорят талмуд-гусары (Talmud-Husaren) о "божественных" винах либо о не менее "божественной" танцовщице, но никогда не прилагают этого термина к христианству.

И наоборот, раз где-либо слышится упрёк расовым свойствам иудаизма, ожидовелая пресса всем хором под аккомпанемент литературы кагала и шаббесгоев как один человек, замалчивая разоблачения иудаизма, бросается на всякого, кто осмелится усомниться в голубиной беспорочности Израиля, и готова расправиться с ним, как с Гаманом...

А между тем, иудаин, если можно так его назвать, есть не только спутник и даже возбудитель всякой революции, но для других народов — смертельный яд. Вследствие отравы им разве не колеблются на вековых устоях даже такие колоссы, как Германия и Англия? Разве не ищет от него спасения народ С. Америки? Что же касается России, то разве здесь каждый, в свою очередь, начиная с рабочего и кончая сановником, не испытывает лукавого воздействия, а то и гнёта иудейского?

Ужасное ленское дело не является ли наглядным тому доказательством и сегодня? А между тем, давно ли "избранный народ" поучал нас свободе? Как же не признать истинности афоризма: "l'experience des revolutions nous degoute de tout en nous habituant a tous!..."

XIII. Когда среди леших мхов и бездонных болот, непроглядных лесов и жестоких морозов, без света и знания, отбиваясь от лютых врагов и не видя ниоткуда помощи, доблестные русские люди с одним топором сооружали такую избушку, как Россия, где тогда были евреи?!...

Тем не менее, всего лишь через сто лет, как мы их допустили в Великороссию, те же евреи уже осмелились посягнуть не только на основные заветы жизни русского народа, но и на самую его независимость.

Но что в особенности поучительно, это статистические данные Министерства Юстиции о процентном соотношении "угнетённого племени" на почве бунта и террора с остальными национальностями в России, равно как о параллели в этой сфере между иудеями внутри "черты оседлости" и за её пределами.

Не свыше, чем лишь двойной преступностью в революционном отношении отличаются евреи только одного Варшавского округа. Более, нежели четырежды преступны они в Виленском, Одесском и Киевском округах. Зато по эту сторону оседлости их преступность сразу увеличивается. В Петербургском округе они почти в $11^{1/2}$ раз преступнее нормы, в Харьковском — в 13 раз, в Саратовском —

в 15 раз, в Московском — в 19 раз, в Иркутском — в 26 раз, в Казанском — в 47 раз!

Над этим стоит призадуматься!

И особенно следует поразмыслить тем русским идиотам, которые верят жидовской басне, будто еврейская революция есть результат стеснения “избранного народа” в черте иудейской оседлости. Если бы это была правда, если бы отмена черты оседлости погашала у евреев революционный дух, то статистика сложилась бы совершенно обратно. Казалось бы, чего бунтовать евреям, которые уже пропущены в центральную Россию и пользуются там почти полным равноправием? В отношении их лично черта оседлости ведь снята. Но именно они-то и являются самыми ярыми революционерами, они-то и выделяют 10-15-20-30— и 47-кратное против нормального для них количество бунтарей.

Как это ни неожиданно для русских ротозеев, наименее враждебными к России оказываются евреи за чертой оседлости, а наиболее воспалёнными ненавистниками — как раз те, которых мы имели роковую ошибку пропустить к себе.

Это психологически понятно. Пока еврей оперирует в Царстве Польском и в Западной России, он чувствует себя более или менее на родине, на месте 500-летнего пастбища своего племени. Тут даже этому вечному номаду свойственен некоторый консерватизм; притом полное экономическое порабощение славянских масс не располагает ниспровергать достигнутый порядок отношений, для евреев столь выгодный. Не то в коренной России, куда евреи проникли пока ещё в небольшом проценте общего населения. Здесь с ними происходит то же самое, что с кочевником, увидавшим новое пастбище. Скот обыкновенно с жадностью бросается на новый корм и готов сожрать его сразу. Для евреев по ту сторону черты Россия представляет Ханаан, куда они ещё не вступили, для евреев же по эту сторону Россия-Ханаан, уже достигнутый, который они, как в эпоху Иисуса Навина, готовы залить кровью коренных жителей, лишь бы овладеть им.

L'appetit vient en mangeant! Чем ближе добыча, тем острее страсть к захвату, вот почему все эти казанские, иркутские, саратовские, московские жиды в эпоху революции казались осатаневшими в попытках разрушить Россию. Единственно, что спасло нас тогда — это крайняя обширность России и сравнительная всё-таки ничтожность заразного начала.

Суммируя сказанное, необходимо признать, что, если *на* сцене истории бывали народы, которые свою религию делали предметом политики, то евреи неуклонно рассматривали политику, как орудие своей религии. Развивая же свою тиранию, а центр своей тяжести установив теперь в России, “угнетённое племя” достигло того, что вопрос об уравнении в Финляндии русских с коренным населением долго игнорировался Государственной Думой и, наоборот, ею же отдавалось преимущество законопроекту о равноправии евреев с русским народом на всём пространстве страны, приобретённой его, а отнюдь не их кровью.

On ne se dispute pas sur ce qui est evidant, — mais pour Pincom-prehensible on se bat et pour Г absurde on se tue!...

Действительно, нельзя не придти в отчаяние за разум человеческий при виде тех гекатомб окровавленного человеческого мяса, которые ради уничтожения “черты оседлости” были воздвигаемы по наущению сынов Иуды, нагло обманутыми, до безумия в бешенстве доведёнными, “сознательными” пролетариями на огромных пространствах русской земли... И горе тому, кто осмеливался идти со средствами врачевания!

Никогда, быть может, с большей яркостью не раскрывалась глубина правды в трагическом, но увы, согласном с жизнью пессимизме мыслей Лагарпа, воспитателя Александра I Благословенного, как именно в период “русской” революции, когда тёмный русский крестьянин шёл добывать себе счастья под змеиными наговорами еврея-иллюминатора!...

“Cest un danger d^aimer les hommes,
Un malheur de les gouverner;
Les sentir — un effort
Que bientot on oublie,
Les eclairer — une folie
Quils n ont jamais su pardonner!...”[28].

Довести эти явления до их кульминации, разложить жизненные элементы общества, умножить его центробежные силы, обезоружить власть до невозможности управления ни обыденными, ни чрезвычайными средствами, таковы политико-социальные задачи еврейства.

13 мая 1907 г. на заседании Государственной Думы Мойше Винавер сказал: *“В данный момент речь идёт о равенстве гражданских прав. От чего же в этом вопросе наши министры проявляют трусость? Мы имеем право пригвоздить их за это к позорному столбу!... Доколе в стране есть неравенство (евреев, разумеется), — не будет в стране мира!”*.

7 июня, в той же Думе, иудейский же депутат, наглый шаббесгой Щепкин, равным образом осмелился и на такие слова:

“Министр Столыпин вступает открыто на путь борьбы со свободой, со всем освободительным движением, и мы устами полумиллионного населения Одессы шлём пожелание Столыпину в этой борьбе всяческих неудач, поражения и гибели, шлём ему народное проклятие!!”.

Наступает 12 августа... *“Что это, — сон?!”* — несколько очнувшись, спрашивает девочка, дочь П. А. Столыпина, которую с раздробленными ногами

---

[28] Опасно любить людей, несчастье — управлять ими. Служить им — труд, быстро забываемый Просвещать их — безумие, которому они никогда не давали пощады!...— Лагарп

выносят из только что разрушенной взрывом дачи её отца, министра. *“Нет, барышня, это не сон!”* — отвечает ей один из солдат, оклеветанных жидом Якубзоном в той же Государственной Думе. Вместе с дочерью был изувечен и 3-х летний сын П. А. Столыпина. Сверх того, здесь же изранено или истерзано более тридцати человек, из которых шесть вскоре умерли; судьба остальных представлялась неизвестной и, во всяком случае, печальной;... наконец, 24 человека убиты на месте, а клочья их тел были разбросаны на значительном расстоянии, частью даже повисли на деревьях. Сила адского взрыва была столь ужасна, что отразилась и на другом берегу реки. Солидное здание дачи на аптекарском острове в Петербурге разрушено так, как это могла сделать только вновь усовершенствованная радиоактивная бомба... Сам министр остался невредим и, стало быть, цель злодеяния не достигнута. Но как ещё весь этот ужас отзовётся на душе отца семьи и невольного виновника стольких жертв, об этом судить тогда представлялось трудным...

Бомба, которой несколько раньше был растерзан Плеве, оказалась привезённой из Белостока, а портфель, взорвавший несколько десятков человек на роковом приёме у Столыпина, был, по-видимому, доставлен из Москвы. Первопрестольная столица России являлась как бы главным притоном еврейской революции. Один из бешеных зверей, принесших бомбу 12 августа и, в свою очередь, убитый, оказался, по медицинскому освидетельствованию, также иудеем...

Располагая большими деньгами, эти звери занимали лучшие помещения, катались в роскошных ландо и бывали в опере даже накануне злодейства. Рассказывают, будто за несколько времени до взрыва “портфеля” мимо дачи Столыпина проехал красный автомобиль, который видели и перед убийством Плеве...

Судьбе было угодно чтобы, в числе других скончались мученической смертью и старик швейцар, прослуживший 40 с лишком лет при 16-ти министрах, и такой патриот, как князь Н.В. Шаховской, а “председатель центрального комитета партии народной свободы” остался жив...

Скорбь и страх охватили бесконечные массы людей и у нас, и за границей. Единодушный клик сострадания, ужаса и протеста послышался отовсюду, за исключением “освободительной” прессы, всеконечно.

П.А. Столыпин остался жив и не дрогнул, исполняя ещё многое на службе отечеству. Но он не берёгся. Напротив, обуздывая Финляндию и сокрушая ярость иудейского террора в России, он не допустил заглохнуть делу о ритуальном убийстве Андрюши Ющинского и поднял вопрос не о национализации кредита, как заведомо лживо бесновалась иудейская печать, а лишь о выделении большей доли средств Государственного Банка на учёт русских торгово-промышленных векселей. Этого мало. Он вдохнул веру в рассвет лучших для нас дней и грозно стал на страже русского знамени. Наконец, будучи ещё молодым сравнительно человеком, он, видимо, только расправлял ещё орлиные крылья.

Такой для себя опасности враги России допустить не могли. С точки зрения всемирного кагала, П. А. Столыпин не должен был оставаться в живых.

Сыны Иуды умеют подстерегать, да и с корыстью либо с честолюбием знаются...

Прошло четыре года со дня взрыва на Аптекарском острове. Время, этот всеисцеляющий врач, позволило, казалось, утихнуть и тем страданиям, которые вынес П.А. Столыпин, переживая событие 12 августа 1907 года... Вдруг пожелания гибели, прошипевшие через одесского шаббесгоя Щепкина 7 июня 1907 года, отозвались предательским выстрелом Мордки Богрова... 1 сентября 1911 года.

А в Государственной Думе целое сообщество хочет уничтожением “черты оседлости” открыть все заслоны и затопить Россию всепожирающими паразитами, т. е. во много раз увеличить их губительную силу. Sunt pueri, pueri, — puerilia tractant!...

Что же это, в конце концов, означает? Это показывает страстное желание жидов и шаббесгоев добиться своей цели проделать в России уже не скоропостижный и не удачный бунт, как в 1905 году, а огромный и кровавый погром в стиле великой французской революции, с сотнями тысяч замученных жертв и с полным ниспровержением нашего исторического строя.

“Le seul auquel la Revolution a profite est le juif; tout vient du juif, tour revient au juif!...”, свидетельствует такой мыслитель, как Дрюмон.

Устроенная жидомасонами “философская” революция дала евреям во Франции неслыханное торжество. Там не только сложилась династия Ротшильдов, но менее, нежели в течение одного века, сто тысяч евреев сделались хозяевами великой католической державы.

То же хотят проделать и с великим православным царством.

Начинают с цареубийства, кончают народоубийством!...

XIV. Путём изложенного, ознакомившись до некоторой степени с фактическим материалом, мы для полноты картины должны обратиться к характеристике самих методов иудейской политики.

Кто, не зная евреев, столкнулся бы впервые с политиком из кагальной среды, тот, exusez du peu, был бы сначала очарован. Его удивляли бы яркость и блеск, увлекающая живость, даже вдохновенность приёмов. Свободные от оков сомнения, быстрые, как стрелы, сверкающие как метеоры, идеи показались бы ему брызгами высшего дарования. Впадая в невольное сравнение сложности мыслей и научности сочетаний арийского ума с этой чудной лёгкостью и ослепительной смелостью, он, быть может, отдал бы преимущество уму еврейскому и даже стал бы рассматривать этот последний, как избранника, призванного взять на себя будущее человечества и держать бразды правления в своих руках.

Однако, уже при некоторой проницательности не могла бы не поразить

наблюдателя масса странностей. Дикость жестов, болезненный огонь в глазах, резкость порывов и ядовитость интонаций не допустили бы его увлечься первым впечатлением...

Вскоре, слушая далее, он, к своему удивлению, заметил бы, что еврейский мозг живёт концепциями уже готовыми, причём они являются внезапно и непроизвольно, как бы приносимые сокрытым телеграфом. С этой минуты он едва ли мог бы удержаться от подозрения, что во всяком иудейском политике есть несомненный зачаток безумия. Но и засим прошло бы немало времени, пока он вникнул бы в дело вполне и признал бы, что у такого еврея сумашествие повинуется точным законам, неуклонно преследует одну и ту же цель, а в основании своём имеет жестокую, неутолимую алчность.

Более же глубокое внимание указало бы ещё и на следующую, важнейшую особенность. Соединённые тайными нитями, еврейские политики при данных условиях чувствуют и повторяют буквально то же самое; им не надо ни видется, ни сговариваться; один и тот же незримый ток влияет на них всех разом; повинуясь какому-то мистическому влиянию, они исполняют его без наивной дисгармонии.

Наконец, дальнейшее исследование различий между нормальным пониманием вещей, как его познаёт арийский гений, и еврейскими несообразностями выяснило бы, что идеи кагала в политике не только исключают возможность взвесить их, но едва лишь наблюдатель оградит себя от их пустозвонной стремительности, как они представляются ему в своём естественном состоянии неизлечимого возбуждения, неуравновешенными и несогласованными взаимно. Они переливают из пустого в порожнее, а подвижность языка разоблачает лишь умственную нищету. В заключение, прорываются наружу и другие недочёты. Интеллектуальный организм евреев не выносит глубокой вдумчивости в прошлое и в будущее; ему не дано постигать факты с их отдалёнными причинами и постепенным течением и следовать за их предстоящим развитием; у еврея нет той способности глядеть вперёд и назад, которая так метко выражалась в двойном лице бога Януса, символизировавшего у мудрых римлян политический гений; его горизонт сводится к узкой действительности; схватившись за неё, он в ослеплённой болтовне строит на этом все свои воздушные замки...

Таков же и его язык. Здравый смысл принимает здесь участие далеко не всегда, зато безумие сквозит неизменно, в большей или меньшей степени. Чрезмерность восхвалений либо азарт злословия, беззастенчивость противоречий и словеса лукавства, злорадство предсказаний, лживость доводов и осязательность нелепостей за весьма редкими изьятиями, кладут здесь свою печать, а иной раз и совершенно переполняют еврейскую речь о политике. Естественно, что пустословие этого рода нередко влияет на слушателя, как яд миазмов, которого нельзя вдыхать без головной боли и без общего упадка сил. Nihil est Judaeo miserius aut... superbius!

Что же касается обмана, то каким образом иудейский политик стал бы от него воздерживаться? Наоборот, у каждого из них есть в этом случае свой багаж: один был закадычным приятелем Гамбетты, другой вдохновлял политику Бисмарка, третий свысока повествует о таких людях, которых он и в глаза не видал. Как ведь приятно ввести в заблуждение или навязать сказку с хитро подтасованными деталями!.. В этом — двойное удовольствие: и себе самому придаёшь цену, да и над другими позабавишься всласть.

Одержимый глубочайшим предательством, еврейский политик безустанно пожирается алчностью, но не менее того мучается гордыней. Проникнутый собственным превосходством, он свысока глядит на арийский мир, говоря себе, что, если это не нынешняя, то, уже без сомнения, будущая его добыча. Разве не всё должно отступать перед ним? Да и как, владея систематизированными ad hoc способностями, располагая дарованиями, выработанными и нанизанными природой именно с целью победы, он мог бы лишиться такого владычества? Не за ним ли сокровища энергии и лабиринты коварства? Не ему ли предстоит расквитаться за вековые унижения и оправдать пророчество о всемирном господстве, пророчество, пережившее разгром Иерусалима и разрушение храма?

С такими идеями и вожделениями политика евреев не может преследовать иной цели, кроме верховенства иудейского общества над обществом арийцев, а к этой цели она должна стремиться с воинственным рвением и деловитостью ростовщика. От времени до времени, медленно и в тишине умножив и подготовив свои силы, еврейская армия трогается в поход и кидается на мировую сцену. Сокрушая перед собой препятствия, она переносится от успеха к успеху, от триумфа к триумфу...

Не следует поэтому удивляться, что политика сынов Иуды действует на арийское общество разлагающим образом, что она стремится ослепить умы, обессилить историческое самосознание, ниспровергнув веру в прошлое, по всем направлениям распространить легкомыслие и безрассудство.

“Склонность вдохновляться чуждыми национальными интересами и стремлениями, даже когда они могут быть осуществлены не иначе, как за счёт унижения собственного отечества, есть одна из важнейших разновидностей современного политического психоза”. (Бисмарк).

С того момента, когда арийское общество вступает в одну из таких фаз, среди которых народ, охваченный помешательством, обольщаемый видениями и подавляемый отвлечёнными туманностями, убеждает себя, что всё свершившееся на его жизненном пути было только мракобесием и ложью, склоняет главу перед оскорблениями чужеземца и даже сам повторяет их, засыпает в кругу опасностей, ему угрожающих, и вожделений, его гнетущих, тогда для еврейства наступает полный простор, а уж сыны Иуды не промахнутся. В своих разрушительных атаках они сумеют обнять как самые глубокие и отдалённые устои арийского общества, так и всё, что у него есть великого в настоящее время. Религия, воинские доблести, память о знаменитых деяниях и о славной борьбе, спасшей национальную независимость, Греция и Франция, поэмы Гомера как и

христианские храмы — всё будет предано поруганию. Софизм, ирония и карикатура, в стихах прозе и музыке разъедят всё своими прокажёнными струпьями.

XV. Весьма нелегко произвести анализ причин, которые делают столь гибельным прикосновение иудаизма к арийцам. Тягость опасности возникает уже из той нелепой иллюзии, которой мы страдаем по отношению к намерениям еврейства и которая обусловливается химерической идеей, будто мы в состоянии поглотить его и передать ему драгоценнейшие из наших чувств и понятий.

Однако, подобная иллюзия распространена несравненно более, чем это казалось бы возможным. Как мало людей видят еврейское общество таким, каково оно есть, с его незыблемыми принципами, с изумительной его цепкостью и связностью и с тем вечным антагонизмом, который в тайниках своего сердца питает оно к арийскому миру. Разбросанное и рассеянное во многих странах, это общество приобретает только больше единения и упорства, дабы надёжнее отделять себя от всего окружающего, причём с тем большей энергией продолжает оно жить в самом себе и единственно для себя.

Если же порой еврейство как бы желает смешаться с арийцами и допускает увлечь себя в их кругозор, то это, без сомнения, одно притворство, маска, приуроченная лишь к его же собственным интересам. Чудесно разыгрывая эту роль, еврейство иной раз влияет на арийское общество пагубным образом даже помимо своего желания: добро ведь приносят тому, кого любят и кому отдаются; ничего, кроме зла, не делают для того, кого ненавидят и презирают.

Простой и вразумительный пример может показать с очевидностью весь вред такого влияния. Стремясь захватить огромный барыш сразу, одним ударом, еврейский мозг направляет сюда все свои силы; но при этом у еврея страсть наживы имеет к своим услугам лукавство; она не ошибается и ничего не предоставляет случаю; проницательная, недоверчивая, всегда себе на уме, всегда готовая воспользоваться обстоятельствами, она идёт к своей цели верными и лёгкими шагами.

Где заведуют евреи, там вся жизнь превращается в биржу, там духовная трава не растёт.

Перед арийским иудейское общество имеет то преимущество, что представляет организацию, неизмеримо простейшую. Обладая такой совершенной устойчивостью, которая может идти в уровень разве с сохранением того или другого вида в царстве животных, еврейство не требует, как это необходимо для общества арийцев, постоянного вмешательства веяний иного, высшего порядка. Арийским обществом управляют идеи, тогда как у еврейского общества нет ничего, кроме инстинктов, но зато весьма устойчивых и чрезвычайно сильно организованных. Эти инстинкты дают еврейству полный цикл законов его деятельности, совершенно однообразной и неизменяемой на пути веков; они управляют как отдельной особью, так и целым сообществом. Посему образование человека в еврейской среде есть прямой продукт наследственной передачи, а отнюдь не результат специального и тяжёлого труда. Одна природа в обществе евреев делает то, чего в арийском мире нельзя достигнуть иначе, как чудесами искусства.

Безумно, стало быть, заблуждение арийцев, когда за лучший образец для себя они берут еврейство. Этому последнему решительно нечего делать с возвышенными целями и с идеальными добродетелями, оно не понимает их и презирает. Идеи же и доблести составляют первооснову арийского общества. Еврейское общество легко переносит известную дозу испорченности, тогда как та же доза может оказаться достаточной для разложения арийского общества. Не представляя никакого неудобства для евреев, некоторые виды свободы даже не служат для них предметом пользования (например, всё то, что допускает отраву алкоголем массы населения) и, однако, являются роковыми для арийцев. Наконец, в еврейской среде человек развивается из самого себя в нечто такое цельное и хорошо централизованное, чем без малейшего уклонения правит эгоизм, жгучий в вожделениях и холодный в расчетах. С самого детства еврей умеет сосредоточивать свои действия на своём личном интересе, который, будучи для него святыней, представляет в его глазах и абсолютное, и божественное.

Таким образом, еврей — существо упрощённое и вместе с тем наделённое особой, quasi-элементарной структурой, не имеет нужды в научном образовании. Совсем иначе обстоит дело прогресса у арийцев. Для них образование есть именно та проблема, которая подлежит разрешению прежде всего; здесь требуется, чтобы каждый человек в себе самом носил могучие устои арийской цивилизации, чтобы его разум и дух навсегда восприяли печать размышлений необъятного величия и несовратимой чистоты. Задача отнюдь не в том, чтобы повернуть его назад, внедряя в него поклонение деньгам и приёмы обмана. Должно и необходимо во всём его существе раскрывать стремление к благородному и самоотверженному, небесному идеалу.

XVI. В политике жалкое подражание еврейству, быть может, ещё более чревато гибельными последствиями. Еврейское общество, строго говоря, не имеет политики. Располагая инстинктами, которых ему не надо обдумывать или приводить в теорию, уверенное, что ему никогда не предстоит уклоняться от них, оно совершенно неспособно усвоить политические концепции арийцев. Общество кочевников, запечатленное паразитизмом и эксплуатацией ближнего, как могло бы оно понять арийскую нацию и жить её историей? Вот почему иудейская политика обусловливается заимствованиями, искусственным возбуждением, припадками, меняющимися изо дня в день; она суетна и криклива, легкомысленна и лицемерна; она “потеет” нервозом, пустозвонством, сплетнями и оскорблениями.

Подвергаясь влиянию такой политики, арийское общество заражается тлетворными началами. Уже вскоре его разум омрачается, оно не узнаёт самого себя, теряет представление о законах собственного бытия; его движения становятся беспорядочными, самые коренные идеи власти и управления

извращаются; слепые увлечения и внезапные порывы занимают место спокойной предусмотрительности; политическая арена становится шумным и судорожным балаганом, где неведомые маски сталкиваются при щёлканий звонких слов и хлёстких фраз... Государственные люди исчезают, и это в порядке вещей. Возможно ли какое-либо соотношение между гением арийского государственного человека и необузданного еврейского журналиста? Где заправляет этот последний, там первый не может существовать.

Не имея обыкновения останавливаться на половине дороги, природа устранила из еврейского понимания всё, что могло бы замедлить его своеобразное развитие. Двигаясь быстрыми толчками и внезапными импульсами, всегда имея предметом лишь непосредственные факты и познавая их так, как бы у них не было ни вчерашнего, ни завтрашнего, даже питая отвращение ко всякому серьёзному и глубокому разумению вещей, еврейский ум оказывается в прямом противоречии с дарованиями политическими.

В политике уже нет речи о том, чтобы одурачить покупателя или распространить панику. Увёртки и скачки торгашеского лукавства, которое ничего не видит, кроме сегодняшнего успеха и пренебрегает законами нравственности, непременно довели бы правительство до погибели. И, наоборот, в делах торговых, а особенно в тех, где преуспевает еврей, эти же качества суть его вернейшие, испытанные, незаменимые средства.

Стало быть, интеллектуальные силы политики и специальные способности, посредством которых “наживаются” огромные богатства сынами Израиля, стоят на противоположных концах диаметра; между ними такая же разница, как между величественным зданием, предназначенным служить века, и назойливо сверкающим мишурой цирком акробатов.

Да и, вообще говоря, довольно простого здравого смысла, чтобы из самых речей еврея убедиться, что политика совсем не его дело. Пропитанное торгашеством, иудейское красноречие отличается всеми сродными ему запахами. В минуты самого пылкого увлечения еврей всё-таки способен дать лишь газетную статью; его восторги пышут жаром распродажи, выгодно раздутой во всю, а от его энтузиазма несёт наёмными аплодисментами театральных клакеров; взрывы его гнева, равно как и его нередко грубые или же забавно напыщенные обиды клокочут бешенством рыночного соперничества; его бесстыдное чванство и умоисступление в спорах отдают ярмарочной площадью или же задворками биржи.

Забавная вещь! Вопреки своим узкоторгашеским инстинктам, еврей охотно допускает в себе необыкновенные таланты для политической карьеры. Кто ищет его милостей, тот хорошо сделает, внимая его высоко парящим рассуждениям о мировых событиях дня, и, наоборот, чтобы ему не понравиться, достаточно уклониться от политической беседы с ним...

Не только дух толкучки кладёт свою печать на всю еврейскую политику, но гешефты всякого рода неизменно присутствуют и размножаются за её кулисами или, лучше сказать, этот биржевой дух никогда не бывает более длительным, чем в тот момент, когда, расширяя поле своих операций, политика позволяет ему проникнуть в самое сердце государственной жизни. Тогда владыка тайн правительственных и уже ни мало не опасаясь боязливой юстиции, он может спекулировать с полной свободой. Обетованная земля в его руках, остаётся собирать жатву.

XVII. Вопреки, однако, всему изложенному, бывают в истории странные, болезненные периоды, когда по закону контрастов арийцы даже в Европе, а в настоящий момент именно в России, подвергаясь затемнению разума, как бы начинают верить в возможность перерождения еврейства... Следующая стадия этой мании отражается в приписывании иудаизму даже таких достоинств, которые противоречат самой природе. Наконец, в своей кульминации это патологическое явление идёт уже в сопровождении симптомов изумления перед дарованиями сынов Иуды и завершается чуть не обожествлением их гениальности...

Нетрудно представить, какие arrogantia Judaeorum извлекает отсюда барыши и как она понимает свободу. Возьмём, к примеру, хотя бы один, но зато свежий и даже опереточный факт.

Происходящие теперь выборы в Парижский городской совет обнаружили, что в самом центре Парижа, в квартале Сен-Жерве, образовалось настоящее жидовское гетто. Около сорока тысяч сынов Иуды, приобретших французское гражданство, живут там совершенно обособленной жизнью, не зная ни законов, ни языка приютившей их страны, и, тем не менее, пользуясь теми же избирательными правами, как и сами коренные французы. Вышло это обстоятельство на свет случайно. Один из кандидатов в муниципальные советники, жид и социалист Майер, расклеил по кварталу свои афиши, отпечатанные на жидовском языке, так как иначе никто из избирателей этого квартала не мог бы их прочесть. Все французские газеты страшно возмущаются таким небывалым ещё цинизмом, чтобы так открыто примазывались чужеземцы к управлению страной.

Но если жидовский язык признаётся чуть ли не равноправным с государственным, то нечего удивляться тем преследованиям, каким подвергаются христиане. Действительно, не раз приводимы были примеры слепой и бешеной ненависти жидо-масонского правительства ко всему, что носит хотя бы тень монашеского или духовного облика. А на днях парижский суд дал ещё новый характерный образчик.

По закону была распущена община монахинь-сестёр милосердия. Четверо из них поселились вместе, и когда две сестры заболели, другие две ухаживали за ними. Этого было достаточно, чтобы их привлекли к ответу “за восстановление распущенной общины” и всех четырёх приговорили к наказанию.

Но, относясь так к монахиням по должности, сами же главные гонители иначе смотрят на их деятельность, когда дело касается их лично, как частных людей.

Например, ещё недавно, сообщает "Eclair", бывшему председателю совета министров Клемансо предстояло произвести сложную и опасную операцию в прямой кишке. Он потребовал, чтобы его отвезли в больницу на улице Бизэ. Когда ему заметили окружающие, что там весь персонал сиделок и фельдшериц — монахини, не шокирует ли его это, Клемансо отвечал: *"Наплевать!* (Je m'en fiche!). *По крайней мере хорошо досмотрят!..."*.

Увы, арийское общество, надо признать, умудряется доводить свои психоз до конца. Увлекаясь евреем, оно до некоторой степени становится влюблённым в него. Еврей начинает производить впечатление человека более развитого, более полного и совершенного, нежели другие люди. Его ум очаровывает, а голос опьяняет. Ещё немного и общество будет прислушиваться только к этому голосу. Но под гармонией лести и нежностью ласк оно услышит скрежет ненависти, подметит отталкивающий цинизм. Тогда оно станет анализировать и смех, и улыбки...

Однако, разочарование возникает медленно. Иллюзия ещё надолго остаётся владычицей, так как бывает стыдно признаться в ней, и чем откровеннее еврей пребывает евреем, тем больше арийское общество почитает его и тем раболепнее ему дивится.

Подчас, оно даже испытывает потребность пасть ниц перед ним[29]. Встречая его в состоянии, так сказать, концентрации, когда он сверкает самоуверенностью и наглостью, кидает своим поклонникам и врагам обиды с такой же ловкостью, как учитель фехтования наносит удары шпагой, обаятельно импровизирует ложь, чарует и увлекает, издевается и мистифицирует, одним словом, воспроизводит знаменитый тип халдея былых времён, оно невольно принимает его за создание сверхестественное, чуть ли не за полубога[30].

Раз попав в этот омут, как могло бы арийское общество остановится? Еврей, которому оно отдало своё сердце, владеет и неограниченным его доверием. И еврей хорошо знает, что он может этим и пользоваться, и злоупотреблять. Таким образом, весьма естественно, что нет сферы, куда бы не проник он со всей яростью "завоевателя". Правительство, дипломатия, армия, администрация, суд, — всё кажется созданным для него, повсюду лучшие места принадлежат ему же[31]. Некогда на него смотрели, как на существо международное, а его собственный упорный и ревнивый жидовский патриотизм исключал, по-видимому, всякого рода иной. Теперь он признаётся патриотом в квадрате, и никто уже не думает спрашивать у него, где он родился? Ни его бьющая в глаза наружность, ни сам акцент его речей отнюдь не стесняют его карьеры. Арийское общество считает, что им правят тем лучше, чем во главе его стоит больше израильтян, владеющих тайнами его же политики, говорящих иностранцам от его имени и переделывающих все его понятия на свой образец...

Человеческое общество имеет своим критериумом то, чему поклоняется. Всякое величие, над ним властвующее, намечает ему путь, служит для него образцом и предметом подражания. Если это величие основано на высоких доблестях и на идеальных чувствах, всё общество одухотворяется. Если же, напротив, это величие построено на лукавстве и подлоге, то при созерцании такого порядка вещей, и само общество в своих устоях не может не испытывать глубоких потрясений. Подвиги воина, труды учёного, благородное самоотречение государственного человека отбрасывают лучи света и на ту сферу, которая ими дорожит. Чем больше она понимает их, чем искреннее окружает почётом, тем блистательнее сама возвеличивается. В такой же мере она облагораживает себя и тогда, когда воздаёт должное скромным добродетелям, прямодушию, благотворительности, беззаветному милосердию, иначе говоря, когда с одного конца нравственной цепи до другого всё представляется цельной гармонией, так как общество, воистину себя уважающее, не менее чтит неподкупность судьи и бескорыстное усердие врача, чем изумляется мужеству своих героев.

Есть прямое соотношение между исчезновением государственных людей и расширением верховенства иудейских банкиров.

А между тем, не упало ли современное общество до такой низости, что допустило биржу сделаться верховным и непогрешимым судьёй мер правительственных?!...

XVIII. Всё изложенное ещё с большей яркостью иллюминируется дальнейшим.

Приближаясь к человеку, которого он хочет соблазнить, еврей поступает так же деликатно, как опытный Дон-Жуан подходит к женщине. Уже первые его слова обволакивают жертву упоительной для дыхания атмосферой преданности и почтительного удивления. Вскоре, устанавливается симпатия, рождается доверие. Но кто открывает своё сердце, тот выдаёт тайны свои. Да и, кроме того, еврей знает своего собеседника наперёд даже и в том именно, что тот всего более желал утаить; еврей вполне осведомлён и о расточительной любовнице, и о гнетущих долгах; вот почему все его выстрелы попадают в цель. Неожиданная или вызванная случайность, какая-нибудь вскользь брошенная жалоба на житейские затруднения, и обольститель кидается на них с быстротой хищной птицы.

"Как, — восклицает он, — *вы, человек с такими дарованиями и заслугами, принуждены бороться против столь вздорных неприятностей! Вы рискуете не*

---

[29] Припомним хотя бы недавние изумительные и безпримерные похороны в Москве курляндского еврея-коновала Баумана (он же Грач), представлявшие злоумышленное и наглое издевательство над всем, что для русского народа велико и свято. Этот непостижимый и ужасный факт стадного психоза ещё ожидает своего историка, который, без сомнения, должен будет описывать позор нашей родины кровью и слезами.

[30] Таковы, например, апофеозы Гамбетты и д'Израэли

[31] См. в "Journal Officiel", 25 мая 1895 г. № 142, произнесённую в палате депутатов речь Дэни об ожидовлении французского правительства, а равно и в "Libre Parole" статьи Эдуарда Дрюмона, маркиза Мореса и графа де Ламаза о захвате евреями лучших мест в администрации, судебном ведомстве и войске.

быть избранным вновь из-за невозможности поддержать газету? А между тем, много ли на свете таких людей, как вы?... Да ведь если бы вас успокоили в этом отношении, разве не могли бы вы посвятить всю вашу энергию святому делу национального возрождения?!...”

Совершенно незаметно предложения взятки сделаны и даже определились, но с какими предосторожностями, с какой волчьей осмотрительностью! Чаще же всего этому предшествует дружеское предложение взаймы. Подобно хитрому ловеласу, еврей как бы дышит такими очарованиями, которые способны усыпить нравственное чувство. У него есть красноречие, оплетающее человека со всех сторон, есть доводы, сбивающие с толку, есть и рассуждения специальные и особо приноровленные к каждому. С “полной очевидностью” доказывает он, что государственные люди не могут покрывать своих расходов, если сама их деятельность не приносит им необходимых средств; что все они, так или иначе, вынуждены добывать их; что поступать другим образом — значит решительно не понимать событий, подвергая себя на каждых выборах опасности по недостатку денег быть вытесненным первым попавшимся и, сверх того, быть выкинутым в частную жизнь с нищетой и унижениями в перспективе; что проповедь абсолютных принципов следует предоставить трусам и идеалистам; что, впрочем, эти проповедники сами же первые нарушают их; что, наконец, в делах известного рода, как, например, в том, какое проектируется ныне, заработок возникает законным путём, без всякой сделки с совестью, и что если, разумеется, гораздо лучше не барабанить об этом без надобности, то что, вместе с тем, вовсе не значит изменять государству, когда немного подумаешь и о себе самом.

Примеры так и текут с его лихорадочных уст. И вот постепенно весь парламент проходит через них, истина и клевета могут попеременно требовать своей доли среди тысячи фактов, о которых он повествует. Но у него ложь так хорошо преобразуется в правду, он с такой непринуждённостью жонглирует самыми мельчайшими деталями, что разобраться в них нет никакой возможности.

Между тем, в сознании человека, осаждаемого с такой силой, нравственные компромиссы начинают приживаться, как повсеместный и, пожалуй, как неизбежный обычай. Однако, соблазняемый всё ещё колеблется. Действительно, нужда в деньгах пожирает его, кредиторы не дают покоя, срочных векселей уже не позволяют переписывать вновь, продажа с молотка грозит неотступно, человек доведён до крайности... А вдруг узнают?!...

Охваченный подобными сетями, но и зная еврейскую скрытность, государственный деятель становится, в заключение спектакля, покорным слугой евреев. Безграничность господства кагальных банкиров над таким человеком, которого они сами же выдвинули на политическое поприще — факт, не требующий доказательств. Вообще говоря, когда сыны Израиля помогают гою “выбраться из давки”, они делают это таким способом, что он остаётся к ним прикованным навеки.

Договор с еврейством напоминает сделку о продаже души дьяволу — его нельзя нарушить.

Но раз попав в руки кагала, политический человек испивает горькую чашу раскаяния. Для него не может быть уже речи ни о собственной воле, ни о личном достоинстве. Среди жестоких разочарований, всяких унижений и крушения надежд, он с опасностью уголовщины должен быть всегда готов по требованию израильтян, явиться учредителем плутовского общества, прикрывать своим именем или проводить и поддерживать своим влиянием гешефты своих “хозяев”, причём ему уже не дают “авансов” иначе, как под жидовские векселя... В апофеозе какое-то таинственное пренебрежение окружает его со всех сторон и показывает воочию, что у евреев ничего нельзя брать безнаказанно. Небеса вознаграждают сторицей за всё, что им приносится, преисподняя же требует стократной уплаты того, что ей дано взаймы.

XIX. Проникнув в какую-нибудь политическую партию целым кагалом, евреи устраиваются здесь, чтобы обеспечить своё влияние. Для них в эту минуту нет ничего более настоятельного, как усвоить себе партийные страсти, исповедывать чужие идеи. Воздвигнув их в абсолютные истины, они покрывают сарказмами всякого, кто заговорит об умеренности, “обоготворяют” партийных вожаков, яростно клевещут на членов партии противной и задают тон с непререкаемой наглостью и со всем холодом лакейского презрения.

Да и как не послушать их? Партия, быть может, чахла и изнемогала, мало верила в саму себя, причём не было недостатка и в мрачных умах, желавших ещё более ограничить её задачи. В её корифеях чудились зловещие недочёты. Здесь она угадывала человека неподходящего, там видела лишь обыденного честолюбца. Самые благоразумные требовали серьёзной подготовительной работы, чтобы очистить её принципы и подготовить людей...

Вмешательство евреев сразу действует, как возбуждающее средство, избавляя партию от всяких сомнений. Она уже не терпит никаких колебаний и скоро приходит к убеждению в том, что страна принадлежит ей. Разве её идеи не энциклопедия политической мудрости? Разве её руководители не всеобъемлющие умы? Во всяком случае иудейская пресса трубит ей об этом досыта. Весьма естественно, что подобная партия привыкает считать тех, кто дал ей эти иллюзии, за свой цвет и за полную свою квинтэссенцию. Евреям, стало быть, важнейшие места, лучшие пожитки и доспехи неприятельских полководцев. И вот этих евреев мы начинаем встречать повсюду. Они заполняют официальные приёмы, балы и обеды, списки служебных производств, внепарламентские комиссии. Партия живёт, по-видимому, единственно через них и завоёвывает всё только для них же. Можно сказать, что они её ум и сердце, что своими победами она обязана исключительно их усилиям, что они вытащили её из ничтожества и продолжают нести только на своих плечах.

И мнение этого рода не лишено, до известной степени, оснований. Свойственный евреям дух пронырливости и шарлатанства играл, конечно, не

последнюю роль в этом чрезмерно быстром успехе партии. Они вели деятельную пропаганду и своими гимнами изумления выдвинули вперёд человека, будущность которого своим хищным, коммерческим нюхом угадали заранее. Кроме того, они ведь одни занимали сцену без перерыва и тысячами способов сумели сделать себя незаметными. Большие и маленькие услуги, основание дружественных газет, организация избирательных комитетов, денежные и иные авансы. Н итоге, — партия обязана им бесконечно! А между тем, они шагу не ступили и гроша не дали иначе, как всё хорошо обдумав и взвесив, ибо подобно ростовщику — своему отцу, еврейский политик действует только по логике таблицы процентов.

Отсюда путём интриги, той еврейской интриги, которая подвижна, как волна, и прожорлива, как пламя, огромные барыши победы неминуемо притекают в их руки. Само собой разумеется, что, по их словам, всей этой благодатью они обязаны единственно своим же исключительным дарованиям. Не представляется ли еврей квадратом и даже кубом всякого иноплеменника, не он ли лучшее создание природы и воспитания?

Точно также, когда, вступив в период упадка, партия постепенно движется к своему разложению, на долю сынов Израиля выпадает немало хлопот. Речь идёт уже не о нападении, а о "самозащите". Действительно, отдавать назад — вещь отвратительная для еврея, и тот, кто его принуждает к этому, последнее из чудовищ!

Вот почему он грызётся с осатанелым упорством. Тогда разражаются целые потоки брани, ураганы оскорблений, язвы клеветы, открытые подстрекательства на самые крайние мероприятия власти и на уголовные злодеяния вольнопрактикующих шаббесгоев...

В конце концов, будут гоями же посрамлены гои, а члены "избранного народа" выйдут сухими из воды, убежав... в Америку, либо скроются, пропав без вести. Ведь нигде и никакая "охота" не бывает удачной всякий раз. Соплеменники "пострадавших" это хорошо знаки и в упрёк, очевидно, не поставят, а до мнения самой "дичи" кагальным охотникам нет и не может быть никакого дела...

Впрочем, и при "несчастии" талмид-хохимам не всегда приходится плакаться на убытки, в особенности, когда режиссёрская часть оборудована предусмотрительно.

Мудрую заметку поместила "Земщина" (27 апреля 1912года,№ 973):

"Трудовая фракция за работой. Накануне "естественной" смерти Думы даже трудовики спешат доказать, что, несмотря на своё обычное положение "безответственной оппозиции", и они подчас бывают способны к шаббесгойскому "творчеству". Так, они составили законодательное предположение о вознаграждении за счёт казны рабочих и служащих на Ленских приисках (а равно и семей их), пострадавших от расстрела 4 апреля с.г. К трудовикам присоединились некоторые из эс-дэков и ка-дэков, так что всех подписей набралось 53. Обязанность государства вознаградить потерпевших от действий бар. Гинцбурга и каторжного члена II Думы Баташова обосновывается в заявлении трудовиков тем, что представителями власти совершен был 4 апреля будто бы "ничем не оправдываемый (?) расстрел беззащитных и мирных (?) рабочих". Конечно, такое разрешение вопроса не будет стоить ни англо — жидовской "компании", ни гг. крайним левым ни одного гроша. Но не на много ли было бы практичнее, если бы те же авторы предложения своевременно, т.е. раньше 4 апреля, оказали должное воздействие, как на жидовских капиталистов, так и на "товарищей" Баташовых?...".

Действительно, добавим мы, почему "Трудовики и К°" раньше молчали? Почему, равным образом, помалкивали даже сибирские депутаты! Неужели и им нужны были залпы 4 апреля, чтобы осведомиться о гешефтах барона Александра и его "стрелочников"?!...

Таковы резолютивные условия ожидовления политических партий.

Можно и должно было бы, конечно, иллюстрировать этот презренный факт другими примерами. Но исследование наше и без того выходит слишком длинным. Посему, и принимая во внимание, с другой стороны, что проблема рассматривается здесь только в общих чертах, мы вынуждены ограничиться сказанным.

С какой горечью должны размышлять о её крушении честные люди политической партии, даже те из них, кто думал сотворить чудеса, принимая поддержку евреев, позволяя им вешаться себе на шею и уступая им лучшие роли?

"Евреи нас погубили!"... вынуждены они сознаться, наконец.

Но когда они распознают корень зла, тогда уже бывает слишком поздно. Партия, возвысившаяся "при благосклонном участии" сынов Иуды, через них же погибает. Рано или поздно, а изнемогает она под гнётом всеобщего осуждения, причём само падение её, как и всякий, впрочем, еврейский крах, сопровождается отвратительным скандалом, сами же обладатели пейсов разбегаются кто куда[32].

XX. Тем не менее, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, еврейство расширяет свои задачи. Начав с поддержки того или иного парламентского депутата, оно вскоре уже решается "избирать" их само. Засим оно, проникнув в политические партии, овладевает положением и, наконец, приступает к "увенчанию здания". Но прежде, чем ему удастся выдвинуть своего собственного Гамбетту или д'Израэли, иудаизм оказывается вынужденным пройти ещё через одно мытарство. Ведь Гамбетты и Биконсфильды не на полу валяются, а потому раздобыть что-нибудь, им подобное, не каждый год удаётся хотя бы и самому премудрому кагалу. Однако, рецепт у него выработан и даже был впервые применён именно к Лейбе Гамбетте, репутация которого оказалась значительно подмоченной талмудическими поставками на флот, крейсировавший без толку у

---

[32] Нужно ли называть вновь хотя бы оппортунизм или "Панаму"?...

берегов Германии, как и военными подрядами соплеменников диктатора вообще.

Упомянутый рецепт таков: “netoyer, poser, proner, glorifier, apo-theoser!...”.

Везде, а особенно во Франции, партии не способны ни на что без головы, которая ими командует. Евреи знают это. Вот почему они не щадят усилий для овладения человеком, призванным на эту роль или же способным разыграть её в будущем. С целью обойти или “настроить” его, увлечь его сердце, поработить разум, привести его к отождествлению своего самолюбия с их интересами и внушить ему, что именно в них он имеет вернейших друзей, одним словом, чтобы связать его с собой неразрывными узами, их таланты превосходят самих себя и возвышаются до чудес... в решете.

Иудейская стратегия в этом, как, впрочем, и в других направлениях, сводится к трём средствам, двигаемых одновременно.

Во-первых, лесть. Рождённый льстецом, еврей без подготовки располагает всеми тайнами лести и умеет затронуть все её струны. Он равно преуспевает как в излияниях заискивающей преданности, так и в гимнах лицемерного поклонения. Он не только изумляется перед человеком, нет, он влюблён в него. Воспевая его суетность, он вместе с тем знает и слова, идущие прямо к сердцу. Этот упоительный культ в связке с глубочайшим раболепием безошибочно делает своё дело. Н трогательном сочетании здесь слышатся и гармония возвеличения, и лепет самоотречения. Всё это ослепляет тем вернее, что сыны Иуды сознают, как опасно противоречить себе. Вот почему ещё тоньше, если это возможно, кадят они человеку вдали от него; за глазами, их восторги только более “искренни” и ещё более пламенны...

Но неужели же так трудно проникнуть в ядовитую микстуру этой лести и за балаганными декорациями “дружбы” подметить гримасы обмана? Прислушиваясь к интонациям голоса, долго ли отличить корысть и ложь? Среди торжественных звуков симпатии разве могла бы не выдать себя в этом еврейском оркестре, маленькая флейта, уже репетирующая сплетни? Да и возможно ли настолько не понимать еврея, чтобы не видеть, что у него льстец — родной брат клеветника, что ласкательства и дерзость только разные стороны его двуличия?...

Увы, во всякую пору их карьеры, но, прежде всего при её восходе, зелёные политические деятели очень податливы на еврейскую льстивость. Представим себе честолюбца, перед которым его будущность уже рисуется в розовом свете, но который ещё не освоился со своим “призванием”. Если в этот период, когда он ещё борется с последними тенями неизвестности и, быть может, против своих же собственных колебаний, еврейская лесть, идя к нему на встречу, скажет ему, что он человек необыкновенный, разве не примет он этого за откровение с небес? Независимо от этого, радость обладания целой труппой энтузиастов-поклонников, освобождая его от сомнений, не даёт ли ему величественной идеи о себе самом и безграничной уверенности в своих силах? С этой минуты он уже смело шествует к цели, импонирует и покоряет. По-видимому, возводя его на пьедестал, сыны Иуды передают ему и свой талисман грандиозного шарлатанства. Естественно, что между ними и им устанавливается связь навсегда; он уже не может обойтись без них, так как, перестав быть богом, он превратился бы в простого смертного. Наоборот, если у этого человека благородное сердце, евреи не замедлят привязать его к себе ещё и самой обольстительной из всех форм лжи: симуляцией искренней и страстной дружбы. Он будет окружён иудейской молодёжью, блистающей усердием и самоотвержением. Быстрые в истолковании его желания, как и в исполнении его приказов, эти юные израильтяне образуют вокруг него нечто, вроде священного легиона. На лире кагальной поэзии они станут воспевать ему хвалу,... пока он не свалится с пьедестала, или же пока они сами его не растопчут...

Во-вторых, реклама. Как уже было сказано выше, дочь обмана и лести, реклама есть одна из первооснов иудейского могущества.

Первая же встреча с евреями уже раскрывает честолюбивому политику весь смысл рекламы. Правда, низкопробность её, как средства борьбы, не остаётся для него тайной. Но ведь так приятно быть предметом восторженных похвал, ежедневно прогрессировать в общественном мнении, слышать своё имя на вех устах, стать знаменитостью первого ранга!... Кроме того, еврейская реклама заменит для него работу многих лет; ему уже не надо будет ни истощать себя в бесплодных усилиях, ни терзать свою душу муками бесцельного ожидания; ему не придётся отчаиваться перед таким будущим, которое тает, как мираж, исчезает, чтобы возродиться, и рождается, чтобы исчезнуть вновь.

Не обладая сверхъестественными силами, как противостоять такому искушению? Да и к чему противиться? Опьяняющие чары славы уже вызвали в нём горделивые сны и великолепные видения, он даже замечает симптомы того, что они готовы перейти в действительность. На пути своей борьбы с конкурентами, он уже чувствует за собой такие преимущества, какими пользуется торгующий контрабандой купец перед другими торговцами, оплатившими свой товар пошлиной. Под влиянием иудейской рекламы, его дивное реномэ раздувается, точно воздушный шар; изумлённый, он смотрит на неё, как на трубный глас истины, как на провидение великих людей. Да и как сама реклама умеет вселить такое убеждение! Не только ни о чём она не позабудет, но, к чему бы она ни прикоснулась, всё преобразуется и украшается под её волшебным жезлом. Красноречие, характер, орлиный взор, гениальность, она одевает “своего человека” всеми божественными атрибутами. И вот он летит вверх с головокружительной быстротой, он уже не видит земли... Увы, спуск вниз и “выпуск газа” произойду! ещё быстрее!...

В-третьих, деньги. Лесть и реклама представляют две неразрывные цепи; услуги деньгами образуют третью цепь, ещё более крепкую, потому что евреи слишком опытны, чтобы не выковать её по всем правилам искусства. Нет средств на издание газеты — еврейские капиталисты дадут авансы; необходимо покрыть расходы по избранию человеку евреев ассигнуют потребную сумму немедленно; наконец, впредь до вступления во власть ему ведь надо жить прилично — и его нужды угаданы и облегчены.

Мудрено ли, что среди таких условий еврейский протеже смотрит на сынов Израиля, как на своих истинных друзей и даже более того, как на родных братьев! Он не только не скрывает этого, а наоборот, тщеславится своей близостью к ним. По взятии же власти приступом он с лёгким сердцем предаёт им всё, от финансов до дипломатии включительно. Управлять евреями, через евреев и для евреев таков первый пункт его программы. Их отчаяние станет для него утешением в минуту потери власти,... и он умрёт на их же заботливых руках...

Следует ли, в виду всего изложенного, обращаться к синтезу действий иудейской политики с кагальными же прессой и бирже!!. Думается, что неизбежность и неразрывность их союза говорят сами за себя.

Посему мы ограничиваемся несколькими заключительными словами.

Как уже было замечено выше, между разными другими причинами, которыми обуславливается переживаемый Европой кризис, есть одна главнейшая, существенная, явная. Она заключается в том, что течение капиталов, предназначенных для питания всего социального организма, отводится по грязным каналам талмуда в пользу нескольких вампиров-израильтян. Живительный сок, необходимый для жизни ветвей, отпрысков и листьев, высасывается прямо из ствола дерева чужеядными паразитами.

В наше время нельзя отделить сферу финансов страны как от внутренних её распорядков, так и от международных её сношений.

Положение задолженного кагалу государства очень просто. Внутри себя оно имеет повелителя, не угодить которому вынуждено остерегаться. Положим, этот повелитель обыкновенно пользуется своей властью, “как доброму хозяину свойственно”; он “действует” лишь, по мере надобности и лишь когда этого требует его “благоразумие”, но он всегда на чеку и зорко следит за совещаниями министров, точно он сам там присутствовал или же был соединён с ними телефоном. Но что в особенности хорошо знает он, так это то, что на таких совещаниях говорят о нём не иначе, как с почтительным страхом. И уже не он, разумеется, станет успокаивать.

Наоборот, не к его ли услугам кагальная и шаббесгойская пресса, способная доводить стада гоев до полного бешенства либо оцепенения? Ведь ещё много воды утечёт, пока этому “Самсону” остригут волосы, т.е. те же гои хотя бы догадаются объявить газетные публикации государственной монополией...

Среди же общего смешения понятий и опереточного развенчивания идеалов страшной жидовской печатью, этим питающейся, наблюдается, между прочим, и такой факт, что в наши дни вся шутка даже не в самой затее, а в колосальном займе будто бы для её осуществления. Не теряя случая, еврейские финансисты занимают, срывают, хватают вплоть до того момента, когда следственный судья, а за ним и президент уголовного трибунала, трагически схватившись за волосы, наконец воскликнут “Rien ne va plus!”...

Но, к сожалению, такие процессы бывают слишком редки. А если и поставят на сцену, скажем, “Панаму”, то ни у кого из обвиняемых не окажется “состава преступления”...

Бомбоносцы-политики “избранного народа”

По сведениям “Нового времени”, а частью, и “Московских Ведомостей”, дело обстоит так:

I. Соломон Рысс

Имя Рысса в последнее время не сходит со столбцов современной печати. Газеты чуть ли не ежедневно сообщают новые подробности о его жизни и деятельности.

Соломон Янкелев Рысс, Киевский уроженец, ещё со школьной скамьи стал принимать участие в деятельности революционных организаций. Рысс прошёл все стадии революционного развития. Он был социал-демократом, затем примкнул к социалистам-революционерам, а в начале 1906 года перешёл к отделившейся от партии социалистов-революционеров группе максималистов.

Состоя членом организации максималистов, Рысс, совместно с известным “Медведем” (М.И. Соколов), много работал над теоретическим и философским обоснованием идей максимализма. Ему принадлежит ряд статей и сборнике, изданном организацией максималистов под названием “Наш путь”.

Будучи по натуре порывистым и страстным, Рысс, естественно, не мог ограничиться исключительно деятельностью литературной, ролью теоретика партии. Он выступил в качестве организатора и руководителя целого ряда экспроприации. В июне 1906 г. в Киеве Соломон Рысс был арестован и попал в Киевскую тюрьму.

В виду того, что Рысс был одним из вождей максималистов, последние решили устроить ему побег и с этой целью вошли в сношение со стражей, предлагая ей крупную сумму за содействие побегу. Стража согласилась, но в последний момент жандарм, охранявший камеру, сообщил об этом своему начальнику. Тогда начальник Киевского охранного отделения ротмистр Н. Кулябко, дал знать Рыссу, что ему устроят побег, если он согласится служить, секретным агентом.

Получив это предложение Рысс решил использовать его в интересах революции и дал согласие.

Приобретя в августе месяце свободу, Рысс немедленно сообщил своим товарищам о данном им обещании служить в охранном отделении, заявил, что хотел бы воспользоваться этим для революционных целей. Товарищи Рысса, руководители организаций максималистов, выразили ему доверие и дали согласие на его службу в политической полиции.

Рысс поступил в распоряжение Департамента Полиции и переехал в Петербург. Деятельностью Рысса, как агента-сотрудника политической полиции, руководил состоявший при департаменте подполковник А. Ерёмин. В Департаменте к Рыссу относились с полным доверием, хотя он существенного ничего не давал, а, наоборот, ложными указаниями старался отвлечь внимание чинов Департамента Полиции от подготавливающегося нападения в Фонарном переулке, что ему и удалось. После разбоя в Фонарном переулке он скрылся из Петербурга, но в апреле месяце 1907 года был арестован в Юзовке Екатеринославской губернии во время подготовки экспроприации одного из Банков.

В обвинительном акте по разбиравшемуся в Военно-Окружном суде С.Петербурга делу об организации максималистов приводились, между прочим, следующие сведения о Рыссе: *"В ночь на 29 апреля 1907 года в посаде Юзовке, Екатеринославской губернии, в квартире мещанина Константина Поля чинами полиции был задержан Соломон Янкелев Рысс, назвавшийся первоначально Петром Романенко, а также минский мещанин Казимир Гарбуз и петербургский ремесленник Николай Фёдоров. По показанию пристава завода Новороссийского общества Аркадия Экка возникло подозрение, что прибывшие лица задумали ограбление одного из местных Банков. Убедившись затем, что паспорт Рысса на имя Романенко, предъявленный им в полиции для прописки, подложен и узнав, что 23 апреля Рысс, Гарбуз и Фёдоров ходили в лес пристреливать свои револьверы, пристав Экк поручил околоточным надзирателям Костенко и Котенка арестовать их. Последние незаметно проникли в квартиру Поля и задержали здесь Рысса, Гарбуза и Фёдорова в то самое время, когда они о чём-то совещались. Из протокола осмотра отобранных у задержанных бумаг и предметов видно, что у каждого из них оказалось по два заряженных браунинга, а на диване около них лежали три кинжала и финские ножи; в погребе, снятом ими, был обнаружен деревянный ящик ещё с пятью револьверами, 106 патронов, 12 запасных обойм и принадлежности для чистки револьверов. В коридоре квартиры был обнаружен свёрток газетной бумаги, в котором оказалась медная печать с вырезной надписью: "Боевая организация союза с.-р. максималистов" и пять подложных паспортов. В кармане пиджака Рысса, найдено нижеследующее удостоверение: "Боевая организация с.-р. максималистов сим свидетельствует, что предъявитель сего уполномочен действовать от лица Б.О. союза. Петербург 1907г. 11-10", причём в левом верхнем углу на удостоверении был наложен оттиск описанной выше печати. Рысс назвался сначала мещанином Петром Романенко, но затем, обещая быть откровенным в том случае, если пристав Экк примет взятку в 50.000 рублей, которые уплатит за его освобождение организация, назвал своё имя и сам заявил, что принадлежит к организации с.-р. максималистов. В дальнейшем Рысс рассказал, что участвовал в покушении на жизнь Председателя Совета Министров П. А. Столыпина, изучая расположение его дачи на Аптекарском острове. Он же принимал участие в ограблении в Фонарном переулке. По словам Рысса он участвовал и организовал ограбление поезда на станции Рогова, близь Варшавы, участвовал в ограблении Банка взаимного кредита в Москве и в Киеве в ограблении артельщика, где был арестован, но из-под стражи бежал. Далее он сообщил, что принимал горячее участие в восстании матросов в Кронштадте. В Юзовку он прибыл с целью ограбления почтовой конторы или же денег, которые привозятся в контору завода. Револьверы и печать были им получены из главного комитета максималистов в Петербурге".*

На процессе же максималистов было установлено, что за членами этой злодейской организации всё время производилось наблюдение чинами Петербургской и Московской охранных полиций. Однако, вследствие ложных указаний Рысса, Департамент Полиции, неправильно осведомлённый о деятельности данной организации, оттягивал ликвидацию группы максималистов, результатом чего и явилось дело Фонарного переулка.

Однако, Рыссу предложено было снова сделаться агентом-сотрудником Департамента Полиции, но он категорически отказался от этого. В мае месяце 1907 г. Рысс был отвезён в Киев и заключён в "Косой капонир". Засим в том же месяце дело Рысса разбиралось в Киевском Военно-Окружном Суде. Обвинение к нему было предъявлено по 279 ст. св. воен. пост. На суде Соломон Рысс держался спокойно. Он говорил свою речь полтора часа, отказавшись от посторонней защиты. Эта речь — грозная филиппика против бывших товарищей, местами переходившая всякие границы. Он назвал себя анархистом. О себе он сказал следующее: "Я *доволен тем, что меня судят военным судом... Я достоин петли, потому что по отношению к своим врагам сам не признавал другой тактики, кроме пули и бомбы!..."* Военный суд приговорил его к смертной казни без ходатайства о замене. Он был повешен на Лигой горе в Киеве.

В партийных кругах Соломон Рысс был известен под кличками "Мортимэр" и "Иван Николаев".

II. Как было организовано убийство В. К. Плеве

В своих воспоминаниях Борис Савенков особенно много места уделяем описанию подготовки к убийству В. К. Плеве. Организатором злодейства являлся Евно Азеф, который сам выработал план преступления и подобрал соучастников.

В середине 1903 года Савинков, незадолго до этого бежавший из ссылки, приехал в Женеву. Здесь именно заявил он члену центрального комитета партии социалистов-революционеров еврею Михаилу Гоцу о своём желании принять участие в терроре. В Женеве Савинков впервые встречается с евреем Азефом. *"Однажды днём, когда у меня никого не было",* — рассказывает Савинков, — *ко мне в комнату вошёл человек 33-х лет, очень полный, с широким, равнодушным, точно налитым камнем, лицом и большими карими глазами. Эта был Евгений Филиппович Азеф. Он протянул мне руку, сел и сказал, лениво роняя слова: "Мне сказали, вы хотите работать в терроре. Почему именно ч терроре?..." Я повторил ему то, что сказал раньше Гоцу. Я сказал также, что считаю*

убийство Плеве важнейшей задачей момента. Мой собеседник слушал всё также лениво и не отвечал. Наконец он спросил: “У Вас есть товарищи?” Я назвал Каляева и ещё двоих. Я сообщил их подробные биографии и дал характеристику каждого. Азеф выслушал молча и стал прощаться. Он приходил ко мне несколько раз, говорил мало и внимательно слушал. Однажды он сказал: “Пора ехать в Россию. Уезжайте с товарищем куда нибудь из Женевы, поживите где-нибудь в маленьком городе и проверьте, не следят ли за вами?...”

Савинков со своим товарищем уехал в Баден, во Фрейбург. Здесь их вскоре посетил Азеф и сообщил план покушения, не упоминая, однако, ни слова о личном составе организации. План состоял в следующем. Было известно, что Плеве живёт в здании Департамента Полиции (Фонтанка, 16) и еженедельно ездит с докладом к Царю в Зимний дворец, в Царское село или Петергоф, смотря по времени года и местопребыванию Царя. Так как убить Плеве у него же на дому было, очевидно, много труднее, чем на улице, то решено было учредить за ним постоянное наблюдение. Наблюдение это имело целью выяснить в точности день и час, маршрут и внешний вид выездов Плеве. По установлении этих данных предполагалось взорвать его карету на улице бомбой. При строгой охране министра для наблюдения необходимы были люди, по роду своих занятий целый день находящиеся на улице, например, газетчики, извозчики, торговцы в разносить и т. п. Было решено поэтому, что один товарищ купит пролётку и лошадь и устроится в Петербурге легковым извозчиком, а другой возьмёт патент на продажу в разность табачных изделий, и продавая на улице папиросы, будет следить за Плеве. Савинков должен был комбинировать собираемые ими сведения и, по возможности, наблюдая сам, руководить наблюдением. План этот, как сказано, принадлежал самому Азефу.

В начале ноября 1903 года Савинков приехал в Петербург и остановился в “Северной Гостинице”. В Петербурге Савинков встретился с другими участниками покушения и вскоре ими было организовано постоянное наблюдение за выездами В.К. Плеве. В первое время наблюдение велось только двумя лицами: один был извозчиком, другой занимался уличной продажей табака и папирос с лотка. С января месяца 1904 года, за выездами Плеве постоянно наблюдали уже пять человек: Егор Сазонов, Егор Дулебов, убивший в 1903 году уфимского губернатора Богдановича, и некий X., — все в качестве извозчиков, а Иван Каляев и У., как уличные торговцы в разнос. Им помогали Савинков и еврейка Дора Бриллиант. Остальные члены боевой организации: Алексей Покотилов и Макс Швейцер[33] хранили динамит и гремучую ртуть и должны были в нужный момент приготовить бомбы. Конспирации ради все члены организации жили на разных квартирах и сходились только по воскресным и праздничным дням. Покотилов и Швейцер с запасами взрывчатых веществ ожидали вызова, проживая один в Риге, другой в Москве.

[33] Должно быть, еврей, в свою очередь.— А. Шмаков.

Руководителем всего дела был Азеф (партийная кличка “Валентин Кузьмич”), который изредка наезжал в Петербург. Без ведома Азефа организация не имела права ничего предпринимать. Из осторожности Азеф долго оттягивал момент покушения и, между ним и Савинковым на этой почве часто возникали пререкания.

В феврале и в начале марта наблюдением террористам удалось в точности установить, что В.К. Плеве еженедельно к 12 часам дня ездит к Царю в Зимний дворец. По настоянию Савинкова и других членов организации Азеф нехотя вынужден был дать согласие на устройство покушения в марте месяце.

План этого покушения состоял в следующем. Около 12 часов дня, по четвергам Плеве выезжал из своего дома и ехал по набережной Фонтанки к Неве, а затем по набережной Невы к Зимнему дворцу. Возвращался он или той же дорогой, или по Пантелеймоновской, мимо вторых ворот Департамента Полиции, к главному подъезду, что на Фонтанке. Предполагалось ждать его по пути. Покотилов с двумя бомбами, должен был сделать первое нападение. Он должен был встретить Плеве на набережной Фонтанки около дома Штиглица. У., тоже с двумя бомбами, занимал своё место ближе к Неве, у Рыбного переулка. Сазонов с бомбой под фартуком пролётки остановился у подъезда Департамента Полиции лицом к Неве. Также лицом к Неве с другой стороны подъезда, ближе к Пантелеймоновской, стоял X. Он должен был снять шапку при приближении кареты Плеве и этим подать знак Сазонову. Наконец, на Цепном мосту, имея в поле зрения всю Пантелеймоновскую, находился Каляев на виду как Покотилова, так и Сазонова. Его обязанность была дать им знак в случае, если Плеве вернётся через Литейный проспект.

В ночь на 18 марта Макс Швейцер приготовил 5 бомб, и до 10 часов утра бомбы были уже на руках у метальщиков. Покушение, однако, не удалось. Карета Плеве проехала слишком быстро мимо террористов, и никто не успел бросить бомбы.

Несмотря на постоянное скопление большого числа филеров и чинов наружной полиции у здания Департамента Полиции и близь квартиры Министра Внутренних Дел, никто из террористов, тем не менее, задержан не был. Сам Савинков в записках высказывает крайнее недоумение по этому поводу. *“Я до сих пор ничем не могу объяснить благополучного исхода этого первого нашего покушения, как случайной удачей”,* — пишет Савинков. — *“Каляев, стоявший на Цепном мосту, прислонясь к перилам и не спуская глаз с Пантелеймоновской улицы, настолько напряжённая его поза и упорное сосредоточение всей фигуры выделялись из массы, что для меня не понятно, как агенты охраны, которыми был усеян мост и набережная Фонтанки, не обратили на него внимания?!...”*

25 марта террористы снова с бомбами в руках ожидали выезда В. К. Плеве, но и на этот раз неудачно. Тогда решено было сделать покушение в день 1 апреля. Ночью 31 марта в “Северной гостинице” приготовлявший разрывные снаряды для покушения Алексий Покотилов погиб от взрыва. Дело и том, что бомбы

боевой организации социалистов-революционеров имели химический запал: они были снабжены двумя крестообразно помещёнными трубками с зажигательными и детонаторными приборами. Первые состояли из наполненных серной кислотой стеклянных трубок с баллонами и насаженными на них свинцовыми грузами. Этот груз при падении снаряда в любом положении ломал стеклянную трубку, серная кислота, выливаясь, воспламеняла смесь, бертолетовой соли с сахаром. Воспламенение же этого состава производило сперва взрыв гремучей ртути, а потом и динамита, наполнявшего снаряд. Неустранимая опасность при заряжении заключалась в том, что стекло трубки легко могло сломаться в руках, как, невидимому, и случилось с Покотиловым.

Смерть Покотилова явилась для участников организации тяжёлой неожиданностью. Из бывшего у них запаса динамита пропало при взрыве три четверти. Оставшаяся четверть хранилась у Швейцера в Двинске, но из нее возможно было приготовить одну бомбу. Убить Плеве с помощью только одного метальщика организация не находила возможным. Савинков решил временно приостановить дело.

Но тут приехал Азеф и набросился на него с упрёками. *“Что вы затеяли? Какое вы имеете право своей властью изменять решения центрального комитета?”* — кричал Азеф. На заявление Савинкова, что смерть Покотилова заставила их изменить первоначально принятый план, Азеф нахмурился ещё больше и сказал: *“Люди учатся на делах! Ни у кого не бывает сразу нужного опыта. Из этого, однако, не следует, что нужно делать исключительно то, что легко... Смерть Покотилова?... Но вы должны быть готовы ко всяким случайностям!... Вы должны быть готовы к гибели всей организации до последнем человека!... Что вас смущает? Если нет людей, их нужно найти. Если нет динамита, его необходимо сделать.. Но бросать дело нельзя никогда. Плеве, во всяком случае, будет убит. Если мы его не убьём, его не убьёт никто!...*

Швейцер получил от Азефа адрес партийного инженера Н. в Харьковской губернии. С помощью этого инженера он изготовил в земской лаборатории пуд динамита и в июне месяце привёз его в Петербург.

По требованию Азефа вновь было налажено наблюдение за Плеве. Под личным руководством Азефа дело пошло успешнее. Наблюдатели постоянно встречали на улице Плеве. Они до тонкости изучили внешний вид его выездов и могли отличить его карету за сто шагов. Особенно много сведений было тогда у Каляева. Ежедневно, выходя торговать на улице, он ставил себе задачу встретить карету министра. По мельчайшим признакам на улице: по количеству охраны, по внешнему виду наружной полиции — приставов и околоточных надзирателей, по тому напряжённому ожиданию, которое чувствовалось при приближении министерской кареты, Каляев безошибочно заключал, проехал ли уже Плеве по этой улице или ещё проедет? Описывая выезд, он давал не только самое точное описание масти и примет лошадей, наружности кучера и чинов охраны, но и деталей самой кареты. Другие члены организации, ездившие извозчиками, дополнили, проверили и развили наблюдения Каляева. В общем, систематическое наблюдение привело организацию к уверенности, что легче всего убить Плеве в четверг по дороге с Аптекарского острова на Царскосельский вокзал.

Во второй половине июня Азеф, убедившись, что налаженное им дело идёт хорошо, уехал... “по общепартийным делам” в провинцию.

В первых числах июля месяца в Москве было устроено совещание Азефа с Савинковым, Сазоновым и Каляевым, на котором обсуждался подробный план покушения. Выработанный сообща в Москве, план заключался в следующем. Метальщики должны были ожидать Плеве в пути. Первый, встретив министра, должен был пропустить его мимо себя и заградить ему дорогу обратно на дачу. Второй должен был бросить бомбу в карету. Третий должен был кинуть свою бомбу только в случае неудачи второго, если бы Плеве был равен или бомба второго не разорвалась. Четвёртый, резервный метальщик, обязан был действовать лишь в крайнем случае: если бы Плеве, прорвавшись через бомбы второго и третьего, всё-таки поехал вперёд, по направлению к вокзалу. Всех метальщиков должно было быть четверо, а именно: Егор Сазонов, Иван Каляев, некий У. и вновь привлечённый к делу еврей Лейба Сикорский, Макс Швейцер готовил бомбы, Егор Дулебов на своей пролётке должен был развозить метальщиков, наблюдал же за всем Борис Савинков. Дора Бриллиант также усиленно просила дать ей бомбу для метания, но ей было отказно, так как в случае возможного несчастья со Швейцером, она именно должна была заменить его в приготовлении снарядов. Покушение было назначено на 8-е июля, но по каким-то, чисто случайным, причинам оно ещё раз не удалось, и было решено повторить его в следующий четверг, 15-го июля.

Вот как описывает Савинков день 15 июля — убийство В. К. Плеве.

“Между 8 и 9 часами утра я встретил на Николаевском вокзале Сазонова, а на Варшавском — Каляева. Сазонов был одет железнодорожным служащим, Каляев — швейцаром. Одновременно приехали с Варшавского вокзала из Двинска, У. и Сикорский. В начале 10 часа Дулебов успел раздать бомбы, которые за ночь приготовили Макс Швейцер, проживавший в “Гранд-Отеле”. Самая большая, 12-ти фунтовая, бомба была передана Сазонову. Она была цилиндрической формы, завёрнута в газетную бумагу и перевязана шнурком. Бомба Каляева была обёрнута в платок. Каляев и Сазонов не скрывали своих снарядов. Они несли их открыто в руках. У. и Сикорский прятали свои бомбы под плащами. Метальщики один за другим в условленном порядке прошли на назначенные места: первым У, вторым. Сазонов, третьим Каляев и четвёртым Сикорский. Они должны были пройти по Английскому проспекту и Дровяной улице к Обводному каналу и, повернув по Обводному каналу, мимо Балтийского и Варшавского вокзалов выйти на встречу Плеве на Измайловский проспект. Время было рассчитано так, что при средней ходьбе, они должны были встретитъ Плеве по Измайловскому проспекту, от Обводного канала до 1-й роты. Шли они на расстоянии 40 шагов один от другого. Этим устранялась опасность детонации от взрыва. У. должен был пропустить Плеве мимо себя и затем загородить ему дорогу обратно на дачу. Сазонов должен был бросить

первую бомбу. Когда я подошёл к 7-й роте Измайловского полка в половине 10-го часа, я увидел, как городовой на углу вытянулся во фронте. В тот же момент, на мосту через Обводной канал я заметил Сазонова. Он шёл высоко держа голову и держа у плеча снаряд. И сейчас же сзади меня раздалась крупная рысь и мимо промчалась карета с вороными конями. Прошло несколько секунд... Сазонов исчез в толпе. Вдруг, в однообразный шум улицы ворвался тяжёлый и грузный, страшный звук. Будто кто-то ударил чугунным молотом по чугунной плите... В ту же секунду жалобно задребезжали разбитые в окнах стекла. Я увидел, как от земли узкой воронкой взвился столб серо-жёлтого, почти чёрного по краям дыма. В дыму я увидел какие-то чёрные обломки...”

Как известно, от взрыва бомбы, брошенной Сазоновым, В.К. Плеве был убит, а сам Сазонов — ранен.

Судили Сазонова и задержанного с ним Сикорского 30 ноября 1904 года в С.-Петербургской Судебной Палате с сословными представителями. Ни приговору Палаты оба подсудимые были лишены всех прав состояния, причём Сазонов был сослан на каторжные работы без срока, а Сикорский — на 20 лет. Такой, сравнительно мягкий, приговор объясняется тем, что Правительство решило тогда несколько изменить политику и не волновать далее общество смертными казнями. Сазонов после приговора был заключён в Шлиссельбургскую крепость. В 1906 году он был переведён из Шлиссельбурга в Акатуйскую каторжную тюрьму.

Другие участники убийства Плеве скрылись за границей и, на потеху кагала, до сего времени считаются не разысканными...

III. Кто убил Великого Князя Сергия Александровича

Недавно за границей появилась книга “Воспоминаний” одного из видных деятелей “боевой организации” партии социалистов-революционеров Бориса Савинкова. “Московские Ведомости” приводят такой рассказ Савинкова об убийстве великого князя Сергия Александровича:

“На женевских совещаниях боевой организации в сентябре 1905 года мне поручено было покушение на Московского генерал-губернатора, великого князя Сергия Александровича, — так начинает свой рассказ Борис Савинков. — *Со мной в Москву должны были ехать Дора Бриллиант (еврейка), Иван Каляев и Опанас (революционная кличка). Я имел право пополнить организацию, но всего только одним членом. План кампании был старый, уже испытанный в деле Плеве. Предполагалось учредить наружное наблюдение за великим князем и затем убить его на улице. Для целей наблюдения указаны были Опанас и Каляев. В начале ноября Бриллиант, Каляев, Опанас и я выехали в Россию. Через несколько дней мы встретились в Москве...*

Опанас и Каляев купили сани в одно и то же время, и одновременно (8 декабря), хотя в разных частях Москвы, подверглись осмотру, получили номера на право езды и начали свою извозчичью работу.

На работе они, по рассказу Савинкова, соперничали друг с другом. Каляев выстояв по определённому плану часы на назначенной улице, не прекращал наблюдений. Весь остаток дня он продолжал посматривать, руководствуясь уже своими собственными соображениями. И ему удавалось не раз видеть великого князя на такой улице и в такой час, где и когда его можно было ожидать всего менее. У Опанаса был тоже свой план. Независимо от Каляева, и он приводил его в исполнение. Но он меньше ездил по улицам. Чисто логическим путём он приходил к выводу, что великий князь неизбежно выедет в определённое время и старался быть на Тверской как раз в эти часы. Таким образом, его наблюдениями дополнялись наблюдения Каляева и наоборот. С Борисом Савинковым, проживавшим по паспорту английского инженера Джемса Галли, они встречались в трактире Бакастова у Сухаревой башни по воскресным и праздничным дням.

Несмотря на малочисленность организации, наблюдение шло очень успешно. Вскоре был установлен с точностью выезд великого князя. Каляев рассказывал о нём так же подробно, как некогда о карете Плеве, за которым он же и наблюдал до покушения. Отличительными чертами великокняжеской кареты были белые вожжи и белые, яркие, ацетиленовые огни фонарей. Таких огней больше ни у кого в Москве не было. Каляев и Опанас изучили великокняжеских кучеров и по кучерам могли безошибочно определять, выезжает ли великий князь или великая княгиня.

Установление выездов было, однако, ещё недостаточно. Необходимо было определить, куда и когда ездит великий князь. Вскоре всё это было выяснено и решено было готовиться к покушению.

10-го января, неожиданно для заговорщиков, великий князь переехал в Кремль, где пришлось установить новое наблюдение. Здесь вскоре же наблюдение отметило ежедневные регулярные посещения великим князем Тверского дворца, где помещалась гражданская канцелярия генерал-губернатора. Наблюдательный пост был перенесён к Тверскому дворцу.

В виду того, что выезд был регулярный и внешний вид его был известен в точности террористам, они с половины января стали готовиться к покушению. Каляев продал сани и лошадь и уехал в Харьков, чтобы скрыть следы своей извозчичьей жизни и переменил паспорт. Наблюдателем остался один Опанас, с целью не потерять уже найденный, неизменный (через день) выезд великого князя из Кремля в Тверской дворец. Опанас останавливался у Царь-Колокола, прямо против дворца, а две последние недели наблюдал за великим князем только с этого места. Ни филеры, ни городовые почему-то не обратили на него внимания. Покушение было назначено на 2 февраля, когда в Большом театре имел состояться спектакль в пользу склада Красного Креста, находившегося под покровительством великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Каляев приехал в Москву. Савинков съездил за Дорой Бриллиант, которая должна была

приготовить бомбы. Она временно проживала в Юрьеве и там хранила динамит.

По приезде в Москву Дора Бриллиант остановилась на Никольской, в гостинице “Славянский Базар”. Здесь днём 2-го февраля она приготовила две бомбы: одну для Каляева, другую для некоего Александровича из Баку, привлечённого к делу Савинковым. В 7 часов вечера Дора Бриллиант вынесла из гостиницы завёрнутые в плед бомбы и передала их поджидавшему в Богоявленском переулке Савинкову, который положил их в портфель. В 7 час. обе бомбы уже находились в руках метателей, а с 8 час. вечера Каляев стал на Воскресенской площади, у здания городской думы. Александрович же — в проезде Александровского сада. Таким образом, от Никольских ворот великому князю было только два пути в Большой театр — либо на Каляева, либо на Александровича. И Каляев, и Александрович выли одеты крестьянами, в поддевках, картузах и высоких сапогах, а бомбы их были завернуты в пёстрые ситцевые платки. Сам Савинков сидел в Александровском саду и ждал там взрыва. Однако, в этот день покушение, по каким-то, чисто случайным, причинам не состоялось.

4-го февраля, один из членов организации, Александрович, отказался от участия в покушении. Александрович заявил, что переоценил свои силы и видит теперь, после 2-го февраля, что не может работать в терроре. Положение, по рассказу Савинкова, показалось ему трудным. Нужно было выработать одно из двух: либо вместо Александровича принять участие, в покушении самому Савинкову или Опанасу, либо устроить покушение с одним метальщиком Каляевым. В конце концов Савинков решил было отложить покушение, но Каляев настоял пустить его одного с бомбой.

Савинков передал ему тогда же одну бомбу, а другую возвратил Доре Бриллиант...” [34]

Каляев, как известно, выполнил покушение. Взрыв бомбы произошёл 4-го февраля, приблизительно в 2 час 45 м. дня. Официальный источник так описывает событие: “4 февраля 1905 года в Москве в то время, когда великий князь Сергий Александрович проезжал в карете из Николаевского дворца на Тверскую, на Сенатской площади, в расстоянии 65 шагов от Никольских ворот неизвестный злоумышленник бросил в карету Его Высочества бомбу. Взрывом, происшедшим от разорвавшейся бомбы, великий князь был убит на месте, а сидевшему на козлах кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленные, тяжкие телесные повреждения. Тело великого князя оказалось обезображенным, причём голова, шея, верхняя часть груди с левым плечом и рукой были оторваны и совершенно разрушены, левая нога переломана с раздроблением бедра, от которого отделились нижняя его часть, голень и стопа. Силой произведённого злоумышленниками взрыва кузов кареты, в которой следовал великий князь, был расщеплён на мелкие куски и, кроме того, были выбиты стёкла наружных рам ближайшей к Никольским воротам части здания судебных установлений и расположенного против этого здания арсенала.

Сам же Каляев, в письме из тюрьмы, так описывает момент взрыва:

“Я бросал на расстоянии четырёх шагов, не более, с разбега, в упор; я сам был захвачен вихрем взрыва, видел как разрывалась карета... После того, как облако рассеялось, я остался у остатков задних колёс. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо. Потом увидел шагах в пятистах от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнажённое тело... В шагах десяти за каретой лежала моя шапка, я подошёл и поднял её, и надел. Я огляделся. Вся поддёвка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг... Я пошёл... В это время послышалось сзади: “держи! держи!”, — на меня едва не наехали чьи-то сани и чьи-то руки овладели мной. Я не сопротивлялся... Вокруг меня засуетились городовой, околоточный и люди, люди...”

Каляева судили в особом присутствии Сената 5 апреля 1905 г. Он был присуждён к смертной казни и повешен в Шлиссельбурге 10 мая того же года.

Из других участников убийства великого князя Сергия Александровича Борис Савинков и Опанас скрылись за границу; Александрович был несколько месяцев спустя задержан на юге по делу о террористическом акте и по приговору суда казнён; Дора Бриллиант год спустя была арестована по какому-то делу и умерла в тюрьме.

IV. Богров и кагал

Кто таков Мордка Богров — ставленник эсэров или представитель еврейского кагала, совершивший злодейство по уполномочию последнего?

Пока нет данных для того, чтобы с полной уверенностью ответить на этот

[34] Таким образом ясно устанавливается, что еврейка Дора Бриллиант не только фабриковала бомбы в “Славянском Базаре”, что и подобало “природной аристократке мира”, но и хранила их про запас, равно как сохранила у себя же и динамит. Отсюда следует заключить, что она являлась высшим агентом кагала, в руках которого, очевидно, сосредоточивались как вся власть над боевиками, так и средства к совершению злодеяний, своим варварством изумляющих мир. Иначе говоря, без воли тайного правительства сынов Иуды ни одна бомба разорваться не могла. Отсюда же, с другой стороны, явствует вне сомнений, что хотя растерзывание “сильных” врагов “избранного” народа бомбами совершалось по злостному издевательству приверженцев талмуда шаббесгоями, тем не менее, исключительно ради “просветительных” целей иудаизма. Отсюда, всяким Каляевым, Сазоновым, Савинковым предоставляется, наконец, рассудить, до какой степени прелестна роль, которую они для возвеличения еврейской тирании, с таким апломбом играли, да и поныне играть не отказываются. — Алексей Шмаков.

вопрос[35]. Но данные для весьма основательных предположений имеются. В Киеве за несколько дней до злодейства ходили крайне упорные слухи (вышедшие из еврейских кругов) о том, что П.А. Столыпин будет убит.

Об этом за два дня до злодейства в Киевском национальном клубе с горячим волнением говорил видный политический деятель правого лагеря г. Р-ский, горько жаловавшийся, что его заявлениям никто не верит. Увы, не поверили его заявлениям и деятели названного клуба... Г. Р-скину тогда же рассказывал, что у евреев состоялись какие-то важные решения, что слухи о проекте национализации торговли и кредита привели евреев в бешенство, и они решили покончить со Столыпиным. Одновременно с этим и даже несколько раньше такие же слухи упорно ходили в Кременчуге, несомненно являющимся в настоящее время одним из главнейших центров еврейства. Сам Богров проводил лето подле Кременчуга, на курорте "Потоки", куда на лето съезжаются евреи из всех местностей Южной России.

Там, по-видимому, и состоялось решение убить П.А. Столыпина.

Сам Богров на следствии объяснил, что убить Столыпина он решил еще задолго до 1 сентября и с этой целью из "Поток" приехал в Киев. Кроме того, в своём показании, данном на следствии, Богров упоминал и о Кременчуге.

В день казни Богров, находясь в очень нервном состоянии, заявил, что стреляя в Столыпина, он боролся за благо и счастье еврейского народа!... [36]

В настоящее время Киевские евреи оплакивают смерть "героя" Богрова. Многие студенты-евреи и еврейки-курсистки нарядились в траур. Делается это открыто, вызывающе. Вообще, евреи в Киеве теперь неистово обнаглели.

Сначала, тотчас после злодейства 1 сентября, они было очень струсили, боясь погрома. Но, когда они увидели, что власти приняли самые решительные меры для охраны неприкосновенности евреев, такие меры, каких правительство никогда не решалось принимать для борьбы с революцией, они убедились в своей полной безопасности, решили, что убийство Столыпина прошло для них безнаказанно и сразу стали невыносимо предерзостны. Старания местных властей, доходивших до позорного пресмыкательства перед евреями, последние истолковали в том смысле, что власти боятся их кагала...

[35] Оговорка, не понятная у прозорливого автора статьи. Что "Митя" Богров действовал, как истый еврей, предательски, дерзновенно, с явным глумлением над "охраной" и во славу Израиля, в этом нет и не может быть сомнений. А что основные роли в убийстве "сильных" врагов еврейства неизменно принадлежали членам "избранного" же народа, это очевидно даже из приведённых выше злодеяний — Соломона Рыссы, Евно Азефа, Макса Швейцера и Доры Бриллиант.

[36] Небезызвестно, что П.А. Столыпину приписывалось вето на замысел прекратить дело о ритуальном убийстве Андрюши Ющинского. Но чего, в особенности, не мог простить мужественному премьеру кагал, это — гордое сознание величия русского знамени! — Алексей Шмаков

До чего обнаглели евреи, видно из следующего маленького, но характерного примера. Жена отставного полковника, О-ская, пошла с прислугой на Галицкий базар и, зайдя в мясную лавку, потребовала мозгов. Еврей-мясник спросил:

"Вам каких мозгов? Может быть, Столыпинских?..."

Г-жа О-ская, крайне возмущённая, накричала на еврея и пригрозила позвать полицию, на что еврей ответил:

"Напрасно будете беспокоиться: полиция вам не поверит!..."

Потаенное правительство евреев. Данные истории.
Современная форма: "Alliance Israelite Universelle", — "Хабура Коль Изроэль Хаберим".

Jura, perjura, — secretum Prodere noli!...

Еврейство — явление исключительное в истории. Как бы ни освещали мы её сцену и сколько бы ни вглядывались за кулисами, мы нигде не находим ничего подобного. Беспримерность факта создаёт и чрезвычайные затруднения при его исследовании. Здесь истина сплошь и рядом невероятна. Вот почему самые очевидные данные, равно как доказательства, никакому сомнению не подлежащие, всё ещё могут казаться недостаточными. Этим обусловливается и необыкновенная тяжесть повествования. Любой его объём оказывается ничтожным перед крайней сложностью задачи. С другой стороны, соприкасаясь, а нередко и смешиваясь с событиями жизни других народов, еврейство представляет единственную в своём роде проблему по широте и глубине. Греческий оратор Фокион, написав речь, несколько дней, говорят обдумывал, нельзя ли из неё что-нибудь выбросить? Таково и еврейство. Рассматривая его многовековой путь, следует размышлять не о том с чем надо ознакомиться предварительно, а надлежит, по возможности, определить, что не столь необходимо для изучения. Иначе нет выхода, как и не может быть конца работам подготовительным. Точно также и при изысканиях в сфере самой проблемы, неизбежно установить заранее — как общие пределы труда, так и границы его отдалённых частей, сознавая, что и те, и другие никогда не совпадут с действительностью. Как бы, однако, ни мало такое сокращение темы признавалось уместным, оно, к сожалению, неустранимо, ибо резолютивная цель — обращение к синтезу, а затем и к выводам, никогда при ином методе не была бы достигнута.

Сообразно с таким положением вопроса позволительно, наконец, заключить, что и для нас приблизился момент перехода к суммированию итогов наряду с анализом их логических последствий.

Принимая же во внимание, что основная идея настоящего исследования — показать существование в наши дни международного тайного правительства,

распоряжающегося судьбами наций и государств, мы не можем подойти к этому предмету другой дорогой, как ознакомившись с сокровенной властью иудеев.

Объявив Иегову собственным богом, т.е. присвоив самого Творца вселенной, а себя назвав "избранным" народом среди всего остального человечества и, сверх того, учинив с тем же Иеговой договор, по которому за обрезание своих сынов оно приобрело монополию господства над миром, еврейство, естественно, призывалось к неуклонному сохранению своей национальности, наряду с отрицанием её у других народов. Сознавая, далее, что религия — главный устой индивидуального бытия еврейство всегда отождествляло себя со своей религией и наоборот, отвергало не только всякую иную религию, но и прозелитизм собственной. В непоколебимом разумении обрядностей, как хранилища религии, наряду с заветами предков еврейство признало неприкосновенным и запечатлело в талмуде свои религиозные формы, но затем презрительно исключало заботы о старине и обрядах веры для всех прочих людей. Провозглашая себя аристократией мира и построясь на этом принципе, то же еврейство проповедует радикализм демократии для иноплеменников. Дерзновение такого противоречия достигает кульминации в лице столь прославленных иудейских вожаков, как Лассаль и д'Израэли. Проповедь демократических стремлении отнюдь не помешала первому из них в Берлине, а второму в Лондоне пробираться в аристократические круги общества и домогаться там права гражданства. *"Все есть раса, — другой истины не существует",* — восклицает банкир Сидония в "Танкреде". *"Идея расы — верховная истина, в которой растворяются все иные",* — повторяет Сидония. Эта же мысль красной нитью проходит у д'Израэли и далее в целом ряде произведений ("Конингсби", "Всеобщее предисловие", "Жизнь Георге Бентинка"). То и дело возвращаясь к ней же, не только рекламирует, он кричит о ней, да ещё среди арийцев, будучи семитом, т.е. по собственному утверждению, принадлежа к самой благородной расе. Наряду со сказанным, он же, д'Израэли, воспевает гимны равенству, провозглашённому французской революцией и в то же время превозносит иудаизм над всеми племенами, национальностями и расами, никому не позволяя становиться рядом. *"Тема о расах — ключ истории",* — заключает великобританский премьер из евреев... А соплеменники его твердят в святом талмуде, что люди — только евреи, всё же остальное человечество — "человекообразные животные", созданные в честь сынов Иуды. В дальнейшем развитии самосохранения и параллельно с разложением у других народов религии, брака, нравственности, государственного и общественного порядка, иудейство, без сомнения, рассчитывает обратить их в пыль... Этого было бы уже достаточно, чтобы лишить гоев всякой надежды на сопротивление. Но сыны Израиля этим не довольствуются. Они хотят застраховать себя наверняка. В этих видах талмуд-гусары кагала становятся профессорами учения Мардохея Маркса. Раздуваемый ими социалистический коллективизм должен обречь человекообразных животных на свирепую и невылазную междоусобицу. Здесь наблюдается, так сказать, махровый расцвет той повадки еврейства, в силу которой оно неизменно старалось разорвать края у всякой раны на теле другого народа и отравить ему кровь. Двигаясь к разрешению своей коренной задачи, еврейство, логически, и не могло не вмешиваться в религиозные, политические либо социальные распри, так как в противном случае оказалось бы повинным в нерадении к собственному бытию. Это значило бы разбить свои скрижали и ниспровергнуть религию.

Но как бы ни были целесообразны указанные мероприятия, они представлялись бы бесплодными при отсутствии ещё одного и притом важнейшего фактора. Необходима центральная власть, такое все-иудейское правительство, которое предначертывало бы по условиям времени методы действия и повелевало бы безгранично. В этом отношении никаких колебаний быть не может. Всякий, хотя бы элементарно наблюдавший евреев, обязан признать даже большее. Не существует правительства, которое располагало бы сильнейшей властью, чем иудейское, как нет и государства, где верховные приказы исполнялись бы с таким рвением, как среди сынов Иуды в их всемирном владычестве. Можно сказать даже, что как бы исчерпывая своё коварство на обходе законов иноплеменных, иудаизм становится неспособным противостоять велениям центрального кагала. Разумея наряду с этим необъятность проистекающих отсюда результатов, еврейство, силой вещей, направляется к разрушению монархического принципа, т.е. действительной власти у других народов и к учреждению для них социал-демократической республики.

После стольких бед, разгромов и потрясений, перенесённых в древности и не раз возобновлявшихся затем, не только остаться на мировой сцене, но и, неуклонно двигаясь вперёд по пути развития своего значения, возвыситься до нынешнего могущества, разрозненные, поруганные, брошенные на произвол судьбы толпы, хотя бы и еврейские, были бы без объединяющей их власти, очевидно, не в состоянии. Они могли бы только падать и вырождаться, а отнюдь не преуспевать с нескрываемыми, вдобавок, замыслами о мировом господстве.

И мы действительно видим, что с первых же дней появления своего на сцене истории, евреи уже имели центральную власть. Странствование из Ура Халдейского к верховьям Евфрата, путешествие в Египет и переселение в землю Ханаанскую ясно отмечаются именами вождей Израиля. Это неизменно усматривается и в дальнейшие периоды без чего-либо, впрочем, таинственного с политической точки зрения вплоть до изгнания евреев из Палестины во II столетии после Р.Х. Такие же факты, как учреждение при Мардохее и сохранение доныне самого "весёлого" у евреев и наиболее в их ритуале опасного для гоев праздника "Пурим", аккумулятора их злобы, гордыни и мстительности, равно как походы Салманассара и Навуходоноссора на Иерусалим, распятие Александром Македонским в Тире восьмисот фарисеев одновременно, затем войны Помпея и осада римскими же легионами Иерусалима, несомненно, требуют признать, что у "избранного" народа всегда была, помимо чужеродной, и своя власть, двигавшая соединённые иудейские силы, по своему усмотрению.

Если изгнанные далее из Месопотамии и разбежавшиеся в Испанию, а затем и по всей Европе, евреи никогда не переставали размножаться, интриговать,

богатеть и политиканствовать, усиливаясь на каждом шагу, то это, без сомнения, вновь свидетельствует, что ими повелевает собственное их правительство.

Значит, и в древности замечалось в кагале то, что за последнее столетие достигло полной очевидности в Европе. Со времени “великой” французской революции облагодетельствовавшей евреев, религиозные, политические и социальные перевороты на обоих полушариях чаще всего зависели от сокровенных причин, разыскание которых только и может объяснить данное положение вещей. Теперь же решительно нельзя отрицать следующего: внизу истории внешней и, так сказать, поверхностной, существует другая — подземная история. Её авторы — иудаизм и масонство, сурово дисциплинированные и диктаторски командуемые при условии, что гои в огромном большинстве этого не подозревают.

По слабости человеческого разума видимое берёт у нас верх над невидимым. Умудрённые же тысячелетиями опыта, сыны Израиля пользуются этим систематически. Не поучаемся ли мы ежедневно, что обходя законы иноплеменников, евреи исполняют, наоборот, веления своей кагальной власти беспрекословно. Тем не менее, никак не хотим уразуметь мы, что “потаённое правительство” требуется отсюда логически, и следовательно, не может не существовать.

Из сего явствует, что обще-иудейская центральная власть никогда не переставала функционировать и лишь неустанно расширяла свою мощь, как с беспримерной доселе убедительностью, это наблюдается в настоящее время.

Между тем, безграничность иудейских замыслов несоизмерима с теми средствами, какими могло бы располагать еврейство уже по количеству своих особей. Отсюда сокровенность иудейского правительства, равным образом, требуется безоговорочно.

Загадочна судьба этого племени... Лобзание Иуды, данное Иисусу Христу, осуждено на повторение всеми поколениями еврейства по отношению к другим, и прежде всего, христианским народам. В этом лобзании запечатлелись образ и дух иудейского племени, отмеченного неизгладимыми судорогами предательства. Будучи порождением ехидны, не обратился ли иудаизм в самое лицемерное, коварное, изменническое отродье из всего человечества?... Не он ли в заключение должен был запятнать себя и организацией позорнейшего из новейших учреждений масонства!?...

Раса, религия, нация — таковы три термина, которыми выражаются понятия весьма различные, и в области которых еврейство, тем не менее, старается произвести наибольшую суматоху, как только заходит речь о применении их к нему. Когда у евреев спрашивают, существует ли раса, религия либо национальность иудейские, они отвечают утвердительно или отрицательно, как бывает выгоднее или, наконец, уклоняются от вопроса. Последнее они предпочитают. Истина же в том, что налицо имеются не одни религия и раса, но что особи, к еврейству принадлежащие, образуют национальность. Тем не менее, её коноводы норовят во что бы то ни стало скрыть это ради чрезвычайных выгод, из этого проистекающих. Им ли не понимать, что другие народности стали бы защищаться против иудейской, если бы осведомились о её существовании, и что, наоборот, нет защиты против опасности, даже не подозреваемой? Вот почему вожаки иудейства стремятся затемнить вопрос через фальсификацию всех трёх указанных понятий.

Однако, уже из того, что еврейская нация организована потаённо следует, что её деятельность должна быть обманной, а это необходимо порождает плутни, двуличие и предательство. В частности, оперируя среди мира коммерческого, промышленного и финансового, евреи изобрели общества анонимные, под видом которых получили возможность скрадывать свои огромные богатства. В недалёком, быть может, времени, чтобы скрыть свою верховную власть, они, подобно тому, что уже проделали во Франции, облагодетельствуют и остальное человечество анонимным же обществом для эксплуатации народов под именем “республика”.

Завладев золотом, т.е. орудием, посредством которого можно достигнуть всего, сыны Иуды через слепую силу толпы двинулись на захват правительственной власти... Необходимо завладеть и ею. А как? Купить? Но это немыслимо. Везде почти правительства ещё имеют во главе монархов, а монарх не продаёт себя. Да и ради чего?... Какой ложью возможно было бы привести его к самоотречению или хотя бы к ограничению своего верховенства?...

Ясно, что во имя собственного достоинства, монархи суть естественные защитники народов против замыслов иудейских. Стало быть, кагалу необходимо разрушить монархии и заменить их такой формой правления, в которой заправилы никогда не бывают обеспеченными настолько, чтобы их нельзя было купить. С этой точки зрения, республиканская форма представляется совершенством, потому что всякий из призываемых к участию в верховной власти может быть подтасовываем с таким расчётом, когда он сам по себе не стоил бы ничего, а, следовательно, предназначен был бы в продажу заранее. Для потаённого правительства ошибка здесь тем менее, вероятна, чем более вытравлено у народа религиозное чувство. Так сыны Иуды и поступают.

В этом направлении и должно идти разрушение христианских правительств. Но гибель одного лишь тогда закончена, когда оно заменено другим. По уничтожении национальных организмов надлежит, стало быть, образовывать другие, так как живёт лишь то, что организовано. Между тем, необходимо, чтобы человечество продолжало жить, чтобы работать. Царственность иудеев являлась бы пустым звуком, если бы под нею не существовало рабочего человеческого скота. Очевидно, что переустройство мира неизбежно, но такое, чтобы оно находилось в руках только тех, кто обладает капиталами, т.е. сынов Иуды. При этом следует, с другой стороны, оборудовать новое человечество так, чтобы оно тяготило исключительно к необходимому, а именно и единственно к производству и распределению через него же самого. Но ведь это и есть коллективизм — под видом “всемирной республики”.

Через заразу иудейскими плутнями, изменой и вероломством и пребывая единственно в сфере целей материальных, должен выработаться беспощадный эгоизм, индивидуальный, классовый и общественный, т.е. уровень животный. Алчность, безделничество и разврат станут друг против друга среди всеобщей, неутолимой вражды. На месте того, что мы теперь именуем национальностью, останется лишь пыль существ обесчеловеченных, потому что они лишены идеала, а значит, оскотинены. Будут двуногие взамен людей. Первобытные дикари, дрессированные для фабрикации средств пропитания и неспособные ни к чему иному если, быть может, ещё не к тому, чтобы сочинять либо читать признанное необходимым для поддержания всеобщей беспомощности на ряду с повальным же озлоблением.

Подготовив из-за угла и организовав это в тени, иудейство когал отпразднует дополнительный юбилей —”великой” революции. Оно уже создало масонский террор. Социалистический же коллективизм заставит мир ознакомиться и с появлениями террора иудейского.

Тогда, испытывая над собой злорадство аристократии кагала, гои поймут, какова была его проповедь демократического радикализма.

Тогда уразумеют они и факт, что таинственный ключ к масонству есть иудейский ключ.

Тогда, наконец, будет завершено всё. — Consumatum est!...

Еврей стал царём!... И верховная власть его несокрушима, ибо она одна организованна. Всё же, что существовало до неё, окажется истреблённым...

Парадоксальность этого результата не исключает проведения его в действительность. По крайней мере, всемирный кагал явно к нему стремиться. Он считает себя вправе и в возможности. Веками евреи уже применяли свою власть к разным народам, а со времён французской революции распространили пределы своего могущества столь необъятно, как отнюдь и сами не дерзали мечтать. В гармонии с этим многовековой опыт дал иудаизму такое искусство манипулировать тайными обществами, из которых первым является его же кагал, что никакая конкуренция для него не страшна. Наконец, сокровенное иудейское правительство, равным образом существуя веками, неизменно расширяло кругозор, обогащалось методами, приёмами, путями и средствами применения своей тирании. Она проистекает логически не только из властолюбия сынов Иуды, но и из необходимости ограждать безопасность иудейства, внушающего повсюду отвращение и ненависть. Посему, концентрируя иудейские силы, кагал сперва держался преимущественно оборонительной политики, а затем перешёл и к наступательной. Теперь, ничего не отдавая случайностям, еврейство идёт к увенчанию здания.

Установив изложенное по теоретическим элементам проблемы, мы призываемся к проверке вывода фактами жизни. Вот почему ниже приводится, в сжатой форме, данные об иудейском правительстве, начиная с эпохи, теряющейся во мраке веков.

А. Древний мир

I. Вавилоно-Ассирия. Называя “Симом” старшего из сыновей Ноя и производя себя именно от него, еврейство не даёт нам сведений, почему оно с Арарата успело оказаться в отдалённом Уре Халдейском, равно как и о том, ради чего собственно (не от погрома ли?) ушло оно не в землю Ханаанскую, а сперва на неопределённое время к верховьям Евфрата, где впадающая в него река Кабур образует треугольник, тогда известный под именем “Падан-Арам”? Тем не менее, в лице Авраама, который за себя и единоплеменников своих, принял благословение у Мельхиседека, уплатив ему десятую долю имущества, вёл ряд войн с местными царями, вступил во владение землёй у дубравы Мамвре и заключил договор с фараонами, мы уже видим известную организацию наряду с подчинением евреев некоторому управлению. О следовавшим засим египетском периоде скажем далее. Что же касается времён судей израильских и эпохи царей, то для нашей темы они служат прямым свидетельством. В эти века еврейство, с одной стороны, играло роль посредника между Ассуром (Ассирией) и Мизраимим (Египтом), с другой же, вело себя так, что его истребляли оба конкурента на владение Западной Азией, а Салманассар и Навуходоноссор вынуждены были уничтожить оба царства — израильское и иудейское. Это не значило, впрочем, что и национальная власть евреев исчезла. Дабы не сомневаться, довольно принять к сведению деятельность Даниила при вавилонском дворе, а в параллель с нею —значение Исайи, Иеремии и Иезекииля, равно как и то важное обстоятельство, что полторы тысячи лет спустя, в дни калифов багдадских, центр тяжести иудаизма находился всё ещё в Вавилонии, чего без собственного, хотя бы и весьма потаённого, правительства осуществить невозможно. Да и вообще говоря, евреям жилось в Вавилонии отнюдь недурно, как это явствует хотя бы из фактов: а) не только с Зоровавелем, а и с Эздрой и Нэемией ушли в Палестину лишь “сознательные пролетарии”, тогдашние же “Гинцбурги, Блейхредеры и Ротшильды” остались, и б) как раз в академиях на Тигре и Евфрате разработан талмуд, т.е. непреклонный на все времена свод законов, собрание повелений верховной власти Израиля, которая была, очевидно, вправе принудить к их исполнению.

По свидетельству Иосифа Флавия, халдеи относились к еврейству довольно милостливо, тогда как египтяне и сами финикияне, а в особенности жители Тира и Карфагена презирали их. Не смотря на это, евреи предали халдеев персам, впоследствии же и парфенянам, каковое дерзновение, равным образом, предполагает расчёт на безнаказанность, иными словами, ещё раз убеждает в объединении еврейских сил собственным правительством.

II. Египет. Сюда еврейство проникло с гиксами — “царями-пастырями”, завоевателями-чужеземцами, отхватившими в своё пользование дельту Нила наравне с лучшими частями его же долины. Столицей гиксов был Аварис (Бубаст), где боготворили осла. Следы этого культа долго оставались и у евреев (Исх. XIII, 13; Числ XXII, 21-33 и др.). В том же Аварисе скрывался Моисей,

подготовляя восстание иудеев при изгнании гиксов египтянами. Образ действий Иосифа Прекрасного при чужеземном фараоне Апапи и Моисея в эпоху реставрации египетской династии Манефтой равно доказывают, в свою очередь, что усвоив египетские же наименования Цафнаф-Панеага и Озарсифа, оба помянутые вождя детей Израиля являясь, тем не менее, безжалостными врагами приютившей их страны, ничего, кроме изысканных забот о еврействе не предпринимали. Изумительно ли, что иудаизм являлся мерзостью для египтян (Бытие XLII1, 32; XLVI, 34). Убеждение древних авторов (Манефон, Гекатэй, Херимон, Лизимах, Диодор Сицилийский, Тацит и Юстиан) именно таково, что евреи были изгнаны из египта в качестве прокажённых. Язвы в пахах (нечто вроде бубонной чумы), как особая болезнь, которой евреи страдали в пустыне, назывались у египтян саббатозим, откуда, по странному мнению Аполлония Молона и Посидония, могло произойти само название субботы. Против мнения об изгнании евреев не спорит, впрочем, и Иосиф Флавий. А что фараон их действительно выгнал и даже гнал с поспешностью, этого не отрицает, повидимому, сам "избранный" народ. (Исх. VI, 1 и XI, 1).

Оценить же по достоинству результаты пребывания иудеев в Египте, где за 400 лет они с 66 человек размножились до 600.000 одних способных носить оружие, возможно не иначе, как признав (Бытие XLV, 8), что Иосиф почитал себя не только владыкой всей земли египетской, но и отцом самого фараона...

III. Персия. Основанная Киром в 536 году до Р. Х., персидская монархия, уже при Дарий I делилась на 20 сатрапий и 120 провинций. Она охватывала большую часть Турецкой империи в Азии, современные Закавказские губернии России, некоторые части туркестанского края, всю нынешнюю Персию, Белуджистан и Афганистан, равно как Север английского Индостана и, наконец, Египет. В её далёких пределах находились: и Кавказский хребет, и Гималаи, устья Инда и Ганга; острова Архипелага и Средиземного моря; значительные пространства моря Каспийского и Месопотамия, Персидский залив и берега Индийского океана. При дворе этого огромного государства во времена Артаксеркса-Лонгимана шла лютая борьба между греческим влиянием, в лице Амана и еврейской пронырливостью в образе Мардохея. Питая ненависть ко всему роду человеческому, евреи иначе, как с бешенством, не относились к грекам, да и эти последние не оставались в долгу. Ни против кого, быть может, не доходит "святой" талмуд до такого неистовства, как в отношении Антиоха-Эпифана. Со времён же Александра Македонского ареной борьбы того же рода стала Александрия. Её кульминацией служит здесь эпоха Филона и Аппиона. Многое, должно быть, чрезвычайно интересное написал именно в Александрии о сынах Иуды Аппион, но эти последние постарались истребить его произведения до последней строчки...

Так вот, на персидской сцене иудейство не только восторжествовало, как мы уже знаем, при благосклонном участии Эсфири, но и ознаменовало свою победу на все времена учреждением "Пурима", предварительно вырезав 75.000 "сильных" врагов своих в 120 провинциях персидской монархии. Понимая, что такое "Пурим", равно как имея в виду его безстыдное для евреев применение и теперь, т.е. даже на наших глазах, мы едва ли вправе усомниться, что изобретение столь свирепого торжества и с таким цинизмом, да ещё в необъятном масштабе пространства и времени, могло быть учинено только иудейским правительством, уверенным в безграничности своей тирании. Подтверждением данного вывода служит и указ, вынесенный Эздрой из кабинета Артаксеркса. Этому указу иудейство главным образом обязано своим существованием до нашего времени. Бесцеремонность, с которой относились сыны Иуды даже к такому могущественному монарху, как повелитель Персии, явствует не только из быстроты возобновления храма и сооружения новых укреплений Иерусалима, вопреки энергическим предостережениям своего правительства персидским генерал-губернатором Сирии, но и, что ещё более знаменательно, из образования такого института, как Синедрион.

Крещёный еврей, аббат Иосиф Леманн, в своём прекрасном труде "Napoleon I-er et les Israelites" говорит: *"Ничего не было величественнее в древней республике евреев, чем Санхедрин (Синедрион). Он представлял собой Верховный Совет народа. Действуя первоначально, т.е. в период своей организации без особого титула, он становится известным под указанным наименованием уже в маккавейскую эпоху, особенно между 170-106гг. до Р.Х. Представляясь воистину собранием над всем главенствующим, Санхедрин в последние времена политической независимости евреев заменил монархию. Таким образом, власть его была чрезвычайно обширна, будучи одновременно богословской, судебной и административной. Он толковал Закон. Судил важнейшие дела. Имел высшее наблюдение над правителями Иудеи. Являлся последней инстанцией трибуналов и был вправе приговаривать к смерти. Санхедрин рекрутировал себя сам, подобно тому, как это происходит и сейчас в тайных сообществах масонства. Что же касается его состава, то сюда входили 71 представитель трёх классов еврейства: священники, писцы или истолкователи Закона и народные старейшины".* Разъясняя проблему, аббат Шаботи в назидательном исследовании "Les Juifs nos maitres" свидетельствует: *"Санхедрин состоял из председателя, по еврейски нази или насси, — глава, кназь, и 70 советников. Эти последние распадались на три класса: а) "Principes Sacerdotum" — "Князья во священстве"; сюда входили как находящиеся в живых предшественники первосвященника, так и главы 24 первосвященнических же семейств; б) "Scribae populi", народные писцы либо доктора богословия; представляя многочисленную и могущественную корпорацию, они главным образом занимались истолкованием Моисеева Пятикнижия; при теократическом же образе правления у евреев, где политика и религия были связаны неразрывно, эти важные "писцы" служили одновременно богословами и юрисконсультами. Почти все они принадлежали к секте фарисеев и пользовались чрезвычайным доверием народа. Однако, лишь самые выдающиеся из них, как Гамалиил и Никодим, входили в состав Санхедрина и в) "Scribae populi", народные старейшины, т.е. родоначальники главнейших семейств в Израиле; они были представителями светского элемента*

в верховном совете наций".

Еврейские монеты последних двух столетий до Р.Х. и первого века нашей эры равным образом указывают на чрезвычайный авторитет Санхедрина и его главы, первосвященника. От дней Иоанна Гиркана, сына и преемника Симона Маккавея (135-106 гг. до Р.Х.) монеты внутри оливкового венка носят такую надпись: *"Иоанн, первосвященник и Совет евреев".* То же самое было при Иуде Аристобуле, сыне предыдущего (106-105). Здесь надпись такова: *"Иуда, первосвященник и Совет евреев".* Монеты последнего из Асмонеев, Антигона (40-37), имеют на лицевой стороне надпись по-гречески: *"Царь Антигон",* а на обороте по-еврейски: *"Мататия, первосвященник и Совет евреев"* (оба имени значат одно и то же).

С начала же христианской эры идут монеты, относимые к первому восстанию против римлян (66-67 гг. по Р.Х.); надписи таковы: *"Елеазар, первосвященник",* либо *"Симон, Нази Израэлъ".*

Последнее видимое проявление Санхедрина имело место незадолго до разрушения Иерусалима Титом. Затем политическая история евреев как бы исчезает под смертным покровом. Но так как иудейский народ не умер, то и Санхедрин возродился, что мы увидим далее, хотя и под другой формой.

Изложенным удостоверяется, что персидская эпоха евреев служит прямым доказательством существования у них правительства, распоряжавшегося судьбами Израиля.

IV. Парфянское царство. (255 г. до Р.Х. — 226 г. по Р.Х.) Прожив всего 482 года, парфяне нашумели, однако, в мире немало. Они, без сомнения, могли бы сохранить свою монархию и дольше, если бы, подобно Риму, не были отравлены Иудаизмом.

Населявшие юг России и за 500 лет до Р.Х. столь картинно описанные Геродотом, скифы двумя столетиями раньше, как вихрь пронеслись между Каспийским и Аральским морями по всей Малой Азии, Сирии и Палестине, оставив в легендарных воспоминаниях еврейства ужасы "Гога и Магога". Лет 500 спустя под влиянием междоусобиц часть скифских племён вновь двинулась в поход и между Каспийским морем на севере, Евфратом на востоке, Амударьёй на западе и Индийским океаном на юге основала парфянскую империю. В ней даже Рим встретил достойного себе соперника. Суровые войска не раз наносили поражения изумлённым легионам. Царь парфян Ород у себя во дворце был на спектакле, когда в разгар "Вакханок" Эврипида один из его генералов принёс в подарок ему голову Красса (54 г. до Р.Х.); разгром парфянами Антония (36 г. до Р.Х.) отбил и у Августа охоту к азиатским экспедициям. Впрочем, с течением времени отношения смягчились, хотя не надолго. При Августе, Тиберии и Клавдии они были доброжелательны, но при Траяне, Адриане и Марке Аврелии не раз становились враждебными. Решительный же удар парфянскому царству был нанесён сперва Каракаллой, а затем около 226г. по Р.Х. Артаксерксом либо Атширом, персидским солдатом, который взбунтовал Месопотамию, Персию и Мидию, убил последнего царя парфян Артобана IV и основал так называемую вторую персидскую монархию либо империю Сассанидов.

Наряду с боевыми превратностями, Парфия заслуживает упоминания, и вот почему. Четыре главных источника образовали нынешнее масонство: гностицизм, манихейство, альбигойцы и тамплиеры. Небезызвестно также, что масоны называют себя "Детьми вдовы".Что это значит? Разгадку надо искать в столице парфянского же царства —Ктезифоне. В начале III столетия по Р.Х. родился в Персии Манес или Манехей. Ещё ребёнком он был куплен богатой вдовой из Ктезифеона. Воспитанный и освобождённый ею, он после её смерти унаследовал её состояние. Отдавшись знаниям сокровенным, он явился проповедником нового учения и вместе со своими последователями стал именоваться "Детьми вдовы". Впрочем, святым Леоном, папой Римским, их учение было справедливо резюмировано так: *"Для них законом служит обман, религией — дьявол, священнодействием — срамота".* Они распознавали друг друга по условным выражениям, а также через прикосновение к рукам и груди. Но это последнее являлось столь неблагопристойным, что, по свидетельству блаженного Августина, было отменено[37].

К своему несчастью, парфяне от вавилонян и персов унаследовали, как и мы от Польши, самое гнездо еврейства. Здесь сыны Иуды, видимо, утратили последние границы предерзости. Таким образом создалась вразумительная трагикомедия из похождений Азинея и Анилея, двух нищих иудейских бродяг, сыновей ткача в городишке "Неэрда", близь Вавилона, на Евфрате. При царе Артобане, сбежав от срочной работы у хозяина, эти евреи направились в прилегающие к реке болота, собрали шайку таких же головорезов, как сами, построили укрепления и стали разбойничать в окрестностях. К сожалению, рассказ, сюда относящийся, мы находим только у Иосифа Флавия (Древности, кн. XVIII, гл. 12). Причём этот иудейский автор не находит слов восхваления "доблести" единоплеменников. Однако, подозрительность и цинизм повествования говорят сами за себя. Так или иначе, но, если верить Флавию, царское войско было вмиг разбито бродягами, и Артобан оказался вынужденным призвать обоих жидов ко двору. Азиней был отвратителен и по внешности, что не мешает, однако, Флавию уверять, будто царь Артобан изумлялся, как в таком мизерном теле может пребывать столь великая душа. Не стоит, разумеется, излагать похождения еврейских негодяев далее. Поэтому мы ограничимся замечанием, что после целого ряда кровавых невзгод, причинённых ими жителям вавилонской провинции, эти жиды были наконец изгнаны парфянами и, разумеется, пытались скрыться то в Селевкии, то в Ктезифоне. Но попадая либо на греков, либо на сирийцев, они были истреблены, как лютые звери. Таким образом погибло до 50.000 еврейских разбойников. Остатки бежали, кто в Неэдру, а кто в Низивию, понадеявшись на тамошние укрепления, равно как на

---

[37] Обряд был сохранён тамплиерами. — Signa orus, manuum et sinus. Manichaeorum alter alteri ob viam factus, dexteras dant sibi ipsi signi causa, velut a tenebris servati.

своих единоплеменников, там проживающих. Однако, сирийцы и греки рассеяли их и отсюда, уже окончательно.

Эта почти невероятная сказка убеждает ещё раз, как в быстроте распоряжений иудейской власти для объединения сил кагала, хотя бы и под командой бешенных тигров, так и в том, на что можно рассчитывать от еврейского историка, будь он сам Иосиф Флавий, если дело идёт о членах “избранного народа”, кто бы они ни были...

Находясь в таких условиях, Парфянское царство скончалось преждевременно от иудейской отравы. Увы, оно не могло вынести того количества сынов Израиля, которые пожирали его. Если в наши дни мы наблюдаем страшное действие кагального яда на таких странах, как Франция и Австрия, ещё изнывающих в тяжкой борьбе, то случаи смерти государств, заражённых кагальными “благодеяниями”, известны были в древности далеко не на одном лишь примере парфян. Той же участи подверглись: царство Эламское в Ю.-В. части Месопотамии, княжество Адиабена на верхнем Евфрате; королевство Остготов в Испании, Хазарское царство на Волге... В средние же и новые века погибла Польша, а за ней в настоящее время ждут своей очереди и некоторые другие страны.

V. Римская империя. Бесспорно, что Рим был очень терпелив по отношению к евреям и не по их заслугам многомилостив. Невероятные злодейства, которые совершались лютыми иудеями в периоды их бесконечных восстаний, влекли, правда, за собой соответственные репрессалии. Затем, однако, жизнь шла опять своим чередом. Римская власть, может быть, слишком долго оставляла евреям не только полное общинное самоуправление, но даже их собственных царей. Уважение Рима к их религии простиралось до того, что им разрешалось убивать всякого иноверца, который перешагнёт за известную черту в ограде Иерусалимского храма и что, не в пример прочим народам, римские войска, вступая в Иерусалим, покрывали чехлами орлы своих грозных знамён, дабы не возбуждать понапрасну дикого изуверства евреев. Наряду с этим Император Август благоволил к Ироду I, основателю новой еврейской династии; жена Нерона Поппея была благочестива, говорит Иосиф Флавий, т.е. иудействовала; Александр Север гордился званием архи-синагога; Клавдий всячески покровительствовал Ироду Агриппе; Гелиогабал был обрезан; любимейший сверстник в детстве и собутыльник в юности Каракаллы был уже чистокровный еврей. Римский губернатор Иудей, Тиберий Александр, именовавший себя язычником, но не позабывший награбленным серебром и золотом украсить ворота Иерусалимского храма, был заклятый еврей; Юлиан Отступник собирался восстановить и сам храм и т.д., и т.д.

Тем не менее, Антонин Пий, может быть, единственный цезарь, которому анналы синагоги воздают хвалу. Но тогда как римский мир восторгался в этом преемнике сурового Адриана доблестями Тита и справедливостью Нумы, евреи восхваляли Антонина исключительно за его дикие преследования христиан, да ещё за то, что он яко бы сам подвергался обрезанию. Они даже приписывают ему долю участия в составлении первой части талмуда — Мишны[38].

Действуя таким образом, римская власть, к несчастью, повторяла роковую ошибку других правительств, бывших и будущих. Чуждые стыда, евреи не только не ценят делаемых им снисхождений, а нагло злоупотребляют ими. Никогда еврейство со своей стороны не уступало ни в чём. Наоборот, путём нищенства, шантажа или разбоя оно неизменно приобретало что-нибудь вновь.

Ясновидцем был Катон Древний,, и если бы Рим памятовал о его “Carthaginem esse delendam”, он, вероятно, прожил бы ещё несколько столетий. Римская история в сущности распадается на два периода: карфагенский и иудейский, причём второй оказался, как это ни странно, опаснее первого. Неизвестно, понимало ли римское правительство тождество по характеру финикиян, карфагенян и евреев, явствующее из чрезвычайной близости их языков.[39] Во всяком случае, Рим опоздал свести счёты с Иудеей. Причина заключается, без сомнения, в казавшемся ничтожестве евреев. Действительно, не понимая их, трудно было допустить, чтобы они были в состоянии угрожать Риму такими невзгодами, с которыми пуническая эпопея не способна идти в сравнение. Сосредоточение сил Карфагена и разбросанность иудеев представлялись как бы несоизмеримыми. Но если древний Рим промахнулся за недостаточностью опыта, то уже никакого снисхождения не заслуживают современные нам “великие” державы, ратующие за евреев. Ратоборство подобного рода тем пагубнее для них же самих, что метод деятельности иудейской остаётся всё тем же. Самоуничижение, крокодиловы слезы, предательство замыслов, тьма и мрак в нападениях из-за угла пребывают у евреев неизменными.

Как бы, однако, ни было, мы не пишем истории еврейства в римскую эпоху, да и не имеем возможности останавливаться на этой проблеме долго. Посему в направлении к нашей основной теме о сокровенном иудейском правительстве мы ограничиваемся единственной, но роковой картиной, относящейся к еврейскому

---

[38] Gans, “Tsemach David”, 107. — Capefigue, “Histoire philosophique des juifs”, 250. — Cans, Chronic, lib. I, 18 — Gemara, tr. Sanchedrin, c. XI, §§ 5-7.

[39] Теперь, повидимому, наукой установлено, что так называемый древне-еврейский язык не что иное, как почти чистый язык финикиян. Обрывки финикийского языка, сохранённые Плавтом в его комедии “Poenulus”, оказывается еврейским. Пророк Исайя (XIX, 18) называет язык земли Иудиной языком Ханаана. Греки, со своей стороны, именовали языком Ханаана финикийский язык. Во многих местах своих творений блаженный Августин (напр. см. Quaest, in Judices, lib. VII t. Ill), в свою очередь, удостоверяет “Istae linguae (hebrea et punica) non multum inter se differant”. Гезениус в своей “Истории еврейского языка” решительным образом показывает, что еврейский язык и азбука составляют одно целое с алфавитом и языком финикийскими или пуническими. Рендорф, Монфокон, аббат Бартелеми, Соунтон, Фабрици, Копп, Фальбе, Линдберг, Катрмэр, Юда и аббат Баржес поддерживают тот же тезис указаниями на язык медалей и надписей. В “College de France” католики, протестанты и евреи равно согласны между собой в признавании этого назидательного факта (см. Edouard Demachy. — “Banque de France”. Paris, 1896).

бунту перед осадой Иерусалима Титом и нарисованной таким наставником, как Ренан[40]. Картина эта знаменательна вдвойне: как художественное произведение, своей мрачной параллелью несчастий Рима с сопровождавшими их, грозными явлениями природы; как поучение правителям государств, своей аналогией между тогдашними элементами римской истории и ужасами, пережитыми Россией в 1904-1905 годах.

Итак, обращаемся к “Антихристу”:

“Еврей оказал этому миру столько услуг и причинил столько зла, что справедливо отнестись к нему невозможно...

Неодолимая потребность в волнениях обусловливалась для еврейской среды мессиническими упованиями. Когда люди присваивают себе всемирное царство, им не легко мириться с незаметной действительностью. Мессианские теории сводились к пророчеству, которое, как говорили, было извлечено из Священного Писания и согласно которому около этого времени “должен выйти из Иудеи царь владыка вселенной...

С такими надеждами спорить нечего. Очевидность не в силах бороться с химерой, особенно когда народ уже сроднился с ней всеми силами души...

При этих условиях жгучее недоброжелательство к евреям было в древнем мире настолько всеобщим, что нигде не требовало поощрений. А когда народ в течение ряда веков преследуют все другие народы, можно быть уверенным, что на это есть какое-нибудь основание. И в самом деле, повсюду, где еврейство добивалось господства, жизнь язычников становилась невозможной. Никакая жестокость не могла превзойти иудейскую. С другой стороны, надо было стать совершенством, чтобы свирепая исключительность, высокомерие, пренебрежение греческой и римской цивилизациями, наконец, ненависть евреев ко всему человеческому роду, не вызывали повсеместно крайнего раздражения..

Таким образом, между Римской Империей и правоверным, еврейством существовала непримиримая вражда и чаще всего дерзкими, задорными, нападающими бывали сами евреи. Принципы их презрительной экзальтации, касавшиеся отказа от уплаты податей, сатанинского происхождения всякой языческой власти, идолопоклонства, запечатленного во всех действиях гражданской жизни по римским формам, брали верх, особенно в рассматриваемую эпоху. И тогда, как и до наших дней, еврей вкрадывался повсюду, домогаясь равноправия. В действительности же он никакого равноправия не желал. Сохраняя свои особые уставы, он требовал таких же гарантий, какими пользуются все и, сверх того, исключительных для себя законов. Еврейство хотело пользоваться всеми преимуществами данной нации, не будучи ею и не принимая никакого участия в исполнении национального долга. На это никогда и ни в каком случае не мог пойти какой-либо народ. Иностранец может быть полезен и на чужбине, но при условии, чтобы он не завладевал страной...

Если бы евреям удалось сплотить вокруг себя всех недовольных на Востоке, римскому господству здесь наступил бы конец. На деле оказалось противоположное. Возмущение сынов Иуды вызвало со стороны народностей Сирии удвоенную верность Империи. В сирийских городах со смешанным населением евреи составляли наиболее состоятельный класс. Богатство их отчасти имело причиной вынужденную несправедливость, что евреи были устранены от военной службы. Греки и сирийцы, среди которых набирались легионы, чувствовали себя уязвлёнными тем, что люди, лишённые права исполнения важнейшей гражданской обязанности и самую терпимость Рима принимавшие за привилегию, стоят, однако, выше легионеров. Ненависть же, которую надменные иудеи внушали соседям вообще, имела тот результат, что во время кажущейся дрёмы римской мощи, перед “избранным” народом оказались другие враги, не менее опасные, чем легионы Рима...

Разумеется и евреи действовали не спустя рукава!... В период между Нероном и Веспассианом Империя переживала самый серьёзный в своей истории кризис. Его как бы знаменовали страшные явления природы, завершившиеся в 79 г. по Р.Х. извержениями Везувия, от которого погибли Помпея и Геркуланум. Физическая история земли в эту эпоху доставила немало материалов самому автору Апокалипсиса. Казалось, Бог Отец покрыл лик свой. Нечистые демоны, чудовища, вынырнувшие из какой-то таинственной тьмы, бродили по земле. Все верили, что живут накануне ещё неслыханных событий. Мир бредил иллюзиями и чудесами. Никогда люди так много не занимались прорицаниями. Верования в знамения времени были распространены повсеместно, и едва ли сотня-другая развитых людей понимала тщету их. Хвастаясь умением разъяснять предзнаменования, шарлатаны, “халдеи”, евреи, — одним словом, бродячие хранители более или менее подлинных, ветхих бредней Вавилона эксплуатировали окружавшее повальное невежество. Совпавшие с этим же моментом дожди болидов производили сильнейшее впечатление. Кометы, затмения, ложные солнца, северные сияния, в которых чудились короны, мечи, потоки крови; знойные облака, где в пластических формах рисовались людям сражения, волшебные, страшные животные, — всё это с жадностью примечалось и, быть может, никогда так сильно не влияло на жалкие массы людей, как в эти трагические времена. Только и было разговоров, что о кровавых ливнях, об удивительных действиях молнии и о реках, поднявшихся против течения, о целых потоках слез...

Под влиянием ассирийского искусства нарождались видения, т.е. многообразный символизм, где отвлечённые идеи передавались посредством химерических воплощений, созидаемых вне всякой действительности... Не запомнят другого момента, чтобы кора древнего материка так ужасно волновалась, как в этот грозный, роковой период. Земной шар содрогался в конвульсиях. Уже в течение двух столетий почва Малой Азии колебалась

[40] В нашем изложении сгруппированы факты и мысли, встречающиеся в разных местах книги Ренана “Антихрист”.

непрерывно. Городам то и дело приходилось перестраиваться, в иных же местностях, как например в Филадельфии, подземные удары стали наконец повторяться чуть не ежедневно. Траль постоянно лежал в развалинах. В 17 г. по Р.Х. произошло разрушение 14 городов в области Тмола и Мессогиса; то была самая потрясающая из катастроф данного рода, о какой только слышали до этих пор. Затем, однако, 23, 33, 37, 46 и 53 годы были отмечены ещё худшими бедствиями в Греции, Азии и Италии. Антиохия не переставала страдать от подземного огня. Далее, начиная с 59 года, не было в Азии почти ни одного года, который не ознаменовался бы опять какой-нибудь новой бедой. В 60 г. была уничтожена вся долина Ликейская, а в частности, расположенные там христианские города Лаодикея и Колоссы. Если подумать, что здесь именно и был центр идей милленаризма, сердце семи церквей, колыбель "Апокалипсиса", невольно приходится допустить, что между откровениями с Патмоса и переворотами земного шара существует тесная связь...

Вообще же говоря, среди изложенного мы имеем дело с редким примером взаимодействия между историей человечества и материальной жизнью земного шара...

Действительно, рядом с указанными явлениями природы и обусловливавшимся ими состоянием умов происходили ужасы на сцене политической. В Риме один за другим следовали Каллигула, Клавдий и Нерон, на мрачном сладострастии и свирепом безумии которых как бы отражались физические бедствия эпохи. Кровь повсюду текла ручьями. Сама смерть Нерона в стольких отношениях казавшаяся избавлением, явилась, однако, исходным пунктом многих гражданских войн. Восстание по ту сторону Альп и борьба галльских легионов под командой Виндекса и Виргиния были не менее ужасны. Галилея давно уже стала театром беспримерного истребления народа. Не напрасно и про Ирода выразился историк, что "он взобрался на трон как лисица, царствовал как тигр и подох, как бешеная собака!.." Война Карбулона против парфян была сопряжена с бесчисленными убийствами. Благодаря казням, амфитеатр обратился в ад. Жестокость военных и гражданских нравов стерла с лица земли всякое милосердие...

"Христиан — львам!..." — пронеслось, как отчаянное проклятие тогдашнего мира над самим собой...

Раскалённая атмосфера римской истории была, наконец, отравлена и событиями в Иудее. Всем еврейством овладел припадок бешенства, который можно сравнить лишь с тем, что внезапно овладел целой Францией в период революции 1871 года. Сверхъестественные недуги, от которых отреклась древняя медицина, стали, казалось, обычным положением иудейского народа. Наблюдая евреев можно было бы заключить, что они уже пошли на всё и хотят всех в человечестве превзойти неистовствами...

Глубокой осенью 64 или в начале 65 года после Р.Х. на место Альбина прокуратором Иудеи был назначен Гессий Флор, женатый на подруге императрицы Пошей-Сабины, Клеопатре. Вскоре же евреи оказались для него невыносимыми из-за подозрительности их образа действий, привычки кляузничать по пустякам и недостатка уважения к римским военным и гражданским властям. Эта неприязненность перешла в суровое напряжение, так что любого ничтожного повода было достаточно, чтобы произошёл взрыв. Такой именно повод вызвал 16 или 17 мая 66 года столкновение между войсками Гессия Флора и евреями. Прокуратор выбыл в Цезарею, оставив только одну когорту в башне Антония. Странность удаления Флора с царём Агриппой разожгла иудейское самомнение. Доводя до крайности принцип, по которому жертвы должны приноситься только евреями и для евреев, сын первосвященника Анании, "комендант храма" Элизар, заставил упразднить молитвословия за императора и за благоденствие Рима. Бунт разгорался...

Отчаявшись что-либо поделать с "распропагандированными" народными массами, высшее духовенство и аристократия просила Флора и Агриппу вернуться, но, по свидетельству Иосифа Флавия, Флору нужна была война, на пути которой погибла бы еврейская нация и он наотрез отказался. Между тем евреи под командой Элиазара и Менахема (сына того Иуды Гавлонита, который за 60 лет до этого впервые взбунтовал евреев) осадили покинутую Флором когорту. Долго защищались в своей башне римляне, и хотя, наконец, голодом были принуждены капитулировать, но сдались только получив обещание Элиазара, что их жизнь будет пощажена. Разумеется, Элиазар тотчас же велел перебить их всех, кроме начальника когорты Метилия, обещавшего дать себя обрезать...

Императорский легат в Сирии, Цестий Галл, быстро двинулся с войском к Иерусалиму из Антиохии. Исконная ненависть местного населения к евреям и страх в виду тех успехов, которые летом 66 года удалось достигнуть их революции, доставили Галлу значительные, хотя мало надёжные подкрепления. Сначала всё шло хорошо. Но 24 июля императорский легат был разбит бунтовщиками в Габаоне (10 вёрст от Иерусалима), так что лишь 5 ноября он мог двинуться на город вновь, и хотя, по словам Иосифа Флавия, имел бы несомненный успех, однако, 8 ноября 66 года отступил и, преследуемый мятежниками, не без труда спасся в Антипатрию...

Если принять во внимание обстоятельства того времени, — междуцарствие, восстания в Галлии и Германии, несчастную войну с парфянами и общее состояние умов, то кровные оскорбления, нанесённые ему в Иудее, казалось, должны были положить конец владычеству Рима в Сирии и Палестине. Но по закону всех движений этого рода еврейская революция только и делала в свою очередь, что сама себя убивала. Без всякого консервативного балласта корабль, отданный во власть безумствующему экипажу, не мог не стремиться к собственной же погибели...

Однако, сама по себе ярость "избранного" племени против Римской Империи была бы ещё недостаточной. Евреи не замедлили пожать и плоды своей ненависти к человеческому роду. Едва Галл успел отступить из Иерусалима, как

по всему Востоку пронёсся как бы общий лозунг, вызывая повсюду страшные избиения евреев. Сирийцы и греки решили сами покончить с ними. Как только обнаружилось, что между Иудеей и Римом началась война, так все, в особенности сирийцы, заключили, что могут вырезать евреев безнаказанно. В Цезарее и Скифо-полисе сыны Иуды были истреблены поголовно на протяжении лишь нескольких часов. Образовав вооружённые отряды, евреи, со своей стороны, уничтожали сирийцев в Филадельфии, Гезебоне, Пелле, Герасе, Аскалоне, Себасте, Акведоне, Газе и др. местах. Сирийцы отвечали в Акре, Тире, Гадаре, Гиппосе, Гавлотиниде, Декополисе и т. п. Эпидемия "погромов" распространилась до Египта. Здесь ненависть между евреями и греками достигла кульминации, особенно в Александрии, где образуя настоящую независимую республику, сыны Иуды давно угнетали и отравляли всё вокруг...

Тем временем засияла звезда Флавиев, и сперва Веспассиан, а за ним Тит, рассудили покончить с Иерусалимом. Уже в Скофополисе часть евреев сражалась на стороне сирийцев против собственных единоплеменников. Тита окружали евреи же: Агриппа II, Вероника, Тиверий Александр и Иосиф Флавий, подобно тому, как иудейские актёры и актрисы льстили и заискивали перед Нероном, жена которого, Поппея-Сабина, была даже благочестива, как выражается Иосиф Флавий, т.е. сама иудействовала. Кроме названных легитимистов-эмигрантов, хотя и невольными, союзниками Тита являлись коноводы разных враждовавших еврейских партий. Они преследовались и истреблялись взаимно с таким ожесточением, какое можно встретить разве только в иудейской среде. На справку же довольно вывести хотя бы кровожадную дуэль шаек Иоанна Гискальского и Симона — сына Гиоры. Еврей всегда жесток, когда в его руках сила, а ради утоления своей дикой ненависти он не затруднится в отречении и от Моисея..."

Так называемая Иерусалимская война явилась неизбежным отсюда результатом, раскрыв логически как бешенство озверения, так и сатанинское пренебрежение евреев к гибели собственного отечества...

Не входят в нашу задачу картины осады Иерусалима, её злодеяния и ужасы. Мы хотели показать только в общих чертах, какова иудейская революция даже по описанию Ренана, друга евреев.

Параллель с 1905 годом в России напрашивается невольно, а этого с нас достаточно.

Жаловаться на кого бы то ни было "избранному" народу, во всяком случае, не приходится. Вместо нынешних лицемерных воплей о неудаче замыслов ему надлежало бы почаще вспоминать о результатах своего бунта в 66-70 гг. по Р. Х. и, утешая нас "иллюминациями" и бомбами, отнюдь не терять из вида, что уже были времена, когда на сынов Иуды охотились, как на хищных зверей. А дабы не сомневаться в этом, да и во многом другом из описанного сейчас периода либо по поводу беспросветных данных об иудейском народе вообще, не мешает перечитывать хотя бы исследования еврея же Иосифа Флавия...

Так было в древности. А если в наши дни усматриваются на пути иудаизма формально другие приёмы, то ничто не изменилось по существу. Теперь, как и прежде, в искусстве возбуждать негодование сыны Иуды не знают соперников!...

Ничего не стоят их жалобы на "угнетение". Это заведомая неправда. Как в древнем Риме, так и в нынешней России еврейство играло одну и ту же роль, хотя в обеих революциях являлось угнетателем даже в собственной среде. Припомним отвратительные сцены, происходившие за время осады Тита в самом Иерусалиме вместо благородного раскаяния либо самоотверженной защиты сообща. Оно плакалось ещё на реках вавилонских, а между тем, как уже было замечено выше, известный раввин Минор в учебнике для еврейских школ утверждает, что плакаться было нечего. Да и оставаясь именно в Вавилоне ещё в течение тысячи лет после Навуходоноссора и здесь же написав талмуд, сыны "избранного" народа достаточно показали, чего стоят их слезы.

Таким же бывает "освободительное" движение евреев повсюду и в наши дни, яко бы ради избавления их от гнёта.

Нельзя не отметить, кстати, что сам граф Л.Н. Толстой в творящихся у нас революционных "глупостях и гадостях", как он выражается, видит психоз на почве беззастенчивости, способствующей понижению общего морального уровня. *"Понижение же этого уровня, в свою очередь, выгодно и удобно всем людям безнравственным, а потому — чем безнравственнее люди, тем они усерднее занимаются общественным переворотом"*.

Соображая изложенное, мы не можем не указать на саму обстановку "русской" революции. Мрак и уныние предшествовали в России японской войне. Нанесённый же презренным и, казалось, ничтожным врагом удар достоинству нашему стал безмерно тягостен в материальном и невыносим в духовном отношении. Позорные деяния, увеличившие скорбь, развивались ещё за время войны и внутри России, а затем, истерзав её, привели на край гибели... Издеваясь над этим, иудаизм эксплуатировал наше горе для утверждения своей тирании ещё более унизительной и коварной. Столько злобы и предательства, такого глумления не могло выдержать поруганное сердце. Отсюда реакция безумия. Она проявлялась тем сильнее, а бред самоистребления пылал тем отчаяннее, чем туманнее были события, невероятнее обман и ужаснее разочарование.

Наглость клеветы и змеиная желчь бешеной стаи органов еврейской прессы рассчитаны на невежество, озлобленность и корыстолюбие её "сознательных хулиганов". Никому раньше неведомые и ничего терять не имеющие, нередко беглые "редакторы", обыкновенно инородцы, бьют на "розницу" и скандал; разжигают хищнические инстинкты толпы и кадят её властолюбию; угождают варварству и, проституируя "свободу", тем бесцеремоннее превозносят злодеяние, чем оно отвратительнее, а при первой опасности скрываются безнаказанно... Читателей же своих они, как кошек "за хвост таскают и туда, и сюда".

Настало время, когда Шейлоки-"освободители" стали у нас "содержать

меблированные комнаты для артистов без ангажемента". Весь ум евреев в том и заключается, что он всегда играл и будет спекулировать соблазнами толпы, ровно ничего не стесняясь. "Закоптелые" в плутнях и презирающие труд сыны Иуды считают мошенничество справедливым налогом на человеческую глупость.

"Еврейское племя неизменно в обманах и праздности упражняется" — всенародно заявляли уже польские маршалы (предводители дворянства) в 1797 году.

Возвращаясь к Риму, мы не только в нём видим прообраз судеб нашего отечества, но и, как уже сказано, сохраняем убеждение, что в его гибели весьма повинны евреи. Кончина мировой державы свершилась, увы, именно тогда, когда не стало римлян, а на их месте оказались... сыны Иуды в самом же Риме. Его смерть — великая и благородная проблема для историка. Она, как известно, была затрагиваема неоднократно, но далеко не разрешена. И теперь для неё ещё не настало время. Недаром о царстве Эдома, как они называют Рим, с таким бешенством отзываются проницательные авторы талмуда.

Лишь с дальнейшим расцветом иудейского вопроса и углублением его разработки, откроются пути к разумению истинных причин упадка и разложения Римской Империи. Тогда и нынешние европейские народы поймут, наконец, какова сила тайного иудейского правительства.

Мы же со своей стороны припомним хотя бы дело Флакка...

VI. Земля Обетованная. Всё, уже известное, достаточно иллюстрирует проблему о замыслах сынов Иуды на мировое господство. Но для постижения оной имеются ещё особые данные.

"Еврейский вопрос не столько за нами, как перед нами", — говорит согласно с истиной такой глубокий мыслитель, как Евгений Дюринг.

Это — вне сомнений, ибо еврейство отнюдь не достигло своей кульминации, а стремится к этому неудержимо, за последнее же время — гигантскими шагами.

В свою очередь известный автор, да притом же сам еврей, Вейнингер [41] приходит к следующему выводу:

"История еврейского народа представляет для его потомков не сумму когда-то случившегося, прошедшего; нет, она скорее служит источником, из которого он черпает новые мечты и гордые упования. Еврей ценит своё прошлое отнюдь не как нечто минувшее и безвозвратное, а именно, как своё будущее..."

Взгляд, безусловно, верный и для всякого, кто сколько-нибудь понимает евреев, не устранимый (см. Пс. CIX, 2, 4, 5 и 6).

Равным образом учёный еврей, бывший раввин, а ныне аббат, Иосиф Леманн, свидетельствует, что *"идея мирового господства никогда не покидала воображения Израиля"*.

---

[41] Otto Weininger. — "Geschlecht und Character". — Wien und Leipzig, 1895.

Таких и подобных цитат можно было бы привести любое количество, если бы вообще требовалось доказывать основную для сынов Израиля аксиому.

Тексты из Талмуда и Шулхан-Аруха переведённые профессором Пранаитисом [42] ещё раз подтверждают сказанное. Не затрудняя собрание чтением, я, однако, ссылаюсь на талмудические узаконения об иноплеменных владыках, а также на постоянные моления сынов иуды о пришествии Мессии, как беспощадном мстителе за "избранный народ". В особенности же знаменательна произносимая евреями и в наше время молитва накануне Пасхи: [43]

" Молим Тебя, Господи, излей гнев Твой на народы, не познающие Тебя, и царства, не признающие имени Твоего. Излей, Господи, на них гнев Свой и порази их в лютом гневе Своём. Гони их, Господи, в ярости Своей и сотри в порошок!...

Доколе еще сила Твоя будет пленена и честь Твоя будет во власти угнетателя? О, Боже, пробуди силу Свою и направь гнев Свой на наших врагов! Отними у них силу...

Отними, Господи, всякую надежду беспутных. Порази, Господи, всех еретиков во мгновение ока! Истреби поскорей всех врагов народа Твоего. Вырви с корнем, переломи и раскидай строптивое царство. Господи, скорей, вот теперь , порази их!".

Независимо от изложенного, надо иметь в виду следующее.

Тогда, как по христианскому верованию Ветхий Завет дан хотя и одним евреям, но лишь во времена, сему некогда довлевшие, а после Рождества Христова восприял силу Новый Завет, согласно учению иудейскому, наоборот, Ветхий Завет есть единственный источник верования, данный "избранному народу" навсегда, а потому равно обязательный как в дни Синая, так и ныне.

Таково основное положение для всего еврейства и не может быть иным, потому что, являясь, по незыблемому для евреев убеждению, лишь толкованием

---

[42] См. его классический труд — "Christianus in talmude Judaeorum, sive rabbinicae doctrinae de Christianis secreta".

[43] Чтению этой молитвы предшествует пение довольно длинного гимна в память исхода из Египта. То место в гимне, где повествуется о десяти казнях поразивших египтян, евреи поют протяжно и при этом выплёскивают одним пальцем вино из бокала на пол, выражая тем, что десять казней должны покинуть свои жилища и обратиться на врагов еврейского народа, т. е. христиан. (Синаг, Иуд. стр. 412, Мингагим, 25). Читая молитву, евреи должны отворять двери своих домов в знак того, что им нечего бояться под охраной Господней, ибо эта ночь, "ночь стражи", когда сам Бог охраняет их от зла. За такую веру Бог пошлёт им Мессию, который изольёт гнев свой на акумов, т.е. на христиан. (Орах Хайим, 480, Гхага).

Что такие моления направлены и против христианских властей, очевидно из слов Р.Бек-хая, который об этой милитве так отзывается в Кодхаккемахе, стр. 80, а: *"Молитва эта сочинена против еретиков: молятся в ней о погибели той безбожной империи, т.е. Римской и всех христианских властей, властвующих над евреями"*.

(Оба примечания, как и самый текст молитвы, взяты из труда Пранаитиса).

и развитием Ветхого Завета, Талмуд и Шулхан-Арух должны быть, в свою очередь, почитаемы священными и в настоящее время, а между тем, они перестали бы существовать вовсе с ограничением обязательности Ветхого Завета каким-либо периодом иудейской истории. Это подтверждается также и логичностью того принципа Талмуда, за силой которого всякое покушение еврея хотя бы на одну букву Торы (Пятикнижия Моисея) признаётся тягчайшим из богохульств, а потому карается смертью.

Твёрдо запомнив всё это, нельзя заблуждаться и относительно понимания евреями следующих текстов, в существе подтверждённых и 700 лет спустя (Пс. С1Х):

"Израиль есть первенец мой. Ты — народ святой у Господа Бога твоего. Тебя избрал Господь Бог твой, чтобы ты был собственным его народом из всех народов, которые на земле" (Исх. IV, 22. Втор. VII, 6).

"Не можешь поставить над собой царём иноземца, который не брат тебе" (Втор. XVII, 15).

"Я, благословляя, благословляю тебя и, умножая, умножу семя твоё, как звёзды небесные и как песок на берегу моря, и овладеет семя твоё городами врагов твоих" (Быт. XXII, 17).

"Странствуй,... и Я буду с тобой. Дам потомству твоему все земли эти" (Бытие XXVI, 3-4).

"И придут иноземцы и будут пасти стада ваши и сыновья чужеземцев будут вашими землевладельцами и вашими виноградарями. А вы будете называться священниками Господа, служителями Бога вашего будут именовать вас. Будете пользоваться достоянием народов и славиться славой их" (Исаи LXI, 5-6).

"Когда же введёт тебя Господь Бог твой в землю, которую Он клялся отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову дать тебе с большими, хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не садил, ты будешь есть и насыщаться" (Втор. VI, 10-11).

"И когда Господь Бог твой предаст его (город) в руки твои, порази в нём весь мужской пол остриём меча. Только жён и детей, и скот, и всё, что в городе, сею добычу его возьми себе и пользуйся добычей врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой. Так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, и которые не из числа городов народов сих. А в городах этих народов не оставляй в живых ни одной души" (Втор. XX, 13-16).

"Сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их служить тебе, ибо народы и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся"

(Исайи LX, 10 и 12).

"Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост. (Втор. XXIII, 20). *С иноземца взыскивай, а что будет у брата твоего — прости"* (Втор. XV, 3).

"Ибо Господь Бог твой благословил тебя, как Он говорил тебе. И ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы. И господствовать будешь над многими народами, а они над тобой не будут господствовать" (Втор. XV, 6).

"И будут всегда отверзсты врата твои, не будут затворяться ни днём, ни ночью, чтобы было приносимо к тебе достояние народов и приводимы были цари их" (Исаи ЕХ, 11).

"Истребишь все народы, которые Господь Бог твой даст тебе, да не пощадит их глаз твой!" (Втор. VII, 16).

"Ты будешь насыщаться молоком народов и груди царские сосать будешь" (Исайи ЕХ, 16).

"И будут цари питателями твоими и царицы их (других народов) кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих" (Исайи XEIX, 23).

"И предаст тебе Господь Бог твой царей в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной!" (Втор. VII, 24).

Если бы далее за комментариями этих узаконений мы обратились к Талмуду, то, без сомнения, достигли бы уже слишком больших преимуществ в аргументации рассматриваемой проблемы.

Тем не менее, мы не вправе умолчать хотя бы о мессианизме, а в частности, о восстании евреев при императоре Адриане в 135-137 гг. по Р.Х. Главарями этого бунта являлись, как известно, свирепый раввин Бен-Акиба и кровожадный лже-мессия Бар-Кохеба. Мы уже знаем, что в период восстания, истребляя греков-христиан сотнями тысяч, обезумевшие от властолюбия и мстительности евреи перепиливали своих жертв надвое, упивались их кровью, опоясывались внутренностями, из черепов сооружали гекатомбы и танцевали danse macabre вокруг. Касаясь этих злодеяний вновь, мы по поводу Бар-Кохебы и в новое доказательство неизменности существования иудейского правительства имеем в виду привести для примера о мессиях нижеследующее.

Извесный аббат Леманн называет их так: Симон-волхл в Палестине в 34-37 годах по Р.Х.; Феуда в 45 году; Менандр — тогда же; Досифей — там же, 50-60 гг.; Бар-Кохеба — там же в 135 году; Моисей на острове Крит в 434 году; Юлиан в Палестине в 530 году; один сириец в царствование Льва Исаврянина в 721 году; Сереннй в Испании в 724 году; ещё лже-мессия во Франции в 1137 году; еще в Персии в 1138 году; ещё в Кордове в 1157 году; ещё в Феце, ещё в Аравии и ещё на берегах Евфрата, все трое в одном и том же 1167 году; ещё раз мессия в Персии в 1174 году, Давид Алмассер в Моравии в 1176 году; опять лже-мессия там же в 1280 году; Давид эль-Давид в Персии в 1199 или 1200 году; Измаил София в Месопотамии в 1497 году; раввин Лембек в Австрии в 1500 году; снова

лже-мессия в Испании в 1534 году; ещё лже-мессия в Ост-Индии в 1615 году; опять лже-мессия в Голландии в 1624 году и Цабафаи Тцеви в Турции в 1666 году.[44]

Установив изложенное, мы убеждаемся вновь, что “избранный” народ в ожидании своего Мессии — великого поработителя иноплеменников должен был обезопасить своё бытиё, несмотря ни на какие превратности, т.е. обеспечить существование собственного правительства, а, следовательно, организовать его втайне.

Ход событий вполне подтверждает этот логический прогнозис.

При сокрушении Иерусалима Титом (70 г. по Р.Х.), началось первое рассеяние иудеев по лицу земли. Второе совершилось при Адриане, после разгрома Бар-Кохебы (137 г.). Сыны Иуды были окончательно изгнаны из Иерусалима и Палестины, а потому разбежались во все четыре стороны.

Те, кому во времена Тита удалось спастись от меча и огня либо от рабства, кинулись в разные стороны Европы и Азии, частью на юг и запад Иудеи, частью в Египет, Италию, Испанию и другие римские провинции. Эти евреи именовались западными. Их непосредственный глава проживал в Палестине, чаще всего в Яфнии либо в Тивериаде. Происходя из левитов, он носил титул Патриарха Иудеи; решал вопросы совести и важные дела народа вообще; имел верховное руководство над всеми синагогами, располагал корпусом офицеров, называвшихся апостолами и разносивших его приказы еврейству по самым отдаленным концам римского государства; определял и собирал налоги; вообще, играл роль монарха, хотя и ограниченного, как объяснено ниже.

Такие патриархи действовали явно или потаённо, соображаясь с настроением императоров относительно еврейства. С течением времени, разбогатев чрезвычайно, патриархи стали по иудейскому обыкновению заниматься интригами, подкупами и пронырством сначала при римском, а затем и при византийском дворах. В 429 году по Р.Х. Феодосии Младший, император Византии, запретил им устанавливать и взимать подати и с этого времени нет упоминаний о патриархах Иудеи в истории. Но отсюда ещё не следует, что они и в действительности прекратили своё бытие. Надлежит отметить, во всяком случае, что их деятельность носила характер второстепенный, так как была подчинена иной — верховной власти во Израиле.

Другая часть иудейского народа, и даже самая избранная, между прочим, заключая в своей среде потомков Давида, направилась в Сирию, Армению, Грузию, Персию и Вавилонию. Грузинские и армянские историки подтверждают сказания Талмуда о том, что в течение первых веков но рассеянии Израиля еврейский элемент господствовал в Грузии, и что, с другой стороны, на Кавказе королевская династия и Армении Багратидов или Пагратидов (отсюда — Багратионы) славились своим происхождением от иудейских царей и носила в своём щите арфу Давида. Противополагаясь евреям Запада эти аристократические семьи иудейские стали называться евреями Востока, а их главари — потомки Давида и приняли титул Князей Пленения либо Изгнания. Авторы талмуда строго различают таких князей от патриархов Иудеи, им подчинённых. Князья или Эшмалотарки располагали неограниченной властью над всеми детьми Израиля, но управляли восточными евреями непосредственно, а западными — через патриархов. Первым упоминанием в истории князем был Гуна (второе столетие по Р.Х.), современник Иуды Святого, патриарха иудейского. С третьего по одиннадцатое столетие Князья Изгнания действовали всенародно, покупая благорасположение сменявших друг друга династий в Вавилонии. Талмуд утверждает, что при этих князьях был восстановлен и Санхедрин. А что официальная редакция Талмуда, пользующаяся непререкаемой святостью у евреев доныне, была разрабатываема на протяжении нескольких столетий в Вавилонских академиях — Суре, Нумбедидте н Негардее, это достаточно известно. Что же касается верховной власти Эшмалотарков, то сам вавилонский Талмуд (тр. Санхедрин, 5а), безусловно, к ним относит пророчество Иакова (Бытие XLIX, 10*): “не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его”*. Буквальный же текст талмуда, сего касающийся, таков:

“Это они, Эшмалотарки, “Князья Изгнания”, Вавилонии, держат скипетр Израиля”

По примеру патриархов в Иудее Эшмалотарки Вавилонии несоразмерно разбогатев, принялись за придворные и международные интриги. По-видимому, они не раз принимали благосклонное участие и в дворцовых революциях сначала Рима, а потом Константинополя. Сделавшись же поданными багдадских калифов, Эшмалотарки могуществом и надменностью привлекли на себя вражду повелителей мусульманства. В 1005 году калиф багдадский закрыл многочисленные цветущие академии, разогнал талмид-хохимов и предал смертной казни последнего Князя Изгнания Эзекию. Однажды начавшись, преследования распространились уже на всё иудейство калифа и вынудили тамошних евреев покинуть давно насиженные места. Одни из них нашли убежище в Аравии, другие, и притом большинство, кинулись на Запад либо через южные полуострова Европы, либо северным берегом Африки и разбрелись повсюду. Тем не менее, новоявленный центр иудейства образовался в Испании. Гренада, Севилья и Кордова заменили Суру, Пумбедидту и Негардею и дали многих приснопамятных учителей Израилю. Отсюда вышли Маймонид, Абарданэль, Исаак Леонский и другие знаменитости. Немного спустя талмудизм, да ещё самый ортодоксальный, укрепился в Монпелье на юге Франции в Лангедоке — французской Иудее. Смешанные браки местного дворянства с красивыми еврейками и сарацинками послужили источником альбигойской ереси. Распространяясь на северо-восток, сперва по Германии, иудаизм произвёл здесь столь дивный плод, как рабби Исаак Луриа, который для обучения Каббале летал каждую ночь на небеса в тамошнюю академию, а умирая, оставил

[44] О ложных еврейских мессиях существует даже специальное научное исследование: “Schediasma historico-philologica de Judaeorum pseudo-messiis”“. Автор — Joannes a Lent.

иудейскому миру такое чудо из чудес в каббалистической сфере, как его ученик Хаим Витал. Впоследствии волны Талмуда и Каббалы проникли в Польшу и Литву, где три великие академии Месопотамии ещё раз нашли себе преемниц в Кракове, Люблине и Вильне. Наконец, с 1905 года талмудизм и каббалистика разошлись через сынов Иуды по всей многострадальной России...

Б. Средние века

I. Испания. К этой именно стране сводится прежде всего средневековая деятельность евреев, пришедших сюда с финикиянами ещё за тысячу лет до Р.Х. Разгром Иерусалима Титом и рассеяние иудаизма Адрианом из Палестины во II столетии по Р.Х. наряду с изгнанием евреев из Месопотамии персами в XI столетии, являлись дальнейшими причинами накопления еврейства на Пиринейском полуострове. Чрезвычайно усилившись при остготах, евреи сохраняли властное положение и при вестготах, независимо от того, что эти последние относились к сынам иуды строго, называли их отвратительной сектой, а в своём кодексе (Lex Wisigothorum) запрещали обрезание, равно как празднование "Пурима" и карали не только за покушение на христианскую религию, но и за чтение противохристианских книг. Тем не менее, даже король Сизебут, этот "истинный бич евреев", как, негодуя, его называет Мордух Грэц, ничего с ними поделать не мог. Равно, безплодными оказались постановления соборов в Иллиберии и Эльвире, воспрещавшие наивным христианам под страхом отлучения от церкви "призывать благочестивых евреев для благословения полей, дабы преподаваемая духовенством благодать не казалась бесплодной". Поэтому временами, как, например, в царствование королей Рекареда, Хинтиллы, Рецесвинта, Вамбы и Эрвига, принимались в защиту от евреев крайние меры. Так при Хинтилле в 637 году по Р.Х. было на соборе постановлено, что *"никто не может воспринять у вестготов верховную власть без торжественной присяги, что никоим образом не будет мирволить евреям и не позволит никому, если он не христианин, свободно проживать в королевстве"*. Немного раньше, около 620 года, по совету византийского императора Ираклия, едва справившегося с новым восстанием евреев в Палестине, король Сизебут повелел упорствующих талмудистов выгнать из Испании. Тогда, по обычаю, масса их притворно крестилась, остальные же евреи разбежавшись кто куда: в Африку, на остров Корсику, в Галлию... А когда наследник Сизебута Свентилла (621-631 гг.) отменил его узаконения, то уже ближайший его преемник Рецесвинт на соборе в Толедо, который являлся и парламентом, был вынужден провозгласить следующее: *"Я оплакиваю образ жизни и поведение евреев, ибо узнал, что земля моего отечества тяжко осквернена ими. Всемогущий уничтожил еретиков в этом государстве, остался только один этот жалкий позор церкви, но и он будет смыт вашим благочестием или сокрушён королевской строгостью. Многие из евреев удерживают прежнее неверие, другие же, хотя и очищенные баней крещения, до такой степени погрязли в заблуждениях, что пятнают церковь ужаснее, чем некрещёные. Заклинаю вас, без всякого пристрастия и невзирая ни на кого, постановить угодное Богу и полезное для веры решение против евреев"*. В частности, стараясь поднять унижаемое еврейскими махинациями правосудие и оградить свой народ от ябеднического коварства иудеев, Рецесвинт издал указ: *"клятвам их не верить и в свидетели не допускать"*.

"Однако, — рассказывает Грэц, — *все эти мероприятия не достигли цели. Тайные евреи или, как их называли, иудействующие христиане (марраны) не искореняли иудаизма в сердцах своих, а наоборот, являлись тем преданнее, чем большая предстояла опасность. Испанские евреи научились, несмотря на угрозы смертью, хранить верность своей религии и утомлять тысячеглазых врагов. В своих домах они продолжали справлять иудейские торжества и презирать установленные церковью праздники..." С* другой стороны, пренебрегая осуждением на вечные муки в аду и забавляясь над проклятиями собора 656 года, *"само духовенство продавало евреям христианских рабов",* язвительно прибавляет Грэц. Этим, впрочем, он по иудейскому методу стремится оправдать единоплеменников своих в виду монополизирования ими не только работорговли, но и фабрикации евнухов сперва для гаремов Востока либо северной Африки, а впоследствии и для мавров Андалузии. Поддерживая наряду с этим непрерывные сношения с Малой Азией, Сирией и Вавилонией, испанские евреи следовали Талмуду неуклонно. Без стеснения торгуя всем, что попадается под руку, они возводили причинение зла христианам в свой основной принцип.

После смерти Рецесвинта марраны вздохнули свободнее. Устав трепетать между самомнением и вероломством, они решились дать волю своей злобе и взбунтовались против короля Вамбы, едва лишь Гильдерих Нимский, граф Септимании, отказал ему в повиновении. Они даже подготовили в Нарбонне избрание в короли Павла, главнокомандующего войсками Вамбы, двинутыми против Гельдериха. Но евреи просчитались. Вамба уничтожил Гильдериха, казнил изменника Павла и разогнал евреев как из Нарбонны, так и из всей готской Галлии. Тогда сыны Израиля обратились к другому занятию: они стали писать и притом на самом распространённом латинском языке возмутительные пасквили на христианство... Преемник Вамбы, Эврит, оказался в необходимости со слезами умолять вновь созванный в Толедо собор "очистить страну от еврейской язвы и от проказы вырождения". Царствовавший же за ним предпоследний король вестготов Эгика, разочаровавшись в данных им Израилю милостях, созвал XVII (последний) Толедский собор (в 694 году). Изложив несомненный умысел местных евреев предать по уговору с африканскими евреями Пиринейский полуостров маврам, Эгика раскрыл и доказал пути задуманной сынами Иуды государственной измены и ради спасения отечества потребовал нового изгнания евреев из Испании. Единогласно и с большим энтузиазмом приняли на соборе магнаты и прелаты это предложение короля. Но искушённые опытом, и видя бесплодие двух предшествовавших "изгнаний" при королях Сизе-буте и Хинтилле, члены собора решили, что перед столь грозной опасностью все евреи безотлагательно обращаются в рабство, а их имущество

всецело конфискуется, “дабы нищета лучше заставила их почувствовать, что такое труд”; еврейские же дети по достижении семилетнего возраста должны быть отбираемы и воспитываемы в духе христианства. Презрение и ненависть к учению Христа в связи с гордыней евреев, стремившихся к порабощению иноплеменников, представлялись неизменными устоями Талмуда, а потому вызывали одни и те же результаты. Как, например, удивляться, что, говоря о столкновении Голубой и Зелёной партии цирка в Антиохии при Зеноне Исаврянине, сам же Грэц сообщает такой факт. Зелёные победили и воспользовавшись случаем, умертвили много евреев, бросили трупы в огонь и сожгли синагогу. Получив об этом сведение, император Зенон сказал: *“зелёные потому лишь достойны наказания, что с мёртвыми евреями не сожгли и живых!...”* Получив из рук Эгики не далее, как в предыдущем году, совершенно неоценимый для той эпохи и в такой стране подарок дворянского достоинства, а вслед за этим став по своим огромным богатствам на одном уровне с благороднейшими семьями королевства, евреи сами вызывали против себя надлежащие меры.

К сожалению, постыдное поведение сына Эгики, Витицы, и безнравственность высших классов народа ускорили осуществление иудейских замыслов. Короли Теодефред и Родриг довершили крушение монархии Атаульфа. В июле 711 года, после сражения при Хересе, свирепые полчища Муссы и Тарика, наведённые в Испанию евреями, разнесли отчаяние и смерть по этой несчастной стране. Завладев городом Кордовой, Гренадой, Севильей или Малагой, арабы оставляли только незначительные гарнизоны, а затем уходили на разбой вперёд, охрану же завоёванного поручали евреям. Можно себе представить, какими господами становились эти вчерашние рабы и какую чашу страданий, унижения и отчаяния приходилось испивать христианам!...

Это звучит ещё и теперь в словах Грэца о взятии арабами вестготской столицы Толедо: *“Пока христиане молили Творца о сочинении государства и религии, евреи отворили городские ворота победителю, встретили его радостными кликами и отомстили христианам за все бедствия, претерпенные со времён Реккареда и Сизебута... Таким образом, при благоприятных обстоятельствах, евреи признали главенство мусульман над собой и, подобно вавилонским и персидским сородичам своим, считались сподвижниками победоносных войск Магомета. Этим путём они вступили в великий союз, который всех евреев магометанского мира объединял в одну общину”.*

Свидетельствуя ещё раз о сосредоточении и единообразии деяний иудейских, т.е. об исполнении определённого плана, для предначертания которого необходима, разумеется, в среде самого же еврейства правительственная власть, означенные факты не могут быть, однако, рассматриваемы по направлению к означенному правительству *с* одной лишь “дипломатической” точки зрения. В той или иной форме но по пути всей своей истории сыны Иуды неизменно занимались рабовладением, да и саму монополию торговли невольниками захватывали в свои руки. Так, между прочим, и в союзе с мусульманами евреи за несколько веков вывезли через Евпаторию, Керчь и Феодосию и распродали по берегам Средиземного моря миллионы русских людей, даже из самой Москвы. Нынешняя война Италии в Триполи, главном теперь рынке невольников, знаменательна потому, что грозит пресечь эту излюбленную иудеями профессию. Охотясь за неграми, арабы вырезают их на огромных пространствах чёрного континента лишь для того, чтобы затем тысячи отсортированных невольников направлять к монополистам-евреям именно в Триполи. Этим, пожалуй, объясняется, в частности, и тот азарт, с которым ожидовелые “младо-турки” подстрекают “верноподданных” султана на защиту “кагального” патриотизма. А дабы не сомневаться, что для иудейских гешефтов образ правления безразличен, хотя бы и в среде рабовладения, отметим, например, следующие два факта: а) в 945 году при доже Орса-Партичи-пацио законом воспрещено было капитанам венецианских кораблей брать к себе на борт, а тем более привозить, хотя бы одного еврея, и б) тирания коноводов синдикализма, в современной Французской республике ещё недавно выразилась в том, что лишённые крова через подъём цен на строительные работы, массы тружеников собирались у Елисейского дворца в Париже, требуя от президента, чтобы он отвёл им квартиры. В общем же виде это явление развилось до почти открытой торговли коноводами рабочих синдикатов жизнью своих “невольников” через учинение стачек и забастовок, оплачиваемых удавами и акулами биржи...

Ясно, что оказывая покровительство евреям, и мавры в Испании не сентиментальничали. В сынах иуды они видели не только заклятых врагов любой страны, куда еврейству удалось проникнуть, но и образцовых шпионов. Надо ли удивляться, что отхватив в первые же 50 лет на земном шаре такой кусок, каким никогда не владел Рим, магометане признавали в этом и некоторую заслугу “избранного народа”, а потому ладили с ним до тех пор, пока в эпоху крестовых походов он не предал и их самих.

Эта “трогательная” дружба не исключала, впрочем, ни взаимной ненависти новоявленных приятелей, ни даже того, что святые коран и талмуд преисполнены злобными проклятиями друг другу. Ядовитые насмешки над Магометом его современника жида Пинхуса ибн Азуры, выводившие “пророка” из всякого терпения, а с другой стороны — отрава, поднесённая тому же Магомету двумя его любовницами, красивыми еврейками Сафией и Цианаб и отзывавшаяся на его здоровье всю его последующую жизнь, сами по себе достаточно мотивируют непочтительный взгляд корана на евреев и вполне оправдывают распоряжение калифа Омара (640 г.) об изгнании всех сынов Иуды, чтобы они не оскверняли арабской почвы...

Изложенным обуславливается такой вывод. Читая историю вестготов в Испании и вдумываясь в анналы столь знаменитых на Западе соборов, как те, что заседали в Толедо, можно с первого взгляда предположить, будто у христиан того времени не было другого дела, кроме охоты на евреев или же, что именно у вестготов антисемитизм являлся какой-то национальной эпидемией. Между тем, при внимательном анализе предположение подобного рода оказывается не только

странным, но и совершенно ложным, особенно, если мы припомним те условия, среди которых проникли, размножались, богатели и возвеличивались семиты в Испании, а с другой стороны, примем к сведению факт, что в период самого страшного натиска карфагенян на Галию, Гельвецию и Рим Ганнибал как раз в Испании установил свой базис операций.

Напрасно, как показал опыт, соборы и короли удаляли евреев либо крестили их. С первым изменением политики сыны Иуды возвращались к испанцам, а выкресты к иудейству. Тем не менее, отсюда не следует, что надо было поступать иначе. Мудрено ли, что посталенные перед дилеммой ожидоветь в качестве еврейских рабов или же отстаивать свою народность, хотя бы ценой неимоверных усилий, вестготы решили действовать по инстинкту самосохранения?!

Прошли века... И вот уже не королевство вестготов, а Российская Империя оказывается перед такой же точно дилеммой. Скрадывая самого себя, например, под маской конституционно-демократической партии, иудаизм обещает нам свободу и благоденствие, а мы... мы занимаемся антисемитизмом. Евреи над нами смеются, а мы даже не плачем. Но ведь от такого смеха их самих мороз по коже пробирает, ибо не хуже нашего понимают они, что засмеётся хорошо тот, кто будет смеяться последним...

Дальнейшая история еврейства в Испании не менее назидательна, чем и за время вестготов. Мы лишены, однако, возможности проследить за ней. Поэтому ограничиваемся указанием лишь её основных мотивов. Сюда прежде всего относилось расширение области Талмуда сообразно новым требованиям “эпохи рассеяния”. Вторым элементом задачи являлось маскирование кагальных изуверств, возродившихся через арабов философией Аристотеля. Третьей и, быть может, важнейшей заботой была популяризация талмудических учений. Не повторяясь, мы за подробностями возвращаем читателя к отделам настоящего труда о Талмуде и Шулхан-Арухе. Заметим только, что, если основной тенденцией иудейского правительства являлось сохранение национализма сынов Иуды, иначе говоря, “ограда Закона”, то поименованные направления кагальных мероприятий становились на очередь сами собой, как суррогат и орудие централизующей еврейство силы.

Если далее, осуществляя своё единство, испанские евреи сносились даже с хозарами, то несообразно предполагать, будто они утратили связь с вавилонией. *“Там, в исконном отечестве величия евреев,* — удостоверяет Грэц, — *струился, по всеобщему убеждению Израиля, живоначальный источник древней иудейской мудрости. Бог благословил основать сурскую и пумбадидтскую академии за двенадцать лет до разрушения храма Навуходоноссором и Сам чудесно сохранил их. Никогда не подвергались они преследованиям Рима и Вавилонии, никогда не видели принуждения и порабощения. Оттуда взойдёт спасение “избранному народу”, а жители этой счастливой земли будут избавлены от скорбей Мессианского времени”.*

Параллельно с этим в испанском еврействе незыблемо держалось верование, что его свет и будущность заключаются в Талмуде, и что основатель иудейского величия придёт с Востока. Он станет беспощадным соперником новоявленному богу Магомету; он же посеет и вскормит новые отпрыски “чудодейственного” талмудизма; он, наконец, раскроет, укрепит и на недосягаемую высоту превознесёт “золотой” век кагального могущества...

Так и случилось. Крейсировавшему в Средиземном море мавританскому адмиралу ибн-Румахису попались у берегов Италии в 948 году “четыре зародыша талмудического плодотворного духа”, как их ласково именует Грэц. Эти “зародыши”, т.е. четыре озверелых талмудиста — Шемариа, Хушиэль, Натан бен-Исаак Коген и Моисей бен-Ханох были отправлены сурским иешиботом к богатым евреям других стран за деньгами в виду приближавшейся грозы — персов. Недолго думая, ибн-Румахис распродал своих “зародышей” в Каир, Каируан, Нарбонну и Кордову. Все четверо... основали иешиботу.

Однако, столь нетерпеливо ожидаемым, действительным “гением” талмудологии оказался лишь один из них — рабби Моисей бен-Ханох. Он не только заложил основы “величайшей” академии в Кордове, но достиг того, что мудрый калиф Хаким взял его под своё покровительство и чуть ли не сам решил учиться талмуду. Объединяя в своём лице достоинства гаона и экзиларха (эшмалотарка) и прославившись на весь еврейский мир, рабби Моисей умер, благословляемый Израилем в 1015 году. Лучший из его учеников Самуил га-Леви, унаследовал ему в сановном звании “раба” или верховного раввина, а уже в 1027 году был всенародно провозглашён нагидом, т.е. князем испанских евреев. С него именно, как с туземца, а не пришельца, ведут евреи счисление “святых” раввинов в Испании. Авторитеты в этой области — дон Хозе Родригес де-Кастро и Эммануил Абоаб —разделяют по “рабам” или “раббаним” всю последующую историю испанских евреев на девять эпох, перечислять которые излишне. Отметим разве, что кроме Моисея бен-Ханоха, основателями еврейско-испанской культуры почитаюся: андалузский грамматик Бенахем бен-Са-рух и творец художественной формы для еврейской поэзии Дунаш ибн лабрат. “Солнцем” же, согревавшим первые талмудические всходы в Испании, был сносившийся с хозарами банкир и министр калифа Абдулл-Рахмана III Абу Юсуф Хаздаи бен-Исаак ибн-Шапрут. Как они, так и другие “раббаны” или “рабы” оставили тысячи сочинений в разъяснение и дополнение “божественного” Талмуда.[45]

В 1492 году последний “князь испанских евреев” Исаак Або аб, гаон, более известный под сокращенным именем Раби, ушел в Португалию, где, впрочем,

---

[45] Для интересующихся вопросом мы можем назвать следующие источники: Joh. Christ. Wolfii — Bibliotheca Hebraica; D. Jul. Bartalocci de Cellenio — Bibliotheca magna Rabbmica; Johannis Buxtorfii — Synagoga Judaica; Johann Andreas Eisenmenger's — Entdektes Juden-tum; J. B. Depping — Les juifa dans le moyen age, — ouvrage couronne par I Academie royale des inscriptions et des belles lettres, и Don Jose Amador de los Rios — Histona politica y religiosa de Espana e Portugal, — ouvrage traduit en francais par Magnabal.

скоро и умер. Другие прославленные раввины этого времени также рассеялись в разные стороны: раб Иосиф Уриэль и раб Сим Тоб удалились в Африку, где основали иешибот в Феце; раб Иосиф Песко поселился в Константинополе; раб Самуил Серальво — в Каире; раб Иаков де Раб — в Шахете (Палестина) и, наконец, раб Иегуад Абоаб — в Альказарквивире, в Африке же.

“Взор с удовольствием, — повествует Грэц, — *переносится от упадка, одеревенелости и внутренней дряхлости восточных евреев на свежие, цветущие общины по Гвадалквивиру и Гвадиане. Силы, полные юношеского огня, развивались по эту и по ту сторону* (Гибралтарского) *пролива* (Andalus и Maghreb) *и довели еврейскую культуру до такого блистательного состояния, которого она еще никогда не имела в после-библейские времена. Благосостояние Кордовской общины дало ей возможность сделать столицу фокусом всех стремлений. В Кордове жило несколько тысяч богатых еврейских семейств, которые могли соперничать с арабами в гордой любви к великолепию. Они одевались в шелк, носили дорогие тюрбаны, владели роскошными экипажами. Они ездили на конях с развивающимися султанами, усвоили рыцарские манеры и величавость, которыми с выгодой отличались от евреев других стран”...*

Спрашивается, откуда явилась эта благодать?

Увы, сам Грэц не может скрыть того, что *“многие из евреев были своим счастьем обязаны преимущественно работорговле. Покупая рабов и перепродавая их калифам, сыны Израиля непрерывно увеличивали блеск и роскошь, калифы же из этих рабов мало-помалу составили свою лейб-гвардию”* ...

Да и не одну “лейб-гвардию”, конечно ...

Так вот он, венец “божественной” премудрости испанских евреев, как ее величает тот же Грэц!...

II. Франция. Сюда евреи успели попасть из Италии и Германии, а отчасти, пробираясь через Пиринси. Промышляли они все тем же, за что, в свою очередь, неоднократно подвергались изгнаниям. Никогда, однако, не каялись они, а возвращаясь, начинали сызнова. Для характеристики, возьмем хотя бы следующий пример. *“Время царствования Людовика Благочестивого* (1119-1180 гг.), — говорит еще раз Грэц, — *было для евреев золотым веком, какого они не видели в Европе ни прежде, ни после. Императрица Юдифь, вторая супруга Людовика и всемогущая повелительница его сердца, питала чрезвычайную склонность к еврейству. Одаренная дивной красотой и редким умом, императрица, которую друзья не могли вдосталь превознести, а враги вдоволь унизить, глубоко чтила героев израильской старины. И когда ученый аббат Фу льды Рабаиус Мавр вознамерился заслужить ее благорасположение, то не нашел вернейшего средства, как посвятить ей свою обработку книг Эсфири и Юдифи, сравнив ее с этими еврейскими героинями. Камерарий Бернгард, истинный правитель государства, был также благосклонен к евреям. Добродушный, но бесхарактерный император Людовик осыпал евреев необыкновенными знаками своего благоволения. Он принял их под свое особое покровительство и не терпел, чтобы их обижали бароны или духовенство. Пользуясь правом свободно разъезжать по всему государству, евреи могли, вопреки неоднократным каноническим постановлениям, свободно торговать невольниками, покупать рабов за границей и продавать их в пределах государства. Духовенству воспрещалось допускать рабов к крещению, а следовательно, к освобождению. В угоду евреям, базары были всюду перенесены с субботы на воскресенье. Телесное наказание еврею могло быть назначено не иначе, как иудейским же судом. Евреи не подвергались ордалиям. Торговлю они могли производить безгранично, не внося пошлин заранее, а только обязываясь ежегодно или в два года раз давать казне отчет о своих доходах. Игнорируя многие постановления соборов, евреи являлись откупщиками податей и, стало быть, приобретали некоторую власть над христианами. Наконец, специальное должностное лицо (magister Judaeorum) было обязано блюсти и охранять данные евреям привилегии. Располагая свободным доступом ко двору, евреи сносились непосредственно с императором и близкими к нему людьми. Родственницы императора одаривали евреек драгоценными одеждами, чтобы доказать свое почтение и привязанность. Придворные же кавалеры и дамы просили у евреев благословений и молитв ...”*

Таков был “золотой век” сынов Иуды во Франции, а они ей заплатили по-своему, тем, что, не ограничиваясь импортом рабов, на который имели право, делали евнухов из самих французов и экспортировали их в арабские гаремы, в Испанию. Вообще же говоря, можно себе представить, насколько “золотым” был этот жидовский век для коренных подданных Людовика Благочестивого... Знаменитый трактат современника, Лионского епископа Агобарда, “De insolentia Judaco-rum” “О наглости жидов” является примерной тому иллюстрацией.

А между тем, уже царствовавший почти одновременно с Людовиком Благочестивым, мудрый Фридрих II Гогенштауфен (1194-1250) пришёл к диаметрально противоположному взгляду на сынов Иуды. Именно ему принадлежит знаменитое, безусловно, верное и для государственных людей обязательное заключение: *“как только еврею дана власть, так он ею нагло злоупотребляет!...”*

Да и как могло быть иначе, когда иудейское государство стоит неизмеримо выше всех прочих, а интересы кагального правительства исключают всякое служение детей Израиля на пользу нечестивых иноплеменников?!...

Сказанного достаточно. Посему, не останавливаясь на многих иных картинах еврейского засилия в средневековой истории Франции, мы упомянем лишь об Альбигойцах и Тамплиерах, а затем ограничиваем свой путь указанием ещё на один только, но весьма яркий, факт.

Известно, что во второй половине XV века сыны Иуды были изгнаны из разных государств Европы, между прочим, из Германии, Испании, Франции и Прованса. А когда эта последняя страна присоединилась к Франции в 1487 году, Карл VIII приказал тамошним богатым и многочисленным евреям креститься

либо уходить прочь из королевства. Так как извороты, взятки и уничижения дальше не помогали, то 13 января 1489 года Шаморро, раввин города Арля, обратило за советом к константинопольскому Синедриону.

Ответ на имя евреев Арля и Прованса последовал 21 ноября того же 1489 года:

“Возлюбленные о Моисее братья! Мы получили жалобу с изложением бед и страданий, терзающих вас. Они причиняют столько же горя нам, как и вам самим.

Вот каково решение великих сатрапов и раввинов.

Если король принуждает вас креститься, исполните это, так как вам, очевидно, нельзя поступить иначе, но священный закон Моисея да сохраниться в ваших сердцах.

У *вас грозят отнять имущество, сделайте, стало быть, своих детей купцами и пусть они отберут всё, что есть у христиан.*

Покушаются на вашу жизнь, говорите вы, — готовьте же из своих сыновей фармацевтов и врачей, и они отнимут жизнь у ваших врагов.

По вашим словам, уничтожаются синагоги, — проводите детей ваших в клир гоев и да разрушат они их капища! В виду же ваших сетований ещё на другие невзгоды, устраивайте своих детей адвокатами и нотариусами, равно как на государственной службе с тем, чтобы преклоняя христиан под своё иго, вы стали господствовать над миром и могли отомстить за себя.

Не удаляйтесь же от приказа, который мы вам даём, ибо незамедлите убедиться сами, что как бы вы ни были унижаемы, он поднимет вас на вершину могущества”. “Юсуф, князь евреев в Константинополе”.

Таков был “премудрый” ответ великого Синедриона.

Подлинность приказа удостоверяется, во-первых, тем, что, если жалоба Шаморро писана на провансальском наречии, то ответ дан именно на испанском языке, природном для константинопольских евреев как теперь, так и тогда; во-вторых, и эта жалоба, и ответ были ещё в 1583 году напечатаны в Париже дворянином из Наварры Жюльеном де Медрано по-испански же в его учёной книге “La Silva curiosa”; в-третьих, они появились снова в Париже в 1880 году на страницах “Revue des etudes juives” — журнала, издаваемого под покровительством самого барона Джемса Ротшильда; в-четвёртых, приговор 1489 года постановлен, как сказано, не одними лишь раввинами, но и великими сатрапами, без сомнения, иудейскими же, а не персидскими, которых в это время уже нигде не было; с другой стороны, он кагалом рассматривается как приказ, хотя и адресованный формально евреям Арля и Прованса, но в сущности обращённый ко всему еврейству, и в-пятых, текст решения константинопольского синедриона, безусловно, гармонирует с принципами Талмуда.

В пределах темы об иудейском правительстве этого, полагаем, достаточно для средневековой истории Франции.

III. Англия и Средняя Европа. За рассматриваемую эпоху, иудаизм в этих странах не имел возможности ни перенести сюда своё центральное правительство, ни хотя бы приурочить его деятельность к какой-либо из них. Да в этом и не было надобности, ибо, как мы знаем главное управление еврейством (эшмалотарки) находилось до XI века по Р.Х. в древней Вавилонии, а затем ещё в XV столетии пребывало в Константинополе. С другой стороны, указанный период отмечен на Западе гонениями евреев местами, например, в эпоху Крестовых походов, доходившими до истребления их поголовно. Тем не менее, развиваясь на протяжении веков, программа иудейская не утрачивала своего применения по мере возможности и в данные времена. Сколь бы это ни было удивительным, такому порядку вещей способствовали сами же римские папы. Никогда не происходило погромов “избранного” народа в Риме. Наоборот, как это признано в 1807 г., даже иудейским Синедрионом в Париже именно католическому клиру еврейство обязано в течение Средних веков покровительством деятельным и непрерывным. А если инквизиция сжигала, наравне с другими еретиками, иудействующих христиан, то и в этом нельзя .видеть вражды римского престола к евреям некрещёным. Тем не менее, вопреки означенному положению иудаизм не переставал подкапываться под самые устои папства, а с другой стороны не отрекался, разумеется, от своего национального искусства “плодиться и наживать деньги”.

Единственным исключением представлялась Британия, где, быть может, волки тогда ещё не были истреблены, но зато евреев не оказывалось вовсе. Будучи изгнаны в конце XIII столетия, они вернулись только при Кромвелле в XVII столетии. Среди разных других условий пребыванию здесь еврейства мешал и сам характер населения британских островов. Есть разница между французами и англичанами. Тогда как Генрих IV хотел бы видеть курицу в супе у каждого из своих подданных, мировоззрение “просвещённых мореплавателей” и тогда уже сводилось к иному понятию: *“когда бедняк ест курицу, то либо он сам, либо курица — больны”...*

В Голландии первые еврейские поселенцы были, повидимому, беглыми сефардимами, вероятно скрывающимися от испанских вестготов. Впоследствии иудеи монополизировали там гранение и торговлю бриллиантами, с открытием же колонии захватили наравне с португальскими евреями и куплю-продажу тропических произведений, а в особенности сазара. Отсюда понятны яркий расцвет со временем биржевого дела, а затем и выступление голландских евреев на сцену государственных займов. Тогда голландские евреи объявились первыми кредиторами России. Впрочем, между ними, сколько известно, и до сих пор фигурирует банкирский дом “Липеман, Розенталь и К°”, основатель которого Ицка Липпман, мелкий фактор, был привезён Бироном из Курляндии в Петербург и при содействии временщика быстро разбогател, впоследствии же перебрался в Голландию...

Священная Римская империя, т.е. нынешняя Германия и Австрия, а за ними и

Швейцария, аппенинский и балканский полуострова подобно Сирии, являлись в свою очередь крупными источниками обогащения сынов Иуды в мистическую эпопею Крестовых походов, когда имущество христиан отбиралось кагалом за безценок. Впрочем, и раньше, около тысячного года по Р.Х., когда на Западе ожидалась кончина мира, а верующие спешили отрешиться от всех благ земных, иудейство завладевало таковыми в свою очередь, тем легче, чем само решительнее избегало помышлять о благах небесных... Наряду с приобретением материальных средств борьбы иудаизм не покидал своего замысла и о разрушении папства "идеями". Ясно, что деятельность в этой области прикрывалась "велениями свободы и культуры". Посему мы встречаем "либерализм" евреев уже на рассвете эпохи Возрождения, а значит, и среди междоусобий Реформации. Весьма заметную роль в этом движении опять сыграли голландские евреи. Опера "Иоанн Лейденский", драма "Уриэль Акоста", имена Рейхлина, Эразма Ротердамского, Меланхтона и Спинозы достаточно за себя говорят.

Наряду с Голландией, сефардимы бежали в Венецию, где даже в Средние века образовалось одно из весьма видных гнёзд иудаизма. Надо ли удивляться, что именно в Венеции (1520-1524 гг.) не замедлило явиться полное издание талмуда, да ещё одновременно с сожжением в Виттемберге (16 декабря 1520 г.) Лютером на костре буллы Льва X, проклинающей Реформу, а с ней — целой массы папских декреталий, распоряжений и узаконений. При этой церемонии Лютер, как говорят, гневно воскликнул: *"Pestis eram vivus, — moriens em mors tua, papa!"...* [46]

Если проклятие этого рода не было подсказано кагалом, то он, без сомнения, готов объявить его своим девизом, с тем разве отличием, что сам умирать вместе с папством не собирается.

Подобно тому, что нам известно в отношении Талмуда и Корана, сближение лютеранства и еврейства не страдает от фактора, что к Лютеру равным образом относят верное предостережение: *"после дьявола у тебя, христианин, нет опаснейшего врага, чем еврей!..."* Ренан же прямо утверждает, что Раши (знаменитый средневековый раввин Шелома бен Иицхаки) и Тосефисты дали Николая де Лира, а Николай де Лир дал Лютера... В согласии с этим было замечено, что чем дальше по своим наклонностям живёт страна от Евангелия и чем в миросозерцании своём больше приближается она к произволу в толковании Пятикнижия (Сойфер-Тойре), тем она ближе склоняется к талмудизму со всеми его последствиями и тем глубже своим национальным характером походит на еврейство.

Пуританин Кромвель призвал сынов Иуды в Англию. Именно Великобритания и такие протестантские страны, как Пруссия либо её выходцы — остзейские бароны, или как голландцы, особенно в их колониальной политике, всегда отличались алчной жестокостью по отношению к другим национальностям и религиям.

В протестантской Швейцарии сложилась поговорка, что *"один женевец стоит шести жидов, а один невшателец — шести женевцев"...* Земля квакеров в Северной Америке, а на первом плане Бостон и Филадельфия, замечательны еврейскими племенами своих жителей, даваемыми из поколения в поколение, как бы умышленно для того, чтобы никто уже не сомневался в свойстве религии, которую там исповедуют... В настоящее время штаты Новой Англии, преимущественно же Коннектикут, Нью-Йорк и Пенсильвания, не только вполне ожидовлены, но своим кагальным духом заражают торговлю, промышленность и самое правительство Соединённых Штатов.

В итоге, невзирая на всю ненависть Лютера к сынам Иуды, его учение принимается ими гораздо легче, чем другие христианские исповедания и даже рассматриваются юдофилами как шаг к еврейству.

Заключая очерк по вопросу об иудейском правительстве на Западе Европы в средние века, мы для полноты картины обязаны вновь напомнить о Борухе Спинозе.

Любимым занятием еврейского философа, как утверждают его биографы, было наблюдать по углам своей комнаты истребление мух пауками. Ему же принадлежат и следующие положения: *"Человеческие пороки возникают из жизненной необходимости, как из сущности треугольника вытекает равенство его углов двум прямым. Поэтому нет основания что-либо ненавидеть или презирать. Мудрец не знает ни сострадания, ни раскаяния. Он любуется страстями, так как видит в них доказательство энергии и разнообразия природы. Человек есть только один среди других предметов мира. Стремление устоять в своём бытии и соответственная сила — вот естественное право человека. В государстве он действует, как и в первобытном соотношении, по законам природы и заботится о собственной выгоде. Мотивы, побуждающие людей жить и действовать согласно государственному порядку, вполне безразличны. Большая рыба, естественно, глотает маленькую..."*

IV. Польша. Как не бывает медленных зайцев, так нет и простоватых евреев. Из лицемерия и обмана создаёт Израиль свой путь. Лукавство по отношению к Богу и ближнему — самая существенная и наиболее характерная черта иудейской религии и всего еврейского обихода. Этих истин, как будто, не знал или же, ослеплённый красотой Эстерки, не мог понимать Казимир III, Старый король польский (1410-1470гг.), в просторечии именуемый Мардохеем II. Наставники "многострадальной синагоги" поднесли ему несколько золотых блюд с червонцами и просили дать убежище своим единоплеменникам отовсюду гонимым... Сверкание золота и слезы Эстерки решили дело. Сами же поляки не защищались. Между тем, ещё лет за двести раньше, король Аррагона и Кастилии, Альфонс VIII также воспылал необузданной страстью к юной и прекрасной дочери "избранного" народа, Рахили из ожидовлённого Толедо. Этим не

[46] "Живым, я был чумой, умирая, я смертью стану для тебя, папа!"

замедлили воспользоваться её соплеменники и под кровом новой Эсфири стали изощряться в талмудических проделках... Бесплодно гранды на коленях умоляли короля: *"Ваше Величество, Вы не можете приносить Испанию в жертву еврейке!..."* Ничто не помогало.

Тогда иудейская наглость ещё раз пожала, что посеяла. Рахиль была убита...

В Польше магнаты, увы, не последовали примеру грандов и… погибли вместе со своей родиной, как, впрочем, после смерти Казимира была замучена народом и коварная Эстерка с обоими прижитыми от него сыновьями. Тем не менее, на всём дальнейшем пути "свободолюбивых сарматов" в истории евреи размножались, богатели, приобретали тиранические привелегии, а страну, их приютившую, влачили на смерть...

Льстивые "баснописцы" назвали Казимира не только Великим, а и "королём мужиков". Муза же Клио постановила такой приговор: *Польша была раем для жидов и адом для крестьян.*

Во времена Яна Собесского под покровительством иудействовавшей королевы двое израильтян распределили между собой, наконец, и самого Венского триумфатора так: один из них, медик Иона, взял себе тело короля, а другой, Бетзаль, — его финансы. За цену, много выше нормальной, сделавшись арендатором его земель, Бетзаль не только давал королю возможность сохранять мишурную власть деньгами, но и эксплуатировал его, как хотел, продавая королевские милости с аукциона. Сверх того, держа на откупу таможни, Бетзаль совершал дерзкие, невероятные злоупотребления, разрушая во славу кагала народные торговлю и промышленность. Сыны Иуды торжествовали, открыто заявляя, что с этим новым Мардохеем вернулись к ним "блаженные времена" Ахашфероша (Артаксеркса — Лонгимана, создателя "Пурима"). Сто раз хотели убить Бетзаля, но его охраняла гвардия из тридцати "благородных" поляков. Что же касается "доктора" Ионы, то, "помогая своему счастью", и он, конечно, не дремал, а в довершение благополучия, чтобы скрыть содеянное, преподнёс своему пациенту такую дозу меркуриальных препаратов, что тот в страшных мучениях скончался... Лишь после смерти короля наступил час возмездия и для обоих израильтян. Подобно Эстерке, любовнице Казимира III, Иона и Бетзаль жизнью заплатили за всё зло, причинённое ими стране, отогревшей их на своей груди.

Впрочем, невзирая на это, история Польши представляет и такой, даже для еврейской сцены невероятный, факт.

18 августа 1587 года, когда избирательный день приходил уже к концу а ожесточённые партии всё ещё не могли достигнуть большинства ни в пользу шведа, ни в интересах австрийца, князь Радзивилл прислал своего умного Сауля, чтобы он постарался склонить к соглашению наиболее упорных из противников. Но едва спокойная фигура Сауля показалась среди этой пьяной и разгорячённой толпы, как у "избирателей" блеснула затея — посадить на трон самого радзивилловского фактора, пока враждебное настроение не затихнет и не будет избран настоящий король. Весьма расположенные к семье Шауля (Сауля) Вайля Радзивилл и Замойские ничего не имели против забавного проекта. Братья Зборовские могли гневаться и возражать, но что они способны были сделать вопреки большинству?!...

Итак, сын падуанского раввина Шауль Вайль из Бреста-Литовского стал королём на одну ночь, королём малёванным, королём in ab stracta, как выразился Стефан Баторий на сейме, говоря о своих предшественниках, а всё таки — польским королём... Вечером 18 август; 1587 года началось его царствование, а утром 19 кончилось, чтобы перейти в тот же день к шведскому принцу Сигизмунду III. Тем временен среди иудеев воцарилось крайнее изумление и, вместе, гордая радость Уже полторы тысячи лет продолжались скитальничество и притеснения Корону науки приобретали многие из потомков Агасфера, теперь и корона власти монаршей над гоями почила на главе одного из них!

Увы, за этот позор, устроенный пьяной шляхтой, но отражавший, впрочем, степень действительного порабощения её кагалом, пропала Польша...

Счастливые потомки равви Сауля унесли на целые столетия живейшие воспоминания о своём коронованном предке. Если бывали сыновья, внуки, правнуки "короля из Брест-Литовска", то за тысячи миль торопились отцы предложить им в замужество богатейших в иудействе невест. И поныне во многих домах Англии, Польши и Германии сохраняется благоговейная память о его величестве равви Сауле...

Sunt lacrymae rerum et mentem mortalia tangunt!

Назойливо пробираясь повсюду и всё оскверняя, как бы в ознаменование того, что на печати эшмалотарков Вавилонии была изображена муха, сыны Иуды никакой пронырливостью не ограничивались. Как только являлась возможность, они безотлагательно бравировали своей властью и даже не затруднялись выдвигать собственное правительство напоказ. Если в древнем Риме сосредоточием еврейских гешефтов и международным банком кагала служил иерусалимский храм, то и среди Речи Посполитой на ярмарках в Люблине и Ярославле (Галиция) собирался "Ваад шел арба арацот" — "Синод раввинов четырёх земель" (Великой и Малой Польши, Руси и Литвы). В лице избираемых ad hoc депутатов еврейства (парнасе гамедина), "Ваад" являлся одновременно и всеиудейским парламентом, и центральным правительством евреев, и верховным трибуналом судей Израиля (дай-нэ га-арец). Во главе Синода обыкновенно стоял прославленный раввин, например, Мардохай Яфа (1530-1612 гг.). Как председатель, так и члены "Ваада" вели превосходные гандели. Целый же "Ваад", in corpore, представлял собой такой же международный центр еврейства, каким в начале нашей эры являлся храм в Иерусалиме. Придавая иудейским общинам не в одной Польше единство, устойчивость и силу, а через это почётное значение внутри и во-вне, "Ваад шел арба арацот" внушал отвращение и ужас христианам. Горделивый же клич сынов Иуды в день отпущения грехов (Иом-Киппур), — "Лешана га-боа Бирушелаим!", т.е. "На будущий год (встретимся

уже) в Иерусалиме", ничего, равным образом, не обещал полякам хорошего. Если "быдло" — крестьяне пикнуть не смели против еврейства, то не лучшей представлялась и участь надменных панов. Правда, они обольщали себя сказкой, будто бы "у каждого магната есть свой жид", но и тогда уже на самом деле у каждого жида был свой магнат. Теперь это опять становится правилом. Конечно, не для одной Польши...

Парламенту "славянских" евреев подчинено было министерство из четырёх "великих раввинов" — Кракова, Познани, Львова и Люблина с премьер-министром во главе, каковым состоял Praefectus Ju-daeorum. Первым из таковых, был назначенный 14 февраля 1414 года, Сигизмундом I, брестский же еврей Иосель Иозефович, в потомство которого это звание переходило затем от отца к сыну многие годы. "Славянское" еврейство распадалось на кагалы и прикагалки под всевозможными более или менее лукавыми псевдонимами (вспомним хотя бы о новейшем изобретении "переселенческих комитетов" с девизом "Гирш-Аргентина"). Они являлись не только органами иудейского самоуправления, но и "гарнизонами" Израиля, в виду его мирового господства. Сообразно с такими условиями тирании "избранного" народа в Польше, "Ваад шел арба арацот" заведывал и международными его сношениями. Примером может служить "посольство" к Петру Великому с предложением раздела Польши. Но сыны Иуды, по меньшей мере, опоздали. Император успел ознакомиться с иудейством в Голландии, а потому избранников "славянского" кагала прогнал...

Сказанное мы могли бы дополнить иными фактами, в особенности из окровавленной истории Малороссии, стенавшей под Иезуитско-жидовским террором, но для нашей задачи и предыдущего, полагаем, достаточно. Не излишне, разве, отметить ещё раз, что бывшее королевство Польское и в настоящее время представляет собой оптовый склад средневековых евреев для всего мира, а в частности, что центром литовско-польско-еврейского талмудизма и доныне служит Вильна, как неисчерпаемая по этой премудрости "Vagina Judaeorum".

В. Новые времена

I. Для удобства изложения вопроса об иудейском правительстве мы разделили его на три периода: Древний мир, Средние века и Новые времена. Но природа не любит скачков. Подобно тому, как не может быть замечен переход от детства к юности либо от зрелого возраста к старости, равно как сообразно с тем, что нельзя уловить начала весны или конца лета, так и в жизни человечества всякое деление на периоды искусственно, а их границы ускользают от наблюдения. В частности, эпоха Средних веков и наше время, будучи черезполосны, с точностью размежеваны быть не могут. Всё объединяется законом эволюции и явлениями атавизма. Посему, такие, например, события, как открытие Америки и Реформация принадлежат к двум последним периодам истории в одинаковой мере, а Революция может быть объяснена только из их совокупности. Для Реформации это, в свою очередь, ясно. Что же касается создавших могущество Великобритании колониальных открытий, то не требует дальнейших доказательств оркестровка Революции мероприятиями английской политики за её счёт именно с целью обеспечить её же владычество на океанах. В гармонии с этим не надо забывать, что и самое проникновение еврейства в Англию, относимое к инициативе Кромвеля, совершилось в действительности не сразу, а развивалось постепенно ещё при Эдуарде VI и Елизавете наряду с упадком обаяния папства и сообразно успехам протестантизма у "просвещённых мореплавателей".

Чем же мотивируется смягчение ненависти иудейской к христианству в отношении последователей Виклефа, Гусса, Лютера, Цвингли, Кальвина et tutti quanti? Ответ даёт "Лятомиа" — одно из масонских обозрений: *"С точки зрения религиозной, протестантизм есть не что иное, как половина масонства. Сущность религии он рассматривает как откровение божественное, а разуму отводит бесплодную работу придания формы предмету, который, однако, стоит за пределами его обладания. В масонстве наоборот, разум обязан доставить не одну форму, а и сущность религии. Отсюда необходимо, чтобы протестантство либо вернулось к католицизму, либо остановилось на полдороге, либо, неуклонно прогрессируя, возвысилось до религии масонства. Да и в самом деле, не на один ли только момент мог бы удовольствоваться разум правом создания "здравомысленной" формы для того, что выше нашего понимания?... Достигнув отчётливого сознания о себе самом, разум с ясностью видит и неразрешимость подобной задачи. Тогда он предъявляет требование и на другую часть своего естественного права. Отбрасывая, в заключение, ненавистную тему, он выбирает такую, которая гармонирует с его природой."*

II. Переходя от данных условий принципа к обстоятельствам целесообразности в действиях масонства, мы в масонском же издании "Буагютте" (Лейпциг 1874 г.) в статье "достопочтенного" одной из германских лож Фомы Конрада читаем: *"Что касается протестантизма, до жалости увязнувшего в болотах раболепия перед буквой одной книги, лишённого животворной дисциплины, которая была бы способна двигать работу духа, расколовшегося и разбившегося на беспомощные секты, то его можно принимать к сведению разве как статистическую рубрику. Лишь в сильно скованной организации католицизма заключается деятельное начало, готовое могучими препятствиями задержать образование независимого человечества. Вот чего верные своей присяге масоны не должны забывать. Кто метит высоко, тот обязал и попадать в голову. На лоне непогрешимости папства в римско-католической церкви, франк-масон не может оставаться христианином. Эта церковь есть вызов, брошенный не одному только братству масонов, а и всякому цивилизованному обществу. Если мы как масоны, достойные этого звания, хотим идти вперёд в духе нашего содружества, то вместе со Штраусом обязаны провозгласить решительно: мы совсем не христиане, а масоны — ни более, ни менее... Однако, довольно с этим. Нам*

следует координировать силы на том, что действительно полезно людям на товариществе гуманитарном. Не принося пользы человечеству, колеблющийся дилетантизм отдаёт мало уважения и нашему братству. Либо целиком одно, либо — другое”.[47]

Согласно с означенным учением “Великий Восток” Франции 10 сентября 1877 г. уничтожил в своём статусе два тезиса: о бытие Божием и о бессмертии души.

Таким образом, программа масонства, а стало быть, и еврейства сводится прежде всего к разрушению католицизма, протестантство же будет уничтожено во вторую очередь.

Известный уже нам[48] Августин Баррюэль, настоятель собора Богоматери в Париже, получил 20 августа 1806 года из Флоренции помеченное 1-м числом того же августа, письмо Иоанна-Баптиста Симонини, хранимое теперь в городском архиве Фрибурга в Швейцарии.

Уроженец Ливорно, крещёный еврей Симонини излагает в этом письме иудейские замыслы на порабощение мира; удостоверяет, что, по утверждению кагала, “Старец Горы” происходил из колена Иудина; свидетельствует, что, признавая династию Бурбонов [49] себе враждебной, еврейство надеется в ближайшие годы свести её на нет; и заключает уверением, что потомство Израиля рассчитывает меньше, чем в одно столетие разрушить прочие исповедания, чтобы создать собственную Империю, заменить церкви синагогами, остаток христиан привести в рабство и сделаться всемирным владыкой. В параллель с этим, образованный из евреев правоверных, реформированных и свободомыслящих, отовсюду съехавшихся и заседавший в Лейпциге 29 июня 1869 года, Великий Синод, между прочим, постановил: *“Осуществление и развитие современных идей являются вернейшей гарантией для настоящего и будущего еврейской национальности и её детей”*. Но ведь с точки зрения еврейства представляются современными только идеи революционные, а всемогущее масонство обслуживает национальные интересы сынов Иуды прежде всего на борьбе с папством...

Правда, в течение значительного времени, сыны Израиля были исключаемы из большинства английских, немецких и французских лож, а потому основали нарочитые культы того же рода для себя, каковы “Мизраим” во Франции и “Бени-Бериф” (Берит) в Соединённых Штатах. Через них иудаизм пользовался как возможностью сноситься с другими ложами, так и теми преимуществами, какие обеспечиваются универсальным характером масонства.

Мизраим, сын Хама, говорят евреи, пришёл в Египет, завладел страной, дал ей своё имя и основал тайный культ Озириса, Изиды, Тифона и др. Будучи перенесён в Италию, а затем распространившись по другим частям римской империи, этот культ явился источником мудрости, откуда её черпали философские школы, тайные союзы, многие религиозные секты и масонские толки. Его система распадается на четыре серии: символическую, умозрительную, мистическую и герметически-каббалистическую. Они делятся на 17 классов и 90 степеней и разрядов. Девяностый разряд принадлежит неведомому главе: “Souverain Grand Maitre absolu, puissant, supreme de POrdre”. В начале XIX века “Мизраим был Гершкой Бедарридом перенесён во Францию, где преобразовался и расширился. В шестидесятых годах XIX века при маршале Маньяне, как “великом мастере”, назначенном в “Восток” Наполеоном III не из масонов, Мизраим, имея уже массу последователей, объединился с “Востоком” (Grand Orient de France) и ожидовил его окончательно. [50]

B'nai Brith (J. O. B. B.), “Б'най (Бени) Бериф”, —— тайный иудейский союз. Основан в Нью-Йорке в 1843 г. Его задача: *“объединение всех израильтян таким способом, который наиболее содействовал бы скорейшему и широкому развитию высших интересов иудейства”*.

С другой стороны, у гоев и в данном случае, по обыкновению, не было единства. Некоторые масонские ложи допускали к себе евреек уже с половины XVIII столетия, т.е. со времени, когда масонство стало приобретать характер явно революционный и насильственный. То же, как известно, происходило и в истории “русского” бунта. Таков реальный вывод из фактов. Но о его необходимость, очевидно, нельзя было бы не признать на основе еврейской истории вообще. Известно, в частности, что основатель французского иллюминатства и энергетический распространитель масонства, Мартинец Пасквалис, был еврей. Наконец, нельзя, вообще говоря, не признать, что иудейство и масонство — учреждения параллельные. Иудейство есть даже масонство по преимуществу, как в виду тесного единения его членов, так за силой космополитизма, воздвигаемого сынами Израиля выше любых уз патриотизма, так, наконец, через ненависть к христианству. Поэтому сами внутренние движения в масонстве не замедлили устранить те затруднения, которые христианскими идеями и социальным предубеждением противоставлялись допущению евреев в обыкновенные ложи. Вот почему масонство католических стран — Франции, Италии, Испании, а в позднейшее время и Германии стало открывать двери еврейству. Не без испуга узнало, тем не менее, оно о том, что сыны Иуды уже повсюду сумели захватить влияние над необрезанными “детьми Вдовы”...

III. Не входя засим в исследование всем известной решающей роли, какую еврейство сыграло на пути “Великой Революции”, а особенно в разгар Террора, мы не сможем, однако, не отметить связи кагала с Бонапартами. Мелкий ходатай по делам из Арраса Робеспьер и артиллерийский подпоручик Буонапарте были

[47] Воспроизведено Пахтлером в “Stile Krieg gegen Thron und Altar”, 2-е изд., стр. 58.

[48] См. в настоящем труде примечание на стр. 17-й.

[49] “Litia pedibus destrue!” — боевой клич масонских сект.

[50] См. Bedarride. — De l'Ordre maconniqui de Misraim depuis sa creation jasqu'a nos jours. Paris. 1845. — Lachmann. — Geschichte und Gebrauche der Hochgrade. Braunschweig. 1866.

хиротонисаны на свои зловещие деяния всемирным кагалом через масонство. Оба равным образом были уничтожены, когда за прекращением в них надобности, осмелились восстать против “избранного” народа. Наполеон I был страстным масоном и единомышленником Робеспьера. Масонство расцветало при нём во Франции так, как этого не бывало ни раньше, ни позже. Совершенно масонировалась армия. Сам Наполеон не только не скрывал своих масонских симпатий, но и провозглашал себя апостолом Революции. 18 брюмэра как наперсник Робеспьера, им же назначенный командовать осадой Тулона, Наполеон, тогда ещё только генерал Бонапарт, по взятии этого города писал Конвенту: *“Граждане, представители народа! С поля славы, и двигаясь в крови изменников, я извещаю, что распоряжения ваши исполнены и Франция отомщена! Ни возрасту, ни полу мы не давали пощады. Те, кто был лишь ранен реесприбликанской пушкой, разрывались в куски мечем свободы и штыком равенства... Привет и почёт. Брут Бонапарте, гражданин без штанов”*[51]. В своей “Biographie Universelle!” Мишо думает, будто впоследствии Наполеон делал вид, что ужасный рапорт написан его братом Люсьеном... Но и это не изменяло бы вопроса. Если бы даже автором оказался действительно Люсьен, рапорт всё равно свидетельствовал бы о настроении Наполеона, без согласия которого его брат не мог решиться на такой текст. По соображению же с тем, что в своё время победитель при Тулоне не отказывался от принадлежности рапорта ему самому, факт приобретает особую яркость...

Гармонируя со сказанным, Людовик-Наполеон (впоследствии Наполеон III) в своих “Idees Napoleoniennes” так резюмирует историческую миссию своего дяди: *“Умирающая, но непобеждённая Революция завещала Наполеону I исполнение своей последней воли. “Просвещая народы”, как бы говорила она, “твёрдыми устоями подкрепи результат наших усилий; распространи в ширину то, что мне удалось исполнить только в глубину; явись для Европы тем, чем я стала для Франции”...* Это великое призвание Наполеон и совершил до конца.

Ближайшее рассмотрение фактов убеждает, однако, что беспримерное счастье и недосягаемость собственного гения ослепили “маленького капрала”. В действительности он не только не сочувствовал революции, а, познакомившись с ней на опыте, трепетал перед неистовствами толпы, будучи же коронован императором, ни перед чем не останавливался, чтобы скрыть якобинское происхождение своей власти. Вёл двойную и даже четвертную игру. Преследуя роялистов, он, тем не менее, ими же себя окружал и наоборот, из республиканцев главным образом, рекрутируя штат своего двора, он питал к ним глубокое презрение, держал, что называется, в ежовых рукавицах. Производя же их в генералы, маршалы, герцоги и короли, он располагал достаточными средствами, чтобы вытравливать “республиканский” дух. С другой стороны, в лице таких императорских министров, как Тайлеран и Фуше, он имел возможность оценить и всю низость “свободолюбивого” вероломства. Окружённый изменниками, он даже в лице императрицы Жозефины, вдовы Богарне, встретил шпиона целиком продавшегося его же тайной полиции. Нет, стало быть, ничего странного, что на острове святой Елены Наполеон не раз проклинал себя за то, что вовремя не повесил Фуше!... Не надо, значит, удивляться и тому, что председателем военно-полевого суда над герцогом Энгиенским 21 марта 1804 года он назначил именно “победителя Бастилии” (14 июля 1789 года) Гюллэна. Смерть же герцога, состоявшего на службе у Англии, сражавшегося против войск республики под Вейсембургом, Бесгеймом etc. и ведшего заговоры против самого первого консула, вызывалась прямой государственной необходимостью. Параллельно с этим, собираясь провозгласить себя императором, Бонапарт хотел в казни герцога дать решительную гарантию своих взглядов и людям Террора. Накануне самой казни он говорил своим приближённым: *“Хотят уничтожить революцию, преследуя меня. Но я окажу ей защиту, потому что я сам — Революция, да, я, я!... Станут глядеть, теперь в оба, узнав, на что мы способны”*. А несколько лет позже, обращаясь к тому же вопросу, он пояснял своему брату Иосифу: *“Я не могу раскаиваться в том пути, который избрал относительно герцога Энгиенского. У меня не было другого исхода устранить сомнения о моих намерениях и ниспровергнуть надежды бурбонских сторонников. Кроме того, я не мог скрыть от себя, что не будет мне покоя на троне, пока еще остаётся в живых хотя бы один Бурбон. У этого же текла кровь великого Кондэ. Являясь последним представителем великолепного имени, он был молод, блестящ, храбр, следовательно, наиболее опасен из моих врагов. Отправляя его на тот свет, я приносил настоятельную жертву во имя собственной безопасности и ради величия моей династии”*.

IV. Каково было при этих условиях соучастие “детей Вдовы” и членов “избранного” народа в Венсенском злодеянии, остаётся догадываться. Как бы, однако, ни было, нет места сомнению, что замыслы “всемирного кагала” и Наполеона I в данном случае совпадали. Нарочитое исследование показало бы, разумеется, то же самое и в разных других, хотя ещё далеко не во всех, направлениях, но это требует специального анализа. Мы заметим только, что сознавая могущества иудаизма Наполеон, увы, стремился приголубить его, а потому не остановился и перед созывом Синедриона в 1807 году.

Тем не менее, трудно понять наивность заблуждения, которым увлекался, если рассчитывал обмануть евреев либо превратить их и своё орудие. Не знал он истории? Не видел, каков французский патриотизм тех алчных жидовских полчищ, которые хлынули отовсюду через Рейн с целью грабить как французов вообще, так и их голодные, оборванные армии? Не жаловался ли сам перед государственным советом на хищничество сынов Иуды в Эльзасе и Лотарингии? Не имел ли сведений о Меере-Амшеле Ротшильде и капиталах герцога Гессен-Кассельского? На поражениях в Испании не испытывал ли результаты “сотрудничества” Натана Ротшильда Веллингтону, оказавшихся провозвестниками Св. Елены? Не располагал ли данными о том, что в Германии

[51] “Memorial sur la Revolution francaise”, par Touss. Fel. Joly, ancien professeur. Paris. Beauce-Rusand, 1824.

при вступлении французских войск все местные “ложи” закрывались, чтобы не вступать в сношения с фальсификацией масонства под барабаны “корсиканца”? Не обязан ли был давать себе отчёт в глубине связи масонов и евреев с коварным Альбионом?

Не замечал ли, что “династия” Ротшильдов сделалась кассиром и соглядатаем всяких монархических коалиций? Стал ли забывать, наконец, о судьбе Густава III, Людовика XVI и Филиппа Эгалитэ?!... Кто даст ответы? Как разуметь всё это?...

Впрочем, сыны Израиля с “детьми Вдовы” придумали для Наполеона забавную игру. Раскрывая ему тайны австрийского генерального штаба, а стало быть, предавая и наших несчастных солдат с их воеводой Суровым, иудаизм организовал в Италии и Германии поперёк дороги тому же Наполеону Карбонаризм и Тугендбунд. В России приобретя такого шаббесгоя, как Сперанский, и через Айзика Перетца располагая графом Кутайсовым, евреи не только раскинули к 1812 году художественные” сети шпионства, но и посоветовали Наполеону открыть фабрику фальшивых ассигнаций, а затем усердно распространяли их для подрыва нашего государственного кредита. Но судьбе угодно было, чтобы уже сподвижник Наполеона, граф Сегюр, явился очевидцем иудейской дружбы, когда больных и раненых французов кагалы и прикагалки дорезывали при наступлении русских войск или выбрасывали умирать на мороз...

Как бы, однако, ни было, картина всё же оказалась бы не полной без того апофеоза, который сынами Иуды поставлен на сцену и разыгран под ватерлоо с финалом крокодиловых слез Натана, при операциях с английскими консолями на бирже в Лондоне.

V. Подготовив “одним махом” лабиринт дальнейших революций через реставрацию “возлюбленного” Людовика XVIII русскими войсками, и на свою же потеху дав ему в министры полиции Фушэ, кагал мог почить на лаврах, ad teinpora feliciora. Ведь Фушэ состоял таким же министром и в эпоху террора, т.е., когда Людовику XVI отрубили голову, а иудеи-франкисты, как патентованные Азефы продолжали играть и при “возлюбленном” ту же роль, какую исполняли во времена Наполеона I. Празднуя возврат “законного короля” и, кстати, рекомендуя ему Фушэ, масонство поставило вновь министром Талейрана с расчётом, предвкусив плоды афоризма, впоследствии открыто выдвинутого Вениамином д'Израэли *“милосердная политика есть самая ловкая и самая дальновидная...”*.

Здесь мы вступаем в период происшествий с девизом — est aliquid delirii in omne rnagno ingenio.

Как жаль, что настоящая работа и без того уже слишком обширна?... Как печально, что для многого ещё не настало и время к разоблачению в печати?... Как унизительно, хотя бы поневоле замалчивать данные, способные раскрыть весь цинизм иудейского двуличия? Как горько, что в одной книге нельзя охватить и диагноз болезни, и её терапию!...

Между тем, и под Ватерлоо мы видим то же донкихотство, каким, увы, отличаются многие патриотические союзы в России ещё и сегодня, обольщаясь миражом, будто своей доблестью и кровью они победят врага, сама организация которого, равно как место пребывания его главы, остаются неведомыми.

Накануне битвы при Ватерлоо, соединив под Катр-Бра свою армию с корпусом Нея, Наполеон двинулся по брюссельской дороге против англичан. Решительно не приходила в голову мысль, что ему предстоит сражаться и с пруссаками, которых он считал разбитым наголову. Полагая, что легко останется победителем, он, с целью навеет страх на неприятеля и внушить мужество собственным войскам, решил произвести смотр на глазах армии Веллингтона.

Тогда в последний раз выстроились на парад перед своим вождём ветераны, участвовавшие в битвах при пирамидах, под Аустерлицем, на полях Бородина и так долго державшие в страхе весь мир. От упадка своего прежнего величия они оберегали только свою солдатскую гордость, жажду мщения и неукротимую привязанность к своему геройскому вождю. Тогда императорская власть снова предстала взорам старых воинов во всём её блеске и произвела неизгладимое впечатление на их сердца... Великий полководец явился ещё раз в своём мрачном величии!

Увы, мыза “Belle Alliance” стала преддверием “Священного Союза”, а остров Св. Елены оказался гарантией, что карнавал Венского конгресса вновь прерван не будет.

“Ces ammaше ont compris quelque chose!” — яростно воскликнул по адресу пруссаков и англичан “маленький капрал”, впрочем, достаточно таки долго “обучавший” своих врагов. Чтобы не попасться в руки Блюхеру, который расстрелял бы его немедленно в возмездие за смерть герцога Энгиенского, уничтоженный цезарь написал английскому принцу-регенту, что оставляя отечество, он, подобно Фемистоклу, “ищет убежища у очага британской нации”. Но люди, в руках которых находились тогда бразды правления, не чувствовали никакого сострадания к низвергнутому властелину. Не принимая в соображение ни чести английского имени, ни народного мнения, они навязали Великобритании постыдную роль тюремщика. Пристав к берегам Англии, “генерал Бонапарт” получил в Плимуте страшное известие, что окончит жизнь в качестве “государственного преступника”. И вот среди безбрежного океана, в нездоровом климате, под надзором угрюмого, сурового и мстительного Гудсона Лоу, скованный Прометей завершил своё земное странствование...

И что же, столь поразительная, невиданная в летописях мира эпопея гордыни служит ли доказательством правосудия истории?...

Нет, ибо конечные результаты никому не принесли такой пользы, как надменной Англии. В частности же, Берлинский конгресс и “триумф” Биконсфильда убедили воочию, что потоки крови русского народа, пролитые для сокрушения Наполеона, удобрили европейскую почву как бы исключительно для

того, чтобы на ней мог расцвести “честный маклер”, способный вновь удивить мир неблагодарностью, а циничный Альбион успел довести культуру своего жидовства до возможности стать нам поперёк дороги в лице самого заносчивого из сынов Иуды.

VI. Ничто в этой юдоли плача не совершается, однако, сразу, как и ничего не исчезает без последствий. Лицемерные же мероприятия на сцене истории, будучи много возмутительнее фальшивого исполнения в оркестре, создают результаты, обратные предначертанным. Таков был и пресловутый Венский конгресс. Задавшись несбыточными мечтами о ликвидации содеянного революцией, он в конечном результате произвёл ту анархическую обстановку, из которой Европа — авангард других частей света не может найти выходя...

“Le congres danse mais il ne marche pas!” — ядовито заметил в своё время князь де Лини. Между тем, уже само по себе присутствие здесь подобных людей, как Талейран и Миттерних, не обещало ничего хорошего. Однако, что не удалось Наполеону, мнившему перехитрить “старейшин многострадальной синагоги”, того отчасти добился Талейран, прибывший на конгресс в качестве скромного просителя, но быстро почувствовавший себя здесь “как жид на ярмарке”. Достигнуть этого ему было тем легче, что, хотя епископское одеяние, как неподходящее к обстоятельствам, уже было давно им покинуто, тем не менее, от звания сановника католической церкви у него на всю жизнь остался талант придавать в случае надобности чертам своего лица выражение елейного умиления и трогательной покорности. “Квартет”, как называли Россию, Пруссию, Австрию и Англию, хотел устранить Талейрана от предварительных совещаний и признать его второстепенным посланником. Тогда эта старая лиса, с таким усердием потрудившаяся над разгромом старой Европы, придумала лозунг, сверкнувший, точно волшебное средство. Министр революционной и наполеоновской Франции выступил ревнителем исторического права против грубого насилия. Расчёт оказался верным. Сосредоточив у себя нити всех интриг, Талейран под маской легитимности принялся сеять кутерьму в “квартете”. Англия и Австрия перестали соглашаться на требования России и Пруссии. Дело дошло до того, что барометр конгресса начал, как тогда говорили, “показывать бурю”.

Правда, не все были обмануты. На уверения Талейрана, будто он уже семь лет назад состоял в подозрении у Наполеона, князь де Линь воскликнул: *“Неужели только семь лет?... А для меня вы уже двадцать лет подозрительны!”.* Тем не менее, политический хамелеон сумел воспользоваться положением, оказавшись в апофеозе союзником Австрии и Англии против Пруссии и России. Недалёкий Кэстльри, британский посол, слепо шёл на буксире двух таких иезуитов, как Талейран и Миттерних, отношения между которыми стали вполне интимными. Самый вопрос, кто должен участвовать в разрешении того либо иного специального пункта программы, всё более затуманивался. Потаённые комбинации и дипломатические хитросплетения препятствовали официальным переговорам в такой мере, что эти последние нередко оказывались бесцельными или бесплодными. Среди указанных затруднений и в виду понижения умственных сил, которое явилось результатом пережитых испытаний, деятельность конгресса обнаружила мало реформаторских стремлений и не проявила творческих способностей. С удивительным безразличием и ребячеством игнорировались как симптомы нового времени и тревожное настроение умов, так и те перемены, которые произошли в жизни и убеждениях европейских наций. Элементарное восстановление прежней “системы равновесия” наряду с торжеством реакции рассматривались, как достаточные основы порядка вещей. Вообще же говоря, Венский конгресс распоряжался тронами и коронами с таким же произволом, каким отличалось и революционное самовластие Наполеона. При распределении же территории, конгресс, в свою очередь, не придавал никакого значения историческому прошлому племён, династий и государств.

Иных решений, впрочем, и ожидать было нельзя, как трудно было бы выдумать лучшую обстановку для столь изощрённых политических шулеров, какими являлись Меттерних и Талейран.

VII. Со времён Констанцского собора Европа не видела столь блестящего собрания, как Венский конгресс. Великолепная обстановка старого режима, отодвинутая на задний план революцией и войнами двух последних десятилетий, снова развернулась во всю ширину, а легкомыслие скоро заглушило во влиятельных сферах само воспоминание о едва пережитых ужасных временах. В весёлой Вене среди высшего общества снова стали господствовать лёгкое остроумие, жажда наслаждений и приторное жеманство, какими некогда отличались посетители французских модных салонов. На самом конгрессе, собравшемся для размежевания и восстановления всего “перепутанного” Наполеоном, главным делом оказались празднества, и какие празднества!... Это был нескончаемый ряд каруселей, балов, парадов, торжественных спектаклей, загородных прогулок, охот, концертов, иллюминаций и народных увеселений. *“Надо же что-нибудь сделать и для народа,* — иронизировал князь де Линь, — *ведь за период освободительных войн и народ кое-что сделал для этих высоких господ”.* Нельзя с точностью определить, во сколько сотен миллионов обошлись тогда разбитой, обанкротившейся Австрии все эти забавы, по отзыву Генца. правой руки Меттерниха, составлявшие альфу и омегу конгресса. Более 50.000 гульденов ежедневно расходовалось на один придворный обед; по свидетельству же Талейрана, знаменитые гости стоили венскому двору ежедневно более 220.000 гульденов. Гости также не унывали. В одном памфлете того времени говорилось: *“Датский король пьёт за всех, виртембергский король ест за всех, прусский король думает за всех, баварский король говорит за всех, австрийский же император платит за всех”.* Талейран, в свою очередь, задавал лукулловские пиры, доводя гастрономов до такого упоения, что они, наконец, стали однажды говорить речи и провозглашать тосты в честь августейшего бри — “короля сыров”!... Наряду с этим у каждого мужчины был свой роман. Красавицы: Габриэла Ауэрсперг, Лобкович, Зичи и Эстергази, такие умницы, как Элиза

Бернсдорф и баронесса Варнгаген и такие “министры в юбках”, как племянница “епископа” графиня Талейран-Перигор либо княгиня Багратион и герцогиня де Саган, оставили неизгладимые следы в анналах конгресса...

Указанное положение вещей, естественно, привлекало в Вену алчные скопища сынов “избранного” народа. Они здесь кишмя-кишели, занимаясь чем угодно, а прежде всего, разумеется, оперируя в качестве факторов и шпионов. На этих профессиях, они, как известно, незаменимы вообще. Под командой же Талейрана, этого “возлюбленного сына церкви”, они действовали ещё и с блистательными для себя барышами. Сколько золота вновь перешло от презренных гоев к благородному Израилю, сколько тайн похищено, сколько было заложено ближайших путей влияния и какие сооружены вновь крепости во славу “святого талмуда”!...

Легитимизм, реакция и ханжество, выдвинутые Меттернихом как универсальные презервативы от революции, могли, в свою очередь, доставить только истинное наслаждение кроткому кагалу, а по принципу исторического возмездия, как и по закону контрастов, должны были забавным образом столкнуться в грозный период 1848-1851 годов с так называемыми “придворными демократами”. *“Если прежде держали,* — говорит Иоган Шерр, — (см. его “Комедию всемирной истории”), *редкостного карлика, араба или обезьяну, то в эти дни начали заводить придворных демократов. А если такого шута на новый лад можно было как-нибудь раздобыть от одного из двенадцати колен Израиля, то это уже считалось высшим шиком и роскошью”...*

VIII. Не замедлили, конечно, разоблачиться в параллель с этим и другие мероприятия конгресса. *“В Вене,* — говорит Гервинус, — *создавались государства так же, как вырабатываются фабричные произведения — торопливо, но непрочно. Привязанность подданных к своим старым династиям и нравственный уровень племён вовсе не клались на весы. Вводились в расчёт лишь число душ и их способность платить налоги”.* Принимая же затем во внимание, что всё это учинялось “двумя друзьями” под эгидой австрийского императора Франца, вокруг которого сосредоточивались силы конгресса, и который с виду казался чистосердечным, простым в обращении, добродушным, а на самом деле был крайне расчётлив, хитёр и жестокосерден, получается довольно верная картина событий.

Негодность и бездарность, изворотливость и лукавство большинства постановлений конгресса являлись, стало быть, логическими выводами из окружающих его условий. И чем больше сгущался мрак, чем сильнее тормозился прогресс, тем выше и шире развивалось могущество Великобритании, успевшей вовремя заменить недалёкого Кэстльри такими государственными умами, как лорд Клянкарти м Каткарт, а в заключение и сам герцог Веллингтон. Позднейшие же мероприятия Меттерниха, бывшего оракулом континентальной Европы в течение ещё почти 35 лет после конгресса, не могли равным образом не дать результатов противоположных ожидаемым и в этом трагическом водевиле должны были ускорить развязку...

Впрочем, с наступлением революции 1848 года и сам Меттерних в награду за столь неизречённые добродетели и прозорливость едва спасся от повешения... на первом фонаре.

Понятно, какие выгоды добывало “всемирное” еврейство из этой фальши, близорукости, сомнения и мишуры. Безграмотная искусственность определений конгресса представляла для иудейской пронырливости умопомрачительный простор.

Возбуждая общее неудовольство и требуя всё больших расходов на тайную полицию и усиление армий для охраны вполне эфемерного, как оказалось, спокойствия, “священный Союз” и сам едва держался. Мы же приняли на себя роль обер-полицмейстера и в противоречие как с истинными задачами России, так и со здравой, предшествовавшей политикой, защищали ради враждебных нам британских целей, Турциею против взбунтовавшегося египетского вице-короля, а затем пошли спасать жаждущую гегемонии в славянстве Австрию против венгров, уже неоднократно и коварно расплатившихся с нами, но и сейчас почитающих себя ещё в долгу... Устроив нам далее “конституцию” декабристов и перепугав возможностью образования венгерско-польской республики, масоны привели нас и к “дивертисменту” Крымской войны, которая независимо от многих иных для России бед, послужила “золотым прииском” для обогащения целого ряда новых “князей во Израиле”.

С другой стороны, Трафальгар и Ватерлоо в эпоху Наполеона явились лишь отблеском лучезарности того сияния, каким окружил тиранией Англии Венский Конгресс. Именно он облагодетельствовал “просвещённых мореплавателей” таким упорным застоем Европы, какого они едва ли когда-либо дождутся вновь. В этих чрезвычайно счастливых для неё сочетаниях, Великобритания почерпнула те источники и обосновала те устои своего лютого могущества, какие так долго открывали ей возможность эксплуатировать несчастья других народов, а в частности, позволили разыграть на Берлинском конгрессе роль, которая никогда не может быть забыта нашим отечеством.

Мы видим, следовательно, как безграничность преимуществ, предоставляемых Альбиону союзом с иудаизмом и масонством, так и неизмеримость средств для их собственного процветания.

IX. Но Венский конгресс изложенным не удовольствовался. Он сыграл в руку нашему врагу и по другому направлению. *“Там, где есть солёная вода, там и Англия!”* — говорится в одной из британских песен. Вот почему эта страна с изысканной любезностью предложила нам в реформаторы флота при Екатерине II одного из лучших своих корабельных капитанов — Грейга, масона, разумеется. Не наше дело повествовать обо всём, отсюда происшедшим. Тем не менее, нельзя оставить без упоминания факт, что главнокомандующий в Крыму Меньшиков, оказался, по-видимому, также масоном и запретил, не обращая внимания на их мольбы, адмиралам Корнилову и Нахимову выйти в море, чтобы, погибая, утопить рядом с собой и лучшую часть флота союзников... Вместо этого, никогда

и нигде ещё в анналы истории не занесённого подвига нам пришлось уничтожить собственный флот в бухте, а кровью доблестных адмиралов и их геройских команд залить бастионы Севастополя!

Задавшись делами одной Европы и надолго сосредоточив её внимание исключительно на проблемах, ограниченных её же территорией, Венский конгресс тем самым дал Англии полную свободу на обоих полушариях. А так как уже и в это время британские колонии были разбросаны повсюду, то это крайне облегчило ей возможность раскинуть во все стороны и укрепить сети, в которых теперь бьётся захваченный английским бульдогом мир.

Но во имя справедливости мы не должны забывать, разумеется, и о том, что, если Британия заботится о расширении своих границ, то преимущественно "ради целей благочестия".

Уважаемые члены весьма достопочтенного "London Missionary Society" расходятся, как известно, по всем концам земли, нередко поселяясь среди какого-нибудь дикого или полуцивилизованного народца. Больше всего они занимаются торговлей, потом, и весьма немало, политикой, и наконец, когда остаётся время, проповедью.

Сплошь и рядом это политиканство, как ещё недавно на Мадагаскаре, оказывается чересчур ревностным, хотя и неизменно клонится в ущерб местной власти либо во вред туземным интересам. Бывает и так, что при неосторожном снятии кожи с "покупателя"-туземца он, вдруг начинает лягаться. Тогда достопочтенные отцы кричат о покушении на их жизнь и какой-нибудь Сесиль Роддс, как снег на голову, падает на супротивников протестантской брэнди или английского коленкора. Если возникшие отсюда "дипломатические недоразумения" не заканчиваются иначе, т.е. простой уплатой по требованию английского адмирала приличной суммы убытков, то весьма корректный английский резидент поселяется в столице местного королька вплоть до того дня, когда при малейшем предлоге вся страна будет объявлена... колонией Великобритании.

Наряду с этим пуританский Лондон строго сохраняет за собой монополию торговли идолами и поставляет таковые, равно как и всё, что относится к их культу, с глубоким знанием дела и по самым умеренным ценам во все концы света...

Таковы результаты наполеоновской эпохи. Как ни печально в этом сознаться, но правды девать некуда. Подводя итоги, мы видим, что претерпев страдания 1812 года и пролив ещё новые потоки своей крови для "освобождения" ненавидящей нас Европы, мы в резолютивном выводе спасли и возвеличили Англию, самого злобного из своих открытых врагов, усилили, обогатили и превознесли еврейство, т.с. врага, без сомнения, ещё гораздо опаснейшего, так как он действует и явно, и тайно.

X. Великая революция и Наполеон, с одной стороны, а Венский конгресс, с другой, диаметрально противоположны в источниках, настроениях, методах и задачах. Тем не менее, и взаимно исключаясь, эти сферы равно послужили замыслам иудаизма. Можно признать даже, что рассчитанный на уничтожение последствий Революции, весёлый конгресс принёс кагалу большие выгоды, чем Террор и Аустерлиц. Откармливаясь скорбью народов и разложением государств, иудаизм должен питать к конгрессу величайшую благодарность за результаты "Священного Союза". Монархический принцип, национализм и исторические устои вообще не могут отказать "избранному" народу в признательности за то искусство, с которым он пятнает саму идею свободы, когда вешается ей на шею...

Здесь мы уже вступаем в пролог исторической трагикомедии нашего времени. Тема заслуживает внимания.

20 июля 1785 года в маленьком, но "вольном" городке Регенсбурге, гуляя с Вейстауптом, священник Ланц, ударом молнии, был поражён насмерть. Скрываясь от преследований баварского курфюрста Карла-Теодора, как объяснено далее, профессор канонического права в Ингольстатском университете и основатель ордена Иллюминатов, Адам Вейсгаупт поспешил убежать. Он, очевидно, не знал, что Ланц собирался в Берлин и Силезию по орденским делам и что важнейшие документы зашиты в его одежде. Молниеносный же свет бросили эти документы на орден Иллюминатов. Обысками у Ланца, Вейсгаупта, барона Готфрида Бассуса, Цвакха и "гениального" Адольфа Книгге сведения документов были дополнены и по приказанию курфюрста Карла-Теодора распубликованы в 1787 году. Подлинники хранятся в Мюнхенском государственном архиве и доступны обозрению.

Орден действует лукавством, насилием и изменой. Страстно ненавидя опаснейших своих соперников — Иезуитов, Иллюминаты в правилах, методах и целях с ними, однако, тождественны. Будучи связаны с постановлениями конвента Вольных Каменщиков, происходившего в Кёльне 24 июня 1535 года, т. е. с так называемой, вероятно, апокрифической, "Кёльнской Хартией", Иллюминаты посредством неё, а затем через Рим и Грецию относят своё происхождение во мрак веков.

Главой ордена состоит, как и следовало ожидать, "Невидимый Начальник", "Высший Мастер", о существовании которого знают только избранные же "мастера", всего от трёх до пятнадцати человек. Не следует, впрочем, забывать, что Тевтонский орден меченосцев, располагающий и доныне многими представительствами даже в нашем Остзейском крае, ведёт себя от Тамплиеров, которые в свою очередь, почитали себя древнейшим из обществ этого рода, уже во второй половине XIII века по Р.Х., заключали в своей среде до 30.000 "рыцарей" и владели ежегодным доходом свыше 50.000.000 франков. Тамплиеры стремились к универсальному господству, Иезуиты помышляли о том же. "Вольные Каменщики" заявляют в "Кёльнской Хартии" — "общество наше управляется единственным и всемирным главой", а Иллюминаты путём сокрушения религии и государств не могли, равным образом, мечтать о чём-либо ином. Известно, далее, что в масонстве не приказывают, а внушают. Игнатий Ллойола преобразовывал своих адептов путем "Exercitia Spirituals",

Иллюминатам же их апостол Книгге дал в руководство свой трактат "Об обращении с людьми". Сущность учения Иллюминатов такова:

"Равенство и свобода — неотъемлемая правда, которую человек, в своём первобытном совершенстве, получил от природы. Первое нарушение равенства произошло благодаря праву собственности. Первое посягательство на свободу учинено основанием "правопорядка". Главными устоями собственности и государственности являются религиозные законы. Дабы возвратить человечеству его природные права на свободу и равенство, следует начать с уничтожения религии и государственности, а закончить отменой частной собственности.

Тирания попов и деспотизм монархов сокрушают бедное человечество. Найти силу, которая могла бы защитить от угнетения и произвола можно лишь в честнейшем, умнейшем, тайном соединении. Поэтому, стремление к тайным обществам находится в самой природе человека.

Иисус из Назарета научил божественной премудрости своих последователей и в особенности Св. Иоанна. Он возложил на них руки и внедрил им свой дух. Апостолы передали откровение первым епископам и проповедовали добродетель, как вечный завет гармонии и врата к достижению высшей мудрости. К нашему несчастью попы и их соучастники построили на этой почве здание безумия, гнусности, предрассудков и эгоизма. Тем не менее, чистая истина не была утрачена. Её сохранили тайные, школы. Бог и природа направляют их как средство приобретения недостижимых иначе результатов. [52]

Цари суть отцы. Но с совершеннолетием детей и родительских власть кончается. Между тем деспотизм царей стал верховным законом, а народ — средством для удовлетворения царских прихотей.

С появлением царей люди разделились на племена и национальности, а великий природный союз был уничтожен. Расширять пределы своей земли, презирать, обманывать или обижать соседей было признано доблестью и наименовано патриотизмом. Ради его алчности возникли сперва наёмные дружины, а затем и постоянные войска. Им платили деньги или давали поместья для того, чтобы они продолжали быть палачами, нанятыми исключительно для убийства и ограбления невинных людей.

Орден Иллюминатов призван уничтожать всё это и возвратить человечество к его первобытному состоянию. Отсюда — долг есть всё, что полезно ордену. Всё же ему противное — измена и порок. Цель оправдывает средства. Так называемые бесчестные поступки — клевета, отравление, бунт и т.п. дозволены, если они благоприятны для целей ордена иллюминатов".

Не смотря на изложенное, равно как применяя иудейский ритуал, поклоняясь "священной" памяти гроссмейстера Тамплиеров Якова де Молэ и символически предавая смертной казни Филиппа IV Красивого, масонство вообще, а Иллюминаты, в частности, не только исповедуют культ Соломона и Хирама, но и вероломно приурочивают имя сего последнего к Иисусу Христу. По их уверению, буквы имени Хирама являются анаграммой догмата — *"His Jesus est restituens amorem mundi".* [53]

Под видом освобождения от тирании политической и религиозной, орден Иллюминатов проповедует, следовательно, анархию, не имеющую, вдобавок, никакой надежды на существование. Вейсгаупт же и Книгге, по-видимому, не имели понятия как о сущности иудаизма, так и о тайных обществах хотя бы в древнем Китае. Сталкиваясь, дискредитируя и уничтожая друг друга, эти общества тормозят действия не только центрального правительства, но и свои собственные, потому что и сами приговорены к бессилию. Вследствие бесконечных и свирепых раздоров, они беспомощны, игнорируя на факт существования там верховного, в свою очередь, и пожалуй, могущественнейшего из тайных сообществ в целом мире — ордена "Белого Лотоса".

Но если ничто не ново под Луной, то нельзя отрицать, что организация Иллюминатов носила демоническую печать прозорливости, чем исключается легенда, будто автором статута являлся Адольф Книгге — двадцативосьмилетний юноша. Такие дела не совершаются внезапно и притом одним человеком. Сюда, без сомнения, вошла дьявольская мудрость веков, сокровенно применяемая, как это мы видим, и в "Новой Атлантиде" Бэкона, и в похождениях Калиостро, и в преданиях Мартинизма, и в красноречии секты Измаилитов. Эта последняя — "масонство, среди мусульманского мира", отразилась на извращении ордена Тамплиеров, хотя по насмешке судьбы процветала во времена (конец XII века) "рыцарски благородного" египетского султана Селадина, который "далеко превосходил своих христианских противников добродетелями", как говорят его придворные баснописцы. Уже не поэтому ли он и разрушил царство Иерусалимское лишь за 90 лет раньше воздвигнутое на потоках крови Крестоносцев?!...

Наравне с глубиной предательства, деятельность Вейсгаупта и Книгге знаменательна и по своим результатам. "Не прошло и пяти лет, а кружок их приятелей уже разросся в громадный орден и распространился не только по Европе, но и в Америке. Великие "мастера" масонского ритуала, действующие в Германии — люди, большей частью принадлежащие к владетельным немецким родам, смиренно входят на его низшую ступень; царствующие лица, священники, лютеранские и реформаторские богословы, военные, аристократы, сановники наряду с аптекарями, купцами, библиотекарями, мелкими чиновниками либо историками, как Гердер или поэтами, как Гёте, добиваются чести и счастья вступить в число "братьев". Орден через своих членов распоряжается

---

[52] Как видно из дальнейшего развития их учения, Иллюминаты, прикрываясь именем Иисуса Христа, не только в Него не веруют, но и являются коварнейшими из Его врагов.

[53] ".Это есть Христос, восстанавляющий любовь мира".

государственными делами и доходами, забирает в свои руки воспитание молодёжи, прогоняет и назначает по своему усмотрению профессоров во всех баварских университетах и школах, собирается забрать в руки женское воспитание. Христианской церкви, государству, праву собственности грозит почти неминуемая гибель; мировые устои дрожат, и вот, ещё мгновение, рухнет тысячелетний строй культурного мира, а человечество вернётся к каменному веку, к доисторическим временам, потому что таков именно лозунг, такова цель тайного сообщества... Но в минуту, когда опасность достигает последних пределов, когда орден готов отпраздновать решительную победу, в эту самую минуту вдруг — гроза в лесу, раскаты грома и удар молнии, поражающий смертью человека, носящего на себе зашитыми в одежду письменные доказательства чудовищного заговора"[54]*...*

Сказанного ещё недостаточно. Среди Иллюминатов находилось пять царствующих герцогов: Фердинанд Брауншвейгский, Эрнест Готский, Карл-Август Саксен-Веймарский, Август Сакссн-Готский и Карл Гессенский. Но что всего знаменательнее, это принадлежность к ордену барона Дальберга, последнего курфюрста Майнцкого, который вслед за тем был Наполеоном поставлен в великие герцоги Франкфуртские.

Впрочем, и этого мало. Старший сын такой автократки, как императрица Мария Терезия, император Иосиф II, гонитель католической веры, её конгрегации и монастырей, долго и всемирно покровительствовал масонству. Наряду с ним Фридрих Великий, король прусский, игнорируя совет отца держаться только "реального", т.е. "иметь хорошее войско и много денег, так как в них, очевидно, и слава, и безопасность государя", сам был посвящён в масонство и 4 часа утра 15 августа 1738 г.; 3 июня 1738 года, значит, всего лишь через три дня по вступлении своём на престол, он заявил об этом приближённым; 4 июля того же года приказал секретарю берлинской академии Форнею издавать в Перлине масонскую газету на французском языке "Берлинский Журнал или политические и научные новости", а 13 сентября под своим покровительством открыл ложу ""Грех Глобусов", которая вскоре сделалась "Великим Востоком" для всей Германии; в заключение, 10 июля 1775 года, стало быть, после 35-ти лет царствования Фридрих II издал манифест, где уже объявил себя протектором всех немецких лож.

Мудрено ли, что не далее, как летом 1782 года в городке Вильгельмсбаде, близь Франкфурта на Майне, под председательством гроссмейстера немецких масонов Фердинанда Крауншвейгского и при участии делегатов не только от европейских лож, но и от американских и азиатских заседал бесчестно прославляемый "детьми Вдовы" Вильгельмсбадский конвент. На нём были приговорены к смертной казни: Густав Ш, король Швеции и Людовик XVI, король Франции. Тогда же, еврей Калиостро подал мысль и об "ожерелье королевы"...

Следуя же примеру своего короля, военные в Пруссии, да и в других немецких государствах; наперебой стремились в "вольные каменщики". Нелегко понять, как относился сам Фридрих II к своей нелепой роли покровителя тайной державы в собственном королевстве. Он умер 17 августа 1780 года, т.е. не дождавшись всего пяти лет момента, когда Людовик XVI был заключён в унаследованный от Тамплиеров "французским народом" Тампль, дабы отсюда выйти... на эшафот.

Преемник Иосифа II, император Леопольд II, раньше герцог Тосканский, хитрый и осторожный человек, был всё-таки отравлен "итальянским бульоном" (aqna tofana) в Вене 1 марта 1792 года, значит, в тот самый день, когда его робкий ультиматум прочитали в парижском законодательном собрании. А в ночь на 15 того же марта в Стокгольме на маскарадном балу своим лакеем, масоном, и агентом прусской тайной полиции Анкаштрёмом был зарезан мужественный король шведский Густав III, когда собирался принять командование войсками монархической коалиции, предназначенными для сокрушения злодеев среди заливаемой кровью Франции...

Вразумительные сами по себе, эти события убеждают сверх того в применении Иллюминатами двух основных принципов масонской политики. С одной стороны, они рекомендовали скрадывать свои действительные силы и, наоборот, рекламировать себя там, где ещё не приобрели успеха, а с другой, по совету Вейсгаупта, устраняли с дороги всякого, кто дерзал противиться ордену, для чего в особенности изощрялись над усовершенствованием той же "aquae tofanae"...

Масонство шло рука об руку с протестантством. В южной католической Германии Иллюминаты представляли как бы бешеный натиск и были скорее явлением преходящим, не оставившим глубоких следов в народившей их стране. Хотя, например, в Саксонии "Новый орден Иллюминатов" существует поныне и даже узаконен. Не то наблюдается в Северной Германии. Там масонство развивалось постепенно, планомерно и неуклонно. Сначала скрыто, как это доказал Кёльнский конвент 1535 г., затем полуоткрыто, с основанием первой ложи в Гамбурге в 1737 году и, наконец, явно — даже не только под покровительством, а под председательством прусского короля.

С этих нор масонство в Пруссии стало узаконенным.

XI. Какими же оказались результаты упомянутых явлений?

Они являлись многообразными, а в революционную и наполеоновскую эпоху — решительными. Тем не менее, основной их смысл заключается в развитии тирании еврейства. Рядом факторов обусловливался такой именно результат. Не обращая внимания на все усилия, никакое тайное сообщество, а следовательно, и орден иллюминатов, не способно преодолеть замыслы всемирного кагала. Ни для кого недоступные, а ему неразрывно довлеющие преимущества таковы: а)

[54] См. "Ночные братья" — опыт исторического исследования о масонстве в Германии, графини С.Д. Толль

целесообразность иудейских дарований; б) накопление и развитие опыта, приёмов и орудий борьбы через наследственность; в) неподражаемость тайны в операциях и художество её применения как способы застрахования еврейства от гибели; г) непрерывность деятельности и обеспеченность выжидания событий; д) ничтожество предателей, истребляемых без пощады; е) международный характер предприятий наряду с замаскированном их под любую национальную внешность и ж) необъятность денежных, равно как всяких иных ресурсов. Таким образом, не опасаясь конкуренции, еврейство могло даже способствовать расцвету, например, ордена Иллюминатов, зная, что в конце концов это послужит только Израилю. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, нельзя прежде всего не отметить в истории "общества философов" крайней подозрительности того факта, что столь убеждённые атеисты, как Вольтер и д'Аламбер хлопотали, однако, о восстановлении Храма Иерусалимского. С этой, казалось бы, невероятной просьбой д'Аламбер адресовался в 1768 году к Фридриху II, но получил отказ. Тогда в письме от 6 июня 1771 года Вольтер обратился к Екатерине Великой, хотя безуспешно.

Общество имело свой пароль — "Ecraser Г Infame", "Раздавите Опозоренного". Пароль менял смысл, в зависимости от лица, к которому обращались, из чего позволительно заключить, что у самих энциклопедистов, как в масонстве у Иллюминатов, имелось несколько степеней посвящения. Так, иногда слова "Раздавите Опозоренного" обозначали правительство, иногда католическую церковь или христианство вообще, а иногда кощунственным образом касались самого Господа нашего Иисуса Христа, [55]причём характер этого последнего образа действий носил уже явную печать талмудизма...

XII. 20 апреля 1792 года французы объявили войну Австрии и Пруссии. Враждебные действия продолжались, однако, лишь 14 дней и кончились, в следствии неоднократного бегства солдат Республики при появлении неприятеля. Второй поход, уже по инициативе монархической коалиции, едва не привёл к разгрому Франции. Спас её главнокомандующий союзников, герцог Карл Брауншвейгский, сын того Фердинанда Брауншвейгского, который председательствовал на конвенте в Вильгельмсбаде. Иначе говоря, вырвать Людовика XVI из рук палачей было поручено именно преемнику того, кто короля предал. Умышленно проигранное герцогом Карлом сражение при Вальми стало погребальным звоном христианской и монархической Европы. У Республики появились боевые генералы и, наконец, сам Наполеон. Зная, что "ночные братья" на их стороне, французы пошли на Германию. И вот, накануне Аустерлица, собралась в строго уединённой палатке ложа соединённых французских и немецких "братьев". Поклялись исполнить уговор и друг друга не щадить. Убивать не станут, разве уведут к себе, и взлелеянные пленники соберутся у неприятельских, но ласковых очагов, где выждут, пока Наполеон продиктует мир побеждённым профанам. [56]

Среди русских воинов было мало масонов, а потому они оказались исключёнными из этой предательской идиллии, в виду чего тысячами пали на полях Аустерлица искупительными жертвами низости "свободомыслящих" союзников. Следует ли удивляться при этих условиях, что во весь период войн с Германией, начиная с 1792 года происходила какая-то сказочная сдача немецких крепостей. Майнц — этот ключ к Южной Германии, Эрфурт, Магдебург, Шпандау, Кюстрин, Штеттин, Гамель, Бреславль, Глогау, Швейдниц и др. спешили иной раз сдаться раньше, чем неприятель успевал предъявить требование о капитуляции. Десятки генералов, сотни пушек, тысячи офицеров, десятки тысяч солдат по мановению масонского жезла отдавались Наполеону. Иенна, Ауэрштедт, Фридланд в свою очередь украшали своими именами триумф императора, требуя, однако, всё новых потоков крови у России, принявшейся, к сожалению, спасать прусского короля от последствий масонской авантюры Фридриха II.

XIII. Тайные общества покрыли всю Германию, подготовляя сперва революцию 1848 года, от которой Вильгельму, тогда ещё только наследнику престола, пришлось бежать в Англию, а затем и войну 1870-71 гг., когда уже Франции пришлось сыграть роль Пруссии 1806 года. Тем не менее, став королём, Вильгельм I, сам убеждённый масон, открыто покровительствовал "братьям", в чём ему помогал, впрочем, и "никого не боявшийся" Бисмарк...

Для окончательного торжества масонам требовалось разгромить католическую Австрию, что и произошло в 1866 году, а затем нужна была императорская власть, каковая на перевернувшихся весах истории и была поднесена тому же прусскому королю в 1871 году среди чудес Версаля за счёт бутафорского "великолепия" Людовика XIV.

Во Франции масонство продолжало свою разрушительную работу, пока лет двадцать тому назад не сделалось хозяином. Тогда "вольные каменщики" сбросили с себя маску. Теперь они уже выступают открыто, приводя с помощью своих сподвижников иудеев несчастную страну к решительной и, вероятно, бесповоротной гибели. Французы, наконец, очнулись от своего полутора векового летаргического сна. За последнее же время виновность иудейства и масонства во всех несчастьях, постигнувших благородную Галлию, исторически и логически вполне доказана. В этом сейчас никакого сомнения быть не может.

Между тем, как видно из меморандума, представленного императору Александру I князем Меттернихом в 1821 году, равно как из мемуаров австрийского канцлера, он сознавал опасности, которыми грозят тайные общества. Однако, ни такая осведомлённость, ни тягчайшие поражения от Наполеона Австрии, ни бесчисленные награды и почести, которыми от монархов всей Европы был засыпан Меттерних, не вызвали с его стороны действительных

[55] "Ночные братья" — графини С. Д. Толль. См. также Eckertlla "Magasin der Beweisfuh-rung fur Verurtheilung des Freimauerer-Ordus. — Schafhausen. 1857."

[56] Hector Fleischmann: "Napoleon et Franc-Maconnerie". Paris. 1908.

мер к обузданию масонства. Правда, со временем Священного Союза вошёл в моду романтизм, любовь к средневековой родной старине, к балладам и сагам, но эта мода не помешала масонам добиваться своих целей и рядом с революцией распространять конституционный образ правления, т.е. расхищение власти в пользу "федеративной республики". Если ради поддержания "ночных братьев" явилось из полусвета голубых лож учение о необходимости объединить Германию под скипетром Пруссии, то из тьмы красного масонства выступили социалисты и анархисты с иудеями Марксом и Лассалем во главе...

Эти евреи знаменуют собой ещё раз постыдный универсализм кагала. Если в период Наполеоновских войн и Венского конгресса с их ближайшим эпилогом еврейство размножалось беспрепятственно, когда христиане погибали миллионами, то оно и богатело неимоверно на подрядах и поставках, государственных займах и банкротствах, учредительских плутнях и биржевой игре. Как указывал Вениамин д'Израэли, европейская политика была равным образом ожидовлена. В частности же ни один бунт не проходил без подстрекательства сынов Иуды. Восстания в Польше не только не служат исключением, а наоборот, иллюстрируют как своекорыстие евреев на пути служения их свободе, так и тот наглый цинизм, с которым они перебегают с одной стороны на другую, по мере колебания весов судьбы. Проклятый "Восточный вопрос", как неиссякаемый для России источник невзгод и войн в свою очередь являлся для сынов Иуды непрерывно доходной статьёй бюджета. Согласно с этим уже в сороковых годах XIX столетия Туссенель оказался вынужденным, хотя и бесплодно, предостеречь европейские народы своим классическим трудом: "Les juits, rois de Tepoque".

XIV. Вступление на престол Наполеона III произошло на деньги Ротшильдов при энергичном содействии масонов. Они его не покидали и в 1870 г., когда якобы с целью "сохранить армию для императора", изменническая сдача Базеном Меца явилась результатом переговоров немецкого генерального штаба через английские ложи. "Enrichissez vous"! таков был лозунг, данный по указанию евреев Наполеоном III Франции. Связанный же ещё в молодости с карбонариями и другими подпольными организациями, Наполеон и на престоле продолжал ещё оперировать через них же, нередко обманывая собственных министров и сбивая с толку Европу, для которой одно время являлся загадочнейшим из политических оракулов. В этом отношении конкурировать с ним мог бы разве "Старый Купидон" и гроссмейстер английского масонства, жестокий враг России и автор революции в Италии, лорд Нальмерстон. Не племяннику узника Снятой Елены, а именно "Старому Купидону", потешавшемуся и над Францией, обязаны мы Крымской войной, где в благодарность за 1812 г. Англия погубила наш Черноморский флот...

Готовя нынешние дни социальной революции, масонство и евреи ещё в XVIII столетии заменили в Англии католическую династию призванной из Голландии протестантской, а в XIX веке решили развенчать по тому же направлению и "Священную Римскую Империю". Когда же прусский парламент отказал в кредите, на помощь Бисмарку пришло еврейство. Сорок миллионов талеров дал взаймы Пруссии бывший приказчик Ротшильдов Блейхредер и, как оказалось, не ошибся. Разгромленная в 1866 году при Кёниггрэце, Австрия была выброшена из Германского Союза, война кончилась, а сыны Иуды в лице Блейхредера как своего центра тяготения нажили махровые барыши. Затем в 1870-1871 гг., независимо от подрядов и поставок военных займов и грабежей на самых полях битв, кагал приобрёл новые и несравненно крупнейшие выгоды. Ротшильд и Блейхредер определили контрибуцию в 5.000.000.000 франков и ликвидировали её уплату. Гешефт был недурён, помимо той свистопляски учредительства, какую проделали израильтяне в Германии[57]. Но они и этим не удовольствовались. Громадность финансовых операций при займах Франции на 5.000.000.000 франков разожгла алчность кагала и он решил "испортить Тьеру фасон". Если с целью вынудить у нас "гусарские" векселя иудейство осмелилось в 1906 г. столь унизительно для "кадетов" посмеяться над их главарями, князем Долгоруковым и Маклаковым, что командировало их в Париж, чтобы тамошние евреи-банкиры не давали нам денег, то это могло произойти лишь в виду необыкновенной удачи, какую на падении биржевых курсов в 1871 году доставила "угнетённому" племени коммуна. Подстрекательство и соучастие в ней масонов, равно как предательские переговоры её главарей с Бисмарком доказаны. Истекая уже не кровью, а сукровицей, Франция рыдала над междоусобицей своих детей. Мировая столица явилась ареной массового помешательства. Среди потоков крови и урагана пожаров, разбоя и бесстыдства, пьяные петролейщицы предали огню здания министерств иностранных дел и финансов, что могло быть выгодно только евреям, и наоборот, иудейских магазинов роскоши на rue de Paix не тронули. Не пострадал, равным образом, ни один из полуторы сотни ротшильдовских домов в Париже, а между тем, времени у коммунаров было достаточно, если под командой жида Мейера они успели свалить... Вандомскую колонну.

Но хорошенького понемножку... Так как победа коммунаров в расчёты кагала входить не могла, то прибыл с версальскими войсками еврей же генерал Галифэ, истребил преимущественно артиллерийским огнём тысячи обезумевших французов и тысячные же массы их через военно-полевые суды послал в Новую Каледонию, а разрушенную тайными обществами и еврейской прессой коммуну уничтожил.

Можно себе представить, каковы вышли отсюда плоды биржевых оранжерей!..

XV. Логическим развитием иудейского могущества и невиданным его увенчанием стал печальный для нас Берлинский конгресс. Позабыв, что не дальше, как в 1875 году Россия спасла её от ужасов новой войны с Германией, Франция прислала своим представителем англизированного полуеврея

---

[57] См. Otto Glagau. — "Der Borsen-und Grundungs-Schwindel in Berlin". Leipzig 1876

Ваддингтона и действовала так, будто официально стала государством еврейским, да и ничего, кроме выгод кагалу, из конгресса не вынесла. Давно же связанный с евреями по дивным операциям кредита “честный маклер” при посредстве Блейхреда весьма недурно играл на бирже[58]. Да и не Бисмарку, конечно, следовало заботиться о нас. Во всяком случае, опаснейшими врагами России оказались на конгрессе английские послы и д'Израэли со своим подручным — Салисбюри. Не напрасно девяностолетний Мозес Монтефиоре, окружённый десятками тысяч евреев, устроил им обоим триумфальное шествие из Лувра в Лондон после того, как на ожидовлённом конгрессе Великобритания в их лице не только продемонстрировала беспримерное для сынов Иуды злорадство, но и, разорвав Сан-Стефанский договор, отняла у России почти всё добытое кровью её победоносных армий.

Англичанам было из-за чего превознести своего премьера-иудея.

Бравируя своим торжеством и готовя себе успехи в будущем через унижение нашего достоинства, они, ещё раньше конгресса устроили gala-спектакль в ознаменование того пренебрежения, с которым д'Израэли глумился над беззаветными порывами русского сердца к спасению заливаемой кровью Болгарии...

Открытие сессии великобританского парламента в 1877 году было назначено на 8 февраля. Высшее английское общество заинтересовалось, невидимому, этой церемонией гораздо сильнее обыкновенного, потому что более десяти тысяч просьб было обращено к лорду-канцлеру с целью получить места на трибунах палаты лордов. Все знали, и в этом заключалась разгадка жгучего любопытства толпы, что в этот день первый министр, возведённый в достоинство пэра Великобритании при закрытии предыдущей сессии, должен вступить в свой сан и занял место в качестве лорда Биконсфильда. Знатнейшие представители английской аристократии оспаривали друг у друга честь сопровождать нового лорда в палату при столь торжественных условиях. И он избрал себе восприемниками двух самых древних пэров королевства, графов Шефсбюри и Дерби, стоявших во главе двух знаменитых фамилий Тэльбот и Стэнли.

Как только лорды в парадных костюмах заняли свои места, так с большой церемонией был внесён орден “Подвязки” — король орденов Великобритании, а затем началось уже и само блистательное шествие. Впереди — пристав с чёрным жезлом; за ним — великий маршал лорд Говард и великий камергер лорд Перси; наконец, далее, между лордами Шефсбюри и Стэнли — новопожалованный лорд Биконсфильд в графской мантии и с графской короной на голове. Преклонив колени перед лордом-канцлером, он представил ему свою грамоту на достоинство пэра. По прочтении её он встал и, предшествуемый великим маршалом и великим камергером, в сопровождении своих восприемников, он, прежде чем занять своё место, обошёл зал заседаний палаты кругом, причём целая масса лордов окружала и поздравляла его...

Какие размышления могли наполнять душу нового лорда во время этого картинного шествия по залу, где собираются представители самой гордой аристократии в мире? Какие воспоминания должны были пробудиться в его разуме при созерцании этих гербов, из которых многие восходят к временам норманского завоевания?...

Без сомнения, всё его скользкое прошлое, всё целиком и мгновенно воскресло перед его мысленными взорами.

Вот он видит себя как ничтожного сына гонимого и презираемого племени; затем как журналиста, зарабатывающего часть своего скромного дохода пером. Несколько позже — вот он силой настойчивости и таланта завоёвывает себе видное место среди народного представительства. Далее, опровергаемый и осмеиваемый, без устали преследуемый гневом, завистью и порицаниями — вот он медленно подвигается вперёд, несмотря ни на что, но и никогда не отступая... Ещё позже он принимает на себя руководство консервативной партией, а затем вскоре становится признанным главой представителей самых именитых и древнейших английских родов.

И вот, в апофеозе он пришёл сюда, в палату лордов, чтобы сесть, как равный рядом со старшими членами знаменитейших аристократических семейств гордого Альбиона, ведущих свою генеалогию от дружинников Вильгельма-Завоевателя.

Обнимая духовным взором эти сорок лет трудов, борьбы и успехов, разве не имел он права с законной гордостью сказать себе, что он совершенно оправдал смелый девиз, взятый им ещё на заре политической карьеры: *“Forti nihil difficile!”*.

И что же! Родившись, воспитавшись и достигнув такого величия в Англии, стал ли Биконсфильд англичанином? Нет, он во всю свою жизнь оставался и умер евреем!...

XVI. Таковы результаты иудейских мероприятий в новые времена. Посему, не останавливаясь на позднейших событиях, которые у всех на памяти и только упомянув о Панаме, деле Дрейфуса или распродаже церквей во Франции да ещё об устроенном евреями, частью и на японские деньги, вооружённом восстании в Москве, мы вправе, наконец, спросить: мыслимо ли что либо подобное без участия иудейского правительства?...

Если засим, как доказано выше, такое правительство существовало во все эпохи еврейства, то возможно ли предполагать, что с увеличением оборота капиталов и развитием средств сообщения, равно как наряду с расширением всех пределов кагального хозяйства и возрастанием количества иудейских рабов, почти достигнутая сынами Иуды цель мирового господства разрушена им же самим через бессмысленное уничтожение собственного правительства? Если, наконец, такие, неведомые прошлым векам, силы, как биржа и пресса, превратились в монополию иудеев, то чем могли бы “старейшины

[58] Diesl-Daber. — “Bismark und Bleichroder”. Munchen. 1897

многострадальной синагоги" оправдать перед лицом Талмуда свой отказ от пользования ими через своё бездействие власти?

Вопросы эти, очевидно, не имеют других ответов, кроме отрицательных.

Значит, центральное правительство не может не существовать у евреев и в наши дни. Стало быть, оно существует.

Где оно находится? Из кого состоит?

Вопросы — менее важные, но труднее предыдущих. Данных для несомненного решения ещё нет. Но они, без сомнения, явятся.

Даже в настоящее время можно приблизительно указать на "Хабура Коль Изроэль Хаберим" — Alliance Jsraelite Universelle.

Став гроссмейстером масонов в "Grand Orient", а за период франко-прусской войны 1870-71 годов с Леоном Гамбеттой и Жюлем Фавром образовав во французском правительстве иудейский триумвират, Адольф Кремьё лет за десять раньше (точнее, в 1858 году) основал "Всемирный Еврейский Союз" с главным управлением в Париже.

Эмблема. Вверху — скрижали Моисея, несколько ниже — протянутые и пожимающие друг другу руки, а в основании — земной шар.

Девиз. *"Все евреи за одного и один за всех!"*.

Воззвание же, с которым Кремьё как учредитель обратился к евреям вселенной, таково:

"Союз, который мы хотим создать, не есть французский либо английский, швейцарский или немецкий... Нет, он — иудейский, он — всемирный!... Все другие раскололись по национальностям. Мы одни имеем не сограждан, а единоверцев. Не раньше станет еврей другом христианина либо мусульманина, как в тот момент, когда свет иудейской веры, единственной религии разума, засияет повсюду. Рассеянные среди народов, которые враждебны нашим правам и интересам, мы хотим быть и останемся евреями. Национальность для нас есть религия наших отцов и мы не признаём никакой иной! Проживая на чужбине, мы не можем заботиться о вожделениях посторонних нам стран, когда наши собственные нравственные и материальные задачи пребывают в опасности.

Еврейское учение должно наполнить собой мир.

Израильтяне! Сколько бы ни разбрасывала вас судьба по всем концам земли, смотрите на себя, как на членов одного, избранного народа. Если вы ясно разумеете, что вера ваших отцов — ваш единственный патриотизм; если сознаете, что вопреки своим показанным национальностям, вы повсюду образуете один и тот же народ; если исповедуете, что только иудаизм представляет религиозную и политическую истину; если во всём этом убеждены вы, израильтяне вселенной, то придите, услышьте наш зов и докажите своё согласие!... Наше дело велико и свято, а успех обеспечен.

Христианство, наш исконный враг, лежит ниц, поражённое в голову!

Сеть, раскидываемая Израилем поверх земного шара, будет расширяться с каждым днём и величественные обетования наших священных книг обратятся, наконец, к исполнению.

Близится время, когда Иерусалим станет домом молитвы для всех народов, а знамя еврейского единобожия взовьётся на отдалённых берегах...

Станем же пользоваться обстоятельствами.

Могущество наше огромно, поучимся применять его к делу!

Чего нам страшиться?...

Уж недалёк день, когда все богатства земные перейдут в собственность детей Израиля!..."

XVII. Перед таким воззванием позволительно спросить, кто же такой сам Адольф Кремьё?

Это, прежде всего, глава того еврейского триумвирата, который в 1870 году оказался правительством Франции после взятия Наполеона III в плен. В состав триумвирата, как известно, вошли: а) тог же Кремьё как премьер-министр; в самую страшную годину французской истории, после Виссембурга, Гравелота, Сен-Прива, Бомона, Страссбурга, Меца и Седана, воспользовавшись невыразимым смятением и ужасами войны, он поспешил дать равноправие евреям в Алжире, чем н вызвал жестокое восстание доблестно сражавшихся за Францию арабов, оставленных бесправными; б) бывший помощник Кремьё, по его званию адвокат, Леон (Лейба) Гамбетта в качестве министра внутренних дел, а затем и диктатора страны; своим иудейским нахальством он навязал ряд неимоверных бедствий и, по крайней мере, вдвое более тяжкие условия мира с Германией, чем, если бы и сам вовсе не существовал; ошибался, стало быть, Кремьё, с еврейской точки зрения, разумеется, когда о Лейбе Гамбетте, в то время ещё "помощнике присяжного поверенного", сказал: *"из этого лоботряса ничего путного выйти не может!"* и в) министр иностранных дел Жюль Фавр вместе с Ротшильдом и Блейхредером, он сочинил, а затем во Франкфурте на Майне от имени Франции подписал условия мирного договора, каким, сверх перехода к Германии засиженных евреями Эльзаса и Лотарингии, был на немецких же евреев пролит золотой дождь в 5.000.000.000 франков контрибуции, ограбленных у Франции[59].

Далее — это гроссмейстер французских масонов, предложивший в 1870 г. от их имени 1.000.000 франков за голову прусского короля Вильгельма I. Дабы уразуметь всю низость деяния, необходимо принять к сведению, что оно являлось предательством в квадрате, так как было рассчитано лишь на новый обман французского народа. Дело в том, что по свидетельству Гирса,

---

[59] См "Der Borsen-und Grundung-Schwindel in Deutschland", von Otto Glagau. Leipzig, 1877. — Germanicus. "Die Rothschild-Gruppe und der monumentale Conversions-Scnwmdel von 1881г.". Francfurt. 1882.

впоследствии нашего министра иностранных дел, генеральный штаб немецких армий именно от французских масонов через особое бюро в Берне (Швейцария) получал в 1870-71 гг. гибельные для Франции сведения о средствах её обороны, состоянии её финансов, настроении Парижа и т.д. Таким образом, указанная миллионная премия являлась двойной, иудейски-злостной плутней. Для полноты же картины, отметим следующее.

Фактами и цифрами доказывает Эдуард Демаши[60], что, несмотря на исключительные преимущества, а следовательно, и на огромные богатства, дарованные французскому банку правительством вообще, за период же войны с немцами в особенности, равно как, невзирая на чрезвычайные запасы средств в металлах и билетах, помянутый банк, командуемый потомками Меера-Амшеля Ротшильда, отказывал французскому народу в каком-либо кредите даже, когда видел его па краю погибели. Во всё время, пока, оказав поддержку французам, он мог бы повредить армиям Пруссии, банк для правителей Франции оставался закрытым. В течение самых тяжёлых месяцев войны банк преследовал лишь одну цель: парализовать сопротивление Франции и принудить её правительство по недостатку средств к заключению мира. Тогда как англичанин Морган дал денег под простую расписку (по займу в 400 миллионов франков от 4 января 1871 года), "французский банк", кроме 6% на 100, требовал ещё выдачи закладной (ипотеки) на все государственные леса своего "отечества". Вследствие отказа банка учитывать даже билеты французского государственного казначейства на небольшие суммы, их приходилось отсылать на продажу за границу с потерей 15 и 20 %. L'annee terrible разорил всех: сельских хозяев, купцов, промышленников, народ и государство; для акционеров же "Banque de France" этот самый год оказался беспримерным по барышам — за всё время существования банка 80% на складочный капитал, а всего 150.000.000 франков прибыли показались, впрочем, и самому правлению банка настолько скандальными, что оно признало нужным скрыть этот возмутительный факт. Десятки миллионов были "расписаны" по разным летучим статьям баланса, дескать, мы ими поделимся впоследствии. Но засим было выдано в дивиденд 27% на капитал. Такова была благодарность первостатейных французских евреев с Альфонсом Ротшильдом во главе, в самую кровавую годину страны, которая этих отверженных рабов соблаговолила поднять до уровня своих благородных граждан...

"С нетерпением поджидают сыны Иуды, — говорит Роллинг, — *кровавых войн, разгрома целых местностей и разрушения государств".* Тем не менее, им этого мало. Они подчас иллюминируют своё удовольствие и особым, чрезвычайным дивертисментом. Так, например, когда после Берлинского конгресса Австрия двинула свои войска для завладения двумя подаренными ей международным еврейством славянскими провинциями Турции — Боснией и Герцеговиной, то подрядчики её интенданства, сыны "угнетённого племени", откармливали дня него в Боснии свиней трупами христиан... *"Семит знает обязанности только в отношении себя самого,* — удостоверяет Ренан, — *Стремиться по пути мщения, требовать того, что, как ему думается, составляет его право, таков в его глазах неизменный его долг.*

Ждать от него верности слову или беспристрастия при отправлении правосудия, значит домогаться невозможного. Кроме необузданного себялюбия, ничто не владеет страстной душой евреев. Личный интерес никогда не изгоняется из их морали. Чтобы достигнуть цели самый святой между ними не считает за грех тягчайшие преступления". Er die Katze nicht im Sacke kauft!...

Страшный для России 1905 год в свою очередь оказался, как и следовало ожидать, благодатным для нашего банкового еврейства, захватившего не только изрядную дозу ссуд под земли, но и едва ли не всех "жирных коров" кредита под дома в Петербурге, Москве и др. городах "спасаемой" кагалом нашей родины. Нижеследующие данные о чистых прибылях в Земельных Банках именно в 1905 году могут сказать сами за себя: С.П.Б.-Тульский — 13,8%, Киевский — 15,8%, Ярославско-Костромской — 15,9%, Московский — 21,2%, Нижегородско-Самарский — 21,3%, Донской — 23,2%, Полтавский — 26,2% и Виленский — 27,9%, т.е. даже лучше, чем "нажил" в 1870 г. "Banque de France". Нельзя в особенности не позавидовать Лейзеру Полякову, как патрону Мовши Герценштейна, ибо 21,2% барыша за иллюминированные бомбами Бунда дни "свободы" вовсе недурно. Впрочем, еще лучше Лейзера торговал на Дону Янкель Поляков со своими 23,2%. Однако, всего отраднее за родину Зунделевича (учился в Виленском раввинском училище и в качестве анархиста устроил первую в России террористическую типографию), равно как за столицу того же Бунда, Вильну, где местный Земельный Банк своими 27,9% барыша создал воистину "благоухающий" рекорд.

Наряду с изложенным нельзя не упомянуть о венском Ротшильде одни земельные богатства которого превышают собственные владения австрийского императора и не сопоставить факт, что в первой государственной думе авторами безмездного "отчуждения" земли объявились именно три еврея: Кутлер, Герценштейн и Кауфман. Каков смысл факта? Для примера возьмём хотя бы Венгрию. 50 лет назад у евреев не было здесь ни пяди земли. Тем не менее, уже в 1890 году из 4.291 арендатора оказалось 2.697 евреев, а в 1900 году из 4.861 3.170. Единица венгерской земельной меры равна приблизительно 1/25 десятины. И вот, у 2.697 арендаторов состояло 137.255.000 таких единиц, а у 3.170 167.537.000. Такова аренда. Посмотрим, какова собственность. В 1897 году землевладельцев евреев было 1.898 с 87.362.700 единиц, т.е. в среднем по 45.000 на каждого; в 1900 году уже 2.688 с 130.965.000 в среднем по 47.000 на каждого. Вообще говоря, земельная собственность евреев превосходит такую же собственность казны. А если прибавить земли, арендуемые евреями, то итог, равный 298.502.000 оставит за собой позади сумму владений казны, дворянства и благотворительных учреждений Венгрии. В Галиции, а особенно в Буковине, положение христиан ещё отчаяннее. Ту же участь готовит кагал и России, стремясь перевести землевладение из крепких рук в слабые, чтобы облегчить

[60] Edouard Demachy. — "Les Rothschilds" и "Banque de France"

себе расхищение. А ведь, кажется, ясно, что владыкой страны бывает тот, чья земля.

Для полноты очерка действий Адольфа Кремьё нельзя, даже отбросив многое другое, не упомянуть хотя бы о двух ещё фактах: а) не только вместе с Монтефиоре он за деньги выручил нескольких своих единоплеменников, вполне изобличённых и приговорённых к смертной казни за ритуальное убийство в 1840 г. в Дамаске отца Фомы и его слуги Ибрагима, но и устроил в 1870 г. похищение из министерства иностранных дел в Париже подлинных актов следственного производства, доказывавших виновность злодеев-евреев и б) неоднократно во время войны 1870-1871 гг. давал как премьер-министр приказы о смягчении наказаний, к которым были приговариваемы по суду изменники-евреи, предавшие французские войска на истребление германцам, причём вдобавок евреи эти, избегнув виселицы, либо скрывались, либо освобождаемы были пруссаками (назовём для примера Зоммера, Серфбеера, Дрейфуса, по прозвищу Катра и др.).

Хорошо, стало быть, понимал своё воззвание Кремьё. Понятно, что, пренебрегая всеми прочими своими званиями и даже титулом главы временного правительства Франции, он завещал для себя такую эпитафию: *“Здесь лежит Адольф Кремьё — основатель Всемирного Еврейского Союза... “*

Предвидеть дальнейшее он, конечно, не мог, но не хуже нашего знал, что, если, выжидая, иудейство временами останавливалось, то никогда не отступало. Посему он мог быть уверен, что, если “детям Вдовы” из Франции и сынам Иуды из Польши не удалось в России учредить республику при Наполеоне I, то они постараются достигнуть этого в будущем. Надо лишь подтасовать карты. Нечего, значит, удивляться заявлению Саула-Самуила Маркуса, тогдашенго лорд-мэра в Лондоне. Ещё в ноябре 1903 г. он сказал одному из бывших чинов нашего министерства иностранных дел, что с Россией евреи не станут заводить торговых сношений вновь, ибо война с Японией неотвратима: что мы к ней совершенно не готовы, а следовательно, будем биты, пока не вмешается Рузвельт, отпрыск голландских евреев, с целью выручить нас, так как “избранному народу” Россия ещё нужна. С другой стороны почти одновременно, т.е. за три месяца до начала войны, M-me Adan в “Revue Bleu” утверждала категорически, что петиция, поданная американскими евреями статс-секретарю Гэю с, целью подстрекнуть президента С. А. Соединённых Штатов к вмешательству в наши дела из-за кишинёвского погрома (на самом деле являвшегося первым опытом кагала подделать “русскую” революцию), “расцвела на маньчжурской почве”. Тому доказательством служит, наконец, и сам ход революции 1905 г. [61] Роли финляндского анархиста Копни Циллиакуса, голландского бунтовщика Коннелиссена и японского обер-шпиона Акаши, израсходовавших 260.000 рублей в один только приём на поставку оружия и патронов нашим “освободителям”, раскрываются здесь во всём бесстыдстве и позоре.

[61] См. между прочим, документированное издание А.С. Суворина: “Изнанка революции вооружённое восстание на японские средства”. СПБ. 1906.

XVIII. Каким при этих условиях должен был оказаться иудейский апофеоз?... В составе “представителей России” объявился целый букет сынов Иуды. Винавер, Якубзон, Герценштейн, Розенбаум, Мейлах, два Френкеля, Шефтель, Котловкер, Шраг, Червоненкис et con-sort'es украшали собою Думу “народного гнева”. Но чтобы уяснить происходившее и раскрыть глубину еврейского издевательства, не мешает приглядеться.

На постройку Северной дороги из Петербурга в Вятку сбежалась тьма факторов “угнетённого племени”, скоропостижно развратили и ограбили край, а в заключение на память россиянам нарекли Ицку Френкеля депутатом... от Костромы. Давно заражённая жидовством и поникшая перед ним мать городов русских послала к нему от себя и губернии, кроме шаббесгоя-немца Штейнгеля, двух ассистентов в лапсердаках, а именно Сруля Френкеля и Хаима Червоненкиса, несколько позже прославившегося убийством рабочих при развале возводимого им в Киеве дома. Суворовым завоёванная но, увы, причисленная к “черте оседлости” Одесса “избрала” в думу Щепкина, не только шаббесгоя, а и провозвестника злодейства, учинённого “Митею Богровым”. Либеральный Петербург сподобился в свою очередь чести иметь своим депутатом Винавера, типичнейшего по наглости иудея. Удостоившись необыкновенной милости кагала, остановившего своё внимание для устройства вооружённого бунта, матушка Москва должна была такое счастье оценить и вознаградить. Весьма естественно, что она постаралась... Лет за 15 раньше к Лейзеру Полякову поступил в Земельный Банк и к “писателем” ничтожный и невзрачный жидок Мошка Янкелев Герценштейн. Пробыв здесь около полутора десятка лет, он ушёл, кажется, не добровольно, но с капиталом тысяч в триста рублей и стал... русским агрономам читать лекции политической экономии в Сельско-хозяйственном институте. Раздутый и превознесённый единомышленниками в профессора, а затем переименованный в “почтенного, достоуважаемого Моисея Яковлевича”, Герценштейн с начала 1901 года проведён был в Городскую Думу..., деяния которой за это время ещё ждут русского историка. Здесь в златые дни “свободы” бывший поляковский приказчик Мошка Герценштейн провозгласил себя уже в благодетели “сознательных пролетариев” из канцелярских писцов и разных иных “безработных” по городскому общественному управлению. При благосклонном участии Городской Думы он через увеличение жалования, назначение квартирных и периодические прибавки, наградил бастующих “тружеников”полутора миллионами рублей в год за счёт московского населения, конечно... Затем той же осенью 1905 года, по выходе в отставку товарища городского головы и за внезапной болезнью самого головы Мошка Герценштейн хотя и не надолго, но, фактически, оказался московским городским головой... Excusez du peu!... Таким образом, переход в Государственную Думу явился для него лишь, так сказать, новым искусством подвижничества за исстрадавшийся без евреев русский народ. Для увенчания

“профессора” в этом направлении крайне завидную роль по команде талмуд-гусаров разыграл тогда князь Павел Долгоруков. Впрочем, чтобы воспеть славные деяния этого Рюриковича во славу кагала нужен стих Гомера или язык Виргилия... Князь даже ездил с Маклаковым в Париж поучать наивных акул биржи, сколь ужасно непочтение русского правительства к “благоуханиям капитала” и умиленно просил не давать нам взаймы денег... Наряду со столь блестящим амплуа он по приказу тех же талмид-хохимов стушевался в Москве моментально, а намеченное для него депутатское кресло безоговорочно уступил Мошке Герценштейну. Сей же последний не замедлил украсить анналы Израиля неувядаемо, так как достиг бессмертия, подарив Россию “иллюминациями”...

Таковы были благодеяния “избранного” народа, жаль единственно, по нашему “мракобесию” не удавшиеся в 1912 году. Хорошо ещё, что ради любви к нам долготерпеливое еврейство не позабыло о дикой, погромной России...

Но, как вполне очевидно, не могли же сыны Иуды оставить втуне и поучении Адольфа Кремьё. Будучи, следовательно, призваны “освободить” нас, хотя бы вопреки российскому невежеству и упорству, они должны были, понятно, позаботиться о том, чтобы новый припадок патриотизма ещё раз не привёл нас к такому, например, безумию, как изгнание вражеских полчищ сто лет тому назад. Имея в виду, что либеральное ожидовление — испытанный для сего путь, “угнетенное” племя взялось за эту операцию с усердием выше всякой похвалы. Запятнать унизить, искоренить русский дух и внедрить в нашу жизнь поклонение талмуду, т.е. раболепие перед величием террора иудеев, может ли быть что-либо прекраснее?... Не в этом ли идеал культуры, прогресса и свободы?!...

Однако лишь благодаря многовековому опыту и неподражаемому искусству сынов Израиля лечение нашего скудоумия могло пойти столь быстро и успело дать воистину чудные плоды.

Такие подвиги иудейского самоотвержения, без всякого сомнения, достойны восторженных песнопений.

И вот А. Бурнакин в “Новом Времени” (26 мая 1912 года. №13003) преподнёс кагалу нечто до умиления трогательное.

Заканчивая настоящий отдел исследований, мы ради справедливости подводим этой благодарственной “одой” итог.

В плену иудейском.

А. Россия стала для евреев “страной обетованной”, а мы, русские, попали в положение хананеев. “Народ избранный” голыми руками забирает нас в полон без труда и без боя расхищает нашу землю, наши богатства, наш кредит. Озираешься на современную Русь, будто читаешь “книгу Иисуса Навина”: тот же непонятный упадок духа у осаждаемых, та же торжествующая наглость победителей и тот же единодушный гвалт, от которого падают стены иерихонские.

Где “черта оседлости”? Где “пятипроцентная норма”? Где ограничения? Под еврейским напором всё это рассеялось, как дым; от еврейского гвалта сами собой пали “стены иерихонские”; перед еврейским засилием оказались пустой бумажной затеей наши законы и запреты. И “оседлость”, и “норма”, и вообще “стеснения”, чинимые евреям, существуют только на бумаге, а в действительности вся Россия в плену иудейском; для евреев она, как благословенная Палестина, уготованная Израилю.

Еврейство прожорливой саранчой набросилось на русские богатства, и “тьма египетская” покрыла Россию от края до края. Тёмный бог Израиля, бог хищничества, вымогательства, наживы, бог обмана, предательства, цинизма всякой лжи и неправды, этот тёмный бог насилия, злобы и мести идет впереди своего “возлюбленного” народа, передаёт нас жидовскому заклятию и наводит непробудный сон, непостижный страх. *“И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим”* (книга Иисуса Навина, X, 13). “Россия замерла”. Она покорно распростерлась перед “богом ести”, она коснеет без жизни и движения, все стихии русского бытия остолбенели перед лицом еврейского нашествия, под пятой обнаглевшего Израиля. И это отнюдь не преувеличение, не напыщенный оборот а горькая правда русской действительности, всероссийская и повседневная правда. Сейчас в России нет другого “вопроса”, кроме “еврейского” и нет иной “культуры”, кроме порабощения нас евреями, порабощения экономического, политического, духовного, бытового. Уже идут на нас судьи и пророки иудейские: уже готовит нам Израиль своих вождей и царей; судят нас Азефы, Дейчи, Гершуни; пророчествуют нам Марксы, Лассали, Бернштейны, Лафарги; повелевают нами Ротшильды, Гирсы, Мендельсоны.

Давно ли кричали митинговые жидки: *“Мы вам дали Бога, — дадим и Царя!...”* И точно, Израиль воцаряется на Руси и всё в ней прибирает к своим долгим, корыстным рукам: и деньги, и религию, и язык, все, чем была красна, сильна и богата наша родина. Этим всепроникающим паразитам — что “им черта оседлости”, “норма”, запрет?... *“Зачем нам ходить по .закону?... Мы будем ходить вокруг закона!...”*

Пронырливые, льстивые, угодливые, лицемерные, они покоряют нас без боя, нас — ленивых, зевающих, податливых, простоватых, легковерных. Окольными путями, закоулками всякой неправды евреи пробираются к народным сокровищам и овладевают ими. А славянская стихия покорно отступает перед чарами сионского беса. О, эти “сионские” чары! Тут и подкуп, и разврат, и лесть, и порок, и ложь, и гордыня — всё, чем силён враг рода человеческого, чем покоряет он малодушных, безвольных, добрых, искренних. На сильного — раболепием, на слабого — нахальством, на малодушного — рублём, на мечтателя — посулом, на чувствительного — похотью, так шествует по Руси воинственный Израиль, так покоряет он “нечестивых гоев”.

И вот плоды жидовского “очарования”. Кредит, торговля, производства, ремёсла, науки, литература, искусства, всё народное хозяйство, весь духовный капитал — и тело и мысль народа — в кабале, в откупе, под заклятием евреев. В их руках биржа, банки, магазины, фабрики, заводы; в их руках газеты, театры,

книгоиздательства; в их руках хлеб и деньги, правосудие и просвещение, всё к ним липнет, всё ими оскверняется!

Еврей, если он ростовщик, то развратитель или предатель, или подстрекатель, или кровопийца; его путь — обман, грабёж; его оружие — разврат и преступление. В торговле он — шантажист, на бирже — стервятник, в работе — надуватель, в политике — бунтовщик и предатель, на суде — лжесвидетель; в печати и в литературе — развратитель, отрицатель, человеконенавистник; в искусствах — опошлитель, осквернитель, низменник; в обиходе нахал, в сношениях — сводник; в обществе — фарисей с улыбкой на лице и камнем за пазухой. Будто собрал Господь всю грязь, все нечистоты, всю мерзость вселенной и из всего этого сотворил "возлюбленного" Израиля. И эта вселенская грязь растекается по лицу русской земли, пятнает и загаживает народную душу.

Еврейство для России — как "дурная болезнь", разрушающая кости и суставы, расслабляющая волю и движения, отравляющая мозг ядом тоски и безумия. И революция, и бытовой развал, и духовное опустошение — всё это иудейская работа, еврейское внушение.

Происходит великое "ритуальное" убиение русского народа, жестокое вытачивание его крови, его сил, его чувств, всемерное истощение народного организма. Вселенский паразит-кровосос глубоко внедрился в Россию. Он подтачивает наш государственный и общественный строй, он истощает нашу политическую и экономическую мощь, он высасывает наши духовные силы. Несчастный мальчик Ющинский — это символ всей России, это знамение её иудейского пленения, её хананейского удела.

Б. Мой предмет — вторжение евреев в русскую литературу, пленение иудеями русского слова, русской мысли.

Нашествие это началось в историческом смысле сравнительно недавно —со времени либеральных реформ Александра II. Евреи жадно присосались к этим реформам и вскоре наполнили университеты, газеты и журналы. Печать, бывшая до той поры преимущественно русской, стала быстро переходить в руки евреев— бердичевские выходцы, вооружившись дипломами, не замедлили выступить в качестве вождей и учителей образованного общества и сразу вывели его из туманов немецко-славянских отвлечений на путь воинственного либерализма и культуртрегерства. На смену дворянской чопорности и лояльности пришли: неугомонное будирование, нытьё, непременная оппозиция, дух недовольства и отрицания. Наиболее неустойчивые и увлекающиеся были уведены евреями еще дальше — в подполье, в террор, в потёмки революционных мечтаний.

Но тяжёлая рука Александра III давала себя чувствовать, и еврейские шептуны до поры до времени ворожили изподтишка, науськивали из недосягаемой Женевы И хотя их иудейские козни еще не имели приложения, но уже еврейские химики заготовляли впрок революцию, женевские бунтари и смутьяны, дразнили фантазию русских студентов кровавыми химерами, миражем социального переворота; уже оплетали Россию женевские пауки густой, липкой сетью конспирации, уже шумели типографские станки подполья, и пафос еврейских прокламаций уже будоражил молодёжь страны. Русские идеи были скоро вытеснены из нашего культурного обихода идеями еврейского производства; благородное свободолюбие Герцена заменилось шипением кагального неистовства. Появились "ежемесячные подкалыватели" иудейского происхождения, началась на долгие годы литература о плохом городовом...

Русское общественное мнение подвергалось всестороннему обрезанию по еврейскому трафарету, народилось архипошлейшее интеллигентное воззрение, психология оболванненой толпы, непременное свободомыслие, обязательное безверие безвыходный шаблон либеральщины. Еврейский натиск на печать и литературу возрастал, зараза иудаизма проникла в газеты и журналы, в публицистику, в критику, в историю литературы, в поэзию и беллетристику, в драматургию, в энциклопедии.

К 90-м годам печатное слово уже представляло чуть ли не сплошное иудейское засилье. Уже диктаторствовали Вейнберги и Венгеровы; уже наглели ежедневные развратители — Нотовичи и Липскеровы, Пропперы и Фейгины уже размножались Слонимские, Герценштейны, Иоллосы; уже осаждали русскую литературу Минские и Волынские; уже засорялся русский язык, уродовались русские мысли; насаждались безверие и отрицание, расцветало мещанство; пригнеталась русская душа к земле, оскудевала русская мечта, наполнялись русские сердца местью и злобой; корчилось общество в судорогах самооплёвывания, с грязью смешивался патриотизм, позором клеймилось национальное достоинство.

"Новости", "Новости Дня", "Курьеры", "Северные Вестники" — делали своё мрачное, чёрное дело, а за ними шло покорное стадо шаббесгоев, жидовствующих недоумков, зажимавших рот каждому, кто решался протестовать против еврейского кодекса. Началось повальное ожидовление; установился и действует до сего дня "хороший тон" юдофильства; вошло в моду и в привычку усердное разбивание русских лбов перед авторитетом сынов Израиля. И "Русское Богатство" Михайловского, и "Русская Мысль" Гольцева, и "Вестник Европы" Стасюлевича — все были одержимы "страхом иудейским". Отрицание еврейства стало почитаться смертным грехом, а всякий глупец, подходивший с благоговением к Израилю, неукоснительно приписывался к разряду людей "передовых".

Но буря и натиск евреев, естественно, вызвали отпор... "Антисемитизм" у нас не первый день — он в нашей литературе со времён Достоевского и Лескова. Семидесятники первыми испытали всю прелесть вторжения евреев в русскую литературу, и пророк-Достоевский в ужасе воскликнул: *"Жиды погубят Россию!". Его* статья "Еврейский вопрос" достаточно ярко рисует злонамеренность еврейства. Угрозу надвигающегося засилья расчуяли многие, и антисемитизм был немедленным ответом на первые же захватные шаги евреев. Правда, еврейство продолжало своё наступательное шествие; правда, переходили на их сторону широкие круги интеллигенции; правда, захватили евреи в свои

лапы общественное мнение, но и антисемитизм усиливался, ширился и креп, а к концу прошлого столетия выработался в непримиримое исповедание, получил своих теоретиков и апостолов За тридцать-сорок лет иудейского нашествия евреи достаточно нажили себе врагов, и врагов талантливых, метких, стойких, непримиримых.

Я не буду их перечислять, их и так хорошо помнят и знают евреи... Но и евреи не дремали. Мало того, что они прибирали к своим рукам газеты и журналы, что исподволь готовили в них революцию, что всемерно поощряли в литературе динамичную тенденцию, что неустанно апеллировали к передовому обществу, что громко ныли о своей жалкой участи, что радостно поощряли русское самоотрицание, что открыто учили попирать историю и традицию, презирать отцов и дедов; мало того, что эти международные вульгаризаторы тащили нам с Запада всякую умственную гниль, затасканные отбросы чужой культуры (нигилизм, ницшеанство) лишь бы отучить от самобытности, лишь бы столкнуть нас с исторического пути. Мало всего этого! Евреи устами своих русских рабов, всяких теоретизирующих недомысленников, наложили херем на всех, кто позволил себе усомниться в искренности иудейского культуртрегерства. “Таким” гг. Михайловские и Гольцевы, с благословения еврейского, отвели проплёванный угол “мракобесия” и “отсталости”; “таких” объявили за порогом отечественной словесности; “таких” заклеймили позором и отчуждением.

Еврейский натиск расколол всю русскую литературу на два враждебных стана. Еврейское “равноправие” стало, вдруг, пробным камнем “честности убеждений”, рубиконом политической нравственности, мерилом личных достоинств, билетом на райское блаженство, паспортом литературности и художественности. И так до сего дня...

Сколько у нас в литературе несправедливо отвергнутых и забытых — и всё из-за жида! Такая вражда партий, направлений, а изнанка одна — жид!... Ради него раскололась литература и междоусобствует насмерть. Он всё внёс: и непримиримость, и озлобление, и ядовитую клевету, и неразборчивую месть.

Прежде этого не было. Герцен и Хомяков дружески беседовали в одном салоне, а у них ли не были различны взгляды? В. Белинский и К. Аксаков горячо любили друг друга, а разве были они единомышленниками? Но теперь попробуйте свести “различные взгляды”, да они глаза выцарапают друг другу, а то и просто обменяются пощёчинами. Стоит только вспомнить “Вехи” и тот гвалт, который подняли из-за них еврейские борзописцы. Писатели и журналисты из-за этого сборника перегрызлись, как собаки, а почему? Да, видите ли потому, что в сборнике Струве и Булгаков усомнились в нравственной порядочности революционеров, т.е. лиц иудейского происхождения. Обидно стало единоплеменникам Азефы, и вот — гвалт и ссора...

В. Окончательное пленение евреями русской литературы относится к началу нового столетия. Победа марксистов над народниками была и победой евреев над русскими писателями... Уже “социал-демократические” журналы —”Начало”, “Правда”, “Жизнь” сплошь пестрили иудейскими псевдонимами. Да и “победу” декадентства приходится приписать тому же Израилю. Родоначальником декадентства является “Северный Вестник”, основанный Волынским-Флексером вкупе с Минским-Виленкиным и Любовью Гуревич. Неудивительно, что столичные дантисты и фармацевты с таким жаром встречали “модернистов” — это “из наших” — втайне восхищались еврейчики и аплодировали.

Так же, впрочем, аплодировали они и революции и тоже по родственному чувству. Ещё бы! Дейч, Гершуни, Гоц, Рутенберг, Азеф, Хрусталёв-Носар, Троцкий-Бронштейн, Парвус, Рубинович и т.д. Чем же не “русская” революция?

Или вот ещё “русская” скульптура, кто её творцы: Антокольский, Гинзбург, Аронсон, Бернштам, Синаев-Бернштейн. Все такие фамилии, что Русскому хоть с моста да в воду.

Ко времени русско-японской войны и последовавшей затем смуты, литература положительно разделилась между 12-ю коленами израильскими. Конечно, публицистика была в нераздельной власти евреев, но не лучше обстояло дело и с критикой, и с философией, и с художественной литературой.

Пускай, то была особенная пора, когда они угрожали нам даже иудейским “царём”. Но вот теперь революция, кажется, прошла, а евреев стало вдвое больше! Они во всех щелях, во всех норах литературы, имя им теперь — легион В критике: Корнфельд, Кранихфельд, Венгеров, Айхенвальд, Абрамович-Кадмин, Л. Шестов-Шварцман, П. Коган, Н. Лернер, Фричс, Волынский-Флексер, Л. Гуревич, Долинин-Искоз, Мендельсон, Бродский, К. Сюнненберг, Лурье, А. Эфрос; в театральной критике: Н. Эфрос, Homo Novus-Кугель, Lolo-Мунштейн, Э. Бескин, А. Койранский, Яков Львов-Розенштейн; в публицистике: А. Яблонский, Изгоев, Каминка, Гессены, Дионео-Шкловский, Вейдемюллер, Вл. Жаботинский, Слонимский, С. Прокопович, Н. Иорданский, Оль-Д'Ор, Вл. Азов-Ашкинази, Вл. Брендер, В. Волин-Шмерлинг, Дж. Нрауниш-Любошиц, Мускатблит, Ратнер, Зак, Меб-Бескин, Гальберштадт, М. Шик, Мандельштам, И. Матусевич, Волжанин-Израэльсон, Берлин, Клейнборт; в беллетристике: О. Дымов-Перельман, С. Юшкевич, Д. Айзман, А. Кипен, С. Ауслендер, С. Анский, Н. Осипович, А. Грон, Аверченко-Лифшиц, Архипов-Бернштейн; в стихотворстве: Минский (Виленкин), Саша Чёрный-Гликберг, Амари Вл. Ленский-Абрамович, Тан-Богораз, Дм. Цензор, Янтарев-Бернштейн, Муни-Киссен, С. Рафалович, К. Льдов (псевд.), С. Городецкий, Як. Годин, М. Гофман, Биск, Дике, С. Рубанович, Теффи-Лохвицкая, М. Паппер, Фейга Коган, Вилькина, Эренбург, Волькенштейн...

По этот еврейский список далеко не исчерпывает всю пишущую иудейскую саранчу. Сколько их по редакциям всяких “охраняющих входы”, Сколько их по провинции, в Киеве, в Одессе, сколько еще репортеров (это их призвание), всяких гг. Кегулихесов и Редеров?...

И эти господа направляют судьбами литературы, от них просвещение от них знание, от них русское слово!

Столичные книгоиздательства сплошь еврейские. “Московское книгоиздательство” Openiz Пализена, “Польза” Антика, “Универсальное к-во” Столяр, “Современные проблемы” Кадиша, “Мир”, “Культура”, “Освобождение”, “Шиповник” Копельмана, “Просвещение” Цейтлина, “Общественная польза”. “Брокгауз и Эфрон” (Энциклопедический словарь), “Гранат” (Энциклопедический словарь) Левенсона.

Из столичных газет и журналов специфически еврейскими являются “Речь” Гессенов. “(Современный Мир” Иорданского, “Сатирикон” Корнфельда, “Солнце России”, “Синий журнал” Корнфельда, “Биржевые Ведомости” и “Огонёк” Проппера, “Запросы жизни” Бланка, “Копейка” Городецкого. — Московская.Газета” Бескина... И все это — только в столицах.

Как видите, дальше идти некуда. Вместо печати и литературы, битком набитая синагога, жаргон торжествует; “гой”, как нищий. стоит в притворе.. На “алтаре” безнаказанно происходит заклание и разодрание всего русского обкрадывается русский язык, опошляется русский ум, оплевывается русская история, поносится русский народ. Ужас в том, опасность в том, что евреи, перенимая наш язык, наши ли тературные формы, внешне усиленно прикидываясь русскими, всячески стараясь внешне обрусеть, остаются все теми же евреями, вкладывают в русские формы свое, еврейское содержание, свой дух, вытесняют наши духовные ценности, нашу психологию, нашу нравственность, наши русские идеалы. Опасность прежде всего в том, что евреи обкрадывают нас лингвистически (как они уже обокрали немцев), внутренне с нами не сливаясь, не ассимилируясь психологически. Пиши евреи на своем говоре, нам бы от этого не было убытка, но их еврейская мысль получает русское выражение и таким образом пролазит в наш русский обиход.

Где широкой публике разбираться в тонкостях стилистики? И вот звучные псевдонимы облыжным путём проскальзывают в читательскую массу. Среди евреев, пишущих по-русски, конечно, есть люди знания и любви к литературе и её истории. Таковы Волынский, изучавший Достоевского, Венгеров, историк литературы, Лернер, посвятивший себя Пушкину, Айхенвадьд, пылающий нежной любовью к нашим классикам, Гершензон, возлюбивший славянофильство и многие другие. Но… не лучше ли им не знать или открыто презирать нашу духовную сокровищницу? Ведь только по-еврейски они и любят, и оценивают.

Достоевский у Волынского получился с длинным носом, а К. Аксаков у Венгерова похож на цадика; у наших же классиков, как они выставлены у Айхенвальда, чуть-чуть гортанный говор и какая-то семитическая чувствительность.

И я не знаю ещё что страшнее для России, для нашей литературы ненависть или любовь евреев? Думаю, что любовь. Разве не пылал спрут-Израиль пламенной любовью к Ханаану и разве не всосал в себя все его сокровища? Сорок веков меняют евреи языки и одежды, страны и обычаи, а остаются евреями. Они, быть может, и от нас уйдут, но их дух останется. Дух отрицания и низменности... Должно быть, такова именно задача вселенского спрута: возлюбить, приспособиться, истрепать, высосать, опустошить все, оставить мерзость запустения и уйти.

Для евреев наша литература, конечно, обетованная Палестина. Какая радость обрядить, своё духовное убожество, свою трусливую похоть, свою хладную корысть в такой пурпур и висон, придать своей низменности полёт и дерзание, похоти красоту, корысти размах и нравственное оправдание и втянуть в свою нарядную грязь ещё одну неиспорченную душу!

Бойтесь иудейской любви, страшитесь её нежных толкований — волки приходят в овечьей шкуре. Но надо поглядеть на зубы, вникнуть в волчьи инстинкты, присмотреться к блеску волчьих глаз.

Необходимо обратиться к психологии иудейского творчества, к сути катальных замыслов, добраться до жидовской изнанки!...

XIX. Такова панорама “свободы” и “равенства” иудейских, раскрывающаяся на наших глазах, особенно в русской земле. В той либо иной степени господство евреев сказывается теперь повсюду, но нигде, без сомнения, оно не является столь признанным и очевидным, как именно у нас.

Таковы издевательства угнетённого племени над всем, что людям дорого и свято. Такова злостность глумлений сынов Иуды над самыми мечтаниями страждущего человечества об улучшении своей беспросветной горькой участи...

Впрочем, если нигде раньше не соблюдалось скопления восьми, по крайней мере миллионов иудеев то и никогда еврейство не достигало столь неимоверного триумфа, как в современной России.

Основной признак тирании — невозможность протеста. Он устанавливается беспощадностью гнёта. Попробуйте восстать хотя бы против первого попавшегося шантажного листка жидовской прессы! Но сыны Иуды этим не довольствуются. Они стремятся не только к материальной, иначе говоря, лишь временной, а и к моральной, т.е. бесповоротной тирании. Исключая всякое сопротивление, евреи, тем не менее, хорошо понимают, что, раз остаётся духовная сила, то, чем дольше станет претерпевать она давление, тем опаснее будет взрыв... Отсюда для них ясно, что помимо угнетения физического, неизбежны и мероприятия, направленные к уничтожению самой вероятности сопротивления, значит, к разложению той силы, которая могла бы оказать противодействие. Поступая сообразно с этим, евреи стремятся отнять у народа разум, исковеркать его душу, отравить сердце, унизить и запятнать всё его прошлое, внушить, наконец, стыд пребывания самим собой. В таких видах иудейство располагает целой фармакологией ядовитых веществ особого рода и тем более смертоносных, что применений их испытано на протяжении веков. В современную эпоху иудеи располагают сверх того и универсальной отравой в образе повседневной печати. По отношению к ней они не только монополисты, но и стоят вне конкуренции.

Даже располагая, например, процентами с 26.000.000 талером гвельфской кассы [62] и субсидиями казны, Бисмарк в расчёте перехитрить всемирное еврейство образовал "фонд пресмыкающихся" (Reptilienfond) и создал вероломную организацию для подтасовки общественного мнения через газеты и брошюры согласно указаниям из Берлина. Не надеясь на одних немцев, он рискнул повторить опыт Средних веков, когда на богословских диспутах прелаты из крещёных евреев натравливались, хотя и безуспешно, на евреев некрещёных. Сообразно с этим в имперском управлении по делам печати были сосредоточены дрессированные ad hoc "свинопасы" или "свиные жиды", "Sau-Judeib, для оптовой фальсификации народного духа в Германии, по иудейскому генерал-басу. Всё это было бы, пожалуй, недурно, но Бисмарк упустил из виду, что эти переряженные "свинопасы" остаются, тем не менее, членами "избранного народа" совершенно так же, как и остальные жиды-газетчики, играющие судьбами государств. Они могут и будут действовать со всем искусством шулеров и даже не только за страх, а "за совесть", но, увы, исключительно во имя мирового господства кагала. Понятно, что злостная оперетка, затеянная "железным канцлером", превратилась, на радость Израилю, лишь в иудейское шутовство. Но если "избранный народ" сумел, таким образом, превратить в своё орудие и самого Бисмарка, то уже нет никакой надежды на успех у его мелко плавающих подражателей...

Завладев печатью, "угнетённое племя" не замедлило присвоить и всё остальное. Но захватив прежде всего материальные блага, этот nervus rerum gerendarurn, и отнимая у гоев средства пропитания, еврейство не исчерпывает таковыми своих мероприятий. Недаром говорят немцы, что потерять мужество, значит всё потерять. Расчёт евреев направлен как раз по этой дороге. Превознести до недосягаемости собственное могущество и, наоборот, разоружить, обезличить, лишить гоев веры в себя — такова задача кагала, но не последняя. Требуется ещё ожидовить нас. Но, проделывая и это, сыны Израиля не разрешают да и, очевидно, не могут позволить гоям стать евреями.

Ожидовление культивируется единственно для воспитания в нас изумления и раболепия перед сынами Иуды.

Сейчас в России они этого достигли, как никогда и нигде раньше. Сознавая, применяя, испытывая свою мрачную власть, иудаизм на сцене истории атаковал в заключение две величайшие империи мира — Рим в древности и Россию в настоящее время. Рим удалось кагалу погубить, а Русская Земля, правда едва-едва, но всё же держится...

Есть, однако, разница и в судьбах народов. Один вид еврея вызывал хохот на всём пространстве Римской державы. В России жиды являются теперь образцами талантов, благородства и неодолимости, а мы, парии, славословим их, преклоняемся, чуть не боготворим!...

Это ли не последнее слово искусства тирании?

Где ещё искать доказательств очарования кагальных мероприятий, государственного ума, блеска, величия иудейского правительства?

Но нет совершенства в этой юдоли плача. "Гениально" сыгрался жидовский оркестр, а и в нём бывают роковые диссонансы, слышатся

фальшивые ноты...

Всемогущество "Alliance Israelite Universelle" не мешает жидам содрогаться за свою участь. Волны народного самосознания идут неудержимо отовсюду на изъязвлённые утёсы еврейской гордыни. Пока отдалённые, но страшные раскаты народного гнева уже дают о себе знать среди наступления грозы... Ураган приближается быстро и горе тем, кто оскорбил русское сердце!...

Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!

Г. Темная сила
Pouvoir occulte
Международное Тайное Правительство

Несчастные труженики, как вас обманывают!...

Из всего предыдущего необходимость центральной и сокровенной власти над "культурным" миром проистекает логически.

I. Обозревая изложенное, вдумчивый читатель не может не признать распределение материала направленным к тому, чтобы означенный вывод возникал сам собой. Обращаясь к русским людям, настоящее исследование повинно было, прежде всего, отметить главные моменты еврейского вопроса в России. Таково и есть "Вступление". Но это лишь частный случай проблемы. Посему раньше, чем обратиться к её рассмотрению, надлежало дать обзор иудейского спектакля на всемирной сцене. Стало быть, "Очерк борьбы арийцев с семитами" должен был следовать за "Вступлением" непосредственно. Дальнейшим предметом изучения являлось уже само еврейство, но, без сомнения, лишь в синтетической форме, ибо перед нами не вся иудейская сфера, а только специальная в ней тема. Вот почему стали на очередь "Общие замечания о евреях". Данная же область разделяется на статику и динамику иудаизма. В пределах статики центром тяжести служит

"Закон" Израиля, вследствие чего этот отдел распадается на три основные момента: Талмуд, Шулхан-Арух и Каббалу. С другой стороны, и в сфере динамики нельзя было не отметить трёх же присосков к человечеству того колоссального спрута, который именуется Агасфером. Значит, жид газетный, жид

[62] Капиталы Ганноверской династии, захваченные Пруссией в 1866 году с угрозой их конфискации, если владетельный дом, их хозяин, навсегда не откажется от прав на престол.

биржевой и жид политический подлежали вызову для ответа поочерёдно. В заключение предстояло суммировать элементы, намечая как доказательства существования у евреев собственного правительства во все времена, так и те симптомы либо провозвестники, которыми неизбежно устанавливается интернациональный характер кагала. Согласно с этим "Всемирный Еврейский Союз", как явление, требуемое ходом событий, играет в этом эпилоге роль, так сказать, главенствующей мелодии.

II. Окинув цепь минувших веков для уразумения того, что происходит на наших глазах, мы, думается, были бы вправе и помимо новых доказательств признать неустранимость идеи международного тайного правительства, равно как невозможность допустить пребывания оного где-либо, кроме еврейства. Конкурентом являлось бы, пожалуй, масонство, претензии которого в свою очередь необъятны. Но уже служебное отношение "детей Вдовы" к сынам "избранного народа" исключает всякое соревнование. А если мыслима гипотеза о восстании арийцев против иудейского семитизма именно через масонство, то обращение её в действительность должно быть почитаемо столь отдалённой туманностью, куда исторические телескопы ещё не в состоянии проникнуть.

Во всяком случае нет у масонов ни средств, какими располагают евреи, ни способов защиты, которыми кагал способен разгромить любое сопротивление в самом его зародыше. Нет, наконец, у масонов ни сосредоточения сил, каким владеет еврейство, ни выработанного тысячелетиями навыка маневрирования. Между тем, вглядываясь в совершаемое иудеями ныне, трудно отрешиться и от мысли о Цусимском бое. Как там огнём японской артиллерии были отправляемы на дно океана наши броненосцы один за другим, так и в схеме еврейских операций мы видим концентрацию залпов неизменно по какой-нибудь одной цели до окончательного сокрушения оной. Припомним хотя бы о иеромонахе Иллеодоре и епископе Гермогене либо о монархических организациях вообще, а о "Союзе русского народа" в частности. Не позабудем наряду с этим и о цинизме иудейского предательства в деле Дрейфуса...

Образ действий японцев с первых же дней войны, равно как их презрение к правилам чести и самым элементарным требованиям международного права, начиная со злодеяний у Чемульпо либо при первой атаке Порт-Артура, свидетельствуют о сознательной уверенности наших врагов в своей безнаказанности, т.е. в неизбежности нашего поражения. Ниспровергаясь до аналогии с японским, вероломство евреев равным образом исключает какое-либо другое объяснение.

"Не имея понятия в тактике или стратегии, помни об одном — нельзя делать угодное неприятелю", — советовал Наполеон. Увы, до сих пор в России под влиянием сладости столь долго бывшего запретным плода, а ещё более под гнётом стадного психоза многие придают указанному совету мало значения и на радость кагалу политиканствуют. Еврейство же, удаляя нас со всех путей деятельности, кроме самых неблагодарных, либо подчиняя их себе, отнимает у русского народа средства пропитания, а взамен навязывает ему... кагальную политику.

Это уже в такой мере стало для сынов Иуды азбучным, что и еврейские мальчишки-карманники, воруя на рынке у зазевавшегося крестьянина последние гроши, не забывают сунуть ему в карман прокламацию...

Это бесстыдно даже будучи рассчитываемо на непонимающих талмуда, хотя и взрослых людей. Но еврейство не ограничивается ими. Напрягая крайние усилия к просвещению собственного юношества, иудеи подстрекают наше не учиться вовсе. С злостным и предумышленным коварством они заставляют детей гоев внимать бессмысленным "теориям" социализма и устраивать явно нелепые политические забастовки.

Одним приёмом данного рода кагал: а) вооружает светом знания своих "бундистов" и наоборот, обрекая на невежество молодёжь гоев, лишает её важнейшего из орудий борьбы; б) завладевает государственными и общественными должностями, а также свободными профессиями, требующими научной подготовки, стало быть, расширяет свои материальные средства и, что ещё для гоев опаснее, безгранично усиливает иудейское влияние и власть и в) приобретает возможность восхвалений по адресу сынов Иуды одновременно с "правом" издевательства, будто мы существа низшей породы и ни на что непригодные. Не менее вразумительным образцом иудейского лукавства является следующее. Навязывая тем же гоям парламентаризм и преследуя администрацию, разумеется, пока не захватит её в свои руки, еврейство проповедует расширение компетенции суда в твёрдой, конечно, надежде поработить его. Легчайшим же путём к этому является, без сомнения, захват адвокатуры. Вместе с тем, как уже было замечено, Израиль желает властвовать "не за страх, а за совесть". Сообразно с этим, "избранный народ" разыгрывает вновь изобретённую, а по злостности даже невиданную оперетку. Обучая иноплеменное, преимущественно русское, юношество политиканству и увлекая его на погибель, кагал в неизреченном милосердии своём надевает маску её же благодетеля и через иудейскую либо шаббесгойскую адвокатуру явно стремится монополизировать саму область защиты как в общеуголовных, так даже в военно-полевых судах. Истощая терпение судей, еврейская адвокатура не прочь украсить себя ореолом добродетели и по "социальному" пути. Посему волки в овечьей шкуре сказанным не ограничиваются.

Мы видим, например, что в целях иллюминации на кагальный лад той самой ленской эпопеи, которая создана евреями же и для евреев, адвокатура "свободы", неистово себя рекламируя, спешит на помощь русским рабочим в Бодайбо...

III. Удивляться нечему. Такова же, в сущности, была и французская революция. Добродушие Людовика XVI и созыв Национального Собрания в 1789 году полностью обеспечивали мирное удовлетворение народных нужд. Не только практически, как показали события, но и теоретически не требовалось зверств и крови для устранения злоупотреблений. Всё устроилось бы дружески, полюбовно, не будь на сцене проклятого еврейского вопроса. Тринадцать раз

вынуждаемо было заниматься им Национальное Собрание и, тем не менее, решало его отрицательно. Но еврейство сосредоточило на этом пункте весь огонь кагальной артиллерии. Все средства были пущены в ход. Главари Собрания продались жидам. Тогда только, 25 сентября 1791 года, еврейство восторжествовало на погибель своим же благодетелям-французам, а затем, понятно, остальным народам Европы и, как теперь уже несомненно, — Америки. За благодеяния Людовика XVI евреи и масоны отрубили ему голову. Но сынам Иуды было мало равноправия. Они жаждали отнять у древней феодальной аристократии замки, парки, земли, художественные собрания, величественные отели в Париже, обаяние и власть. Они решили присвоить наряду с коронными бриллиантами верховное владычество над Францией, верно рассчитав, что за сим придёт и всё остальное. Для достижения цели они создали террор, заставляя иных спасаться бегством, а других "сторонников прежнего режима" сотнями и тысячами отсылая к "тётушке" Гильотине. Смена республики диктатурой Наполеона и замена последней деяниями Венского конгресса проливала новые потоки крови, но не переставала обогащать "избранный народ" свыше всякого вероятия. Конечные же результаты, раскрывающиеся перед изумлёнными взорами нынешнего поколения, выразились как в совершенном порабощении, так и в повальном ожидовлении европейских народов.

Отступая ещё далее — в древний мир, мы лишь вновь убеждаемся в неизменности иудейского предательства, всякий раз — международного. Прав был философ Сенека, когда сказал: *"Cum interim usque sceleratissimae gentis (Judaeorum) consuetido convaluit ut per omnes pene terras recepta sit. — Victi victoribus leges dederunt"*[63].

IV. В период громкого процесса о мошенничествах иудейского банкира Хаима Оппенгейма большой знаток Египта доктор Рейниш на основании дешифрирования египетских иероглифов удостоверил следующее— *"В древней стране фараонов около XIX столетия до Р.Х. цветущая египетская культура стала заменяться крайним упадком нравов и необузданным распутством. Чуждую коренному земледельческому населению порочность внесли многочисленные семитические, финикийские, иудейские и арабские купцы, которые, переселившись в Египет, своими злоупотреблениями в торговле, равно как дерзкой, бесчестной погоней за наживой потрясли у египетского народа чувство правды и патриархальный строй. Наступил период упадка, столь красноречиво описываемый автором "лейденского папируса". Деморализация началась со слуг и пабов а затем наступило и господство наложниц. Вельможи покупали себе сирийских и эфиопских рабынь и наделяли подарками, тогда как их собственные жёны оставались в пренебрежении, терпели нужду. Наглое стремление к приобретению богатств во что бы то ни стало и беспредельная страсть к наслаждениям привели к полному разладу общественных отношений. Старые, уважаемые семьи обеднели и пали, а на смену им поднялись бродяги и прайдохи. Те, у кого ничего не было, стали обладать замками, землями, садами, рабами, сокровищами. Они не только проникли в высшее общество, а получили доступ и во дворец. Кто же чувствовал непреодолимую страсть к воровству, но желал придать ей благопристойную форму, тот мог отправиться в казначейство, внести известную долю краденого и вступить в цех воров. Этот цех имел своего старшину, к которому приносилось всё похищенное в целом Египте. Кто хотел получить свою вещь обратно, мог придти к старосте и уплатить за возвращение краденного плату по таксе в пользу вора или, выражаясь по-венски, внести ему "провизию". Фараон Рампсинит выдал свою любимую дочь за самого отъявленного плута, прославившегося искусством водить за нос как судей, так явную и тайную полицию... Хотя в Египте ещё не было суда присяжных, но этот плут не только не находился в остроге, а даже считался умнейшим человеком. Вот до чего дошло дело в Египте, который прежде, благодаря честности и трудолюбию, достиг высокого расцвета культуры..."*.

Речь д-ра Рейниша была произнесена в Вене и произвела немалую сенсацию. Правда, иные принимали подобное описание египетских порядков за тенденциозную сатиру на венско-австрийские дела, но её знаменитый автор категорически утверждал, что не имел в виду ничего подобного, так как исследования иероглифов буквально подтверждают сказанное им, а сходство с положением венских дел — простая случайность...

V. Двадцать пять веков спустя, мы видим во Франции повторение картины, данной Рейнишем из жизни древнего Египта. В заседании государственного совета 30 апреля 1806 года, указав на отвратительную беззастенчивость, с которой евреи меняют отечество, и перечислив ряд изменнических деяний с их стороны, Наполеон отметил, в частности, что сыны иуды, как тучи воронов, собираются на полях битв с целью грабежа раненых и умирающих, либо для того, чтобы здесь же скупать награбленное у мародёров. А что и сами "освободители евреев", якобинцы, не обольщались никакими иллюзиями относительно своих протежэ, это явствует хотя бы из следующего приказа, хранимого во французском национальном архиве: *"Северная армия. Под страхом смертной казни запрещается евреям следовать за армией. Генералы и командиры отдельных частей, равно как наблюдательные комитеты пограничных общин, обязаны собирать сведения о нарушителях этого приказа, задерживать их и казнить в двадцать четыре часа. Монсе 16 мессидора II года Республики, единой и нераздельной. Представитель народа в Северной армии, Лоран"*.

Если подобно фортам, воздвигаемым для защиты крепости вне её пределов, Наполеон окружал свой престол, назначая братьев королями в старые либо заново учреждаемые государства, то и Меер-Амшель Ротшильд применял тот же

[63] "Эта беспримерно злодейская нация до такой степени обездоливает своими пороками других, что зараза распространяется едва ли не повсюду. Даже будучи побеждены, евреи дают законы своим победителям". — Сенека, цитируемый С. Августином в его "De civitate Dei". VI, 2.

план. Основав своё благополучие на развалинах Франции, в особенности после Ватерлоо, он распределил Европу между пятью сыновьями. Главная контора была оставлена во Франкфурте на Майне, банкирские же его дома в Вене, Неаполе, Париже и Лондоне, как вынесенные вперёд форты, окружали её. Войны Республики и Империи, а за ними ликвидация Венским конгрессом того, что "перепутал" Наполеон, сопровождались бесконечными займами, и названым кагальным фортам едва хватало времени собирать барыши. Реставрация Людовика XVIII обусловила ликвидирование Ротшильдами же контрибуции, равно как вознаграждения эмигрантов, на огромные суммы. Выпущенная для этой цели 5% французская рента была продана через Натана Ротшильда главным образом в Англии по 56 за 100. Принимая затем во внимание, что Ротшильды являлись прежде всего английскими агентами и состояли банкирами монархических коалиций, а затем и "Священного Союза", можно себе представить, какими оказывались гешефты новоявленной иудейской династии, когда французскому правительству пришлось эту ренту конвертировать в 4%-ную. Перебегая то и дело с одной стороны на другую, Ротшильды для развития биржевой игры способствовали, между прочим, и революции 1830 года, как не теряли случаев "помогать своему счастью" в революционную эпидемию 1848-1851 годов и при вступлении на престол Наполеона III Маленького. Никогда не затруднялись они предательствовать в том же направлении и раньше, и позже. Для сокрытия своих манипуляций они вели двойные торговые книги, как это было установлено официальным путём при подавлении беспорядков в Вестфалии в 1809 году. Вообще говоря, если существует область, где международное владычество евреев несомненно и безусловно, то это, разумеется, биржа. Здесь именно раскрывается, как "идеализм" масонства, так сущность интернациональной шахматной игры кагала народами и государствами, так, наконец, и превращение их повелителей в орудия мировой политики Израиля, Англии и "детей Вдовы"[64].

VI. Вполне очевидно, что с развитием путей сообщения и расцветом биржевых операций под главенством лондонской или парижской бирж, а также наряду с изобретением ротационных машин и безграничностью деспотизма иудейской печати, равно как параллельно с открытием неведомой минувшим векам эпопеи государственных займов и акционерного учредительства, в связи с картелями, синдикатами, консорциумами и трестами, международный характер еврейских ганделей и такая же деятельность интернационального правительства сынов Иуды должны были превосходить любые границы. Если "избранный народ" во все времена рассматривал гоев, как своих плательщиков податей и в той либо другой форме взимал таковые, то необъятность нынешней сцены иудейского гешефтмахерства, без сомнения, обусловливала как возрастание налогов в пользу Израиля, так и дифференциацию его международных замыслов. Действительно, панорама, раскрываемая перед современными народами, не имеет ничего подобного в прошлом. Для надлежащего исследования одна эта сторона еврейского вопроса потребовала бы целого ряда томов. К сожалению, у нас нет возможности предпринять столь долгий путь.

Укажем лишь на два-три факта.

Революция в Соединённых Штатах Северной Америки едва ли имела бы успех без помощи Франции. Рассчитываясь за это, Англия инсценировала "Великую Французскую Революцию", а уже эта, последняя, создала ряд других и, наконец, отразилась в том "социальном коллективизме", под натиском которого содрогаются ныне вековые устои государственного и общественного быта даже в самой Англии. Единственным же триумфатором является повсюду еврейство. Заслуги Мейера-Амшеля Ротшильда перед "звёздным знаменем" сводятся к тому, что он поставлял Британии немцев для сокрушения бунта американских колонистов. Тем не менее, сейчас американские сыны Иуды не только задают в Соединённых Штатах тон, но и успели поссорить их с Россией, прежде всего, во вред Штатам и только, понятно, в собственных интересах.

Наряду с этим мы видим, что негодование и отвращение всех народов и во все времена сопровождали еврейство при его дьявольском стремлении к мировому господству. Не смотря на различия в вероисповеданиях, происхождении либо исторических судьбах, "гои" инстинктивно чуяли в кагале свирепого врага. Если, например, в древности возможны были указы Салмонассара, Тита либо Адриана,

---

[64] De Gobineau, comte. — "Essai sur l'inegalite des races humaines". Paris. 1884. Edmond Demolins. — "Aquoi tient la superiorite des anglo-Saxons". Paris. Rosebery, lord. —"Napoleon, la derniere phase". Paris. 1911. Felix Fabart. — "Histoire philosophique et politique de l'Occulte" Paris. Jean Grave. — "La Societe mourante et l'anarchie". Preface par gustave Mirbeau. Paris. 1893. V — "Le Secret de la Franc-Maconnerie". Paris. 1905. Louis Martin. — "L'Angleterre et la Franc-Maconnerie". Paris. 1905. Ed. Bernstein. — "Socialisme Theorique et Socialdmocratie Pratique". Paris. 1903. Domenico Margiotta. — "Adriano Lemmi, chef supreme des frans-macons". Paris.-Lyon. Maurice Muret. — "L'Esprit juif, essai de psychologie ethnique". Paris. 1901. Deschamps. — "Les Societes Secretes et la societe ou philosophie de l'histoire contemporaine". Avignon-Paris. 1882. Andre Baron (Louis Daste). — "Les Societes Secretes, leurs crimes, depuis les Inities d'Isis jusqu'aux Francs-Macons modernes". Paris. 1906. Auguste Chirac. — "La Haute Banque et les revolutions". Paris. 1888. A. Tilloy. — "Le peril judeo-maconnique". Paris. 1897. — "L'Assassinat maconique. Le Crime rituel. La Trahison juive". Paris. 1909. Toussenel. — "Juifs, rois de l'epoque". Auguste Chirac. — "Les rois de la Republique. Histoire des juiveries". Paris. 1888. Howel. — "Le passe et l'avenir des Trade-Unions". Paris. 1892. Gaston Mery. — "Loubet-la-Honte". Paris. 1900. M-gr Henri Delassus. — "La conjuration antichretienne" Lille. Gustave Dord. — "La conspiration revolutionnaire de 1789. — Les complices. — Les victimes". Paris. 1909. Copin-Albancelli. — "La conjuration juive contre le Monde Chretien". Paris. 1909. Otto Bockel. — "Die Juden, die Konige unserer Zeit". Marburg. 1887. Germanicus. — "Die Bank-und Bankiers Diebstahle und die Auslosung von Eigenthum und Besitz in Scheinbesitz". Leipzig. 1893. Kolk. Dr. — "Das Geheirmniss der Borsen-Kurse u. d. Volkausraubung dd. internationale Borsen-Zunst". Berlin. 1893. Solano. — "Der Geheimbund der Borse". Berlin. 1893. Edmund Kikut. — "Judische Borsenjober". 1895.

настигавшие всё еврейство, то в настоящее время это уже, безусловно, немыслимо, а сами правительства обречены на такую беспомощность, когда и убийство Богровым Столыпина вызывает главным образом распоряжения об охране евреев. Беспощадность защиты от “угнетённого племени” и невозможность хотя бы подготовки средств спасения от его тирании представляются невиданными показателями могущества иудейской власти.

Оперируя в громадном масштабе и уничтожая сопротивление в зародыше, иудаизм стремиться к распылению человечества через “мировую республику”, а свои задачи строит на радикализме демократии. Но если даже в собственной династии Ротшильдов управление делами поручается не законному наследнику и не старейшему, а способнейшему, то верховенство над кагалом не может регулироваться по иному принципу. Дискредитируя, разлагая основы и связи у иноплеменников, еврейство действует обратно в отношении себя самого. Проповедуя социализм, коллективизм, анархизм как учреждения грядущего рая для гоев, сыны Иуды не разрешают им, однако, задаваться последствиями, ни даже обсуждать таковые. У себя же наоборот, всякий принцип еврейство проверяет немедленно на выводах и результатах. Будучи управляемо своей аристократией, а из её среды вручая власть над кагалом не иначе, как самым породистым, испытанным знатокам талмуда, сыны Израиля рекомендуют гоям демократический образ правления, иначе говоря — произвол невежественной толпы. Вполне очевидно, что чем больше стали бы евреи предаваться обрядам своей религии, тем меньше оставалось бы у них времени на обездоливание иноплеменников. Посему, не заинтересованы гои запрещать “избранному народу” празднование шаббаса, “кучек” или “судного дня”. Однако, всякая попытка затруднить иудейские плутни немедленно вызывает гвалт о преследовании евреев за веру... Как же они поступают сами в отношении чужих верований? О, прекрасно знают они, что Рим существовал только до тех пор, пока свято чтил культ весталок, и что, вообще, никакой народ не переживал своей религии. Вот почему сыны Иуды избирают гонения именно против верований гоев. Здесь как раз причина того факта, что все хулы и неистовства скверны, которым подвергалось христианство, были неизменно доставляемы из арсеналов синагоги. Хорошо понимают, конечно, евреи, куда это ведёт и сколь для них забавен, а для гоев унизителен станет исход борьбы...

VII. Вдумываясь в ход событий нашего времени, нельзя не обратить внимания на их координированность и стремление, по крайней мере, их большинства, к неведомой, но единой и определённой цели, подобно тому, например, как солнечная система мчится в пространстве к созвездию Геркулеса и на их синхронизм и, если так можно выразиться, фабричный характер. — Nocturna versate manu, versate diurnal...

За примерами дело не станет.

Вспомним об оркестровке кагалом печати либо о запрете “экзекуций” против акционеров “Лены”. А процесс Дрейфуса? А печатание одним и тем же шрифтом и на такой же бумаге “освободительных” прокламаций в Москве и в Японии для нашей маньчжурской армии? А одновременность иудейских выступлений с изорванием царских портретов в Киеве, в Чите, в Твери, в Томске, в Одессе, во Владивостоке?... А “всероссийские” железнодорожные и почтово-телеграфные забастовки? А восхваление финляндских предерзостей жидо-кадетами, даже в государственной думе наряду с вмешательством в наши дела масонских шаек из французского и английского парламентов? А “восторги” Бунда и сионизма? А ненависть и презрение к России, предумышленно разжигаемые за границей гнусными деяниями русских “студентов из жидов”? А разрушение С. Америкой договора с нами под хвалебные кантаты сынов Иуды на обоих полушариях?...

Демократия предполагается всемогущей и в омертвелом мандаринстве Китая, и в неустанно обновляемой выдающимися людьми палате лордов Великобритании. Из-за бесчестного, дотоле неведомого, еврея-анархиста Сруля Ферреро внезапно после казни его в Барселоне разгораются “митинги народного негодования” на улицах и площадях Мадрида, Парижа, Рима и Брюсселя. Как бы по мановению жезла петербургское “9 января” внезапно возобновляется в Берлине. Почти одновременно ставятся на сцену, а затем и на весь свет гремят террористические процессы в лондонском Хаунсдиче и в Токио. Бунтует разграбленная англичанами Индия, но забавляется долготерпением России и отъевшаяся на её груди Финляндия. Нарочитые гастролёры не только устраивают “иллюминации” по всему лицу русской земли, а и по трафарету проводят революции в Турции, Португалии, Персии, даже в Китае. Либо сами сыны иуды, либо масоны становятся открыто во главе правительств. Если премьер Англии Асквит не еврей, то он достоин быть евреем. Германский канцлер Бетман-Гольвег, как и австрийский первый министр Эрентадь, потомки евреев. Недавний председатель совета министров во Франции и фабрикант коньяка Мони принадлежит к верховному совету в “Grand Orient”. Военным министром оказался биржевой маклер Берто, а начальником главного штаба французской армии, если не стал ещё сегодня, то явиться завтра еврей Валлабрег. Городским головой в Риме и гроссмейстером итальянских масонов для издевательства прежде всего над папой объявляется еврей Натан, а первый министр Италии еврей Луццати имеет уже право на орден “Аннунциаты” (Благовещения), т.е. на название “двоюродного брата” короля.

Даже игнорируя евреев: придворного врача Индриса во времена Иоанна III в Москве; барона Шафирова при Петре Великом; оркестр-мейстера “Бироновщины” Липимана и лейб-кампанца Грюнштейна в эпоху Елизаветы Петровны, нельзя хотя бы за XIX век умолчать о евреях в Петербурге, как: банкиры Перетц и Штиглиц; министры Нессельродэ (полукровный), Канкрин и Гире; откупщики, поставщики, строители железных дорог или банкиры — Гинцбург, Поляков, Грсгер, Горвиц, Коган, Варшавский, Блиох, Утин, Ротштейнс etc. В заключение же трудно позабыть ещё о таких “спасителях отечества”, как друг и “выученик” евреев С.Ю. Витте либо иудей Носар-Хрусталёв. На С.Ю. Витте, “радетеле за демократию”, Россия сподобилась убедиться в особенности, каковы бывают результаты передачи финансов, т.е. всех сил страны в

заведывание шаббесгою Израиля... А между тем, сколько уже было в других государствах и сколько ещё будет министров финансов от колена Иудина!...

Украсив себя вывеской "Единение и Прогресс" кагал в Салониках превратился, risum teneatis, в "партию младо-турок", которая не только диктует свою волю Турции, но располагает шаббесгоями и в русской государственной думе. Что же касается оркестра международной печати, то из особого благоволения к гоям, он играет лишь пьесы "угнетённых" композиторов...

Неужели всё это происходит случайно? А если принять к сведению, что мы называем случайностью всё, причин чего не ведаем. История же не запомнит ничего подобного тому, что даёт нам современная эпоха. Тогда и поверхностному наблюдателю уже нельзя будет согласиться на истолкование хотя бы только поименованных событий случайностью.

Нет, разум требует иного вывода.

Даже методом исключения наиболее вероятных предпосылок мы не в состоянии объяснить того, что теперь совершается без введения в расчёт ещё неведомого исторического фактора. Эпидемию нынешних явлений политической и социальной жизни мыслимо объяснить только одним путём, а именно, допустив инсценирование их по приказу закулисного антрепренёра, иначе говоря, потаённого центрального правительства. Лишь эта гипотеза даёт ключ за кулисы событий. Разумеется, её следовало бы раскрыть ярче, глубже и сильнее, чем это достижимо в синтезе a vol d'oiseau. Сознавая это, но не имея пока возможности двинуться по означенной дороге всецело, мы, тем не менее, вправе полагать, что её направление указано верно.

А если так, то на вопрос в чьих руках должна быть интернациональная, подпольная власть, трудно отвечать иначе, как наметив её в лоне "всемирного кагала". Одержимое неистовым самомнением, искушённое неподражаемым опытом и располагающее безграничными средствами, одно только еврейство способно дерзнуть на подобный замысел и решиться на его осуществление. В собственных же недрах иудаизма, стремление к единству сил и к общему их командыванию пребывало неискоренимым всегда.

Этого мало. Многовековая пронырливость сокровенными путями повсюду наряду с таким презрением к гоям, когда порабощение и эксплуатация их тайными сообществами превратились в излюбленную потеху, равно как, быть может, в наиболее ядовитое из орудий кагала для ниспровержения окружающего, да ещё под "знаменем братства, свободы и прогресса", не могут оставаться в тени при изучении рассматриваемой ныне проблемы. С другой стороны, надлежит отметить, что неудачи в земной юдоли чаще всего зависят именно от страха рискнуть, как следует, а также и от неумения вовремя скрыть свою слабость. Евреям же терять нечего, в нравственном смысле, конечно, а в материальном потому, что им всегда поможет талмуд. Отсюда понятно наставление той же священной энциклопедии, что наглость полезна даже против Иеговы... Наконец, будучи рабом по собственному миросозерцанию, "угнетённое племя" твёрдо об этом памятует и, сообразно с этим, ни перед каким унижением не останавливается, если это для него выгодно. Ясно, что уже одним качеством подобного рода иудаизм становится вне конкуренции и, как справедливо указал Мишлэ, *"переходя от пощечин к пощёчинам, кидается на трон мира!..".*

VIII. Хотя предумышленность и планомерность еврейских операций явствует воочию, а потому не требует новых доказательств, тем не менее, в виду оригинальности явления, нельзя не назвать хотя бы некоторых доблестных работ, исполненных раньше французской революции, либо в её начале, но предначертывавших её течение с удивительной прозорливостью. Так, в 1745 году неизвестный автор издал в Амстердаме труд под названием: "L'ordc des francs-Macons trahi et le secret du Mopsis revele". Через 20 лет, там же, (1766 г., Амстердам) аббат Ларюдап напечатал исследование: "Les Francs-Macons ecrases". Затем в 1771 году появилась книга Севастьяна Мерсье "L'an 2240 ou reve s'il en fut jamais", где, между прочим, взятие Бастилии (14 июля 1789 года) описывается так, как бы автор сам являлся очевидцем: приблизительно то же, но более в общих чертах можно сказать и о проектировании здесь же радостей террора. В этом отношении с Мерсье может сравниться разве кавалер Фуалляр (1669-1752), который предсказал французскую революцию ещё в 1729 году. С другой стороны, несколько позже Мерсье, а именно в 1790 году, аббат Лефранк написал "Les masques arrachees de 1788", в 1791 *году* "Le Voile leve pour les curieux, ou le secret de revolutions reveles a Paide de la Prancs-Maconnerie", а в 1792 году — "La conjuration contre la religion catholique et les souverains". За свои мужественные разоблачения Лефранк навлёк лютую ненависть масонов, был схвачен и замучен якобинцами в том же 1792 году. Несмотря на это, львиные сердца не переставали предостерегать от наступления опасностей, весь ужас которых лишь, теперь достигает очевидности. Джон Робинзон в 1793 году выпустил в свет: "Preuves d'une conspiration contre la religion et les gouvernements de Г Europe". Наконец, в том же году Баррюэль издал и свою пророческую книгу "Memories pour servir a l'histoire du Jacobinisme". В заключение, ссылаясь на знаменитого Гердера, Бональд в 1806 году на страницах своей "Adrastee" равным образом предсказал следующее: "Образуя повсюду государство в государстве, дети Израиля своим обдуманным и систематическим поведением, несомненно, достигнут предназначенной цели: низвести христиан до положения иудейских рабов. Пусть же никто не обманывается! Владычество евреев окажется жестоким, как это бывает всегда с народом, который после долгого угнетения поднялся на уровень своих господ".

IX. Прошло около ста лет... И вот, у недавнего ещё почитателя евреев, Жюля Леметра, мы читаем: "За последние годы евреи уже открыто стали деятельными пособниками, даже вдохновителями и заправилами презреннейшего и оскорбительного для нас политического режима. В одно и то же время подзадоривая и обманывая все аппетиты, иудаизм разоружил национальную оборону нашу и отвратительно преследовал церковь во Франции. Дух масонства есть доподлинный иудейский дух. Совершенно ясно, что взятый в целом и

заключая ненависть к церкви, варварские утопии коллективизма и бессмысленный интернационализм, этот дух не может не быть для нас зловещим...

Странный, чудовищный народ! Парадокс истории! Не имея отечества в течение 2.000 лет, евреи отмечены сатанинским запретом, вследствие которого они не могут искренно воспринять какое-либо другое и раствориться в нем. Естественно, что они внушают беспокойство и сугубые опасения во всяком чужом отечестве".

"Тлетворное влияние, всегда оказываемое иудео-масонской сектой, говорит в свою очередь Tilloy ("le peril judeo-maconique"), на ход финансовой экономии, политики и нравственности в Европе, а особенно во Франции, достигло в последнее время столь чрезвычайного и тревожного развития, что уже представляет собой национальное бедствие исключительной грозности. Могучая, если не числом соучастников, то организацией и связями, партия евреев и еврейсвующих, опираясь на своею союзника франк-масонство, обволакивает народы и монархов, империи и республики неприглядной сетью интересов финансовые, вероломные интриг и дерзких преимуществ, вырванных у государственной власти. Это позволяет еврейству почти без сопротивления торжествовать над всякими препятствиями, разлагать живые силы христианские народов и готовить разрушение европейских национальностей к исключительной выгоде Израиля. Укрепившись повсюду, иудаизм отовсюду же рекрутирует мощных пособников и усиливается непрерывно. Во Франции он занял все пути к государственной власти и распоряжается правительством страны, как повелитель. Сегодня это уже не противник, которым можно пренебрегать безнаказанно, а свирепый враг, помышляющий завтра стать верховным владыкой французского народа. Те из интеллигентных людей, кто умеет читать в анналах современной истории, не могут скрыть от себя, что дух жидовства просачивается во все слои нашего общества и с каждым днём обнаруживает всё большее влияние на общественное мнение через результаты, явно противные как национальным преданиям и достоинству, так и будущности нашей родины. В настоящее время нельзя не придти к убеждению, что, если угнетение нас иудео-масонской сектой не будет сокрушено и нейтрализовано достаточно энергичным противодействием, Франция, а за нею и Европа, в недалёком будущем окажутся завоёванными космополитическим отродьем, которое позволяет себе воздвигать цитадель своих богатств и мирового господства на развалинах государств и национальностей христианских.

"Что мне это может дать?" — таков единственный для еврея критерий. Религией же его служит исключительно вера в успех.

Покорение одним народом другого совершается либо силой оружия, либо пламенем религиозного вдохновения, либо через потворство страстям.

Республики Рима и Греции завоевали мир превосходством оружия. Христианский Рим подчинил его героизмом мучеников, авторитетом своей доктрины, несравненной святостью морали, верховным обаянием самопожертвования и рыцарскими подвигами, которые его апостолами были посеяны и вызваны к жизни среди народов, просвещенных Евангелием.

Что же касается побед, одержанных воздействием личного интереса и страстей, то они представляют единственный в истории мира феномен. Принцип корысти есть центр, к которому тяготеют похоти, наименее терпимые, наклонности, в которых не сознаются, стремления противные благородству человеческой природы. Осуществляя свои план завоевания, иудейское племя впервые и неуклонно основывалось на этом безнравственном принципе. Применяя его неизменно, евреи руководствовались им повсюду, со времени же своей эмансипации осуществляли во Франции почти всегда безнаказанно. Захватывать достояние народов, среди которых поселялись, эксплуатировать иноплеменников через обман и нахальство, ажиотаж и ростовщичество, разжигать вокруг себя позорнейшие инстинкты, совращать народ, чтобы вернее ограбить его, разлагать устои национальной жизни, а нагородив развалин, воздвигать собственное благополучие и тиранию Израиля, — такова программа, неизменно применяемая и упорно проводимая сынами Иуды..."

X. Не взирая на заведомую для самих евреев точность помянутой характеристики, равно как вопреки тому, что сами они, разумеется, ярче и глубже, чем мы, понимают злоумышленность своих мероприятий к растлению гоев, кагал с неподражаемым дерзновением эксплуатирует полное невежество в талмуде иноплеменников, гипнотизирует их ужасами растравляемых иудейской прессой язв и, наряду с восхвалением непорочности Израиля ни перед чем не останавливаясь, стремится внушить убеждение в недосягаемости своего божественного посланничества.

Указанным положением вещей обуславливается содержание настоящего труда. Невольно приходится доказывать подчас и то, что уже само собой очевидно. Параллельно с этим, так как индукция не даёт закона, а дедукция может иной раз казаться беспочвенной, нельзя на пути изысканий не обращаться и к той, и к другой. Сознавая, что рационализирование явлений, т.е. раскрытие элементов долженствования их бытия, метод наиболее совершенный, трудно бывает уклониться от поверки выводов, приобретенных умозрительно, через обращение к примерам действительности. Такова система работы, доныне исполненной. Показав, что известные факты не могут не существовать, автор во всём существенном переходил ради целей контроля к данным истории. Заканчивая это сооружение, нет повода изменять план. Надлежит заметить даже, что инстинктивно чувствуемая логическая необходимость существования международного кагала как сокровенной, интернациональной власти над гоями, тем не менее, является проблемой до сих пор ещё мало исследованной. Отдельные из её моментов бывали в европейской литературе затрагиваемы многими, общего же анализа, по-видимому, не предпринималось. Стало быть, нынешняя попытка требует большей осторожности. Посему, в заключение,

нелишне, кажется, принести некоторые, ближайшие к нам бытовые материалы, но, конечно, по обоим направлениям, иначе говоря, как с точки зрения иудейской, так и из её реальных коррективов.

Таким образом, по мере возможности, мы к этим обеим сферам и обращаемся.

А. Иудейский песнопевец

1. Дарместетер. Взгляд на историю еврейского народа. Произвольно предполагая существование какого-то арио-семитического человечества, т.е. допуская передержку уже на первой странице своей брошюры, евреи Дарместетер (Coup d'oeil sur Phisloire du peuple juil) утверждает, что подлинная история еврейского народа еще не написана, а когда будет приведена к желаемому совершенству, она охватит всех людей, причём биографии всех народов войдут в нее лишь как её отдельные эпизоды. Тогда на пути Израиля можно будет увидеть шествие: первобытных кочевников-семитов с их многобожием, Египта и его жрецов; Сирии с её богинями, Ниневии и Вавилона; царя Кира и его магов, Греции и Александра Македонского; Рима и его легионов, Иисуса Христа и Евангелия. Затем, с момента, когда еврейство иудеев рушится и наступает рассеяние по четырём концам света, историк, следуя за ними по Аравии, Египту, Африке и странам Западной европы, будет в состоянии наблюдать вновь: Магомета и Ислам, Аристотеля и схоластиков с их философией; всё знание Средних веков и всяческие перипетии их торговли; гуманизм и эпоху Возрождения, протестантизм и Французскую Революцию. Неустанной деятельностью и своими страданиями еврейский народ замешан во всех драмах человечества. Он дважды обновил мир: Европу через Иисуса Христа, Азию через Магомета, не говоря о других проявлениях своего бытия, более медленных и более скрытных, но едва ли менее устойчивых, которые он развивал, созидая в своих гетто нынешнюю европейскую мысль.

В гармонии с изложенным еврейская всеобщая история должна быть разделена на три периода: первый — до возврата из Египта, второй — до рассеяния и третий — до Революции.

Ассириология и египтология в связи с пятикнижием Моисея, книгами царств и пророков таковы документы первого периода. Обе части Талмуда, Мишна и Гемара, с их бесчисленными дополнениями, являясь обширной компиляцией, хотя и без малейших признаков исторической критики, представляют, тем не менее, богатейшие рудники и дают возможности следить не только за развитием еврейского духа на протяжении более чем шести веков, но и поучают о временах самого зарождения христианства, стало быть, о таком решительном, втором периоде цивилизации, который является одной из поворотных точек истории. Третий период — критика взаимного проникновения двух миров, Азии и Европы. В его пределах всё ещё должно быть создано вновь. Арабы и европейцы в эпоху Средних некой, а между ними и дети Израиля, влияние которых на оба предыдущие элемента было частью блистательным и очевидным, частью — молчаливым и туманным, оказываются такими сферами, где задачи историка всего затруднительнее, но и гораздо благотворнее. В полной же совокупности фактов своего жизнеописания, сыны Израиля открывают для исторической психологии тему, которой не даёт никакой другой народ, потому что здесь мы видим случай самого продолжительного опыта, какой был когда-либо произведён среди разнообразнейших условий над одной и той же, хорошо известной человеческой силой.

Предпослав свою идею всеобщей истории и указав её основные моменты, Дарместетер обращается к начертанию тех главных вопросов, которые подлежат её разрешению. В этой области он оказывается ещё более ограниченным и пристрастным евреем, чем в первой части брошюры. Нет необходимости приводить самые вопросы, которыми он желал бы наполнить историю. Достаточно заметить, что все они, как и вообще всякое произведение Иудея, во-первых, дышат ненавистью и презрением к тому самому христианству, на лицемерном возвеличении которого иудаизм подчас стремится обосновать собственное торжество, и во-вторых, ограничиваются рамками заносчивого, но невежественного талмудизма.

Приписывая метаморфозы человеческой мысли исключительному влиянию сынов иуды и признавая выдающимися только таких людей, которые были евреями либо симпатизировали им (Рати, Маймонида, Спинозу, Кромвеля, Мирабо и аббата Грегуара), Дарместетер ставит единоплеменникам в высшую заслугу факт, что они всегда боролись с государственной религией, чьё бы имя она не носила, — Ваала, Юпитера или Иисуса Христа. В апофеозе он утверждает, что лишь вероучение евреев никогда не шло поперёк дороги знанию и не старалось “оскотоподобить” своих адептов. *“Внутренние раздоры уже подкапывают здание христианства,* — заключает Дарместетер, — *а коренная задача иудаизма — ввести на всей земле принцип единобожия и царство справедливости — растёт и крепнет с каждым днём. Библия Лютера вышла из комментариев рабби Раши, следовательно, протестантизм, передовая религия индо-германцев, есть дитя всё того же иудаизма, а 28 сентября 1791 года — день, с которого во Франции уже нет отдельной истории евреев и который служит девизом их победоносного будущего в целом мире”.*

Обманчивая внешность и кажущаяся стройность чаяний новоявленного иудейского философа не в силах скрыть его умственной нищеты. Иуда действительно видел многое, но современная цивилизация — дело вовсе не его рук. Дарместетер клевещет, говоря, что Европа ходила учиться в еврейское гетто. У самих евреев никогда не было никакой науки; даже по отношению к медицине в Талмуде сказано, что и наилучший из врачей всё-таки попадёт в ад. Зато в чернокнижии сыны Израиля неизменно являлись специалистами, причём большинство терминов и выражений остаются еврейскими доныне. Говорить, что всё на земле происходит через Иуду и ради него, всё равно, что объяснять движение светил небесных желанием с их стороны доставить выгоду шарлатанству астрологии. Втискивать же историю человечества в рамки

низменной и преступной биографии израильтян равносильно покушению закрыть свет солнца еврейским лапсердаком...

А дабы освежить в памяти указания, которые на международной сцене даёт о евреях повседневная жизнь в наше именно время, приведём, оставляя множество других, хотя бы некоторые факты.

Б. Из международной хроники о евреях

1. Осквернение русского хлеба "избранным" народом. ("Новое Время", *1* июня 1911 г. № 12649).

Одесский корреспондент "Москов. Вед." рисует картину плодотворной деятельности местного биржевого комитета на поприще охраны интересов русской торговли и промышленности:

"Одесский биржевой комитет, посвятивший много заседаний вопросу о фальсификации зерна, пришёл к выводам и резолюциям, которые способны привести в изумление потребителей насущного хлеба и заставляют призадуматься за судьбу русского хлебороба. Прежде всего комитет установил, что засорение зерна мусором не должно почитаться фальсификацией, ибо употребляемый для этого мусор не состоит из ядовитых (?!) веществ и для здоровья безвреден (sic)". Исходя из такого соображения комитет полагает, что все дела этого рода не должны подлежать судебному, тем более уголовному разбирательству, а лишь — рассмотрению комитетских специалистов, т.е., что гг. Менделевичей и Файвишевичей должны судить гг. Бабиновичи и Рафаловичи с выходом из сетей Улож. о нак. на широкий путь гражданских правоотношений.

А отношения эти в деталях очень несложны. Если, например, экспортер обязался доставить покупщику партию зерна с 10% примеси, а таковой при сдаче оказалось лишь на 5 %, то покупщик должен сделать продавцу соответственную бонификацию. Говоря попросту, если экспортёр не домошенничал наполовину, то покупатель должен его за это вознаградить, в противном же случае, если зерно содержит более 10% сору, то покупатель имеет право искать скидку с перемошенничавшего продавца.

Далее комитет находит необходимым ходатайствовать перед правительством о понуждении наших хлеборобов, крестьян и помещиков, чтобы они выпускали на рынок зерно, как можно, чище. О себе же гг. одесские экспортёры и маклеры умалчивают"...

Нельзя не вспомнить, что, опираясь именно на одесских фальсификаторов и в ближайшем союзе с ними, товарищ министра торговли г. Миллер разрабатывал в прошлом году проекты коренных преобразований русской хлеботорговли в специальной комиссии, созванной под его председательством, с усиленным представительством всяких Менделевичей и Охоровичей. Страшно подумать, что может получиться в результате миллеровско-менделевичевских реформ!...

2. В стране "свободы"-. В Нью-йоркских газетах появилось следующее объявление: *"Продаётся мужчина, 43 лет от роду, ростом 5 фут. 8 дюйм., весом 162 ф.; здоров, привычен к машинам, не требователен; от работы не увиливает, согласен на всякие условия.* Указан адрес пастора-филантропа Марго в Бруклине. Оказалось, что бедняк-объявитель, отчаявшись найти себе какую-либо работу, во избежание голодной смерти, просил пастора Марго продать его с публичного торга. Покупатель нашёлся; бедняк получил работу. Узнав об этом, сотни безработных на следующий же день явились к пастору, предлагая и себя в продажу. Пастор решил продавать голодающих безработных "с молотка", назначив аукцион в день празднования юбилея Авраама Линкольна — освободителя рабов...

3. Собачий обед. Дамы высшего Нью-йоркского общества[65] устроили для своих собак пышный обед в одном из роскошных отелей.

На почётном месте заседала китайская болонка, семь других собак были размещены вокруг стола, убранного живыми цветами. За каждой собакой ухаживала её владелица.

Обед был организован директором отеля, кушанья подавались лакеями в серебряной посуде. Получили приглашение на любопытное зрелище все репортёры газет.

Вот что, однако, писала по поводу этого обеда газета "New Jork World":

"То, что для богатого класса кажется весёлым времяпрепровождением, является для человечества оскорблением, когда тысячи сгибаются под тяжестью труда, едва снискивая пропитание для своих детей. Если плутократия не сошла ещё с ума от своего богатства, то ей не следует дразнить плохо питающийся народ своими китайскими болонками!..."

4. Северная Америка — обетованная земля свободы. Проповедуемое в теории равенство, на самом деле уже давно превратилось здесь в чудовищные контрасты, а свобода — в жестокое рабство миллионов людей. Грубое бессердечие, суровость фабричных нравов, крайняя дороговизна всего и явная опасность умереть голодной смертью таковы, что в Соединённых Штатах бедный человек, строго говоря, не должен иметь семьи. С уходом родителей на работу некому присмотреть за юным поколением. *"В одни лишь последние годы около полутора миллиона детей до четырёхлетнего возраста,* — говорит авторитетный исследователь Уэлльс. — *принесено в жертву Маммоне..."* Каково, далее, само выборное правительство, можно судить по тому, что в стране, которая способна прокормить пятьсот, а при интенсивном хозяйстве и восемьсот миллионов людей, оказывается необходимым, уже при нынешних девяноста миллионах населения, заключать договоры с Канадой о ввозе дешёвых

[65] Не мешает заметить, что в одном Нью-Йорке уже свыше миллиона евреев, а на местной бирже их подавляющее большинство. Посему, равно как по бессердечию и цинизму такого собачьего пира, трудно, кажется, сомневаться, какой национальности если не все, то многие из этих "дам высшего общества..."

пищевых продуктов. Фермеры же в Соединённых Штатах толпами бегут от “научного” деспотизма трестов.

А что касается, наконец, порядков конгресса, то показателем их может служить такса парламентской совести, ещё несколько лет назад напечатанная в парижском издании “Нью-Йорк-Геральда”. (“New Jork Herald”).

5. Условия жизни, создаваемые евреями гоям и “Национальная Лига” в С.-А.-С. Штатах. В Америке, как и в Европе, пресса сейчас первенствующая сила после правительства данной страны. Мы говорим после, ибо так следует полагать согласно “конституциям”. Но разве не вполне очевидно, что параличом воли, которым сегодня в наших “демократиях” характеризуются “главы народов”, преимущественно же те из них, кто усердствует держать нос по ветру, определяется такое положение вещей, когда на всякого, присваивающего себе право говорить от имени общественного мнения, переносится и доля власти, перед которой, вопреки мишуре титулов, исчезает самая личность так называемых правителей. Отсюда явствует что, если парламентаризм есть постепенное, хотя и замаскированное расхищение той самой государственной власти, единовременный и открытый захват коей совершается революцией, то подобная “конституция” не только не является в действительности панацеей от пресловутых зол личного режима, а, наоборот, увлекая арийские народы под власть иудейской прессы, т.е. всемирною кагала, превращает разрушимый ею, хотя и ни перед кем не скрывающийся “деспотизм”, в тиранию “Тёмной Силы”, безличной и неведомой, безответственной, сокровенной, монопольной и самозванной, всем чуждой, а потому отчаянной, хищнической и свирепой.

Советуя учредить эту тиранию взамен парламента, Биконсфильд. по еврейскому обыкновению, пророчествовал о том, что для нею заведомо представлялось уже действительностью, иными словами, предательски относил к будущему “счастью” гоев такое, уже завершаемое, порабощение их сынами Иуды, которою разоблачить прямо не дерзал, но и скрывать далее не находил нужным...

Территория наибольшего размножения евреев и самый центр тяжести иудаизма находился в России. Вследствие этого и в виду особых, чрезвычайно благоприятных для кагала свойств русского народа, именно потому, что ничего общего с высокомерием, жестокостью и вероломством талмуда он не имеет, наша родина как главная сцена злоумышляемой еврейством мировой деспотии должна являться предметом яростнейших нападений Израиля. Ради скорейшего достижения цели, они ведутся и международными путями, дабы дискредитировать нас во вне, а через мероприятия “освободительного движения” н внутри страны.

Еврейству хорошо известно, что якобы вступаясь за него, никакое правительство не бывает и не может стать искренним, а, наоборот, рассчитывает, если не избавиться от части своих сынов Иуды, то хотя бы сократить их наплыв. Во всяком случае, опыт показал евреям, что только путём принуждения или подкупа могут они рассчитывать на содействие от кого бы то ни было...

Но задача — не из лёгких. Отсюда у детей Израиля возникла потребность в сильнейших союзниках и притом не только в естественных, какова Англия, но и в столь, казалось бы, невероятных, как северная Америка. Если эта последняя, что теперь уже едва ли может быть оспариваемо, поддавшись коварному обману иудейской прессы стала во время маньчжурской войны за Японию против России и сама же повергла себя в грозные опасности, то из этого явствует лишь, что американским “государственным людям” не мешало бы предательству поучиться у евреев.

Во всяком случае, крайности сходятся и еврейство чувствует себя не менее привольно среди чёрствых, корыстолюбивых янки, чем перед добродушным и благородным характером россиян.

А чтобы выяснить нынешние причины успехов кагала нам во вред, американцам необходимо, хотя бы мельком, оглянуться на лабиринт иудейской дипломатии вообще. Изгнание в конце XV века евреев Фердинандом и Изабеллой совпало с расцветом мореплавания и его открытий, в виду чего сверх ожидания достигло обратных результатов. Разбегаясь из Испании и Португалии на север Африки, в Венецию, Голландию и Англию, сыны Иуды не могли, конечно, оставить без внимания тех потоков золота, которые полились в Европу из Америки, равно как и невиданных ещё никогда раньше барышей, и изобилии приносимых колониальными продуктами: сахаром, пряностями, табаком, шёлком, бриллиантами, жемчугом, с tutti quanti. Таким образом, расселение еврейства преимущественно по Голландским, а затем и но английским колониям. в частности же на континенте Америки, обусловливалось логически. Но среди этой юдоли плача нет многих, а есть всего один еврей оттиснутый в миллионах экземпляров, значит, он же не мог не сделаться и фактором интернациональным. Постепенно, правда в несколько иной форме. возобновилась история номинального владыки тогдашней вселенной, древнего Рима, где сыны Иуды точно также успели завладеть международной дипломатией к возвышению собственного господства, разумеется. Дальнейшему и весьма сильному развитию данного факта способствовала наполеоновская эпоха, прежде всего через вызнанную ею систему тяжких государственных займов, которая не только явилась первоосновой династии франкфуртского раввина Меера-Амшеля Ротшильда, но и главным фундаментом иудейского могущества вообще, а на путях дипломатии в особенности. При изложенных обстоятельствах явление этого рода должно существовать, а потому засвидетельствование его бытия даже столь авторитетным знатоком, как жид-премьер Великобритании лорд Биконсфильд представляется, строго говоря, только поверкой несомненного вывода, — стало быть, излишне. Тем не менее, самый триумф ci-devant Вениамина Д'Израэли на Берлинском конгрессе приобретает отсюда свою полную назидательность.

Обращаясь к тому же ведомству иностранных дел в России, мы видим, что не весть откуда сбегавшиеся в XVIII столетии немцы были заменены здесь в XIX

веке сначала полуевреем Нессельроде, подарившим нам крымскую трагедию, а немного позже и настоящим евреем Гирсом, ещё более ожидовившим нашу дипломатию. Без сомнения, один, да ещё столь крайне заурядный, человек, бессилен угрожать целой стране. Однако, не следует забывать, что именно Гирс, один из сыновей министра, состоял русским посланником в Китае в период восстания "больших кулаков" и отнюдь не сумел избежать столкновения с ними, хотя это восстание к русским вовсе не относилось, чем и поставил нас в необходимость принять участие в походе на Пекин. Ядовитые плоды похода принесла нам китайская политика уже на маньчжурской войне, а пойдёт ли урок, данный Японией, нам в пользу далее или же окажется только увертюрой к страшнейшим невзгодам, это раскроется из недалёкого, повидимому, будущего.

Как бы, впрочем, ни было, а связь пекинского похода с эпопеей Порт Артура замечается даже в именах, равно как достаточно, кажется, вразумительно и то, что проделал всемирный кагал, издеваясь над судьбами России сперва на пути в Портсмут, а затем и через подготовку вооруженного восстания в первопрестольной Москве, апофеозом которого явилось "избрание" первым от неё депутатом в первую же Государственную Думу Мовши Янкелева Герценштейна.

Для полноты впечатления остаётся указать на заботы нашего ведомства иностранных дел по охране русского престижа за границей, недавно без возражений обошедшие русскую печать и замолченные, конечно, еврейской. Вероятно, по недоразумению в Буэнос-Айресе и даже в Нью-Йорке наши консульства оказывались помещающимися рядом с "пансионами без древних языков"...

Быть того не может, чтобы такие ошибки допускались русскими людьми, как, едва ли можно усомниться, зная евреев, что цинизм подобного рода именно требует их "благосклонного участия"...

Мудрено ли также, что в 1848 году мы спасли Австрию, отравленную кагалом раньше, чем это стало происходить и в России, а уже в 1856 году "она изумила мир своей неблагодарностью".

Мудрено ли, равным образом, что вновь забывая о "раздавленной" желчи нашего низменного доброжелателя — "вечного жида", мы в памятном для России 1863 году среди подстрекаемых Англией ужасов междунардной войны в С. А. С. Штатах, послали свои эскадры в Сан-Франциско и Нью-Йорк, чем подняли мужество Линкольна и сохранили целостность Союза как бы только для того, чтобы в горестную для нас самих годину на Дальнем Востоке встретить по наущению кагальной прессы и для обогащения сынов иуды тот же С. А. Союз на стороне Японии, т.е. вероломным врагом России?!...

Но есть Немезида в истории! Австрия поняла это уже в I860 году на полях битвы под Конипрецом и беспримерную, должно полагать, кару готовит Соединённым Штатам за нас сама же Япония...

"Старейшины же "многострадальной синагоги" не ограничиваются иностранными делами гоев, а не теряют из виду и внутренних. Благоденствуя нам через "освободительное движение", они пока что утешают С. Америку... "трестами".

Граждане "величайшей республики" ищут спасения в "Национальной Лиге". Увы, они только затягивают мёртвую петлю, накинутую либеральным кагалом! Если перед его адской организацией все "конституционные гарантии" достигают лишь обратных результатов, то на что, спрашивается, может рассчитывать любая "четырёхвостка", когда и само прозорливейшее еврейство навязывает её гоям в качестве идеальной панацеи свободы?...

Тем не менее, во имя цельности настоящего исследования небесполезно ознакомиться с указаниями "Нового Времени" (3 июня 1911 г. № 12651) на условия возникновения "Национальной Лиги" в С. А. С. Штатах, равно как и на те миражи, которыми она себя обольщает, "спасая лицо" отцам американской конституции.

Вчера телеграф принёс известие о принятии сенатором одного из штатов Северной Америки билля о выборе сенаторов непосредственным народным голосованием. Эти несколько слов значат несравненно больше, чем может показаться с первого взгляда.

Конституция Северо-Американских Соединённых Штатов была определена их основателями так, чтобы суверенная власть в государстве оставалась всегда в руках народа. В первые времена новой республики, когда население было незначительно, конституция достигла цели, но ещё по мере увеличения численности населения и усложнения экономической жизни, основные законы республики, приуроченные к первобытным, сельским нравам утрачивали полезную дееспособность. Избрание законодателей, судей и администраторов общим голосованием было просто, когда население считалось в избирательных округах лишь тысячами. Оно стало невероятно трудным, когда население Соединённых Штатов начало исчисляться десятками миллионом. Наряду с ростом населения приняла колоссальные размеры и промышленная деятельность. Создались промышленные союзы, располагающие сотнями миллионов капитала и заинтересованные в направлении законодательной, судебной и административной деятельности не на общую пользу, а ради поддержания и дальнейшего развития капиталистических корпораций.

Промышленные и финансовые союзы всякого рода, располагая огромными средствами, скоро захватили всю государственную деятельность под свой контроль. Разрозненный народ, номинально пользующийся всей полнотой верховной власти, оказался бессильным в борьбе с могущественными и превосходно организованными железнодорожными, керосиновыми, хлопковыми, банковыми и другими обществами. Царство народной воли сменилось господством финансовых и промышленных королей. Конституционный закон относит всю власть в руки народа, а избирательная техника передала её на произвол вождей крупного капитала.

Создалось положение, о котором и не снилось отцам республики.

Законодательные собрания отдельных штатов и всего союза обратились в послушные орудия американской плутократии. Развращённость и подкупность американских “легислатур” стали притчей во языцах. И законодательных собраниях Америки не законодательствовали, а продавали и покупали. Ещё вернее сказать, что представительные учреждения попросту прикладывали законодательный штемпель на мероприятиях, выработанных в конторах промышленных и финансовых королей, ставших негласными, но и тем более деспотическими владыками всего американскою материка.

В свободном по букве закона народоправстве создался самый худший вид абсолютизма всевластие туго набитого бумажника.

На материке Европы абсолютизм создавался долгой историей как орудие общенародного блага против частных притязаний. Он освящался народным признанием, носил на себе печать религиозного помазания, обязывал без ответственных носителей власти нравственным и религиозным долгом. В отдельных случаях, европейский абсолютизм вырождался в тиранию, но это было уклонением от основного духа абсолютизма, а не его сущностью. Бесконтрольная же власть закулисных владык, создавшаяся в Америке во имя частных крупных интересов, лишена всех достоинств европейского абсолютизма и страдает, да ещё в преувеличенном виде, всеми его недостатками.

Тирания распорядителей трестов стала, наконец, нестерпимой, и глухое брожение в народе нашло себе выражение в национальной прогрессивной Лиге, задавшейся целью вырвать государственную власть из рук беззаконных захватчиков и вернуть её американскому народу.

Ради достижения этой цели, Лига выработала ряд законодательных предположений, сущность которых состоит в следующем. Решающим учреждением в Америке является сенат Соединённых Штатов. Сенаторы до сих пор выбирались законодательными собраниями отдельных штатов. Но законодательные собрания находятся под контролем промышленных трестов. Таким образом, сенат Соединённых Штатов в окончательном счёте являлся собранием простых приказчиков железнодорожных, хлопковых, стальных, нефтяных и финансовых королей. Лига добивается изменений этого порядка в корне, требуя избрания федеральных сенаторов прямым народным голосованием. Такое же прямое народное участие Лига стремится установить для избрания должностных лиц, а в частности — для выбора кандидатов в президенты и вице-президенты Соединённых Штатов.

В настоящее время в большинстве штатов население участвует в выборах как безвольное стадо, по указанию избирательных машин, руководимых поэтическими “боссами”, состоящими на службе у денежных автократов. Для избрания президента население избирает выборщиков, которые затем подают голоса за того или иного кандидата, но не по желанию народа, а по указанию боссов, действующих на одних всяким застращиванием, на других — грубым подкупом. Лига домогается узаконения другого порядка. Выборщики должны принимать обязательство подавать голос за тех кандидатов, которые будут указаны им на предварительных выборах самим населением. Таким образом выборщики будут лишены возможности торговать своими голосами, как это делается сейчас.

Техническая сторона предлагаемых Лигой мероприятий довольно сложна и не укладывается в рамки общего обозрения. Сущность же дела сводится именно к тому чтобы лишить создавшиеся политические машины возможности покупать голоса выборщиков, а у самих выборщиков отнять возможность продавать их.

Как дополнение к этим мерам Лига предлагает узаконить введение народного законодательного почина — референдума (т.е. обращения постановлений законодательных учреждений на прямое народное одобрение), а также возможности по народному голосованию досрочной отставки избираемых лиц, оказавшихся недостойными доверия и, наконец, введения суровых уголовных наказаний за применение на выборах подкупов и устранения избирателей.

Во главе “революции” стоит штат Орегон, где почти все требования Лиги уже обратились в закон. Благодаря этому политическая жизнь Орегона приняв совершенно иной вид. Теперь к такому движению, начавшемуся на Западе примыкают постепенно другие штаты и, быть может, политический разврат, господствующий в Америке, будет введен в границы.

Обновляющее “восстание” в Америке интересует нас не само по себе, а потому что оно должно отразиться и на внешней политике Соединённых Штатов Враждебное положение, занятое Америкой по отношению к России, дело не американского народа, а финансовых заправил, захвативших в свои руки не только экономическую, но и политическую власть. Кроме того, огромная доля влияния в американском финансовом мире принадлежит еврейскому элементу сводящему с русской властью свои особые счёты. В этом одна из главных причин поведения Соединенных Штатов во время русско-японской войны.

Те самые финансовые тресты, с которыми борется американский народ выступают противниками России на азиатском материке. У нас, русских, таким образом общее дело с американским народом — дело свержения ига банкиров. Американские моряки за время своего краткого пребывания в Росси имели возможность убедиться в добрых чувствах русского народа. Они, в свою очередь удостоверяют, что американский народ, введенный в заблуждение упорной работой врагов России, вновь вернулся к своим старым симпатиям. Пусть это взаимное влечение двух народов, объясняемое историей, чувствами и многими общими положительными интересами, возрастает естественным путём. В частности, пусть наша борьба с американскими трестами, перекинувшимися на азиатский материк, явится поддержкой и внутреннему освободительному движению в Америке.

Русские и американцы могут вновь стать друзьями, далекими географически, но близкими по сердцу и общей выгоде.

6. Жиды в Канаде. До последнего десятилетия в Канаде почти не было жидов. Но в течение 1905 года их набежало туда такое множество, что они сразу же, пользуясь равноправием, захватили в свои руки почти всю старо французскую провинцию Квебек. На последних выборах в столице Канады, Монреале, как передаёт газета "Libre Parole", сплотившиеся жиды провели впервые за 400 лет существования Канады в члены городской управы жида Авраама Блюменталя. Эта победа послужила для жидов поводом к демонстрации, явно показывающей, что они сознают себя совершенно особым народом, а не гражданами приютившей их страны. Перед зданием думы собралась толпа более чем в пять тысяч сынов Иуды. Блюменталя усадили в коляску, впрягли лошадей и на руках горланивших во всю мощь, ошалевших от восторга жидов, провезли по всему городу. Через день новый член управы уже выступил на защиту своих единоплеменников, обвиняя всех городских оценщиков и весь состав управы в том, что они пристрастно относятся к жидам, искусственно якобы не допускают их к выборам на общественные должности. Но ведь очевидно, что, если всех жидов допустить в выборщики, то никто, кроме них ни на какую должность и не попадёт. На французов, до сих пор сохранивших в Канаде все лучшие традиции времён Людовика XV. победа сынов Иуды и явно возрастающее их засилье произвели самое гнетущее впечатление.

Коготок увяз — всей птичке пропасть! Наделили кагал равноправием не тратьте, кум, силы, подставляйте жиду спину. ("Земщина")

7. Американские промышленники о евреях в Америке. При встрече с некоторыми крупными североамериканскими промышленниками я был немало удивлён их отношением к русско-американскому столкновению из-за американских евреев. Американцы выражали удовольствие по поводу протестов русской печати и общественного мнения, как и твердости в этом вопросе русского Правительства и Государственной Думы. Они говорили:

"Поведение евреев, добившихся уничтожения прежних, столь для нас важных торговых и вообще дружественных сношении с Россией, сопровождалось успехом, за которым они могут сильно поплатиться. В Европе не знают, что евреи играют в Соединенных Штатах ту же роль, какую в Англии играют немцы. Они захватывают в свои руки выгоднейшие коммерческие и финансовые предприятия. Число их на нью-йоркской бирже превосходит число других американцев. За последние годы в крупных американских центрах расплодились колоссальные магазины, какие бывали прежде только в Париже и Лондоне; все эти магазины принадлежат евреям! Теряющие покупателей, меньшие фирмы видят ежедневно вереницы омнибусов, посылаемых еврейскими магазинами для дарового перевоза их покупателей, И, что ещё гораздо опаснее, большинство американские газет сосредоточено в руках евреев, создающих общественное мнение по всем существенным для них вопросам".

Такое могущество евреев в деловом и политическом мире тем более замечательно что стоит в резком контрасте с их общественным положением в Штатах В отличие от того, что делается в Англии, евреи в Америки не допускаются в лучшее общество, ни в пользующиеся хорошей репутацией клубы ни в уважаемые ассоциации, ни даже во многие гостиницы. Да и, несмотря на их численное преобладание на нью-йоркской бирже, распорядительный её комитет умел до сих пор не допустить ни одного еврея в свою среду. Люди же не занимающиеся политикой, не могут, однако, сойдясь вместе, проговорить несколько минут, не жалуясь на давление евреев. Неудовольствие большинства американцев существует уже давно, но до сих пор оставалось как бы под спудом. Закрытие машинным фабрикантам и другим экспортерам в Россию русского рынка может переполнить чашу терпения.

В минуту когда я уже собирался вложить это письмо в конверт, мне сообщают ещё любопытный факт. В Нью-Йорке существует основанный 20 или 40 лет назад так называемый муниципальный университет, где каждый житель города может получить образование бесплатно. В последнее же десятилетие туда проникло еврейское влияние, дошедшее до того, что стали поступать только евреи а другие американцы решили и сами чуждаться этого учреждения.

Не странно ли, что подобные факты оставались в Европе так долго неизвестными? ("Новое Время").

8. Переводчик Иммигрантов. Виленскому мещанину Боруху Лейзеровичу Винокуру изобличенному в тайном переводе в виде промысла эмигрантов (нередко, разумеется преступников) через границу, министром внутренних дел запрещено жительство во всех пограничных губерниях сроком на три года. ("Земщина").

9. Осуждение жидов-шпионов. Сессией Варшавской судебной палаты в Ченстохове четыре иудея, обвинявшихся в выдаче австрийскому правительству военных планов и секретных документов ченстоховского гарнизона, приговорены к лишению прав и к двум с половиной годам арестантских рот.

10. Риго-жидовский институт. Окончились экзамены в Императорском рижском политехническом институте. Удостоено звания инженер-технолога 24 человека; из них пятнадцать носят такие звучные имена: Вульф Бомунер, Иосел и Матис Гиршбергы, Мордух Кроль, Сруль Левинсон. Михель Мошарский, Шмуль Ранкин, Айзик Решин, Вульф Якобзон, Янкель Герштейн, Горшун Цейрос, Шлема Ликер, Шмуль Шамиро, Ицка Медный, Айзик Шмулевич... Из остальных девяти есть даже один русский — Кутепов Владимир.

Отчет института умалчивает, в какую сумму обошелся многострадальному рисскому народу каждый новый инженер-технолог из этих пятнадцати, представителей "угнетаемого" в России племени. ("Земщина").

11. "Русские", погибшие на "Титанике". Императорский генеральный консул в Лондоне донес министру иностранных дел, что по полученным им сведениям, при крушении парохода "Титаник" погибли следующие русские подданные (кроме финляндских уроженцев):

Симон Липпман, Зельман Злековский, Гарри (Гершка) Кон, Симон Вайсман, Якоб КУук, Лезли Гелинский, Натан Гельдшмидт, Иосиф Мурдлин, Вульф

Спектор, Абрам Аармед, Самсон Абельсон, Самуил Гринберг, Зелина Кантор, Ушер Польнер, Абе Виллер, Иосель Мантвилло. (“Земщина”).

12. Президент-жид. *Давно уже ходили слухи, что бывший президент Соединённых Штатов Северной Америки Рузвельт — жид, по-настоящему именующийся Розенфельдом. Вся его деятельность, так сильно проникнутая рекламой, в свою очередь, указывала на его тесную связь с жидовством.*

Резкое выступление его по вопросу о допуске американских жидов в Россию, близкая дружба с такими вожаками жидо-масонства, как банкиры Шиф и Лоб, поддержка его кандидатуры всеми жидами в Америке, делали версию о его жидовском происхождении весьма вероятной.

Теперь в журнале “Archives Israelites” находится и прямое подтверждение тому, что бывший и, возможно, будущий президент Северо-Американской республики — настоящий жид.

В последний день праздника опресноков, передаёт журнал, экс-президент Рузвельт говорил проповедь в главной Питербургской синагоге. Взяв темой исход евреев из Египта, он проводил аналогию с современном положением Израильского народа и доказывал необходимость объединения жидов всего света.

Эту задачу и без совета г. Розенфельда жиды выполняют неукоснительно. Но когда опять доберется их единоплеменник до вожделенного поста президента республики, затрещат созданные христианами Соединённые Штаты от натиска объединённых талмудистов. (“Земщина” от 10 мая 1912 г., № 985).

13. Суровый приговор. *На днях в свободной и просвещённой Америке был вынесен беспощадный приговор... еврейству, которое вопреки распространённому мнению становится всё более и более в тягость даже этой энергической и богатой стране.*

На протяжении трёх дней в верхней палате федерального законодательного собрания, сенате Соединённых Штатов, обсуждался иммиграционный вопрос, который превратился в суд над сынами Иуды.

Приговор, вынесенный подавляющим большинством голосов, оказался настолько суровым и красноречивым по своему внутреннему значению, что является крупным событием не только для Америки, но и для всех государств, имеющих несчастье обладать подданными евреями. Американские сенаторы почти единогласно признали, что евреи представляют собой национально-политическую опасность. Не проявляя никакого интереса к внутренней жизни страны, обособляясь от неё во всём, что не сулит им крупной денежной наживы, они и в моральном отношении оказываются вредными.

Захватывая в свои цепкие руки все свободные профессии, царствуя на бирже, насаждая самые низменные нравы, они становятся опасными для благосостояния Америки, которая в лице сената и прибегает, наконец, к самообороне, выражающейся на первых порах в создании препятствий для въезда евреев в Америку. В таком тоне говорили все выдающиеся ораторы сената. За евреев решились выступить всего... двое из общего количества в 56 человек! Но эти двое не могучи, конечно, изменить настроения и поколебать резолюций.

Свелись же они к следующему. Отныне в Америку не будут допускаться лица старше, 16-ти летнего возраста, не умеющие читать и писать на языке какой-нибудь нации. Еврейский язык в счёт не идёт. Поэтому каждый приезжающий в Америку иммигрант должен сдать “экзамен грамотности”, т.е. уметь прочесть и написать 20-25 слов американской конституции на каком-либо культурном языке.

Судить о достаточности познаний иммигранта — есть право экзаменаторов. Отсюда явствует, что, владея одним этим оружием, правительство может закрыть доступ всякому. Можно ли сомневаться, что “избранному народу” это не обещает ничего завидного. Но это далеко не всё.

Враждебный евреям взгляд сената еще ярче выразился в добавочном пункте предписывающем “удалять из Америки и отправлять домой тех иммигрантов которые, пользуясь пребыванием в Соединенных Штатах, принимают участие в политических заговорах, имеющих целью насильственное ниспровержение правительств, признаваемых Соединенными Штатами”.

Другими словами, Америка не желает более оставаться притоном для тех тысяч политических преступников, террористов и анархистов, которые подготовляют там свои кровавые выступления, развращая американское население проповедью насилия и крови. А так как в громадном большинстве своем эти господа принадлежат к еврейскому племени, то приведенное дополнение к закону является тяжелым ударом для Израиля.

Придётся теперь политическим злодеям избирать другое, более гостеприимное местожительство. Америка же без всяких оговорок гонит их вон.

Нетрудно представить себе, какую бурю злобствований вызвали эти правила. Евреи почувствовали над собой железную руку, которую стараются как-нибудь отвести запугав народных представителей митингами протеста. Во всех крупных американских городах собираются негодующие “граждане Моисеева закона” и пытаются своим галдежом повлиять на решение сената. В Бостоне и Нью-Йорке были организованы громадные митинги, на которых выступами столь яростные ораторы, как бывший посланник Оскар Штраус, члены конгресса, небезызвестные нам Зульцер и Гольдфогель и другие. Все они с ужасом говорили о падении Америки до уровня грубой и жестокой России. Все грозили близким расцветом шпионажа и “охранно-полицейских” доблестей, которые обесславят навеки свободную Америку, захлопнувшую двери перед лучшими представителями просвещенного и страждущего человечества. *“Тысячи русских, итальянских, ирландских и мексиканские революционеров, пострадавших за свои убеждения, должны будут покинуть нашу страну. Даже великие Кошут и*

Гарибальди не имели бы у нас приюта", — говорят эти защитники евреев. Но слова их, увы, не находят отклика в населении. Оно уже оценило истинные свойства еврейского племени, уже заявило свое отношение к нему в многочисленных петициях, посланных членами сената. Характерно между прочим что в числе этих петиций видное место занимают заявления от… рабочих организаций. Чтение их в сенате при обсуждении иммиграционного законопроекта произвело громадное впечатление. Очевидно, политическое свободомыслие рабочих в Америке не мешает им трезво оценивать положение не боясь упреков в недостатке гуманности либо в отсталости.

Таким образом, вынося суровое решение, американские сенаторы шли навстречу требованиям всего народа. И это обстоятельство справедливо учитывается евреями, как особенно зловещее. Против общественного антисемитизма борьба в Америке не под силу даже и всемогущему Израилю.

Замечательно что приведённое крупное событие в его жизни дружно замалчивается всей иудейской печатью. Кое-где, да и то лишь в весьма робкой форме, упоминалось о "неприятностях", грозящих евреям в Америке... Даже в России, где передовая пресса уделяет столько времени и места каждому вздору, не было сказано ни слова о катастрофе, разразившейся над евреями в Америке. Сама американская печать, почти сплошь захваченная евреями, и та говорила о ней неохотно, сжато и поверхностно. И если бы не официальный отчёт о знаменательном трёхдневном заседании сената, если бы не митинги протеста, организованные евреями, то мы бы так и не узнали о крутом повороте в жизни американских сынов Иуды.

Конечно, нельзя особенно обольщаться надеждами на радикальную перемену в их государственном положении. В Америке евреи набрали такую силу, в их руках такое количество золота, что эта перемена не проявится сразу и резко.

Но начало положено!

Суровое осуждение еврейству произнесено.

Остаётся ждать, когда общественно-государственный приговор над ними войдёт в силу и проявит себя в жизни.

Мы не должны смотреть и поучаться. На нас Израиль идёт плотной стеной, силясь вырвать для себя равноправие, т.е. уже полное и совершенное бесправие для нас, это главное, оружие в его предерзостных наступательных действиях. ("Земщина", 28 мая 1912 г., № 997).

14. "Рукоприкладство". Быстрое размножение в С. Америке евреев, а значит и непомерное разрастание количества подлогов любого рода, обусловливают принятие и чрезвычайных мер защиты путём исключительных предосторожностей. Известно, что по вариантам извилин в строении кожи нет двух оттисков пальца, совершенно одинаковых. Посему в банковских кругах Нью-Йорка ведётся кампания за упразднение подписей на чеках и за замену их отпечатками пальцев. Первой ввела новую систему виллиамбургская сберегательная касса, а за ней, вероятно, последуют и другие банки.

Клиенту, приходящему получить по чеку деньги, предлагается чернильная подушка и особая карточка; на последней он должен сделать отпечаток своих трёх пальцев. Кассир сейчас же сравнивает отпечатки с теми, которые хранятся особо, а тем временем клиент обтирает свои пальцы ватой, смоченной в скипидаре. По окончании такой процедуры клиенту выдаются деньги. Такое "рукоприкладство" практиковалось у нас в старину, когда неграмотные вместо подписи на документах прикладывали руку, окрашенную чёрной краской. Отсюда и произошло выражение "к сему прошению руку приложил".

Так движется человеческий прогресс, если не по кругу, то — по спирали...

15. Несколько цифр из статистики иностранных газет. Нигде на свете повременная печать не получила такого развития, как в Америке. В Соединённых Штатах выходит 2.472 газеты, 16.269 еженедельных журналов и 2.769 ежемесячных; всего 22.806 изданий, считая журналы, которые выходят раз в три недели или же раз в три месяца. Среди них 200 наиболее распространённых газет имеют в общем до 10 миллионов подписчиков.

Говоря в "Chautauquan" о печати Соединённых Штатов, Б. Гейдрик указывает прежде всего на крайнее падение публицистики в американских газетах. Самой дорогой ценой оплачивают здесь труд лица, заведующего объявлениями, the advertisement manager; затем по высоте получаемого гонорара идут специальные корреспонденты, потом — лучшие репортеры, и только после них следуют редактор и его помощники. Но, по мнению Гейдрика, это явление общее для всех западных стран, а в подтверждение своей мысли он приводит следующие статистические данные, сравнивая нью-йоркский "Times", лондонский "Times", берлинскую "Vochische Zeitung" и парижскую "Journal".

	Нью-Йоркский "Times"	Лондонский "Times"	"Vochische Zeitung"	"Le Journal"
Число страниц	22	22	40	10
Число столбцов	154	132	120	60
Число столбцов, посвящённых хронике	70	93	46	30
Число столбцов, посвящённых редакционным статьям	4	3	$1^{1/2}$	2

Число столбцов, посвящённых объявлениям	80	36	$72^{1/2}$	28

16 На Дальнем востоке. Харбин. Одной из язв, разъедающих сейчас русскую торговлю в Маньчжурии, является еврейское засилье. В Харбине евреи схватили в свои руки не только почти всю мелкую розничную торговлю, но и значительную часть оптовой, а также экспортное дело. “Пристань” — торговая часть Харбина напоминает собой в настоящее время Бердичев; за немногими исключениями, всё европейское её насилие состоит из евреев — российских и иностранных Евреи проникли и в городское самоуправление и в биржевой комитет Председатель комитета еврей, большинство членов — также еврейское. Городским годовой первоначально (в апреле текущего года) был выбран тоже еврей некрещеный Фриде, отказавшийся от этой должности из-за чисто тактических соображений, в виду чего на его место избран еврей крещеный. Евреи представляют в Харбине всю местную адвокатуру, медицину и печать.

Еврейское засилье настолько велико, что китайское торговое сословие Харбина представило новому генерал-губернатору Маньчжурии петицию с ходатайством о введении в новый русско-китайский торговый договор особого параграфа ограничивающего права евреев в Маньчжурии, *“потому что евреи”*, как буквально гласит китайская петиция, *“являются большими мошенникам”*.

Такой наплыв юрких сынов Израиля, вносящих в общественную и экономическую жизнь страны весьма своеобразные приёмы и этику, не может, конечно, не отражаться иначе, как пагубно на русском деле в Маньчжурии. Местные русские люди весьма серьёзно говорят, что никакая чума не в состоянии причинить русской торговле и русскому влиянию в этой стране таких подрыва и позора, какие наносятся евреями.

Заражение Харбина еврейством представляет огромное зло не только с точки зрения коммерческой и экономической, но, может быть, еще больше с политической, а потому заслуживает самого серьёзного внимания со стороны лиц и учреждений, которые обязаны блюсти интересы Дальнего Востока.

17 Жидовские проделки. Недавно в Париже умер один из Ротшильдов оставивший не менее двухсот миллионов рублей состояния. Газета “Libre Farole” указывает теперь, к каким мерам прибегли остальные члены этой жидовской “династии”, чтобы избежать платежа полной меры пошлины с наследства.

Участие в делах банкирского дома, составляющее по меньшей мере половину состояния умершего, было оценено всего в 18 миллионов и передано по договору пайщиков сыну умершего. Лишь на этом одном казна потеряла несколько миллионов пошлины.

Всё недвижимое имущество было назначено в продажу с аукциона для удовлетворения откуда-то появившихся исков. При этом оценка клалась неимоверно низкой: например, лес в 900 гектаров пущен в продажу с цены в 1 миллион, т.е. квадратный метр оценен в два су (четыре коп.), тогда как минимальная его стоимость — два франка. Известнейший виноградник Шато-Лафир оценен в 1,5 миллиона; этих денег стоит только сама фирма, а роскошнейший замок и сад на 128 гектарах пушены в придачу.

Расчёт очень простой: на торги являются сами же Ротшильды, и так как с ними конкурировать никто не смеет, то они за бесценок и приобретают судебным порядком то, за что иначе пришлось бы заплатить десятки миллионов пошлины.

Разумеется, такой обход закона делается не без явного потворства со стороны министра финансов, тоже жида, Клоца. А что недохватки в бюджете придётся пополнять из тощего кошелька трудящихся французов — об этом зажиревшие сыны Иуды, конечно, и не подумают.

Тяжесть налогов в республике лежит исключительно на народе — хозяине страны, а пришельцы-жиды так или иначе, но здесь, как и везде умеют перекладывать её на чужие плечи. (“Земщина”).

18. Туркестанские газеты. “Турк. Вед.” печатают следующее заявление нескольких сотрудников ташкентской “прогрессивной” газеты “Туркестанский Курьер”.

“Мы, нижеподписавшиеся, просим напечатать нижеследующее наше постановление. Зарегистрировав целый ряд неэтических выступлений местной газеты “Туркестанский курьер” и установив документально, что из четырёх членов-сотрудников редакции трое, бывшие чиновники Тимаев, Кильчевский и Воронин, осуждены судебной палатой, а Тимаев — даже сенатом, в арестантские отделения за взяточничество, вымогательство и прочее, мы, газетные работники города Ташкента, постановили выразить презрение “Туркестанскому Курьеру”.

“Делать” общественное мнение господам из арестантских отделений, казалось бы, “менее всего пристало”, — замечает “Новое Время”. Кстати сказать, издателем и практическим редактором “Туркестантского Курьера” является ташкентский раввин Керстер.

19. Шеры “Лены-Гольдфильдс” и министерство финансов. За последнее время в общественных кругах стали циркулировать слухи, что шеры компании “Лена-Гольдфильдс” противозаконно допущены к котировке на бирже, что министерство финансов намеренно закрывает глаза на эту незакономерность. Эта снисходительность финансового ведомства объясняется значительной влиятельностью русских заправил компании и т.д.

По поводу этих слухов мы получили следующее разъяснение: *“Никакой незакономерности в том, что шеры “Лена-Голъдфильдс” котируются на бирже нет, так как закон не воспрещает этой котировки; правда, закон и не разрешает её, но дело в том, что котировка шер официально не производится: биржевая цена их отмечается только в неофициальных бюллетенях банкирских*

контор, чему ведомство финансов воспрепятствовать не может.

Не разрешение официальной котировки “шер” вызвано следующими соображениями. Когда в 1911 году, общество “Лена-Гольдфильдс” предприняло попытку получить доступ на русскую биржу, то министерство финансов пригласило его правление указать, каким образом депонированы акции общества, служащие обеспечением ленских “шер” и, кроме того, обратило внимание на странность устава, по которому обществу предоставляется право приобретать в собственность различные предприятия, земли, рудники и т. п. При наличии этого параграфа общество всегда будет иметь возможность заменить свои ценные акции ничего нестоящими акциями каких-нибудь других дутых предприятий, пустив по миру держателей “шер”.

Однако, вопрос министерства о способе депонирования акций общества до сих пор остаётся без ответа, а указания ведомства на странности устава, по-видимому, не произвели на общество должного впечатления. И министерство финансов, официально не разрешая “шер” общества к обращению на русской бирже, в то же время бессильно бороться с неофициальным их распространением. Оно может лишь предупредить русскую публику об опасности крупного материального ущерба, которому подвергаются держатели ленских “шер”. (“Новое Время”, 18 мая 1912 года. № 12995).[66]

20. Ленский обед. В № “Гражданина” от 13 мая 1912 года кн. Мещерский сообщает следующие подробности об обеде, который за несколько дней до “золотоносной” катастрофы был дан в Петербурге руководителю Ленскими приисками Белозёрову. На обеде в числе лиц, чествовавших г. Белозерова были видные общественные деятели как, например, член государственной думы Лерхе, члены правления общества, член горного учёного комитета Липин. Министр торговли Тимашёв прислал приветственную телеграмму, в котором извиняясь за невозможность прибыть, приветствовал “плодотворную деятельность”, “высококультурное значение” и “источник экономического благосостояния местного населения”. Кн. Мещерский сопоставляет телеграмму минипра с заявлением, которое сделал министр Тимашёв государственной думе, сказав, что министерству торговли уже год, как было известно об эксплуатации рабочих на Ленских приисках. Кн. Мещерский заканчивает: *“не обратит ли сенатор Манухин особое внимание на этот обед, эту приветственную телеграмму министра и службу чинов горного департамента в правлении ленцев?...”*

21. Слухи о “коалиции” Бодайбо. 7, VI. 4-го июня ротмистр Трещенков, вопреки запрещению генерал-губернатора, выехал на Надеждинский прииск.

Не лишено пикантности то обстоятельство, что поездка эта состоялась в специальном поезде, да ещё в вагоне-салоне Безозерова вместе с ним самим и с товарищем прокурора Преображенским. На прииске Надеждинском Трещенков остановился у мирового судьи Хитуна...

Вообще любопытно, что невзирая на распоряжения высших властей, как местных, так и петербургских, ротмистр Трещенков остаётся на приисках и, мало того, пользуется гораздо большим влиянием на ленцев, чем прежде. 6-го июня в Бодайбо приезжал с приисков управляющий, известный Теппан. Он был с официальным визитом у Трещенкова. В связи со всем этим, упорно говорят о какой-то “коалиции”, образованной героями расстрела под руководством Переломова, которая будто бы имеет где-то “сильную руку” и будет бороться с “несчастьями”, обрушившимися на Ленское товарищество. (“Русское Слово”).

22. Гинцбург и гои. На Ленских приисках якуты Олекминского округа, воспользовавшись прибытием сенатора Манухина в Бодайбо представили ему ряд жалоб на разорение, которое чинилось им систематически “ленцами” в течение нескольких десятков лет. Якуты, занимавшиеся подрядами по перевозке тяжестей и всякого рода материалов для приисков Ленского т-ва, бесцеремонно эксплуатировались “ленцами”. Правление, например, уговаривается с якутами относительно привоза партии сена, причём обусловливается известная цена. Когда же сено якутами привозится, правление отказывается принять его. Затем, после долгих препирательств, товарищество меняло гнев на милость и покупало привезенное сено, но уже вдвое ниже обусловленной цены. (“Русское Слово”).

23. Допрос Ленских служащих. Бодайбо, 7. VI. Вызываемые к допросу ревизией сенатора С.С. Манухина служащие Ленского товарищества высказывают опасения, что они могут явиться первыми жертвами мести товарищества, если будут говорить всю правду.

Вообще же контингент служащих Ленского товарищества распадается на две группы. Белозеров в течение своей 20-летней службы на приисках сгруппировал вокруг себя отборных и преданных ему молодцов, которые в сущности и составляют ту его “опричнину”, которая своими глумлениями над рабочими усугубляли недовольство. Остальная масса служащих — забитые и запуганные люди, которые были бы рады говорить правду, но вполне основательно опасаются, что пострадают за неё. (“Русское Слово”).

24. Прибытие главы ленцев. Бодайбо, 7, VI. Сегодня прибыл в Бодайбо барон Гинцбург и главноуправляющий Солодилов. (“Русское Слово”).

25. Несбывшиеся надеждя ленцев. Бодайбо, 7, VI. Решение рабочих выйти на работу неприятно поразило заправил Ленского товарищества, за последнее время желавших совершенно другого исхода.

Согласием рабочих товарищество лишено возможности придать забастовке политический характер, уволить неугодных служащих, длинные списки которых уже, по слухам, были заготовлены, затем избавиться от строптивых рабочих и

[66] Такое “разъяснение” неубедительно. С этой точки зрения трудно уразуметь, почему запрещают продавать билеты гамбургской и др., *а* тем более — итальянской правительственной лотереи. Да и вообще непостижимо, каким образом остаётся беспомощным специальное учреждение для наблюдения за кредитными операциями даже когда оно само утверждает, как в данном случае, что его законные требования игнорируются, а учиняемые обществом проделки явно недобросовестны? Но и какова же наглость евреев!...

искусственно вздуть доходы дела. Последнее возможно устроить крайне просто: оставить разработку на приисках, богатых золотом и приостановить её на менее доходных.

Что это проектировалось, существуют несомненные доказательства: главноуправляющий приисками Белозеров в заседании на поставленный генерал-губернатором вопрос о желательности возобновления работ, имел неосторожность ответить, что “возобновление работ этими рабочими для него нежелательно” и вообще “работы желательно на время сократить”.

Тогда же Белозерову было поставлено на вид, что поведение товарищества, не считающегося с интересами рабочих, идет в разрез с мирными намерениями правительства. (“Русское Слово”).

26 Расходы на флот. С каждым годом ассигнования на флот необыкновенно растут. Вот таблица сумм, расходуемых разными государствами, в миллионах рублей:

	1911/12 г.г.
Великобритания	905,6
С. А. Соединённые Штаты	531,2
Германия	450,3
Франция	333,1
Россия	237,7
Япония	180,8
Италия	156,2
Австро-Венгрия	104,8

В будущем году ассигнования на флот везде увеличиваются, кроме Англии и Германии, где они и без того очень высоки. Россия же впервые занимает одно из главных мест после Франции.

27. Акулы. Дурно ли это, хорошо ли, — у нас будет флот! Спорить по существу меры поздно. Надо считаться с ее последствиями. А последствия здесь как и у всякого исторического факта, делятся на ближайшие и отдаленные. К числу первых относятся оживление нашей промышленности и сдвиги во внутренней политике, могущие отразиться на предстоящих выборах. Вторые охватывают сферу внешней политики. Принятие судостроительной программы сыграло для биржи роль, какую для урожая играет весенний дождь. Ценности поднялись, как всходы, вздулись, как реки. Золотой дождь буквально оросил отощавшие карманы онколистов скатился в золотые озера и моря в кассах банков и крупных спекулянтов. Нашлись, как всегда люди с “нюхом”, запасшиеся по дешевым ценам ходким теперь товаром. Называют банкиров, скупивших десятки тысяч акций одного из заводов, наиболее заинтересованных в выполнении морских заказов; акции этого завода в два дня после решения бюджетной комиссии вздулись на 25% и продолжают расти. К здоровым причинам такого роста, как всегда, присоединяется бешеный ажиотаж. Где он остановится? Повторится ли история Лены с Захарием Ждановым и обстриженным Панурговым стадом? Если это случится, то кажется, не в ближайшем будущем. На помощь судостроению идет урожай. Он, говорят, будет выше среднего. На Каме, на Кавказе и в Сибири говорят о небывалых хлебах. Если Бог поможет снять хотя бы половину того, что сулят всходы, мы в третий раз получим милость Божию. А так как с урожаем связано дыхание вех наших экономических пор, то и без судостроительства физиономия нашего денежно-промышленного рынка была бы, конечно, веселой. Теперь же она почти восторженна. Еще 2-3 недели, еще несколько авторитетных подтверждений грядущего урожая, и наши биржевые зайцы, онколисты и банкиры закружатся в вакхической пляске. Уместно ли при таких обстоятельствах каркать? пусть их! В материальном обиходе страны творится процесс отложения, прилив юных страстей. Проповедовать в такие эпохи смирение и аскетизм значит вопить в пустыне. Такого же взгляда, кажется, держится и г. Коковцев, решившийся на этот раз не “предостерегать” публику. (Прошлогоднее его предостережение, как известно, поспело лишь тогда, когда Ждановы уже набили карманы, а вздутые бумаги оказались у публики. Оно поэтому не спасло, а разорило публику).

Я вообще не понимаю смысла таких “предостережений”. Дебютировал ими в 1895 г. С.Ю. Витте, да еще в эпоху им же созданного грюндерства. Помнится и тогда эти “предостережения” достигали результатов, обратных желаемым, — биржа отвечала на них только новым повышением. Самое поверхностное знакомство с психологией играющей публики и с махинациями закулисных банковских сфер должно бы отучить власть от таких приёмов. Биржа — всесветный игорный дом. Проповедовать в таком доме безнравственность игры, по меньшей мере, смешно. Предостерегать же от ставки на такой-то цвет, такой-то номер или карту, мотивируя это предостережение тем, что этот номер, цвет и карта уже много раз выиграли, — значит подорвать к ним интерес. Когда министр финансов возвещает, что известная серия бумаг чрезмерно взвинчена, у каждого игрока является желание подвинтить ее ещё выше, примазаться к чужому счастью. Бумаге, которая поднята на 100 руб., ничего не стоит встать на цыпочки и подняться ещё на 10 руб. А ведь только их, этих нескольких рублей разницы, и ищет игрок. Прошлогоднее “предостережение” от Лены взвинтило на время цену её на сотни рублей. Последовавшее же затем падение обязано было не “предостережению”, а банковским манёврам. Никакое министерское распоряжение не застаёт банкиров врасплох. Эти акулы плавают в глубоких местах, у самого центра власти. Покойный Ротшильд явился в Россию с одной парой панталон, а через несколько лет стал лейб-банкиром. Ему было известно то, чего не знали высшие сановники министерства. Основав десятки обществ и выпустив на биржу на миллиарды акций и облигаций, он играл на биржевых

ценностях, как Гофман на клавишах. Такое “знание” биржи влекло к нему лиц, желавших нажить, а нажить у нас пламеннее всего желают те, кто прожился: наша знать, высшая бюрократия. Я видел выходящими из кабинета Ротшильда таких сановников, которые не признают ничьих кабинетов, кроме своего. И я слышал от покойного лецб-банкира такие “секреты”, о которых потом боялся думать и наедине...

“Лейб-банкиры” не перевелись. Как прежде, как всегда, они “всё знают и всё могут”. Между тем, что было в эпоху С.Ю. Витте и тем, что происходит сейчас разница в факте, что теперь банкиры объединились в тресты, и что сеть, закинутая ими для публики, так велика и прочна, что её не порвать даже крупной рыбе. Теперь ценности синдицируются. Означает это, что бумага, назначенная к взмылению, скупается данным трестом в огромных партиях за средства казны (на ссуды государственного банка), переводится и перепродаётся частью за границей (тамошними трестами), а затем дружными усилиями наших и иноземных банков вздувается. В самое последнее время так вздуты никопольские, путиловские, киево-воронежские (эти — особенно), бакинские, лианозовские и многие другие. Банки нажили на этом десятки миллионов, “лейб-банкиры” — миллионы, ну а публика... умная публика — тоже нажила!... Очень наивно думать, что акулы нашей биржи, “все могущие, все знающие” и играющие притом на казённые деньги, не осведомлены о “предостережениях”. (“Русское Слово”).

28. С.Ю. Витте и народное образование в России. Институтом маргариновых профессоров, так широко развившимся у нас, Россия и значительной, если не в исключительной степени обязана принципам графа Витте и его школьной политике.

Высокомерные колкости экс-премьера по адресу Г. Думы, его вылазки против национализма, его насмешки над новыми законодательными учреждениями, которые не только проявляют дух национализма, столь неугодный сиятельному оратору, но и желают научить новым принципам лиц, убелённых сединами, звучат жалко. Старого сановника, душившего русское просвещение, а еврейские коммерческие училища снабжавшего жирными казенными субсидиями, ничему, разумеется, научить нельзя, любви же к несчастному, многострадальному русскому народу, в особенности.

Граф Витте, проявивший столько преступной жестокости по отношению к народным училищам, лишавший их необходимых средств существования, с одной стороны, а с другой — представители нижней палаты, с истинным пониманием государственных интересов и нужд, поспевшие удовлетворить насущные потребности народа в области образования, ассигновавшие на начальное обучение по 10 миллионов в год на десять лет вперёд, без сомнения, держатся совершенно различных принципов, диаметрально противоположных и, конечно, никогда не поймут друг друга. А если что-нибудь может служить наиболее наглядным, наиболее убедительным примером, что такое национализм, так это отношение к народному образованию, которое является одним из самых могущественных факторов процветания и силы государства, отношение, столь различное со стороны убелённого сединами бюрократа и со стороны членов Г. Думы.

Что же касается вопроса о церковно-приходских школах, которые граф Витте старался забронировать именем Монарха, и палладином которых он себя выставляет, то, несмотря на его выступления, Г. Дума, насколько известно, отнюдь не стремится ни к их уничтожению, ни к их денатурализации, как “элегантно” выразился маститый оратор. (“Новое Время”).

29. Маньчжурская железная дорога и её автор. В 1903 году я ратовал против детища того же С.Ю. Витте — Южно Маньчжурской железной дороги, но получил в ответ несколько намёков на отсутствие патриотизма. Я видел ясно, что Россию ведут к позору, но обаяние г. Витте было настолько велико, что на меня смотрели почти как на изменника. С.К. Глинка. (“Земщина”, № 987).

30. Гешефт. В Двинске недавно слушалось дело об иудее, купце Блюментале и его пособниках, обвинявшихся в мошенничестве. В 1910 г. Блюменталь доставил па ст. “Борх” осиновые клёпки, застрахованные на случай пожара в “Лондонском Ллойде” в 200 тыс. руб. Вдруг ночью на 25 февраля 1911 г. клёпки ухитрились сгореть, а подкупленные Блюменталем железнодорожники составили протокол, что убытка этого пожара Хацкель Блюменталь понес на полную сумму страховки, тогда как на самом деле сгорело всего на 500 рублей. “Лондонский ллойд” выплатил Блюменталю 170 тыс. руб. и огромная сумма была отправлена с агентом Ллойда Порталье. Последний, приехав в Двинск, случайно обнаружил аферу. Блюменталь же, видя, что дело приняло неблагоприятный оборот, захватив 170 тыс. руб., скрылся. Теперь на скамье подсудимых оказались только трое железнодорожников. Суд приговорил их на 2 и на 2 с половиной года тюремного заключения. (“Земщина”).

31. Захват иудеями кооперативов. За последние недели в Чернигове и его губернии произошёл ряд годичных общих собраний местных кооперативов главным образом для подведения итогов своей деятельности за истекший 1911 год. Всё глубже и ярче обрисовывается тот крайне нежелательный путь, на который, вступают многие местные кооперативы. Здесь они всё более и более захватываются иудеями. Так, в черниговском обществе взаимного кредита членом правления, кроме других сынов Иуды является раввин И.З. Шнеерсон. Последний также состоит председателем правления ссудо-сберегательного товарищества, где, между прочим, на днях обнаружена значительная растрата. Не лучше обстоит дело с кредитными кооперативами и в городах губернии. В Новозыбкове, например, местный кооператив превратился чуть ли не в чисто иудейское учреждение, ибо в нём по настоянию местного раввина даже операции по субботам не производятся. Совершенно ожидовел также крупнейший кооператив губернии, ежегодный оборот которого уже превышает 14 миллионов рублей — кролевецкое общество взаимного кредита. *“Не понимаем,* — говорят местные русские люди, — *зачем городские кредитные кооперативы, всецело захваченные иудеями, не называются специально иудейскими учреждениями?! Тогда русские люди совершенно избегали бы эти учреждения и организовали бы*

свои, русские кооперативы. А между тем, в эти “замаскированные” иудейские кооперативы многие, русские люди по доверчивости кладут свои капиталы, которыми сыны Иуды искусно пользуются”. (“Земщина”).

32. Паук. 21 мая 1912 г. в Вильне закончилось слушание дела о местном ростовщике-иудее Сегале Шорохе, опутавшем своими сетями всех чиновников города. Любопытны показания пленённых ростовщиком свидетелей, которые и на суде не могли освободиться от его гнёта. Они рисуют ростовщика благодетелем, выручавшим в тяжкую минуту бедных чиновников.

“Каждое 20-е число, — с наивным умилением передают эти свидетели защиты, — *являлся этот старик в контрольную палату за взносами. Был робок и осторожен. Если приходило начальство, он прятался под лестницу, затем выходил, и мы с ним рассчитывались”.*

После трёхчасового совещания присяжные заседатели признают Сегаля Шороха виновным в ростовщичестве, но отвергают обвинение в занятии им, как промыслом. Суд совещался два часа и приговорил обвиняемого к тюремному заключению на 1 год 2 месяца и к 200-рублёвому штрафу; 69 сделок признаны недействительными. (“Земщина”).

33. К николаевской панаме. В г. Николаеве 7 мая заключён в тюрьму юрисконсульт кредитного общества В.Е. Варшавер.

Арест Варшавера произвёл в городе не меньшую сенсацию, чем арест Г.А. Властелицы. Если Властелина считался в числе первых граждан города, то Варшавер был в числе лучших представителей местного еврейского населения. Дом Варшавера был первым в городе. К мнению Варшавера прислушивались, с ним считались. Где был Варшавер, туда собиралось всё избранное еврейское общество. Как талантливый адвокат и прекрасный оратор Варшавер имел большую практику. Этому жидовскому полубогу поручались самые крупные и сложные дела. Теперь Варшаверу, как сообщает “Н.Г.”, главным образом инкриминируется дело с залогом и ссудой для театра Лебедева. Варшавер, как и Властелица, были компаньонами по постройке и эксплуатации театра. Варшавер, устраивая залог театра в кредитке, кроме явного “компанейства”, сыграл ещё закулисную роль “честного маклера” и хорошо заработал с обеих сторон (“Земщина”).

34. Новая иудейская профессия. В марте этого года, как известно, в киевской судебной палате была обнаружена пропажа дел из апелляционного стола уголовного департамента. Тогда же выяснилось, что двое служащих названного департамента, а именно Юськов и Мелешко, брали дела из палаты к себе на дом, для исполнения, по их словам, некоторых бумаг. При расследовании обнаружилось, что с апелляционными делами производились разные злоупотребления; между прочим, систематически оттягивалось исполнение иудейских дел по 1171 ст. Улож. (недозволенная торговля), по которой обвиняемые сыны иуды приговариваются судом обыкновенно к выселению из Киева. Разумеется, такого рода услуги обвиняемым иудеям названные служащие палаты могли оказать только из корыстных побуждений. Мелешко и Юськов арестованы. Строжайшее следствие по распоряжению министра производится следователем по важнейшим делам, который и распорядился взять под стражу известного киевского присяжного поверенного Айзика (Исаака) Бродского. Распоряжение об аресте Бродского последовало, впрочем, не сегодня, но Бродский скрылся из Киева и его розыски были поручены сыскной полиции. На днях были получены агентурным путём сведения, что Бродский появился в Киеве и в этот же день собирался выехать за границу. Тут-то иудея и захватили. Бродскому вменяется в вину подстрекательство Мелешки и Юськова к выкрадыванию дел из судебной палаты... Если Бродский не убежит, то будет слушаться интересное дето о присяжном поверенном, практиковавшем кражи судебных дел...

“Картинка восхитительная, — говорит “Курская Быль”, — *особенно если принять во внимание позицию, на которую встала иудейская печать в вопросе о пропаже дел из судебной палаты. Прогрессивные, газеты много и ехидно говорили по этому поводу, а г. Маклаков громил “юстицию г. Щегловитова”,* при котором-де только и возможны подобные легендарные факты. И вдруг автором этих легенд оказывается иудей Бродский, да ещё не просто иудей, а присяжный поверенный... Как, кстати, подоспело сенатское разъяснение о недопущении иудеев в помощники присяжных поверенных без особого разрешения министра юстиции! (“Земщина”).

35. Депутат в Португалии. Бывший член саратовского окружного суда Я.Л. Тейтель отправлен иудейским иммиграционным обществом в Лиссабон для переговоров с тамошним правительством о переселении из России в Португалию иудеев... От всей души, от всего сердца желаем бывшему “утверждённому” следователю и члену русского окружного суда Янкелю Лейбовичу Тейтелю полнейшего успеха в его благодетельной для русского народа миссии .. (“Земщина”, 20 мая 1912 года, № 989).

36. Жид-законодатель! Венгерский депутат, первый за всю историю парламентской жизни, прибегнувший к стрельбе в заседании и покушавшийся на убийство председателя Тиссы, Юлий Ковач, оказывается, чистокровный жид. Как сообщают венские газеты, настоящая его фамилия Штрассен; отец его — жид, хлебный маклер будапештской биржи. Сначала крестился старший сын Штрассера и принял фамилию Сунион. Затем перешёл в лютеранство и теперешний депутат, приняв фамилию Ковач. В конце концов он стал даже пастором.

Однако, и духовное звание не переменило жидовской натуры, он продолжал заниматься биржевыми спекуляциями. Выиграв около двух миллионов крон на одной из ловких биржевых штук, Ковач бросил своё пасторство и пробрался в парламент как член самой либерально-радикальной партии.

За две недели до покушения на графа Тиссу, Ковач, желая помешать выборам, опрокинул урну. За это его изрядно поколотили и выставили на 30 заседании. В

отместку он выстрелил в Тиссу, а теперь утверждает, что хотел только выразить протест, убивать же Тиссу не намеревался.

Жидовская пресса уже распинается во всю, чтобы вызволить своего благоприятеля и очевидного эмиссара жидо-масонского блока от грозящего ему наказания. (“Земщина”, 2 июня 1912 года, №1002).

37. Перемены в английском кабинете. Немало разговоров вызывает редкое отличие, выпавшее на долю генерал-атторнея (генерал-прокурора) Руфа Исаака. Его зачислили в состав кабинета министров.

По словам “Daily telegraph”, обязательными членами кабинета являются лишь: первый лорд казначейства, лорд-канцлер, лорд-президент совета, лорд-хранитель печати, пять министров и первый лорд адмиралтейства. Другие же высшие сановники, как генерал-почтмейстер, министр общественных работ, председатель торговой палаты, канцлер герцогства Ланкастерского, наместник Ирландии и т.п. не иначе, как по особому назначению попадают в кабинет. До сих пор ни один генерал-атторней не был членом кабинета. В чём же разгадка такого возвышения Руфа Исаакса? Да в том, что он — жид!...

С 1910г. началась его небывалая, головокружительная карьера. За один год он из соллиситора (юрисконсульта) достиг должности генерал-атторнея и получил дворянское достоинство. Теперь его возвышение объясняют выдающейся ролью, какую сыграл он в улаживании железнодорожной и углекопной забастовок. Теперь в составе английского правительства уже два жида: Исаак и генерал-почтмейстер Герберт Самюэль. Наиболее же влиятельные члены кабинета — все из адвокатов. Сам Асквит, Хольден, Морлей, Ллойд Джорж, Мак-Кенна, Бирель и Исааке — все из этого сословия, тесная связь которого с жидовством и масонством ежедневно подтверждается в любых странах света. (“Земщина”).

38. Равноправные жиды. В Венском университете возникли серьёзные беспорядки. Все студенты-жиды, допускаемые там в университет без ограничений, производят шумные демонстрации, а христиане их усмиряют. Началось с того, что три студента-христианина отказались принять вызов на дуэль трёх студентов-жидов, считая, что жид по дуэльному кодексу представляется противником, не достойным дуэли. Тогда эти три жида подстерегли своих обидчиков и нанесли им побои. Хотя христиане в долгу не остались, однако, совет университета решил, что жиды, как первые прибегшие к кулачной расправе, должны быть исключены. Все жиды отправили к ректору депутацию ходатайствовать об отмене распоряжения, но ректор остался не приклонен. Теперь жиды думают демонстрациями добиться успеха.

Однако, в Австрии со студентами не церемонятся и не постесняются выставить при надобности всех буянов. Даже газеты не осмеливаются поднимать голос в защиту их и подстрекать “молодёжь”. (“Земщина”).

39. Германские шпионы. Осведомлённое лицо сообщает “Новому Времени”: В 1911 г. стало известно о существовании шпионской организации, работающей в пользу Германии. Во главе организации находился пограничный эйдкуненский комиссар Дресслер. Последний имел в своём распоряжении агентов, которые разъезжали по России и собирали сведения о нашей армии для доставления их Дресслеру.

19 января текущего года в гор. Владиславове были обысканы и арестованы два ковенских еврея, домовладельцы Сагалович и Кауфман, имевшие при себе важные секретные документы, которые они собирались передать, пруссаку Дресслеру. В целях облегчения им перехода границы Дресслер выдал им прусские легитимационные билеты, которые и были у них найдены. Одновременно с этим в Ковне был задержан писарь одной из воинских частей, сообщивший германским агентам ряд опасных сведений. В то же время по этому делу в других городах было арестовано несколько лиц, причастность и виновность которых также доказана. Все эти лица содержатся и поныне в ковенской тюрьме.

После ареста Сагаловича и Кауфмана, Дресслер, боясь, что они его выдали и опасаясь ареста, перестал посещать Вержболово и посад Кибарты, куда он раньше довольно часто являлся. 3 апреля после большого промежутка времени он решил сопровождать до Вержболова супругу германского военного уполномоченного, графиню Донау-фон-Любишен. Ему была предоставлена возможность выполнить свою миссию, после чего он был арестован и отправлен в ковенскую тюрьму. Ковенская, а затем виленская прокуратура отказались привлечь Дресслера к суду, указывая, что всё дело происходило в Супалкской губ. Дело Дресслера и его сообщников было затем передано прокурору варшавской судебной палаты. Комиссар был привлечен к ответственности по 112 ст. Угол, улож. и переведён в супалкскую тюрьму... Затем, однако, его выпустили...

40. Ротшильд и Австрия. Несколько дней назад австрийская печать сообщила, что венский Ротшильд награждён одним из высших австрийских орденов.

По этому поводу “Libre Parole” говорит, что еврейский дом Ротшильдов держит в своих лапах всю Австро-Венгрию.

Года полтора назад Ротшильд неофициально дал взаймы австрийскому правительству несколько миллионов на уплату за изготовленную частными заводами броню для броненосцев. К слову сказать, эту броню изготовляли заводы самого же Ротшильда, так что деньги, “данные взаймы”, Ротшильд фактически переложил только из одного своего кармана в другой. Тем не менее, так как заём был сделан неофициально, то благодарить Ротшильда приезжал лично австрийский наследник престола.

Получение теперь Ротшильдом высшего австрийского ордена объясняется так. Недавно в австрийской печати появились тревожные сведения о состоянии здоровья императора Франца Иосифа. В результате биржевые ценности стали падать. Тогда правительство попросило Ротшильда повлиять на биржу и повысить курс австрийских государственных ценностей. Ротшильд сказал, что он берётся сделать это, если ему будет пожалован высший австрийский орден. В

итоге сделка была заключена. Ротшильд повысил цены и получил орден.

Чего же начнёт требовать теперь обнаглевший Ротшильд после получения высшего в Австрии знака отличия?!...

41. Франция. Привилегированный иудей. Газета “Libre Parole” приводит характерный пример засилия жидов во Франции.

Лет шесть назад миллионер-иудей Эдмонд Ротшильд поселился верстах в 40 от Парижа в замке Феррьер. На следующий день по его просьбе курьерский поезд стал останавливаться у станции Озуер-ла-Феррьер, которую раньше пропускал, чтобы предоставить Ротшильду возможность попадать в Париж к 10 час. вечера.

Эта остановка создала большие удобства для всех окрестных жителей и многие парижане также пользовались удобным сообщением.

Недавно Ротшильд по каким-то своим соображениям переехал жить в Париж. Немедленно уничтожена была и остановка курьерского поезда. Просьбы и протесты местных жителей остаются без внимания. Не подействовала и петиция, подписанная более, чем 10.000 заинтересованными в деле французами.

“Так, — говорит газета, *— в стране равенства один жид значит больше, чем 10.000 французов”.* (“Земщина”).

42. Жидовское владычество. Французский министр финансов иудей Клоц в угоду своим единоверцам Ротшильдам предлагает, как сообщалось уже в “Земщине”, заменить всю медную монету никелевой, чтобы таким образом обеспечить сбыт миллионов на 80 металла из рудников, принадлежащих Ротшильдам.

Как передаёт газета “Libre Parole”, рудники эти, дающие почти 3/4 всей мировой добычи никеля, находятся в Новой Каледонии и разрабатываются трудом каторжников, ссылаемых туда из Франции. Уже давно, лет пятнадцать, доказывают знающие люди, что Новая Каледония — лучшая и богатейшая из французских колоний и что совершенно безрассудно обращать её в каторжную тюрьму.

Однако, самые очевидные доказательства разбиваются о тот факт, что Ротшильдам нужны дешёвые рабочие для разработки захваченных ими богатств и что им выгоднее платить арестантам по 1 франку в день, чем вольным работникам по 10.

Вся каторга находится в аренде у Ротшильда. Для него и старается поставлять правительство, возможно больше рабочих. Тратя миллионы на содержание каторги, на её управление, правительство не получает никаких доходов от своей колонии, а все пенки снимает Ротшильд.

Положительно, изъяви жиды намерение восстановить крепостное право, нашлись бы люди, которые с удовольствием подставили бы шеи под любое ярмо. Да оно и лежит уже на христианах Франции, только под другим ярлыком — “свободы, равенства и братства”.

43. Кагальная монета. Раньше Альфонсу, а теперь Эдмонду, Ротшильдам французское правительство по низким ценам продало монополию в Новой Каледонии — как на добывание никеля, так и на самый труд каторжных. Гешефт представлялся бы изрядным, но, к сожалению, богатство копей значительно превышало требования рынка. Тогда для воспособления “отцу отечества” решено было завести во Франции никелевую монету в 25 сантимов. На беду она скоро принимала грязный вид и, сверх того, приводила к досадным ошибкам, так как при полном почти равенстве диаметров легко смешивалась с серебряной монетой в один франк. Возникли жалобы. Но разве можно беспокоить Ротшильда из-за таких пустяков? Наоборот, советом министров уже постановлено весь билон (мелкую разменную монету) делать из никеля же. На первый случай предлагается монетному двору изготовить вновь никелевой монеты на 80.000.000 франков... Пусть никто, однако, не дерзает упрекать Ротшильда. Имеется особое “Общество Никеля”, лишь случайно нашедшее себе квартиру в пристройке к зданию ротшильдовского банка, 26, улица Лафита в Париже. Только своему счастью обязано это общество за повышение акций —— сперва с 667 до 1.115 франков за штуку, а потом и до 1.200 франков Простая, конечно, случайность и в том, что нынешним министром финансов французской республики состоит еще жид Клоц. (La Libre Parole, 11 июня 1912 года, № 7356).

44 Новые иудейские таланты. 11 мая Императорская С.-Петербургская консерватория выпустила в свет полторы сотни с лишком новых музыкальных талантов из которых тридцать девять даже оказались поощренными всякими наградами, по большей части денежными, что стоит отметить.

В малом зале консерватории состоялся так называемый “акт”, перед музыкальной частью которого был прочтен отчет о деятельности консерватории —за последний год. Оказывается, что в С.-Петербургской консерватории теперь 2.096 учащихся, из которых около трёх четвертей принадлежит к “гонимому” племени, остальным же пятистам с небольшим учащихся предоставлено исповедывать прочие, кроме иудейской, религии. На содержание этого рассадника семитических талантов, правительство наше отпускает ежегодно около полумиллиона рублей, собранных с нищего русского народа... то есть, каждый вынутый из-под спуда иудейский талант (из 150 окончивших в этом году курс — более 100 человек иудеев) обошёлся казне дороже тысячи рублей — за каждый год его пребывания в консерватории...

Перечислять поимённо всех 150 с лишком окончивших в настоящем году С — Петербургскую Императорскую консерваторию, у нас нет ни места, ни охоты Противно!... Назовём хотя бы получивших главные награды, ручаясь, что племенное взаимоотношение и прочих окончивших все такое же.

Премия Михайловского дворца в 1.200 руб. с правом поездки за границу на счёт консерватории получил скрипач Мойше Фишберг. Рубинштеиновская премия (рояль) досталась, к удивлению, русскому — Александру Боровскому (очень уж талантлив!).

Малые золотые медали даны восьми окончившим, из которых шесть — иудеи именно: тот же Мойше Фишберг, Роза Гершович, Мирка Мовшович, Мера Шморгонер, Пинхас Сирота и Шавль Курзнер.

Из шестнадцати серебряных медалей 13 получили представители "угнетенного" племени: Ита Окунь, Эмилия (?) Раппопорт, Соня Рудник, Бася Фрейфельд, Соня Лейбова, Лия Эйзлер, Иосель Идельсон, Сруль Мильнер, Мордко Штейман, Гиль Гвирцман, Петр (?) Меренблюм, Мойше Хазанкин и Абрум Ямпольский...

И так далее…

Теперь будем ждать, когда Шавль Курзнер выпадет на сцену Грозным царём в "Псковитянке", споёт нам Сусанина в "Жизни за Царя, либо, когда Мера Шморгонер выступит Антонидой...

Это — Императорская С.-Петербургская консерватория! ("Земщина").

45. Новое "606". Жидовская печать разнесла уже по всему свету известие о "Новом открытии" профессора Мечникова, дающем яко бы возможность посредством уничтожения в кишечнике человека ядов индола и фенола — впрыскиванием особой "гликобактерии", водящейся в кишках собаки, достигнуть продления человеческой жизни до 200 лет.

Французские независимые газеты, как "Libre Parole" и "Action francaise", раскрывают истинную подкладку этой сенсационной новости.

"Мечников уже однажды произвёл такой опыт эксплуатации людской доверчивости. Также при помощи шумной газетной рекламы он объявил, что средство от всех болезней — лактобациллин. После первой стадии подготовки публики, наступила вторая — её обработка. Организовалось общество продажи патентованного лактобацилина и Мечников получил от него немалую выгоду.

Теперь, когда это средство на публику уже не действует и дивиденды товарищества упали, надо пустить в ход новое изобретение.

Медицинские авторитеты высказываются, что открытие Мечникова — чистый американский "блеф". Индол и фенол давно исследованы и никакого влияния на организм не оказывают; действие же гликобактерий более, чем сомнительно.

Но не в том задача стремящегося к наживе изобретателя: ему важно нашуметь и выгодно продать свой патент. А в этом отношении ему помогут сородичи-жиды. Ведь только потому и рекламируют они его, что он — сын одесской жидовки.

После печальных опытов с сальварсаном Эрлиха действительно надо с особой осторожностью относиться к жидовским и полужидовским изобретениям. Всегда в них на первом плане нажива изобретателя, а не здоровье страждущего человечества".

46. Друзья жидовского народа. В утреннем заседании Гос. Думы 5 июня 1912 года голосовался выходом в двери вопрос: давать ли "рождённым в иудействе" право пользоваться 25-ю казёнными стипендиями, вновь учреждаемыми на медицинских факультетах Императорских университетов? Эти стипендии предназначаются для подготовки врачей на службу переселенческому ведомству в Сибири. Как известно, Сибирь лежит вне черты оседлости и, казалось бы, уже одно это делает вопрос бесспорным. Однако, иудеи не были бы иудеями, если бы не выказали стремления расползтись на казённый счёт по Сибири и там, врачуя переселенцев, агитировать между ними против ненавистной "избранному народу" правительственной переселенческой политики.

В третьей Гос. Думе так много людей, находящихся у кагала в кабале, частью материально, частью духовно, что и указанное поползновение евреев едва не удалось, при подсчёте на глаз, голоса разделились поровну. Потребовалась поверка голосования в двери. Против сынов Иуды оказалось 104 голоса, за — 88, при 5 воздержавшихся. На этот раз неприкрытая наглость еврейства ещё не достигла цели.

Русским людям небезынтересно, наверно, узнать, кто же именно в Гос. Думе держит руку жидам и решает, во вред народу России острый, наболевший еврейский вопрос, вопрос, как известно, не только наш русский, вопрос всемирный. Мы приведём имена тех, кто частью с краской стыда на лице и бегающими глазами, частью убеждённо, плечо о плечо с Нисселовичем, тянутся в левые двери.

Во-первых, все, без исключения, трудовики и социал-демократы. Между ними много фабричных и ремесленников. Они так возлюбили своих жидков-хозяев фабрик и мастерских, что, понятно, всей душой рады голосовать в их пользу. Поляки и мусульмане, увы, взяли также сторону иудеев. Ну, а это что?... Неужели православные священники? Батюшки, вы не туда, вы заблудились! хочется сказать им, не взглянув им в лицо, останавливаешься.

Они идут уверенно, с тем развязным смехом, который можно наблюдать у людей, ничем не удивляющихся.

Сендерко, Исполатов, Титов. Три духовных отца, но как-то неловко назвать их отцами...

Бежит Лерхе. Ему, видимо, не по себе. Глаза быстро-быстро мечатся по сторонам. С ним ещё октябристы: воронежец Ковалевский, черниговский дворянин (даже уездный предводитель дворянства) Глебов, самарец Жданов, зетляндский немец Бенеке, казанский уездный предводитель дворянства Баратынский, рязанский дворянин Еропкин, а за ними таврический евангелист Захаров 1-й, черниговский дворянин Клименко, херсонский немец Люц, товарищ председателя Государственной Думы, казанский профессор Капустин. Всех же таких друзей жидовского народа оказалось 88 человек. Нечего и добавлять, разумеется, что ка-дэки in corpore были здесь же.

Немало удивлялись многие, когда в числе жидолюбов увидели калужского крестьянина Кузовкова, марширующего в одни двери с Гулькиным. Витебский

Амосенок не последовал за ними, а воздержался от голосования.

“Отметьте, — многозначительно шинели своим соплеменникам жидки, проходя мимо ложи журналистов, — *что Родзянко пошёл против нас! И Звегинцев тоже!...”*

Но жидкам-журналистам напоминать не нужно. Кому предназначен херем, тому он уж будет объявлен!...

47. Прожжённая совесть. Загадочная смерть мальчика Жени Чеберяка, который, повидимому, многое знал об убийстве его товарища Андрюши Ющинского, сразу заставила правую печать подозревать, что устранили нежелаемого свидетеля именно те жиды, которые направили сначала следствие на неправильный путь и успели ускользнуть от преследования.

Левая печать, руководимая, конечно, жидами, подняла тогда, в августе 1911 года, страшный шум, высмеивая самым нахальным образом русских людей, которым-де всюду мерещатся преступления, и которые простую дизентерию, от которой якобы умер Чеберяк, принимают за симптом отравления. Жиды доказывали, что самое точное врачебное наблюдение и посмертное исследование безусловно установили естественную смерть Жени Чеберяка.

Теперь выплывает на защиту жидов новое фантастическое хитросплетение Бразуль-Брушковского, и те же жиды с невероятным бесстыдством сами начинают распинаться именно за то, что Чеберяк был действительно отравлен.

Как передаёт “Киевская Мысль”, 5 августа Женя Чеберяк был доставлен в Александровскую больницу с сильными болями в желудке. Бактериологического исследования произведено не было, а по внешним признакам врачи причислили больного к дизентерийным. К общему удивлению врачей уже 8 августа совсем ещё больной мальчик был взят матерью домой, где на следующий же день и умер.

По словам Бразуль-Брушковского, судебный следователь Фенеко, узнав о болезни важного свидетеля, командировал для допроса на квартиру Чеберяк полицейского надзирателя и агента сыскной полиции. Но Чеберяк-мать ни на одну минуту не отходила от мальчика и запретила ему разговаривать. Когда же агент, улучив минуту, заговорил было с Женей, то мать набросилась на агента с ножом в руках. Впоследствии, — по фантазии Бразуль-Брушковского, — мать Чеберяка сама жаловалась ему на то, что её мальчика отравил один из членов разбойничьей шайки, которого и назвала...

Несостоятельность измышлений новоявленного заступника жидов достаточно уже выяснена, а неправдоподобность как мотивов, так и самой обстановки убийства Ющинского, по версии жида Брушковского, бросается в глаза. Характерно же в теперешних его добавлениях именно то, что факт отравления Жени Чеберяка, так упорно отрицавшийся жидами, теперь уже признаётся ими, только в освещении, выгодном для кагала.

Разумеется, вся газетно-жидовская свора во главе с “Речью”, подхватывает новую версию “добровольца-Пинкертона”, забывая, что с таким же усердием доказывала ранее естественность смерти рокового для жидов свидетеля. Такая гибкость прожжённой талмудической совести едва ли успеет, однако, втереть очки снявшей свою повязку Фемиде, видимо, уже разобравшейся в деле Бейлиса и его удравших единоверцев...

48. Синедрион. В Киеве, как известно, состоялся недавно съезд влиятельнейших представителей иудейства всею Юго-Западного края, и на этом съезде инициаторы его доказывали, что для Израиля продолжать поддержку оппозиции крайне опасно и, может быть, гибельно. Значит сынам иуды надо перестать раздражать русский народ. Устроители съезда настаивали на необходимости для русского иудейства принять такую линию поведения, основными моментами которой было бы доказательство верности, твёрдой лояльности евреев по отношению к Верховной монархической власти и примирение с умеренными элементами русского общества.

В силу этих соображений устроители съезда предлагали организовать иудейскую умеренную партию — “конституционно-монархическую”, которая должна совершенно отмежеваться от ка-дэкской партии и в своих desiderata ограничиться на первое время снятием черты оседлости. Предложение устроителей съезда было, тем не менее, отклонено и на предстоящих выборах большинство иудеев опять пойдёт рука-об-руку с ка-дэками. Но среди умеренного меньшинства абсентеизм ещё более усилится. Представители того мирного меньшинства евреев говорят: “если мы могли провести в Государственную Думу евреев, которые в Таврическом дворце умело и корректно отстаивали интересы еврейства, тогда стоило бы поработать; а выбирать ка-дэков для нас нет ровно никакого смысла”. Другие евреи идут ещё дальше и утверждают: “при старом режиме нам жилось лучше и правительство было мягче и снисходительнее по отношению к нам, и среди населения мы не встречали таком вражды, как теперь”. Евреи, подобно финляндцам и полякам, за время существования 3-ей Думы поняли, что молодое русское народное представительство, за которым стоит вся национально-патриотическая Россия, гораздо твёрже в отстаивании русских интересов, чем прежняя бюрократия, безнациональная, вырождающаяся... (“Земщина”).

49. Внепартийная демократическая организация в Одессе. Ближайшей задачей возникшей здесь внепартийной демократической организации, о которой сообщалось уже в “Русском Слове”, является объединение всех демократических элементов для предстоящей кампании в 4-ю Государственную Думу.

Организация не выставляет собственной программы, но как минимум требований признаёт ответный адрес первой Государственной Думы.

Пока внешнепартийными демократами принято следующее решение. По одной из курий они будут проводить еврейского кандидата, но другой христианина. Намечают следующих лиц: по 2-й курии — проф. Вериго либо журналиста Сакера, по 1-й — прис. пов. Литницкого или инженера Брайкевича.

Проф. Вериго — беспартийный, близок н к.-д. Журналист Сакер еврейский общественный деятель, по политической физиономии близок к трудовой группе. Инж. Брайкевич был мирнообновленцем, но в настоящее время прогрессист, признающий как выборную платформу ответный адрес 1-й Думы.

Во главе организации стал перводумец проф. Н.К. Щепкин, который давно уже отмежевался от к.-д. К кандидатуре петербургского прис. пов. Слиозберга внепартийная организация отношения не имеет. Среди евреев выбор, вероятно, будет сделан между Слиосбергом и Сакером. (“Русское Слово”).

50. Кадеты и прогрессисты. Петербург. В воскресенье 13 мая в Петербурге открылся съезд делегатов партии народной свободы, посвящённый вопросам предстоящей избирательной кампании в четвёртую Государственную Думу. На съезде присутствовали: весь Петербургский и Московский центральные комитеты партии и вся фракция третьей Государственной Думы. Целое заседание 13 мая было посвящено вопросам о блоках и соглашениях. На этот раз никто из ораторов не отстаивал точки зрения Московского отделения партии народной свободы, высказывавшегося на последней конференции за самое тесное сближение, чуть ли не за слияние с прогрессистами. Теперь восторжествовала точка зрения, которую поддерживали Милюков, Колюбакин и другие. Съезд счёл, однако, возможным допустить повсеместно в России соглашение с прогрессистами для проведения совместно кандидатов в четвёртую Думу, причём рекомендует членам партии народной свободы брать на себя инициативу в организации предвыборных комитетов и сохранять главенствующее влияние партии народной свободы. (“Бирж. Вед”).

51. Старые жиды — младо-турки. Чтобы не колебаться относительно действительной цены бешенства израильтян перед тем, что они проклинают как “реакцию” и на живом примере убедиться ещё раз в прелестях кагальной “свободы”, не надо ходить за примерами ни во Францию, ни даже в злополучную Португалию...

Взгляните хотя бы на то, к чему привела революция в Константинополе.

Турцией управляют евреи. Официоз австрийского наследника престола “Vatcrland” печатает очень интересную статью анонимного автора-мусульманина, в которой доказывает, что теперь в Турции командуют исключительно сыны Иуды.

“Vaterland” свидетельствует, что *турецкое еврейство нашло по многим веским основаниям неудобным исповедывать иудейское вероучение, занимая высокие посты или собираясь занять таковые. Поэтому в виду чисто тактических все карабкающееся и пробирающиеся к кормилу власти иудеи переходят в мусульманство. Данным маневром евреи обезоруживают своих политических противников и при всяком удобном случае спешат подчеркнуть, что они не евреи, не иудеи, а правоверные турки-мусульмане.*

В Турции подобных жидо-турок называют “дэнмами”.

Понятно, что эти жидо-турки, или дэнмы, принимают мусульманство только для вида, а остаются вполне правоверными иудеями-талмудистами. Они сооружают для себя особые мечети, имеют нарочито-подделанное кагальное духовенство, свои собственные суды и т.д. Дэнмы не порывают сношений с раввинами, и по ритуалу дэнмов каждый умерший “мусульманин” — жидо-турок должен быть отпеваем не только жидо-турком муллой, но и всенепременно — иудейским раввином. Не имея возможности якшаться с кагалом открыто, жидо-турки являются поголовно членами масонских лож. Таким образом, в тайных заседаниях масонства обсуждаются все волнующие и интересующие местный кагал вопросы. Жидо-турецкие масонские ложи и турецко-иудейский кагал работают над тем, чтобы восстановить в Палестине еврейское государство. В этом вопросе они действуют совершенно согласно с международными организациями сионистов.

Логовищем дэнмов является город Салоники. В этом городе нет ни одной чисто турецкой, а тем более правой, газеты. Путём непрерывного террора и убийств дэнмы заставили всех правых и турецких журналистов покинуть навсегда Салоники. Жидо-турки добились также изгнания из Салоник всех неугодных им высших сановников, пашей, чиновников и даже принца Сабахэдипа.

В настоящее время все высшие посты не только в самой Турции, а и за границей в руках дэнмов. Почти все генералы, министры, губернаторы, послы, высшие сановники являются жидо-турками. Подчас они сохраняют свои иудейские имена, как например Наум-паша, Давид-паша и т.д., а подчас, чтобы стать уже совершенно неузнаваемыми, они изменнически принимают чисто мусульманские имена. Власть дэнмов столь велика, что и сам верховный жрец магометан, шейх-уль-ислам, является в их руках простой игрушкой.

Понятно, что дэнмы пользуются огромным влиянием и при дворе султана.

Зато правоверные младо-турки наслаждаются “конституцией”. Из-за такого блага примиришься, как видно, хотя бы и с владычеством жида. Впрочем, и в Турции уже виден рассвет тем более близкий, чем непрогляднее тьма, ему предшествующая. Сыны “избранного” народа не замедлят и там вскоре получить должное воздаяние за свои добродетели, как и за упорную неспособность переносить счастье.

Не таковы истинные турки, чтобы давать жидам волю — без конца!...

52. Масонское братание. В Берлине несколько недель прогостил товарищ великого мастера объединённых масонских лож Англии лорд Эмтзгил. Целью его приезда, как передаёт “XX Vjek”, было устроить тесное общение между прусским и английским масонством.

С разрешения покровителя прусских лож принца Леопольда отправились теперь в Лондон депутаты прусских масонов наносить визит. Интересен состав депутатов: тайный советник Вегнер, городской голова Дортмунда Мецмахер, подполковник Рейценштейн, доктор прав граф Дона, штаб-доктор Клеффель, тайный советник Гуго, доктор Келлер, доктор Циммер и советник Мецдорф.

В Лондоне готовят в честь гостей ряд великолепных банкетов и празднеств. Будут чествовать их и в германском посольстве.

Очевидно, замышляется новый поход против германской монархии и национализма, к ужасу и невыгоде Англии за последнее время опять открывшихся.

53. Тесная связь масонства с жидами. Таинственная организация масонов, забравшая в свои руки чуть не всю Западную Европу и раскидывающая свои сети над Россией, усиленно выдаёт себя за чисто религиозную и христианскую ассоциацию. Многие исследователи разоблачили, однако, тесную связь масонства с жидами.

Известный политический деятель и публицист Эдуард Дрюмон указывает в "Libre Parole", что:

"В любом сборнике ритуалов масонских лож содержатся неопровержимые доказательства их происхождения от жидов. Самое имя масонов, называющих друг друга "кадош" — жидовское и значит "святой". Обстановка залы их собраний, подсвечник с 7 свечами, ковчег союза, алтарь из дерева акации — все напоминает иудейский храм. Слово "акация" составляет масонский пароль. Особенное значение этому дереву, по-еврейски "шитта" (во множественном числе, "шиттим"), придаётся и в книгах Моисея, и в пророчества Исайи. Чрезвычайно резко сказывается жидовство в обряде посвящения женщин в масонство. Кандидатка, покрытая чёрным покрывалом, посыпанным пеплом, подводится к двери ложи. На вопрос стражи, она говорит: "я желаю видеть первосвященника и старейшин".

— "Кто вы" ?

— "Юдифь".

— "Какой нации"?

— "Иудейка, из колена Симеонова".

Все эти особенности масонского ритуала подробно изложены в только что выпущенной брошюре Луи Дастэ: "Тайные общества и жиды". Но даже такие разоблачения, как и специальные буллы римских пап не в силах сорвать повязку с ослеплённых глаз христианского общества, всё ещё доверяющего яко бы высоко нравственным целям и задачам масонства.

"Двадцать лет назад, — говорит Дрюмон, — *когда я указывал на опасность и тайные цели масонства как ярого противника христианства, все поднимали меня на смех. Понадобилось самим увидеть то гонение на христианство, которое воздвигли во Франции торжествующие масоны, чтобы хоть некоторые убедились, у какого господина на службе состоит это зловредное сообщество. Пышные речи о свободе, равенстве, человечности прикрывали только стремление жидовства к господству и к принижению христианской Церкви".*

Масонство явное и скрытое поднимает свою голову и у нас. Нельзя поэтому упускать каждого случая обратить внимание на грядущую опасность порабощения России жидовством. ("Земщина", 8. VI. 1912. № 1008).

54. Французские порядки. Французский военный министр Мильеран, уступая народному требованию и сознавая необходимость повысить престиж армии, восстановил своим приказом здравый, прекрасный Наполеоновский обычай устраивать по субботам военные прогулки частей с музыкой. По всем городам Франции эта мера вызвала восторг и народ с каждым днём все теснее сближается с армией и проникается воинственным духом.

Но нашёлся один округ во Франции, где это распоряжение не приводится в исполнение. Командир 2-го корпуса в г. Амьене, известный генерал Пикар, ярый защитник и покровитель жида-изменника Дрейфуса, упорно противился введению в его гарнизонах таких прогулок. Ставленнику жидов и масонов, которым он обязан своими эполетами, представляется невозможным терпеть, чтобы мимо его штаб-квартиры проходили с радостными криками и воинскими песнями толпы народа, братающегося с солдатами.

Огорчённые амьенцы обращаются с заявлением к военному министру и просят убрать от них генерала-антимилитариста. Но всемогущие ложи, конечно, отстоят своего любимчика.

55. Безнаказанность масонов. В Италии, как и во всей Европе, вызвал чрезвычайное недоумение и возмущение приговор высшего военно-морского суда, оправдавший командира и офицеров броненосца "Сан-Джорджио", посаженного ими на камни среди белого дня в Неаполитанском заливе.

Как предварительным следствием, так и на суде было установлено, что вопреки законам, командир допустил на судно, делавшее свой первый выход в море, очень красивую молодую даму и с ней в обществе старших офицеров бражничал. Для её удовольствия броненосец и был направлен ближе к берегу, чтобы она могла полюбоваться панорамой Неаполя...

Это удовольствие обошлось итальянской казне в несколько миллионов лир, истраченных на ремонт броненосца.

Несмотря на страшное возбуждение, вызванное в народе таким легкомыслием чинов флота, несмотря на ряд запросов, внесённых в парламент, осведомлённые газеты с самого начала процесса предсказывали, что закончится он оправданием виновных.

Газета "Libre Parole" объясняет, что такое пророчество можно было делать наверняка: капитан Гаспар Альбеша — один из высших руководителей итальянских масонских лож и, как таковой, являлся начальником почти всего состава неаполитанского суда.

56. Дело об убийстве П.А. Столыпина. По словам "Речи", *следствие по делу об убийстве П.А. Столыпина окончательно ликвидировано. Жандармские следственные власти пришли к заключению, что акт совершён единолично Бобровым. Всё производство по делу передаётся в архив.* ("Раннее утро" № 131).

57. Экспертиза князя Крапоткина (анархиста) о парламентаризме. *“Теперь начинают замечать, что конституция, от которой многие и так много ждали, стала повсюду орудием интриги и личного обогащения, ареной противонародных стремлений. Обольщаемое своей мнимой беспорочностью, “народное” представительство едва ли не азартнее всех других форм правления жаждет деспотизма. Подобно же всем деспотам, пусть оно называется парламентом, конвентом, либо ещё иначе, всё равно станет ли оно назначаться префектом Бонапарта или избираться, с той либо иной свободой, каким-нибудь взбунтовавшимся городом, оно всегда будет пытаться расширить пределы своей власти, стремиться путём вмешательства всякого рода, возвысить свои “естественные” прерогативы и, посредством законов, вытеснить деятельность личности и общества.*

Справедливейшие требования удовлетворяются здесь столь медленно, что, например, лишь благодаря почти сорокалетнему революционному движению английский парламент, наконец, обеспечил арендатору ценность сделанных им улучшений. Но когда дело идёт о том, чтобы защитить интересы капиталистов о! тогда любое “народное представительство” тут как тут!... Тогда, будучи безответственным, оно действует беспощаднее, и, увы, трусливее любого деспота.

Безымянный шестисотголовый зверь превосходит Людовика XI и Иоанна IV.

Конституция отвратительна для всякого, кто наблюдал за ней!...”

Приблизительно тоже говорит, в сущности, и Бокль (“История цивилизации в Англии”), утверждая, что с теми же результатами английский парламент мог бы не существовать вовсе, так как на протяжении веков он лишь переделывал сегодня то, что созидал вчера...

Но если таков образец всевозможных “конституций”, если проявления его оказывались столь печальными в Англии и в старину, даже без “благосклонного участия сынов иуды”, и если через масонство, а особенно через прессу шантаж или подкуп “избранный народ” подтасовывает сейчас любое “представительство” и всякое “голосование”, то как, спрашивается, стали бы мы отвергать указания Монтефиоре и д'Израэли, не говоря о князе Крапоткине или Бокле?... Разве политика во все времена не старалась сохранить злоупотребления, на которые жаловалось правосудие?!...

“La politique est l'art de deguiser son interet particulier en interet general”, — метко определил Тиодьер.

“Уже в древности, — замечает в свою очередь Моммсен, — *еврейство являлось ферментом разложения других государств”.* Что же сказать о беспримерном раньше, но, увы, столь страшно ядовитом и неодолимом агенте гниения социальных организмов, каким представляется в наши беспросветные дни периодическая печать?!...

Чутье человеческих слабостей и неподражаемость навыка эксплуатировать соблазны сами по себе достаточны для завоевания евреями гегемонии. Но это далеко не всё. Содрогаясь перед орденом Ллойолы, говаривали: *“ La societe des jusuites est une epee dont la poignee est a Rome et la pointe partout!”* У сынов же Иуды самый центр управления их темной властью остается для нас неведомым...

58. Развенчанный парламентаризм. Несколько десятилетий назад, а в некоторых странах и совсем недавно, парламентаризм считался какой-то панацеей от всех общественных бед. За последнее же время, как говорит газета “Kreuz-Zeitung”:

“Произошёл коренной переворот в этом отношении. Большая публика совершенно утратила интерес к парламентским делам. Лишь во время выборов замечается ещё некоторое оживление, но как только парламент составится — народ совершенно не следит за его деятельностью и безучастен к ней.

Явление это замечается, увы, не в одной Германии, где уже никто не читает газетных столбцов, отведённых изложению парламентских прении. В Австрии ни один уважающий себя человек не поставит своей кандидатуры в рейхсрат. В Венгрии только маньяки политиканства идут в палату депутатов. Во Франции очень много убеждённых республиканцев перешли в лагерь монархистов именно потому, что надеются установлением монархии ослабит зло парламентаризма. В России всё глубже растёт убеждение, что “игр в Думу” не должна более продолжаться, так как она бесцельна и не интересна. Даже в Англии, классической стране парламентаризма, раздаются голоса, что законы, издаваемые господствующей партией, соответствуют только интересам её избирателей, а не нуждам страны. В Америке также убедились, что парламент, главным образом, преследует свои личные выгоды и одним из главных шансов Рузвельта в избирательной кампании на пост президента является провозглашение ит принципа: “управление народом при посредстве народа”. Всякий закон, всякое назначение ответственного должностного лица должны, по его мнению, получать одобрение всенародными голосованием, а не парламентскими депутатами”.

Причины столь всеобщего разочарования в парламентаризме “Kreuz-Zei-tung” видит в том, что —

“Вместо благороднейших, лучших людей страны, в парламент попадает самого среднего уровня интеллигентности толпа. Этих народных представителей, неспособных подняться над горизонтом местных интересов, влечёт к парламентской деятельности, главным образом, возможность повеселиться в столице и вдали от семьи.

Работают в каждой партии не более четырёх-пяти человек, которые и распределяют между собой все насущные, неизменно возвращающиеся проблемы и вопросы. Остальные же депутаты нисколько не интересуются делами государства, а занимаются исключительно собственными делишками.

Даже дебаты в парламенте показывают необыкновенное понижение уровня культуры депутатов. В любой газетной статье каждый вопрос разработан лучше и полнее, чем в речах депутатов.

Самые грубые казарменные шутки и остроты раздаются с кафедры рейхстага и вызывают вместо свиста смех непритязательных товарищей оратора. Понятно, что в такое общество не желают идти люди, которые действительно могли бы принести пользу отечеству”.

Необходимо, — говорит газета, — внести такие изменения в выборный закон, такой поправки к принципу решения государственных дел большинством, которые дали бы возможность относиться хотя бы с некоторым доверием к занятиям народных представителей. Иначе лучше прямо вернуться к самодержавию, даже — к абсолютизму”.

59. Всё через народ, — ничего для народа! Стало быть, парламентаризм в апофеозе отнюдь не то, за что он себя выдаёт. Живя интригами и воспитывая шаббесгоев для расхищения народного достояния, а также для размножения бюрократии, он явно способствует её деспотизму, как вероломному обеспечению тирании кагала страхом, но буквально ничего, кроме погибели, не обещает ни самим арийским племенам, ни, тем паче, национальным представителям их государственной власти.

Где находится тайное международное правительство, во “Всемирном ли Еврейском Союзе”, верховный совет которого заседает и Париже, в иудео-масонской ли “ложе-праматери, пребывающей в Лондоне, в чисто ли иудейском “Б'най Брифе” С.-А. С. Ш. или же, наконец, оно, как всего вероятнее, организовано сугубо сокровенно, самостоятельно и особо, — для нас безразлично.

Достаточно, что такое правительство состоит налицо и осмеливается посягать на государственное бытие России.

В. Меры государственного оздоровления

1. Масонство в Аргентине. Масонские организации раскидывают свои сети и в южно-американских республиках.

За последние 10 лет в Аргентинской республике обосновалось 18 лож с 4.500 членами. Необыкновенно быстрый рост богатства этой республики привлёк внимание международного масонства. Недавно, главные вожди масонов обратились к правительству с просьбой легализовать ложи и разрешить открытую вербовку членов. Однако, высмеять правительство на этот раз не удалось.

Совет министров нашёл, что общество масонов преследует не благо всего человечества, а свои личные цели, направленные ко вреду остальных граждан. Уставы масонства связывают свободную волю своих членов и направляют её на борьбу с христианским духовенством, а в особенности, на изгнание религии из народных школ. Между тем Аргентинская республика по своей конституции есть государство христианское, стало быть, отнюдь не может разрешить у себя деятельности врагов христианства — масонов. Масонство есть государство в государстве и представляет собой страшную, разъедающую язву. Не только легализировать существование этой секты недопустимо, а наоборот, все силы должно употребить правительству на борьбу с тайным существованием масонства.

Приветствуя столь твёрдое решение аргентинского правительства, “XX Vjek” находит, что *многие монархические государства могли бы позавидовать разумности американской республики. Хотя официально масонство воспрещается и в Австрии, но запрет этот так же соблюдается, как и запрет проституции. На деле же, масонство набрало такую силу, что малейшее выступление против него в газетах влечёт немедленную конфискацию. Так это и было пятью подряд номерами* “XX *Vjek:a”*. (“Земщина”, 30 мая 1912 г., № 999).

2. Бельгия. Урок социал-масонам. Результат выборов в Бельгийский парламент произвёл на социалистов и либерал-масонов всего мира потрясающее впечатление. Сплотившись в один блок, социалисты и либералы после четырёх лет усиленной подготовки вступили в решительный бой с консервативно-католическим правительством, заранее празднуя победу. И вдруг, такое неслыханное поражение!...

Правительство, 28 лет управляющее страной, выиграло на новых выборах десять голосов в палате и шесть голосов в сенате. Ещё на четыре года ему обеспечено большинство против иудео-масонского заговора. Между тем, на ближайшей очереди стоит рассмотрение школьного проекта и, если пройдет предложение правительства усилить государственной поддержкой христианское воспитание школьников, то из рук социал-масонской шайки будет надолго вырвано самое опасное их оружие — влияние на молодёжь.

Есть отчего в отчаяние придти!

Особенное значение получает исход народного голосования, если принять во внимание систему парламентских выборов, которая с 1893 года действует в Бельгии и введена по настоянию именно либеральной партии. Правом голоса пользуются решительно все граждане, достигшие 25-летнего возраста. Затем те их них, которые владеют недвижимостью или капиталом с доходом не менее 40 рублей, а также лица старше 35 лет, имеющие детей и уплачивающие не менее 5 франков прямых налогов, пользуются двумя голосами; те же, кто имеет диплом высшего или среднего образования либо другие доказательства такового, получают три избирательных голоса.

По статистическим данным из общего числа 1.693.000 избирателей 60% пользуются одним голосом, 23% — двумя и 17% тремя голосами. То что против шестидесяти голосов людей непривилегированных может оказаться 97 голосов людей высших классов. На эту неравномерноть и рассчитывали либералы, полагая, что, если простой народ и поддаётся влиянию духовенства, то высшая буржуазия и интеллигенция поддержат кандидатов социалистического блока. Тем не менее и на этот раз надежды обманули лидеров либерального стана. 101 консерватор в палате из 186 и *54* консерватора в сенате из 93 представляют ответ

страны на всю антикатолическую пропаганду и масонско-социалистическую агитацию.

Большое значение в провале социалистического блока имели недавние выступления анархистов-террористов во Франции. Умело использовав подвиги грабителей Бонно и Гарнье, вышедших из светских масонских школ, бельгийское духовенство своевременно указало народу на опасность, грозящую детям от упразднения религии в школах и, несомненно, нанесло социалистам самый сильный удар.

Не без влияния на исход выборов осталось и то беззастенчивое соглашение, в какое вступали кандидаты либералов и социалистов, обмениваясь своими избирателями, как бессловесным стадом. Самолюбие избирателей было этим оскорблено, и в отместку они голосовали за консерваторов, которые щадят в голосующих их человеческое достоинство и не закабаляют тисками.

Нечего говорить, что "свободолюбивые" органы жидо-масонской печати всего света изливают потоки желчи и грязи на бельгийское правительство, а особенно на премьер-министра Броккевиля, твёрдому и разумному руководству которого многим обязан исход кампании. Газеты "Petit Bleu", вдохновляемая масоном Маркэ, содержателем игорного дома в Остенде, и "Derniere Heure", издаваемая жидом-банкиром Маем, задают тон в хоре нападок на "реакционно-клерикальное" правительство, возбуждая членов социал-масонского блока к открытому восстанию и междоусобной войне. Предводитель социалистов и в то же время масон высшего посвящения, Вандервельде для вида старается сдерживать страсти, но под рукой выпускает приказ добиваться пересмотра конституции и изменения выборного закона в смысле предоставления каждому избирателю только одного голоса.

Однако, можно с уверенностью сказать, что никакими мерами не заставить бельгийца голосовать за либералов, раз при этом грозит опасность религии. Выборы ясно показали, насколько преданность христианству сильна как во Фламандских, так и в Валлонских округах Бельгии. Тридцать лет масонской и социалистической пропаганды, даже среди фабрично-заводского населения, разбиваются в прах об организованное и подготовленное к борьбе духовенство. В этой организации урок не только социалистам и масонам, но и всем националистам, желающим победы над угрожающей от жидовства опасностью. (В. Океании.)

Примечание редакции. *Победа в бельгии монархистов потому-то и нагоняет трепет на русских иудеев, что они понимают, к чему может привести участие и нашем духовенства в выборах. Но чем более они скрежещут зубами, тем очевиднее, что духовенству следует приложить все усилия, чтобы в Думу провести русских, верующих людей, а не жидовских наёмников под кличками гучковцев, ка-дэков, эс-дэков, "прогрессистов" и т.п. Всё это ягоды одного поля, удабриваемого жидовским золотом.* ("Земщина", 29 мая 1912 года, № 998).

3. Евреи в Финляндии. Количетво евреев в Финляндии с каждым годом увеличивается, что начинает серьёзно заботить финляндское общество.

"Окраины России" приводят следующий отзыв финляндцев но поводу этого злободневного вопроса.

"Постоянные недоразумения, возникающие вследствие того, что евреи проживают к стране без надлежащего на то разрешения, бросают тень на нас. Между тем, в этих недоразумениях виновны не наши должностные лица, а упрямство самих евреев, не желающих подчиняться установленному порядку.

Согласно нашему законодательству в этой честной стране собственно не должно быть ни одного еврея, а между тем, они массами приезжают и селятся здесь. Происходит это легко, следующим образом. Согласно закону о паспортах, евреи, проникая сюда в качестве "путешественников", получают от губернатора свидетельство, в силу которого им даётся право оставаться в стране на некоторое, весьма непродолжительное время. Получив разрешение лишь на временное пребывание в стране, евреи остаются здесь на постоянное жительство. В большинстве случаев они просят от сената надлежащее на то дозволение, но случается, что они и этого не хотят делать. Они надеятся на то, что местные власти будут смотреть на них сквозь пальцы, боясь шума, который мог бы подняться и здесь, и в Европе, в том случае, если бы евреи были изгнаны из страны "единственно из-за своей религии". В результате сюда с каждым годом всё больше и больше собирается евреев. Среди таких условий освободиться от тех евреев, которые уже поселились в стране, нам, конечно, никогда не удастся.

4. Разумный проект. В Баварский парламент внесено консервативным депутатом Бэкком предложение просить правительство принять меры против переполнения мюнхенских высших технических училищ иностранными студентами, особенно жидами из России. Несмотря на то, что в последнее время плата за право учения повышена именно для иностранцев, жиды из России всё таки лезут в таком числе, что совершенно не дают заниматься германским студентам, для которых, собственно говоря, и учреждались эти училища. Комментируя это заявление, газета "Kreuz Zeitung" говорит: *"Допуск в высшие школы иностранцев, таких как австрийцы, швейцарцы, русские, несомненно, должен быть оставлен свободным, как и прежде. Но именно "так называемые русские", а на самом деле жиды, и создали вопрос об ограничении их допуска. Это самый нежелательный элемент, обуза для каждой высшей школы и совершенно неподходящая компания для германского юношества. Эти гости, которых когда-то князь Бюлов назвал "мятежниками и заговорщиками", привыкшие на родине заниматься революционными смутами, вносят и в германское студенчество свою тлетворную заразу, не только высшим школам и не одной Баварии, а всей Германии, всему государству необходимо озаботится мерами, чтобы внедрение "так называемых русских" было ограничено до самых крайних пределов".*

Увы, эти бациллы моисеева закона такого рода, что от них ни крестом, ни

пестом не отделаться, а при покровительстве набравших и в Германии силу масонов, разумеется, благое пожелание баварских консерваторов гак и останется гласом, вопиющим в пустыне. (“Земщина”).

5. Германия. В то время как зачарованные и подкупленные жидовскими раввинами и масонскими главарями десятка три германских шабесгоев выступили по поводу дела Ющинского со своей смехотворной защитой жидовства, коренное германское население совершенно иначе проявляет своё отношение к этой международной язве. Вот что сообщает “Kreuz Zeitung”:

“В Берлине организовался союз для борьбы с. жидовским засильем. В воззвании, выпущенном советом этого важного союза говорится: “Во *вех областях жизни Германии жиды планомерно, организованно и систематически работают над оттиснением и порабощением германцев. Не* только *в политике, и в области экономической, но и в литературе, искусстве, науке — всюду чувствуется* засилье *жидовства. Доходят притязания жидов до того, что они требуют допуска их в офицерский корпус германской армии, этот оплот монархии и защиту государства! Между тем, жидовство по своим свойствам диаметрально противоположно германскому духу. “Если, — как говорит Вагнер, германец фанатик идеи в самой себе, то жид наоборот из всякой вещи прежде всего стремится извлечь прибыль”.*

Нечего говорить, что такие взгляды, усердно проповедуемые жидами, грозят совершенно разложить душу германцев и ввергнуть их в чисто жидовский цинизм и материализм. Лживые, незвучные слова жидов о равноправии и человечности сбивают с толку многих и они, сами того не сознавая, идут под иудейское ярмо. Последние выборы в рейхстаг, прошедшие под несомненным давлением жидовства, показывают к какой антипатриотической и антигерманской политике можно придти с такими вождями. Для неотступной борьбы с заполоняющим Германию жидовством, для разъяснения германцам жидовских хитростей и конечных целей, для разоблачения нависшей над Германией опасности и создаётся союз против жидовского засилья”.

По сообщению газет, членами союза записалось уже свыше 3.000 человек. Главными руководителями являются:

Профессор Берлинского университета Гентиг, профессор барон Ф. Лихтенберг, д-р Гергард Кропачек, писатель Бюргер-Пиллинген, д-р медицины Галлиес, отставной полковник Дисц Ф. Байер, писатель И. Никкель, граф Эрнсте-цу-Ревентлов, капитан Шейберт, санитарный советник д-р Штилле, председатель союза Объединённой Германии фон-Штранц, председатель германского союза гимнастов Гульбир, председатель германского народного студенческого союза, студент философии Грауенберг, председатель союза бывших членов вышеназванного союза Кубе и много других писателей, учёных и художников.

Особенно знаменательно, что против жидовства выступила и одна из значительнейших студенческих корпораций.

Если уже германцы, среди 50 миллионов которых успел натворить бед один миллион жидов, заволновались не на шутку, то можно себе представить, как бы они приняли те семь миллионов жидов, которые ежечасно штурмуют нашу Родину. (“Земщина”).

6 Австрия. При всём том значении, какое успели захватить равноправные австрийские жиды в монархии Габсбургов, им до сих пор не удавалось осилить тесно сплотившихся венских городских выборщиков и пробраться вновь к столичному самоуправлению. Теперь, в виду предстоящих через месяц выборов, вся жидовская и масонская печать усердно рекламирует своих кандидатов-жидов, идет самая горячая агитация в их же пользу, чернятся изо всех сил христианские деятели. Но и последние, как сообщает венская “Post”, не остаются в долгу. Они выпустили весьма энергичную прокламацию против жидов, характерную по резкости выражении.

“Долой жидо-либералов, долой жидо-социалистов! Дерзко поднимает сою *голову гидра масонства, либерализма и социализма, вдохновляемая жидовством, задумавшим нанести смертельный удар христианскому народу в Вене! В одном из предвыборных жидовских собраний слышались уже возгласы: “долой христиан!”*

Неужели германский христианский народ допустит, чтобы *обнаглевшие жиды наносили ему такие оскорбления в его же родном городе? Этот дерзкий вызов да послужит сигналом к решительной, беспощадной борьбе с жидовством!*

Долой жидовское засилье! Долой жидовскую печать! Долой жидовский капитал!

*Вызов христианам бросают представители той именно расы, о которой великая императрица Мария Терезия говорила, что не знает более опасной для страны чумы, как эта нация ростовщиков и мошенников. В свою очередь Лютер выразился о них: “Der Jude ist nicht ernDeutscher, sondem егп Tauscher nicht ein Welscher, sondem ein Falscher, nicht em Burger, sondem ein *Wurger”. Он же говорил: “жиды — кровожаднейший и мстительный народ из живших на земле”. Кант называет их нацией прирожденных воров. Сам жид и социалист Лассаль писал, что “рабочее движение должно идти вне зависимости от капиталистов и жидов, так как, если эти господа вмешаются в дело, то будут преследовать исключительно свои личные интересы”.*

Другой известный жид, Блумберг-Монтефиоре, сознавался, что пресса захвачена жидами для того, чтобы обманывать народы и натравливать их друг на друга.

Массы гипнотизируются жидовской софисткой и разнузданностью языка поносящего всё, что дорого христианину”.

Заканчивается прокламация страстным призывом:

“Ни *одного голоса жидо-либералам! Ни одного голоса жидо-социалистам! Братья, разорвите оковы постыдного, экономического и духовного, жидовского*

рабства! Сохраните свободную, германскую, христианскую Вену!"

Такая необычная даже в борьбе христианских партий между собой страстность и резкость ясно показывает, что жиды допекли и немцев. Как и везде, пресловутое равноправие своё они понимают исключительно, как влезание на шею приютившему их народу-хозяину.

Поэтому и борьба с ними допустима всеми средствами, как с вредными паразитами, а не как с достойными противниками. ("Земщина")

7 Франция. Тюрьма на пользу. В социалистических и анархических кругах Франции вызвала крайнее смущение только что появившаяся клип известного антимилитариста и редактора анархической газеты "La Guerre So ciale" Эрве, сидящего теперь за свои статьи в тюрьме.

Новая книга, озаглавленная "Mes Crimes" ("Mon преступления") начинается покаянием Эрве в своей прежней антипатриотической деятельности. Он совершенно разубедился в истине социализма и даже радикализма. Тактику социалистов, объединившихся в рабочий союз и держащих под постоянным страхом общество и государство, он считает явно и совершенно ошибочной и гибельной для самих же рабочих. По его мнению, положение во Франции напоминает теперь 1851 год перед Наполеоновским переворотом. Общество утомлено диктатурой и террором рабочих и мечтает о крепкой сабле. На родные массы не верят уже республике и не надеются на ее защиту. Опять возвратится цезаризм, и в этом единственный выход.

Такие изменения в мыслях опаснейшего демагога произвело годичное размышление в тюремном уединении. Что же заговорит этот бывший анархист, когда отсидит полностью свои четыре года?...

8. Рабочие прозревают относительно сынов Иуды. Теперь уже и еврейская печать перестаёт скрывать от себя тяжкую опасность, грозящую Израилю.

"Красная юдофобия" во Франции расцветает столь пышным букетом, что только слепые могут не придавать ей глубочайшего общественного и политического значения.

Так ещё недавно говорили об антисемитизме французских прогрессистов. Но вот прошло несколько недель и оказывается, что "болезнь" углубляется, расширяется и проникает не только в социалистические, а и в анархические кружки. Показывая, что всему, даже еврейскому издевательству, должен быть конец, этот социалистический антисемитизм (кто бы поверил такому неожиданному "смешению понятий" несколько лет тому назад?) носит признаки самого резкого, беспощадного, исполненного ненавистью и презрением, фактически обоснованного убеждения. Во всех статьях социалистической печати Франции против евреев заметно не только чувство органического отвращения к "жидам", но сознательная, обдуманная и тем более внушительная оценка их личных и общественных свойств.

Так, например, революционно-синдикалистский орган "Terre Libre" устами Эмиля Жанвиона, бывшего секретаря главной конференции труда, говорит о евреях не иначе, как с пеной у рта. Он даже не удостаивает их названия евреев, а именует самой оскорбительной кличкой "ioutre", т.е.. приблизительно — грязный, гнусный жид. Ругая еврейских богачей и буржуев, он не делает исключения ни для рабочих, ни для социалистов, ни для революционеров-иудеев. "Смерть жидам — этим беспощадным врагам всего честного, живого, полезного и добродетельного!" — восклицает он. Не отстаёт и марксист Миренс, член социалистической, парламентской партии. "Для жида, — пишет он, — сердце является решительно ненужным и даже стесняющим органом. Те чувства, которые делают человека способным на самые великодушные акты, жидом рассматриваются как признаки слабости. Единственная цель жида — обманывать, красть, грабить из любви к тому золоту, которое позволяет ему торжествовать и властвовать над капиталистической плутократией"... Ещё более категоричен социалит-революционер и анти-милитарист Мерик, пользующийся репутацией одного из даровитейших публицистов Франции. Он выступает против евреев в таких радикальных органах, как "La Guerre Sociale" и "Les Hommes je Jour". Не смущаясь своей принадлежностью к самым крайним политическим партиям, он обрушивается на "жидовскую саранчу", которая под видом драматургов, актёров, журналистов, романистов осела на французские нивы, безжалостно опустошая их. "И что же? — восклицает он в негодовании, — мы, свободомыслящие и революционеры, мы разрушили Рим, т.е. католицизм, для того, чтобы падать ниц перед Иерусалимом? Мы не смеем рискнуть малейшим намеком без того, чтобы нам не закрыли рот идиотской кличкой "антисемит". Что же, если это так, то пусть. Меня это не стесняет... .Эта "угнетенная" расса старается теперь захватить реванш у вырождающихся народов"... Красной нитью через все эти заявления социалистов-антисемитов проходит негодование против еврейской эксплуатации не только в частной, а и в государственной жизни Франции. "Еврейская биржа" — вот кто является деспотическим властелином судеб Франции, по откровенному признанию социалистов, начинающих проникать в тайны "свободного" режима республики.

Люди, доселе отрицавшие патриотизм и национализм, как пережитки давно прошедших времён, вдруг загораются огнём ненависти против "чужеземцев-паразитов, оскверняющих прекрасное тело Франции, высасывающих её лучшие соки и растлевающих своим тлетворным дыханием её духовные ценности"... Можно подумать, что все эти мысли и выражения заимствованы из нашей правой печати или высказываются французскими монархистами, а не теми людьми, которые до сих пор были связаны неразрывными узами с еврейством и считали прогресс немыслимым без самой широкой терпимости к иудеям...

Что же произошло, чтобы в социалистических кругах учинилась столь яркая метаморфоза? Чем объяснить ересь, которая, что особенно знаменательно, не вызывает даже раскола в партии? Очевидно, у неё так много сторонников, что откалываться некому, и переоценка ценностей в самых основаниях социалистического катехизиса не возбуждает ни в ком негодования...

Тем характернее поведение наших жидолюбов. Не говоря о том, что они делают секрет из социалистического юдофобства во Франции, они с особенной тщательностью следят за тем, чтобы у нас в России не появилось самостоятельности в оценке еврейского вопроса. Никому из прогрессивно мыслящих не дают слова вымолвить против иудеев, — сейчас же начинается травля. Пока что эта система запугивания действует и освободительство шествует в поводу у Израиля. Но времена переменчивы. И у нас уже нарождаются социалисты-революционеры народники, поднимающие голос против сынов Иуды. Думается, что чем беззастенчивее и наглее будут действовать наши Гессены и Винаверы, тем скорее оформится и созреет общественный антисемитизм в России!... (“Земщина”).

Г. Евреи и С.Ю. Витте

I. Раньше, чем перейти к уничтожению Северной Америкой, по требованию евреев, торгового договора с нами и в виду того, что этот факт является в сущности лишь продолжением бунта 1905 года, так как равным образом клонится к достижению еврейского равноправия, необходимо остановиться, хотя бы в сжатых словах, на том влиянии, которое оказал С.Ю. Витте на укрепление и развитие дерзновения сынов Иуды в России.

II. Дело в том, что со дня убийства Плеве кагальная пресса не переставала мечтать о Витте как премьере. Когда же он прошёл и этот путь, следует сознаться, до жалости неудачно, и двойственной игрой приобрёл всем известную репутацию, а затем облагодетельствовал нас Портсмутским договором, он, как говорили, временно ушёл на отдых. Возвеличенный же и превознесённый еврейством с немалой казенной субсидией, он отбыл на тёплые воды, но не успел ещё пройти заслуженного курса в Аахене, как иудейские газеты подхватили пущенный “Биржевыми Ведомостями” слух, что “граф” снова призывается к управлению Россией.

Соскучились евреи по нему!...

Ещё бы!... Деятельность Витте как властного министра финансов золотыми буквами должна быть записана в анналах Израиля. Никто, по-видимому, не обращал до сих пор внимания на следующее.

У нас действует закон о черте оседлости, и хотя сквозь её плотину иудаизм просачивается внутрь России, однако, проделывает это с оглядкой. Между тем, когда наступил 1905 год, то, к общему изумлению, еврейство оказалось не только расселённым по всему, пространству Русской земли, но и везде провозгласило свое господство. Мало того, что кагал окрасил в иудейские цвета сам ход революции, он успел выдвинуть повсеместно будущих начальников отдельных частей управления, начиная с казначеев, полицмейстеров, губернаторов, генерал-губернаторов и вплоть чуть ли не до самих министров. А что касается трагикомедии выборов в государственную думу “народного гнева”, то кто же усомнится в их оркестровке, проведении и завершении под командой и для сатанинской потехи “избранного народа”?...

III. Кагал злорадствовал и торжествовал, когда мы невыносимо страдали в Маньчжурии. Под коварной ложью освободительного движения он пропагандировал социализм и устраивал союзы, стачки, съезды, митинги и забастовки, даже в арсеналах, на оружейных и артиллерийских заводах, на железных дорогах, почте и телеграфе, в самые опасные моменты борьбы, когда уже стояли на карте честь и слава России. Плутуя в интендантстве и на бирже, кагал, предумышленно и невероятно обогащался сам и в то же время лишал нас возможности продолжать войну за недостатком средств, а через дикий разврат учащейся молодёжи и корабельных команд или путём таких событий, как 9 января 1905 года в С.— Петербурге, рассчитанных на деморализацию маньчжурской армии, куда всё это, — еврейской же прессой и передавалось в извращённом и гнуснейшем виде, искал беспросветного для нас позора. Проповедуя свирепую ненависть и превознося революционный террор, вероломная, иудеями же натравливаемая печать перешла последние границы государственной измены среди самых страшных испытаний, ниспосланных нашей родине, да еще имела бесстыдство обвинять правительство в нарушении и в поругании свободы. После же 17 октября 1905 года сыны Иуды перешли, кажется, всю меру злодеяний, когда-либо ими совершённых, и сверх того, по завету талмуда, требовали содействия у того самого правительства, ниспровергнуть которое стремились. В случае же невозможности для самих представителей власти устранить последствия иудейского безумия, они неистовствовали в домогательствах уголовного суда для её защитников... Наполнив тюрьмы людьми, доведёнными до отчаяния издевательствами кагала, перепуганные им чиновники успели, однако, и сами набраться такого холода, что затем в “кадетском” триумфе на законодательных, с позволения сказать, выборах, что называется, и пикнуть не смели.

Параллельно с этим, 2-9 апреля 1905 года на тайном съезде в Париже социал-революционной и социалистической польской партий, армянской революционной федерации, финской партии активного сопротивления, грузинской федералистко-революционно-социалистической партии, латышского социал-демократического союза и белорусской социалистической громады было решено: *пользуясь двумя беспощадными войнами — внешней и внутренней, терзающими ныне Россию, — свести полный, окончательный расчёт с умирающими силами Самодержавия, а затем, достигнув общими усилиями главной цели, уже каждой отдельной партии преследовать свои частные задачи.*

В изданных съездом прокламациях, за подписями главенствующих бунтарей, была провозглашена *необходимость через общее вооружённое восстание добиться низвержения Династии и захватить власть в руки учредительных собраний “самоопределяющихся” национальностей, скованных теперь автократией, как каторжники одной цепью...*

Надо ли пояснять; что съезд происходил по наущению всемирного кагала?

Стоит ли вновь напоминать, что рядом с Азефом, участвовал главарь кадетов Милюков? Следует ли, наконец, указывать, что, под видом использования примера Англии, организация выборов в русскую государственную думу была редактирована окружавшими Витте евреями с расчетом на угнетение русского народа и на разложение, если не на погибель, его государственного бытия, другими словами, так, как это ни в Англии, ни где бы то ни было не допускалось никогда, да и произойти, очевидно, не может.

IV. Чем же это, по крайней мере, в значительной степени, мотивируется?

Иудейскими связями и симпатиями Витте.

Окончив в 1871 году курс в Новороссийском университете по математическому факультету и ничем решительно не выдаваясь, он в последствии проявил, тем не менее, как уверяла еврейская пресса, чрезвычайные дарования именно в области наук государственных.

Откуда сие?... Непонятно, если устранить наставления корифеем "угнетенного племени" наряду с иудейской же рекламой.

Если в молодости Витте был обласкан еврейской семьёй Рафаловичей в Одессе и определён на службу в управление юго-западных железных дорог, где, между прочим, сподобился титула "герцога Тилигульского" за катастрофу с воинским поездом, происшедшую от разрыва насыпи через речку Тилигул. Сколько помнится, Витте был тогда начальником движения, а в Каменец Подольском окружном суде даже производилось дело...

Преуспевая, вопреки этому, под покровительством иудейского банкира Блиоха, на железнодорожной службе, Витте по рекомендации Вышнеградского перешёл в С. Петербург директором тарифного департамента, а затем с головокружительной быстротой сделался министром путей сообщения, женился на еврейке и вскоре стал министром финансов.

Нефть на Кавказе, железо и уголь на юге России, золото в Сибири, монополия государственных займов, кассы государственного банка, учёт и репорт, драгоценные заказы казны, миллионные вспомоществования, необузданное грюндерство, — все, одно за другим, переходило в распоряжение "избранною народа". Отказывая в средствах даже на низшие школы для русских детей, Витте способствовал увеличению, а то и отмене нормы для евреев в русских же учебных заведениях, с другой же стороны, разрешал и поддерживал коммерческие либо иные училища для сынов Иуды, наделяя их правами, выдавая субсидии и открывая тем кагалу двери настежь по всей России. Вообще заботливость С.Ю. Витте о благоденствии евреев "заставляет вспоминать о временах Мардохея..." Если заслуги г. Витте в этом направлении ожидают ещё своего бытописца, то русский народ уже постановил свой приговор. А если настоящее обозрение, поневоле краткое, далеко не исчерпывает картины событий, то заслуженная Витте "популярность" в Русской земле достаточно сама за себя говорит.

Всемерно расширяя средства и силы еврейства, г. Витте действовал не только в положительном, а и в отрицательном направлении, через обездоливание русских людей. Не касаясь введения золотой валюты, против чего был и государственный совет, равно как не затрагивая переобременения России налогами, а затем и многого другого в его финансовых операциях, господство Витте кроме нищеты народного образования, должно быть отмечено распродажами, а то и просто раздачами массы государственных имуществ иностранцам и наоборот, совершенным пренебрежением к нуждам сельского хозяйства в России, т.е. к главной отрасли народного труда и единственной сфере, где, испытывая универсальный гнёт евреев, русский человек не встречал, по крайней мере, конкуренции иудейской, ибо по талмуду земледелие как презреннейшее из занятий, недостойно величия Израиля...

V. Обращаясь при этих условиях к Портсмутскому договору, мы прежде всего не можем не отметить тех лютых восторгов иудейской прессы, какими сопровождались и прибытие С.Ю. Витте в Америку, и его свидание с главарями "Б'най Брифа" Штраусом, Шифом и Зелигманом и, наконец, "триумфальный" исход его миссии. Да и как было израильтянам либо их соплеменнику Рузвельту не торжествовать, когда, утратив половину Сахалина, т.е. подвергнувшись даже унижению раздела своей территории, мы сверх того явились предметом забавы для сынов Иуды, когда, будто бы отвергнув уплату контрибуций, приняли, однако, ужасную "XI статью".

Этот подвиг г. Витте достоин нарочитой похвалы. Так как благодеяние и восторги "освободительного движения" ведут своё начало главным образом от японских "войны и мира", то не мешает, в заключение, ещё раз порадоваться "патриотическим" деяниям нашего иудаизированного премьера и вероломного "освободителя..."

По поводу XI статьи Портсмутского договора. Нам прислан с Дальнею Востока листок, распространяемый там в виде прокламаций и заслуживающий особого внимания. Он озаглавлен: "Как граф Витте барона Комуру перехитрил?" и весьма ярко освещает последствия "гениального творения" в Портсмуте "русского Кавура".

Если даже предположить, что экономическая часть этого листка, где говорится, между прочим, будто Япония получила "сумму, по сравнению с которой контрибуция, уплаченная Францией Пруссии, будет ничтожной"...[67], отчасти преувеличение, отчасти же отвод глаз "почтеннейшей публике", то всё-таки остаётся часть стратегическая, которая может заставить призадуматься всякого человека, не считающего патриотизм "чем-то отвратительным". Если, не имея ещё никаких законных прав на азиатском материке, японцы успели его исследовать для целей войны, то что же сделают они в этом самом направлении, располагая официальным pied a terre'ом по всему нашему побережью от

[67] Выгоды от права рыбной и звериной ловли у русских берегов Великого океана.

Владивостока[68] до Берингова пролива!

Если морем удавалось провозить оружие в Финляндию под носом у балтийского флота, то какие же запасы можно выгрузить на тихоокеанском побережье, для надлежащей охраны которого не хватит никакого флота?

Если в войне, имеющей разразиться на Дальнем Востоке, окажется, что японские войска даже не нуждаются в подвозе припасов со своих островов, пусть никто этому не удивляется, так как это положение создано нами же или, вернее, нашим попустительством.

Много ещё неожиданных для нас последствий может иметь это пресловутое "Портсмутское действо", столь позорно закончившее отчаянную Дальне-Восточную авантюру!...

Присланный нами листок представляет речь графа Катцуры, сказанную вожакам японских партий. Он помечен 6-19 октября 1905 года и гласит так:

Как граф Витте барона Комуру перехитрил? *"Славные сыны великой страны восходящего солнца, поздравляю вас с большой победой! Сегодня мирный договор Русским правительством ратификован. Что мы одержали в Портсмуте победу, вы поймете, когда я кончу, а пока воздержитесь от выражения своих мнений. Я очень хорошо знаю, что даже у нас, в Японии, есть много людей, думающих, будто в Портсмуте мы потерпели поражение, что этот мир для нас невыгоден, даже позорен. Народ японский протестует против заключения мира и притом столь серьёзно, что я вынужден объяснить действия правительства, несмотря на то, что подобное разъяснение может принести тяжёлый вред нации, преждевременно разоблачая наши планы и виды на будущее.*

То, что я вам скажу сейчас, никто посторонний слышать не должен, да и вы узнаете только потому, что молчать больше нельзя, ибо народное недовольство возросло до чрезвычайных размеров и грозит революцией. Отечество в опасности. Поэтому, усвоив из всего, что я скажу, насколько благодетелен для нас этот "постыдный" мир, вы, вожаки партий, должны помочь правительству и, пользуясь своим влиянием, можете убедить народ, что этот мир и что в нём победа, и не над одной только Россией, а и над всей Европой, как и над Америкой, признавшими наше право на участие, в решении мировых вопросов.

Этот мир дал нам Азию, дал возможность торжества идеи панмонголизма Вы от лица народа спрашиваете, почему мирные, переговоры в Портсмуте велись втайне? Да потому, что это давало нам неизмеримый перевес над русскими. Война лишь — средство, цель — мир. Ещё пять лет тому назад был составлен проект мирного договора с Россией. Проект этот обсуждался выдающимися умами Японии и был ими разработан до мельчайших деталей, предусматривающих все возможные случайности при переговорах. Наши уполномоченные хорошо знали те цели, которые они должны были достигнуты, знали и то, каким путём это сделать легче. Они были основательно подготовлены и явились на переговоры во всеоружии, тогда как ни Россия, ни русские уполномоченные вовсе не были готовы к миру. Противниками барона Комуры выступали люди, нами намеченные, изученные и подготовленные, он же был для них трудной загадкой, а потому борьба ему не была особенно тяжела. Её заранее облегчили, замаскировав главную цель мира и войны так тщательно, что только посвящённый мог бы её заметить. Сами условия дипломатической борьбы были созданы нами, и были наивыгоднейшими для Японии. Отсюда являлось необходимым, во что бы то ни стало сохранить такие преимущества и устранить возможность вмешательства дружественных России, неизвестных сил, способных раскрыть наш план или же помешать его исполнению. Именно для этого требовалась изоляция уполномоченных, и она была применена. Они явилась залогом нашей победы и принесла её; дала нам желанный мир, и гораздо больше, чем мы ожидали.

Строго говоря, нам нужно было лишь то, что мы получили по XI статье договора, а всё остальное только прибавка к основной цели войны-мира. XI статья дает нам всё: и баснословную контрибуцию, и громадную территорию на материке... По этой статье, мы вправе участвовать в эксплуатации богатейших звериных и рыбных промыслов по всему побережью Тихого океана от Владивостока до Берингова пролива. Доходность же промыслов так велика, что в течении пяти лет она может покрыть все наши внутренние и внешние займы. Под обеспечение этими промыслами, наши кредиторы уже открывают кредит и на очень выгодных условиях.

Следовательно, всё то, что нам могла бы дать какая угодно контрибуция, мы получим по этой статье и, вдобавок, при условиях наиболее благоприятных для нас. Право участия в ловле бессрочное, и, таким образом, принося нам громадный доход, упомянутая статья делает этот доход постоянным, что для государственного бюджета имеет значение несравненно высшее, чем единовременная контрибуция. Тем более, что последняя может выразиться совсем не в том, что нужно. Франко-прусская контрибуция вместо ослабления Франции вызвала возрождение и усиление, потому что она чувствовалась каждым французом, как "дурацкая пошлина", платимая за былой антипатриотизм. Мы этой прусской ошибки не повторяем: постепенно, не раздражая народного самолюбия России, почти неизменно для неё, мы получим такую сумму, в сравнении с которой сумма, уплаченная Францией Пруссия, окажется ничтожной...

Не разграниченное право участия в ловле даёт возможность более сильному участнику захватить в свои руки большую часть промыслов на самом законном основании. Но ведь именно мы явимся сильнейшим участником, благодаря обилию предпринимателей и капиталов с нашей стороны и особым поощрительным мерам, проектированным для привлечения рыбопромышленников, тогда как русских предпринимателей почти совсем нет,

[68] Исследуемого, между прочим, с завидной, чисто японской настойчивостью.

а обращающиеся там русские капиталы так ничтожны, что серьёзно считаться с ними не придётся, и заставить их работать на нас же будет очень легко.

Означенным путём все рыбные и звериные промыслы русского тихоокеанского побережья, являющиеся баснословным, неисчерпаемым источником дохода, фактически окажутся в наших руках, а доход этот откроет нам возможность нести внешнюю политику в самых широких размерах и обеспечит за нами право решающего голоса в азиатских проблемах.

Независимо от этого, по русским законам право промысла в прибрежном водном пространстве связано с правом пользования прилегающей береговой полосой. Стало быть, захват нами всех промыслов влечёт за собой и захват всей береговой полосы на самом законном основании.

Таким образом, России окажется вовсе оттеснённой от Тихого океана.

Право ловли бессрочно, значит, и само право пользования береговой полосой также будет бессрочно, а, следовательно, считаясь русской территорией, береговая полоса фактически станет нашей собственной, где мы можем заниматься исследованием и подготовкой почвы для дальнейшего поступательного движения в глубь азиатского материка, наводнив и эту полосу под видом рыбаков всякого рода специалистами. Помешать переходу их за межу береговой полосы Россия не будет иметь возможности значит у нас явиться возможность обстоятельно исследовать всю Восточную Сибирь, которая отныне должна явиться объектом нашей внешней политики.

Мир, заключенный в момент наивысшего возбуждения народных масс, будет иметь гибельное влияние на внутреннюю жизнь России. Силы, вызванные к жизни войной и не израсходованные на неё, станут искать выхода внутрь. Сильное народное раздражение, неразумно остановленное, и отклонённое от естественного пути, вызовет внутренние беспорядки чисто стихийного характера. Беспорядки эти в связи с борьбой партий, тянущихся к власти в созываемой Государственной Думе, свяжут Россию и по рукам, и по ногам. Всё её внимание будет сосредоточено в центре, и мешать нашим операциям на окраине никто не будет... Достаточно подготовив почву для новой войны с Россией, за её восточную окраину, мы можем под видом рыбаков заблаговременно высадить солидный десант, и, найдя какое-либо нарушение наших прав, что сделать будет очень легко, благодаря неразграниченности права участия в промыслах тихоокеанском побережья, мы скоро подберём случай объявить России новую войну.

Очевидно, что, принеся нам чрезвычайные выгоды, дав всё, чего мы искали в этой войне, и, наоборот, учинив России неисчислимый вред и ослабив её, Портсмутский мир подготовил и её поражение в будущей войне. Для нас он является лишь перемирием, которое создаёт возможность укрепиться за счёт России и набраться сил для новой войны...

Отсюда, все, кто хочет своей родине добра, должны заботиться об увеличении этих сил путём объединения, а не ослаблять их внутренними раздорами и междоусобицами... Россия побеждена исключительно потому, что она разделилась на части, а мы победили только потому, что все были заодно, что все мы шли к одной цели, хотя и разными дорогами...

Так будем же все одно, и заодно, и нашим девизом да будет клич: "Банзай, Ниппон!"...

Если это и апокриф, т.е. если Катцура такой речи и не держал, надо всё таки признаться, что основная мысль японских политиков выражена здесь близко к подлиннику.

Для нас не представляет больших сомнений, что эти предсказания сбудутся. Революция и политиканство в Думе так отвлекут наше внимание от Дальнего Востока, что японцы действительно заберут Восточную Сибирь голыми руками... ("Русское Дело", статья С.Ф. Шарапова).

Занося изложенное в счёт подвигов С.Ю. Витте пред русским народом", мы не имеем права удивляться. Так должно было произойти, ибо никакой "враг отечества" не мог действовать иначе, являясь новичком в дипломатии и будучи лишён дружественных нам советов "всемирного кагала"...

VI. Давно сказано, что сыны Иуды, как шарики ртути, разлитой по столу, бегают и суетятся, как будто чуждые друг другу, но при малейшем толчке извне, они мгновенно сливаются в одну лужу этого ядовитого металла. Так было и в 1905 году, когда толчок был дан Японией. Отсюда, и принимая во внимание, что, как полагал ещё Бисмарк, *нельзя было бы понять, для чего созданы Иеговой евреи, если не для того, чтобы они служили шпионами,* а с другой стороны, имея в виду, что в Англии, японской союзнице, евреи уже открыто правили через лорда Вениамина д'Израэли, стало быть, нет здесь для них секретов, надлежит заключить, что и такие "старейшины многострадальной синагоги", как юркие главари Б'най Брифа, были осведомлены, в состоянии ли Япония продолжать войну, что, впрочем, от них же самих, как крупных кредиторов, не мало зависело, т.е. каковы, следовательно, её наименьшие требования? В свою очередь, будь С.Ю. Витте государственным человеком такой проницательности, какую ему приписывали, пред ним стоял бы повелительный долг ориентироваться среди всезнающего Израиля во имя достоинства собственной родины.

Увы, сего отнюдь не усматривается...

VII. Независимо от сказанного, ещё гораздо раньше, вступая на пост министра финансов, он, быть может, и повинен был сохранять добрые отношения с еврейством, но из сего не следовало, что нужно Россию отдавать ему в полон. С.Ю. Витте имел возможность и обязан был понимать, что такое сыны Иуды, и не давать им воли, а значит, прежде всего, не обогащать их.

Твёрдое, как скала, убеждение, что они будут владеть миром, никогда не покидало евреев. *"Преувеличенная вера в особое Провидение,* — говорит Ренан, — *составляет основу иудейской религии".* В прошлом — чудеса Божии на пользу Израиля, а в будущем — ожидание Мессии и универсальное владычество.

Таковы два, взаимно дополняемые элемента воззрений иудейства на историю. Отношение евреев к Богу с самого начала было узко политическим. Брама индийских мудрецов, бесспорно, — высшая религиозная идея, когда-либо существовавшая. Наоборот, идея — “Бог есть любовь”, не встречается ни в одном, чисто еврейском сочинении, ни в каком периоде[69].

Стяжание, а не идея руководить владыкой золота — кагалом. Он не способен выносить жизнь без денег. Еврей повсюду — на бирже. Его право — эксплуатация чужого права. “Ни стыда, ни жалости!” — таков иудейский девиз. “А *когда еврей либеральничает, — кому-нибудь придётся плакать!...”* — справедливо заметил Люэгер. Еврей — биржевик по натуре, по своему историческому складу и преемственности ума. Ничем иным он никогда не являлся и быть не может. Солидная фирма или несолидная, но раз она еврейская, она психологически не в силах удержаться ни от денежного тщеславия и азарта, ни от мстительного направления своих операций. *“Кровопийство бедности” и “министерство голода” — вот иудейские лозунг и пароль. “Деньги и революция” — начертано на скрижалях этого презренного народа!”* — заметил уже Веспассиан в 69 году по Р.Х.

Нынешние невзгоды в России — иудейская биржевая игра.

VIII. Сотни тысяч вёдер крови пролил Наполеон... А сколько же пролили и ещё прольют сыны иуды, распропагандировывая “сознательных пролетариев”, стравливая классы общества социализмом и синдикализмом, а народы и государства обездоливая бунтами и войнами. “Мало!”... кричали иудейские ставленники в первой Государственной Думе пред мартирологом должностных лиц, убитых из браунингов и растерзанных бомбами. “Героями и мучениками” публично именовал политических убийц еврейский адвокат в Киеве Маргулиес. Другие евреи в Государственной Думе вопили о том же на всю Россию, угрожая, что злодеяниям не будет конца, пока Израиль не получит равноправия, да ещё вместе с этим требовали не только отмены смертной казни, но и полной амнистии для подстрекаемых ими злодеев.

“Голодранци всих краев, сбирайтеся до купы!” — такова малороссийская формула проклятия Мардохея Маркса потомкам Гонты и Железняка. Когда в прибалтийском крае забунтовали латыши, то их коноводом в Риге оказался жид “Максим”, он же Наполеон. Далее, наряду с пойманным затем в Пермской губернии фармацевтом, евреем Эпштейном, фабриковавшим бомбы для вооруженного восстания в остзейском крае, где было сразу основано семнадцать республик, примером “освободительного подвижничества” сынов Иуды может служить и факт поимки при взрыве на Аптекарском острове 12 августа 1906 года аптекарского помощника еврея Вейдемана... Таковы, в частности, результаты фармацевтического образования евреев в России. Рекорд же иудейской благодарности за медицинский диплом был побит Лейбой Шатунским, который прививал сифилис гимназистам с целью поработить их себе в качестве пациентов. Ужас факта определяется, между прочим, невозможностью для Московского Окружною Суда назначить Шатуновскому соответственное наказание, так как даже наше суровое Уложение столь чудовищного варварства не предусматривает...

5 июня 1903 года среди бела дня и в самом центре Петербурга, на Невском проспекте, еврей, студент Киевского политехникума Пинхус Срулёв Дешевский, подкравшись сзади, нанёс П.А. Крушевану финским ножом удар в шею. Злоумыслив убийство, он метил в сонную артерию, но промахнулся на несколько миллиметров... Самый же удар был ослаблен толстым воротником, что и спасло Крушевана. В С.-Петербургском Окружном Суде первоначальное заявление о намерении убить Крушевана как подстрекателя на Кишинёвский погром Пинхус Дашевский уже сам отрицал. Повествуя о своём желании вызвать лишь сочувствие к евреям, пострадавшим в Кишинёве, обвиняемый пытался свести злодеяние своё к нанесению лёгкой раны, чуть ли не к шутке... Но присяжные заседатели признали его виновным в покушении на предумышленное убийство, и Суд приговорил Дашевского на пять лет в арестантские роты.

В том же Петербурге Берка Млодсцкий покусился на жизнь Лорис-Меликова. Лейзер Цуккерман подготовлял взрыв Зимнего Дворца. Ицка Гольденберг убил Харьковского губернатора князя Крапоткина, участвовал в подкопе Гартмана под Москвой, равно как в других преступлениях, но был пойман лишь в Елисаветграде с динамитом, который вёз для взрыва Императорского поезда близ Верхне-Днепровска. Геся Гельфман содержала подпольную типографию, распространяла прокламации террористов, а в заключение, являлась хозяйкой той квартиры в Петербурге, где совещались убийцы Государя Александра II, и откуда 1 марта 1881 г. они вышли с бомбами на цареубийство.

Sapienti sat!...

IX. Таким образом, и не выезжая из Петербурга, можно было ещё до “революции” приобрести понятие о намерениях иудейских.

А если, с государственной точки зрения, требовались сведения о международных замыслах кагала, равно как об иудаизации масонства, то и для сего достаточно было ознакомиться хотя бы со следующим.

Служение Люциферу, т.е. мщение христианству за невинно якобы оклеветанного Дьявола, явилось поводом к основанию Альбертом Панком в Чарльстоупе (Венеция — Северной Америки) Палладизма, как наивысшего масонского культа. Осуждённый за мошенничество в Марселе и оттула бежавший, еврей Андриан Лемми вкрался в доверие Пайка и стал его правою рукой.

После смерти Пайка (его масонское имя — “Лиммуд Энсоф”) избрание нового анти-папы решено было произвести в Риме и притом именно во дворце Боргезе, сооружённом папой Павлом V. Распорядителем работ к подготовке

[69] См. правоверного еврея Монтефиоре — “Religion of the ancient Hebrews”. London. 1893.

дворца для заседаний “верховного совета” оказался первый кандидат на патриарший престол, тот же Адриан Лемми. В своём масонском усердии, он перестарался до того, что необходимые моста приказал устроить над домашней часовней, да ещё таким образом, чтобы из сточных труб отбросы падали на престол... Когда же архитектор заметит, что это неудобно в гигиеническом отношении, тогда Лемми изобрёл другое: он приказал поместить Распятие вверх ногами и наклеить начнись: *“прежде, чем выйти отсюда, — плюньте на изменника, слава Сатане!”* Таковы среди других, не менее знаменательных, были условия, когда 20 сентября 1893 года, т.е. в самую годовщину занятия Рима итальянскими войсками и, следовательно, утраты папою светской власти (20 сентября 1870г.), еврей Адриан Лемми был избран верховным патриархом всемирного масонства[70].

X. Если вернёмся к России и даже к одному 1905 году, то мы, уже не в области католицизма, а против православия, увидим целый ряд иудейских кощунств. Стрельба отрядов “Бунда” по крестному ходу в Белостоке достаточно известна, чтобы о ней говорить вновь. Но иудеи показали себя и помимо Белостока. Сын еврея Вухштаба, гимназист в Ялте бросил икону в отхожее место. В одном из реальных училищ Петербурга другой еврей-ученик разбил камнем икону в классе. В с Коржевом, Тираспольского уезда, случайно попавший в избу крестьянина Лаврентия Боржака, еврей Гуляк стрелял из браунинга в икону Успения Божьей Матери. В местечке Ходоровке, Киевской губернии накануне Крещения, когда рабочие на Иордани строили из льда престол, евангелие, чашу и кресты, местные евреи грозили: *“пусть делают, а мы переделаем по своему!”* На следующий день, один из еврейских мальчиков сбил камнем с престола чашу, а затем уже взрослыми евреями были поломаны кресты и разрушено всё остальное. В Кишинёве во время архиерейского служения у собора еврейство открыло по молящимся стрельбу из револьверов... Такие же или подобные злодеяния были учиняемы кагалом и во многих иных местах.

Между тем, в самом Петербурге евреи беспрепятственно совершают свой ритуал как в главной синагоге, так и в разных других молельнях.

Всё это, разумеется, не помешало американским сынам Иуды в период агитации к разрушению торгового договора уверять, будто в России единоплеменники их преследуются “только из-за своей религии”...

XI. Резюмируя изложенное, нельзя не придти к убеждению, что С.Ю. Витте мог бы воздержаться от многого из того, чем евреи так предательски злоупотребили в 1905 году на всём пространстве нашей страны, а в 1911 году — и в С.-А. Соединённых Штатах.

Какой срам, какой ужас негодования терзает русское сердце!!... О, славное лыцарьство Запорожское низовое, как жаль, что нет тебя... Жидова и духу твоего боялась!...

[70] “Le Satanisme dans la Maconnerre, confession d/un trente troisieme”. — Par D. Margiotta.

Щирый Тарас Григорьевич, заспивай же хочь ты нам:

Бьют пороги, мисяц всходе,
Як и перше сходив...
Нема Сычи, пропав и той, —
Кто всим верховодив!
Нема Сичи!... Очереты
У Днипра пытают:
Де ж то наши диты дилисъ?
Де воны гуляют?...

Д. Отказ С.-А. Соединённых Штатов от торгового договора с Россией

Всё — через народ, ничего — для народа!
Девиз политиканов-шаббесгоев.

Трудно было бы придумать лучший пример, да ему и не дали бы веры, не будь налицо действительного события, которым, одновременно, раскрываются и невероятное бесстыдство сынов Иуды, и лживость предрассудка о их всесветном могуществе, и непостижимость увлечения выдуманной ad hoc сказкой со стороны такого законодательного собрания, как северо-американский конгресс, и бесподобие того testimonium paupertatis, какое он сам себе выдал, и низость обеих палат парламента “величайшей в мире республики”, и цинизм презрения, с которым при свободе слова, “четырёххвостке” и президентском veto “народные представители” ради личных целей дерзают относиться к международному праву, равно как к интересам страны, их избравшей и, наконец, верховное правосудие Немезиды, которым, невзирая на самомнение политиканов, либо иудейскую гордыню, был постановлен ниспровергающий их приговор.

В параллель с этим нельзя и теоретически подыскать иного, более решающею факта как в доказательство существования международного потаённого, иудеями же организованного правительства, так и для убеждения в предательском своекорыстии замыслов, приемом и целей коими руководствуется еврейство хотя бы и по отношению к тем кто ещё способен слушать кагальные уверения в дружбе.

Для резолютивного же оправдания выводов настоящего труда означенный факт является как бы нарочито заказанным...

I. Японская война и еврейство. Джон Буль, Янки и Агасфер. Даже накануне первой атаки Порт-Артура, если бы кто-нибудь сказал, что три лучшие из наших броненосцев станут унылыми жертвами японцев, что невзирая и на такой урок, среди того же рейда, снова от их же мины, но уже среди бела дня исчезнет в полторы минуты “Петропавловск” с Макаровым и Верещагиным, что затем в первом же морском бою наши военные корабли разбегутся от эскадры Того, как цыплята от ястреба, что еще немного далее, уже на сухом пути, потерпев, от тех же японцев жестокие поражения в битвах при Ялу, под Кинчжоу и Вафангоу, наши войска едва спасутся от плена в Ляояне для того, чтобы, не видав ни одного светлого часа, вновь испытать беспримерные унижения под Мукденом, а бездействовавший в порт-артурской западне флот своей бесславной гибелью создаст адмиралу Того среди ужасов Цусимы невиданный доселе триумф, приведет сынов Иуды в дикий восторг, нас же зальёт позором и слезами, каждый из русских людей с негодованием и презрением, заставил бы умолкнуть зловещего прорицателя.

Увы, истина вправе быть невероятной...

И что всего поразительнее, Япония знала, заранее знала, куда приведёт нас судьба и даже не скрывала этого! Правда, всего, что произошло, и сами японцы, разумеется, не ожидали, как не могли, конечно, рассчитывать на достижение столь роковых для нас результатов точно по мановению волшебного жезла.

Правда из-за каких-то сахарных премий мы сумели окончательно расстроить свою ещё недавнюю дружбу с Америкой, сыграв таким образом в руку Джорджу Кеннану (см. его разошедшуюся на многих языках книгу “Сибирь”) и бесчестной прессе, науськивавшей на нас общественное мнение по заказу биржевых дельцов, которые явно жаждали нашей крови, чтобы из её потоков черпать золото... Правда, мы ухитрились, далее, во время бурской войны прозевать единственный в своём роде момент, когда, двинув армию в Индостан, мы не только отбили бы у Англии охоту издеваться над нами, как это, например, бывало в крымскую войну или на берлинском конгрессе, но и встретили бы благословение целого мира, очарованного дивным благородством южно-африканских спартанцев в их героической борьбе за родину против нового Ксеркса, пятнающего морские волны, как пират. Правда и в том, что мы дважды позабавились над самими же собою, отталкивая протянутую чрез Ито и Ямагато руку дружбы, и этим, так сказать, принуждая Англию к немедленному заключению договора с Японией, который нашего естественного незаменимого союзника против той же Англии превратил в надменного, коварного и жестокого врага России. Правда, что по собственной вине за 10.000 вёрст от всех наших средств, на чужой и враждебной земле мы попали в войну уже не с одной Японией, а, в сущности, с Великобританией и Америкой, без помощи которых новоявленные “англичане Востока” не осмеливались бы, очевидно, бросить свой дерзкий и для нас столь унизительный вызов. Правда, наконец, что, к посрамлению нашего изменнического либерализма, у японцев любовь к отечеству воистину трогательна, а исполнение долга беззаветно; что, в грозное противоречие со всем, происходившим у нас, их дипломаты, воины и моряки не уступали друг другу в доблести, и что с точностью разведать изумительные порядки наши, кроме торговых сношений и совместного похода в Китай, “стране Восходящего Солнца”, без сомнения, помогали и американские “друзья” России...

Тем не менее, всего изложенного было бы недостаточно, чтобы привести нас в Портсмут.

Участь борьбы прежде всего зависела от нашего флота, а именно от того, достигнут ли японцы возможности переправить свои войска морем. Вопрос был решён против России, когда 27 января 1904 г., вопреки элементарному благоразумию, мы оставили свою эскадру на рейде Порт-Артура, да ещё ночью. Узнав об этом, японцы чуть ли не в строю наших подкрались со своими миноносцами и взорвали три сильнейших русских корабля...

Увы, до сих пор неизвестно, как доставлялись гибельные для нас сведения “англичанам Востока”! Но зато мы хорошо знаем, что в Порт-Артуре находилось довольно евреев, а один из них даже стал новым “князем во Израиле”...

Так было уже в самом начале войны. А в её критический момент, когда мы с трепетом и мольбой вглядывались в необъятные пространства океанов, каждый шаг роковой эскадры Рождественского, начиная с добрых услуг, оказанных Японии Англией в Ла-Манше, был отравлен кагальной прессой обоих полушарий, и, наоборот, ни одного известия о японском флоте не появлялось. Как чудовищный дракон, он подстерегал нас близ своей основной базы, у Сасебо, куда хищные Джон-Буль, Янки и Агасфер доставляли ему каждый всё необходимое по своей специальности, без сомнения, на позор и себе же самим...

Увы, как для того, чтобы основательно разграбить частный дом, необходимо подыскать соучастника в ком-нибудь из его обитателей, так и для той степени разложения, куда грозными маньчжурскими событиями низведена Россия, нужен был испытанный соглядатай, сводящий личные счёты с нами. Всякий, кто вдумается в наше беспросветное горе и спокойно его оценит, обязан признать, что с одними внутренними невзгодами нашего многострадального отечества без злостного о них доноса врагу мы всё же не испытали бы ещё того отчаяния, каким одарили нас японцы.

Здесь действовала иная, исключительная, глубоко разъедающая наш государственный организм и к его гибели направленная болезнь. Только при таком диагнозе, возможно уразуметь весь трагизм событий. Где же и в чём эта болезнь? На собственной нашей земле, в еврействе!...

У японцев нет или почти нет сынов Иуды, у нас же их главное гнездо, по крайней мере, восемь миллионов, т.е. больше, чем на всём остальном пространстве обоих полушарий. Представляя собой основные силы “избранного народа”, но действуя за одно с его членами, рассеянными повсюду, еврейство ненавидит Россию, как непокорную ему державу, хотя под её кровом размножается и богатеет безгранично, уходить же отнюдь не желает, а потому стремится обратить её в новый Ханаан.

Смешно и преступно было бы отрицать это или, питая злорадство Израиля, даже перед столь явной опасностью закрывать глаза!... Маньчжурская эпопея ещё ожидает русского историка. Но и сейчас несомненно, что мы стали жертвой колоссального заговора в целях иудейских. Совершенно так же, как в С. Америке, “Сибирь” Кэннана, а затем и его всенародные повествования, в одежде каторжника с полуобритой головой и прикованным к тачке, вызывали у сотен тысяч людей слезы негодования против нас задолго до постановки на сцену японской трагедии, так и в Азии безрассудство нашего похода на Пекин, когда патриоты — “большие кулаки” не касались нас ни прямо, ни косвенно, а мы, вопреки справедливости, завладели ни к чему ненужным Порт-Артуром, вызвав, одновременно вражду Китая к себе и Японии, не может быть объяснено иначе, как через закулисные воздействия потаённой силы. Если наш посланник Гирс явно не умел воспользоваться обстоятельствами для нас чрезвычайно благоприятными, то есть укрепить вековую дружбу с Китайской империей для нас пограничной на десять тысяч вёрст и, в свою очередь, нуждавшуюся хотя бы в русском нейтралитете, когда вся Европа оказалась ей враждебной, то ему, по меньшей мере, следовало знать азбучное правило — Ne noceas, si juvare non posses!...[71] Иначе говоря, он был обязан понимать, что такое Япония и предостеречь Россию от бланка на китайском векселе в сто миллионов рублей для уплаты контрибуции, за счёт которой “Страна Восходящего Солнца” не замедлила построить флот, приведший нас к беспримерным унижениям, а в частности, к такому позору Цусимы, которого мир и через тысячу лет не забудет...

С другой стороны, если правда, что мы заняли Порт-Артур по совету из Берлина, очевидно, не наученные опытом конгресса, то и петербургскому дипломатическому ведомству не мешало памятовать официозную роль, присвоенную масонству Пруссией наряду с шахматным искусством Альбиона и похождениями “детей Вдовы”.

II. Масоны и Россия. Проникнув к нам при Петре I, “вольные каменщики” уже в дни Петра II были настолько влиятельны, что имели возможность представить юному императору значительную сумму денег для подарка любезной ему цесаревне Елизавете. Это не помешало, однако, тому, что после поражений, испытанных от русской армии и приведших его на край гибели, Фридрих II, гроссмейстер немецких лож, встретил “неожиданное счастье” в кончине Елизаветы Петровны уже как императрицы, а затем ещё и в воцарении Петра III. Двойственность же масонских ходов замечается не только в его безвременной смерти, но и в историческом указании, что самая жизнь Екатерины II находилась в опасности ради Павла I, долго, в свою очередь, подчинявшегося масонским внушениям... Однако, и это не явилось препятствием событию 11 марта 1801 года, когда выяснилось, что Павел Петрович, вопреки настояниям Англии, мудро задумал союз с Наполеоном. Между тем, кто в состоянии решить, оказалась ли бы “великая армия” в Москве, будь император Павел на престоле?...

Практически сблизился с масонами и руководствовался подсказанным из Лондона советами Александр I, как посылая войска под Аустерлиц, так и назначая вместо Барклая-де Толли столь ревностного масона, каким был Кутузов. Не следует, впрочем, терять из вида, что нуждаясь в действиях нашего флота против Швеции и Турции, Англия ещё при Екатерине II командировала в Россию Самуила Грей-га, который, при содействии побывавших в Англии русских офицеров, не только учинял посвящения в масонство даже на военном корабле “Ростислав”, но и восстановил ложу “Нептун” в Кронштадте, где помещался и морской кадетский корпус. Таким образом, был создан могущественный центр, из которого влияние распространилось как по служебным линиям вообще, так и особенно в среде массы офицеров, привлечённых тогда же к участию в морском собрании. Указанными и дальнейшими мероприятиями Великобритания стремилась, и, как известно не без успеха, к тому, чтобы не допускать проявления на море всей мощи России и лишить её решающего голоса в мировых вопросах

[71] Хотя бы — не вреди, если не можешь помочь!...

Направляясь в ущерб нашему могуществу, замыслы Англии не могли, понятно, ограничиться флотом. Её неизменной целью было вовлекать Россию в бесплодное расходование всех сил с сугубым обращением на неё же последствий неудач и с уничтожением результатов ее побед. Турция, страшилище всей Западной Европы, подлежала в дьявольской гармонии с видами Англии обузданию нашими вековыми усилиями без надежд вдобавок занять Константинополь точно так же, как и вновь предстоящий натиск монголов, вероятно, опять суждено будет остановить нам же, если это ещё не приведет саму Россию к гибели против чего Англия возражать едва ли станет.

По изгнании Наполеона нечего было нам "спасать Европу" и вновь таскать из огня каштаны для "просвещённых мореплавателей". Наоборот, прямой расчёт повелевал сохранять запас энергии у себя, дать нашим союзникам случай поизрасходовать и свои ресурсы. Тем не менее мы прошли до Парижа и только здесь поняли, кажется, бесчестную игру, жертвой которой являлись. К нам, в заключение, стали относиться крайне пренебрежительно, как, впрочем, и вообще третируются ненужные более наёмники...

Затем открылся Венский конгресс, действовал "Священный Союз" пронеслась буря революций 1830 и 1848 годов, а мы все еще утешали себя надеждами побороть тайную силу патриархальными заветами православной Руси. В 1831 и 1863 годах мы дважды сподобились восстанию в Польше, а "спасая" Австрию, побывали в 1848 году на полях Венгрии и в апофеозе, невзирая на "собственного Маттерниха", вице-канцлера, полуеврея Нессельроде, получили от "старого купидона", гроссмейстера масонов Пальмерстона довольно, кажется, изрядную Крымскую войну!

Если с другой стороны, нам довелось воевать и с французскими революционерами, которых упрекают в разрушении гробниц у Сэн-Де-ни то не худо ещё раз припомнить, что начато было оно принцем королевской крови, увы, масоном. Если, далее, нам столько беспокойства причиняет сейчас Финляндия, то не излишне поразмыслить вновь о тесной связи её масонства с ложами трёх скандинавских государств. Между тем, в Швеции наряду с местными "братьями" участвуют и члены иностранных династий. В Норвегии масоны почитаются как важные общественные деятели, а значение большой копенгагенской ложи таково, что вслед за вступлением на норвежский престол датский принц Гаакон уже в сопровождении многих высокопоставленных лиц посетил её на другой день по приезде в Данию[72]. Эдуард VI же, король Великобритании, и сам был главой английских масонов. Difficile est satyram non scribere! Если, наконец, Гогенцоллерны в лице Вильгельма II не масоны, всё же мечтают о гегемонии в Европе, то и на это есть глубокие причины. Усердно помогали "дети Вдовы", в 1871 г. объединению Германии под главенством Пруссии, — своего старого друга. Будучи же обязаны всемирно служить международному иудейскому капиталу прежде всего, они не могут позволить ни нападения Англии на Германию, ни, тем паче, наоборот. В первом случае, это закончилось бы триумфом англичан на море и разгромом французов на сухом пути (о нас, россиянах, умолчим), что совсем не улыбается кагалу, так как в Германии и во Франции затрачены "избранным народом" огромные капиталы. Во втором же случае не исключено вероятие и немецкого десанта в Британию, т.е. мировое событие столь неизмеримой важности, что его последствий уже и для самих сынов Иуды предвидеть нельзя.

Параллельно с этим возобновление маньчжурской эпопеи, по крайней мере, в ближайшее время также небезопасно, потому что Россия ещё не готова для реванша, а снова подрывать её силы и опять возвеличивать Японию было бы, в виду нынешнего политического сочетания, неосторожно не только для Англии, но и для самого масонства.

Таковы обстоятельства, по-видимому, исключающие пока и для Израиля упования на какой-либо вариант "освободительного движения" в России с новым аккомпанементом Японии.

Посему еврейство с "детьми Вдовы" ограничивается раздуванием смуты внутри нашего отечества, а в частности, способствуя всяческим трестам как, быть может, вернейшему средству для взрыва государств, не допускает, например, образования всероссийского сельскохозяйственного союза, как учреждения враждебной революции.

Соображая изложенное, мы поймём сложность, но и неустранимость вопроса, насколько же иудео-масоны способствовали провоцированию русско-японской войны?

Трудно в такой близости к событиям и узнать, и рассказать всю правду. Кому, однако, как не им, война была необходима и кто же, если не они, приобрёл через неё такие выгоды, которых и во сне не чаяли? Не в расчёте ли на последовавшие от неё результаты, а также на предварительные и сопутствовавшие ей "заработки" превратил кагал франко-русскую дружбу в займы на несколько миллиардов франков для сооружения Дальнего и Порт-Артура с осужденным на погибель в нем флотом, равно как на постройку маньчжурской железной дороги, при одноколейной транссибирской и с одним же только мостом через Волгу?... С другой стороны, не в предварительном ли учёте "освободительного" движения "избранный народ" усмотрел и необходимость побаловать нас восторгами Цусимы и Мукдена?...

К сожалению, ещё нет полных оснований для приговора. Посему предстоит удовольствоваться до поры — до времени, оставлением детей "Вдовы" и сынов Израиля в сильнейшем подозрении.

Впрочем, невзирая на их бешеную ярость, евреям не удалось захватить у России "равноправие" штурмом. Тогда они решили попытать счастья "дипломатическим" путём, через Америку. Здесь и лежит центр тяжести той трагикомедии, которую сыны Иуды разыграли перед изумлённым миром в

[72] См. статью "Россия и Масонство" в журнале "Море", 1909 г., вып. IV.

уничтожении С.-А. С. Штатами торгового договора с Россией 6-18 декабря 1832 года.

Уничтожение С.-А. Соединёнными Штатами торгового договора с Россией — блестящее доказательство неограниченности иудейской тирании

I. Торговые договоры совершаются, изменяются и прекращают своё действие в экономической, а не в политической сфере. Это явствует уже из факта, что не политика управляет торговыми отношениями, а наоборот, эти последние обусловливают заботы дипломатии. Между тем, договор 1832 года разрушен единственно из-за еврейских паспортов, т.е. вне области экономической.

II. Означенные договоры нормируются существующими узаконениями контрагентов, не являются актами законодательными и, вследствие дифференциации уступок в разных договорах, не могут быть таковыми, ибо в противном случае каждая страна, кроме нормального для своих граждан, должна была бы иметь ещё по несколько гражданских кодексов для различных категорий иностранного подданства, что немыслимо.

III. Сообразно с этим, торговые договоры заключаются не парламентами, а исполнительной властью, которая не вправе менять законы, да ещё по тем либо иным случайностям компромиссов с иностранными государствами. Даже в Северной Америке такие договоры подписываются президентом с одобрения лишь Сената, который без участия нижней палаты правом издавать законы, в свою очередь, не располагает.

IV. Домогаясь прекращения торгового договора, сами американские евреи не обвиняли наше правительство в нарушении русского законодательства о паспортах, а ссылались исключительно на неприглядность оного, но этот вопрос лежит за пределами договора 1832 года.

V. Цель, поставленная еврейством, сводилась не только к открытию доступа в Россию американским и всяким прочим евреям, а также к предоставлению им в качестве иностранцев особого положения сравнительно с евреями — русскими подданными. Допустив привилегию этого рода, мы ради собственного достоинства, равно как во имя справедливости, были бы вынуждены сравнять всех евреев, т.е. снять черту оседлости и признать за сынами Иуды равноправие. Ясно, что, будучи чуждым торговому праву, домогательство американских иудеев вероломно и для нашего суверенитета унизительно. Оно стремилось принудить Россию к отмене одной из важнейших мер её государственной безопасности и, сверх того, к лишению русского народа средств зашиты перед натиском неведомых, алчных, ни перед чем не останавливающихся талмудистов, способных, вдобавок, исчезать с такой же внезапностью, как и появляться.

VI. Независимо от изложенного, цинизм иудейских требовании достигал опасности сугубой потому, что определялся замыслом открыть в Россию путь не только сынам Иуды, которые бежали от воинской повинности либо скрывались от уголовного Суда за обыкновенные преступления, но и таким, которые подлежали смертной казни за злодеяния, учинённые бомбами, через “иллюминации”, “экспроприации” и т.д. Вместо заслуженной карты имелось, значит, в виду обязать нас к предоставлению им привилегий как носителям недосягаемого по величию американского гражданства.

VII. Отсюда явствует, что агитация против договора 1832 года есть, в сущности, продолжение иудейского бунта, покрывшего Россию слезами и кровью в 1905 году. Разница лишь в том, что теперь, т.е. шесть лет спустя, сыны Иуды действуют ещё с большими, буде возможно, предательством и безнаказанностью.

VIII. Всего того не могут, разумеется, не понимать члены американского конгресса, равно как не в состоянии они прикрываться и неведением основного принципа и международном праве, коим вмешательство во внутренние дела чужой страны запрещается. Посягая на честь России, конгресс должен был, равным образом, сознавать, что это может составить и casns belli. А если, позабыв о благодеяниях, оказанных нами С.-А. Соединённым Штатам в период их междоусобной войны, и, наоборот, рассчитывая, что испытания судьбы, ныне не переживаемые Россией, устраняют вероятие подобающего ответа, конгресс, тем не менее, осмелился на содеянное, то этим он ещё более запятнал себя пред верховным правосудием истории.

IX. В Нью-Йорке каждый третий человек жид. Посему и так как всё иудейство Северной Америки является, в сущности, лишь одним единственным жидом, то уже никакого объяснения своих действий конгресс дать не способен, кроме ссылки на страх пред еврейской тиранией. Скорбь мыслителя отягощается в данном случае фактом, что раболепие в конгрессе повально, как в обеих партиях — республиканской и демократической, так и в обеих же палатах конгресса. Из 92 сенаторов и 391 члена палаты представителей нашёлся всего один человек, мужественно заявивший протест... Мотивом же стадности служит бесчестное и кагалом презираемое заискивание обеими партиями иудейского благоволения в борьбе на выборах президента “величайшей республики в мире”.

X. Жалким самообманом “американского народа” в лице конгресса оказывается и расчёт на универсальность владычества сынов Иуды в сферах печати, биржи и политики. “Государственные”, с позволения сказать, люди Северной Америки ребячески сами себя отдали на потеху евреям, прокричавшим, будто они всё могут...

Увы, посрамление “законодателей” не заставило себя ждать.

XI. Вдумываясь в это забавное происшествие, нельзя не вспомнить и о скифе Анахарсисе. Лет за 500 до Р.Х. из нынешнего таврического полуострова, а по тогдашнему — Босфора Кимерийского, он бывал за деньгами в Афинах, куда поставлял хлеб. На Пниксе, Анахарсис следил за прениями и, наблюдая шулерство “идолов толпы”, пришёл к следующим заключениям; во-первых, он

удивлялся *“как это в Афинах, умные говорят речи, а дураки решают, кто из них прав?”* и, во-вторых, убедился, что чем в большем числе собираются люди, тем “уши их становятся длиннее!... Скиф не был даже одинок. Аристотель в своей “Политике”, говорит: *“Народоправство ничем не разнствует от деспотического образа правления. Льстецы равно почитаются, а люди добра гонимы. Одинаковый же произвол царит в решениях собраний и в повелениях деспотии. Нравы тождественны. Что вокруг тирана чинит нравственная зараза придворных, то проделывают демагоги яко бы в качестве слуг народа”.* И что хуже всего, обогащаются знания, расширяется умственный кругозор, открываются новые законы природы, а беззастенчивость политиканов остаётся неизменной. *“Палата депутатов,* — свидетельствует Золя, — *это как бы пена невежества и суетности, которой всеобщее голосование заливает Париж. Раздутые неизвестности, мелкие жертвы тщеславия, паяцы на один день сбегаются играть роль сильных мира сего, а довольствуются глоданием костей; больные мозги, одержимые мстительностью за беспросветные провалы; несуразная алчность и разнузданное пустозвонство... Когда, проходя мимо, здравомысленный человек бросит взгляд на это киснущее урчание, он останавливается энервированным и остолбенелый Как? Да неужели же это и есть Франция?... Нет!... Не Франция…, Франция совсем не здесь. Она не с червями, которые пожирают её а с теми из своих детей, которые трудятся и страдают”.*

XII Обольстив американцев скоропостижностью новоявленного патриотизма и ложно уверив, будто ратуют единственно за величие Соединённых Штатов, сыны Иуды в действительности предали их глумлению как в материальном смысле, потому что добились в конгрессе решения, противного интересам республики, так и потому что осрамили её пред целым светом.

Евреи любят колоть сахар на чужой голове!...

Отмена договора 6/18 декабря 1832 года не имеет никаких оснований

I. Такие же трактаты были заключены Россией: с Нидерландами 1/13 сентября 1846 года, с Испанией 20 июня/2 июля 1857 года, с Великобританией 31 декабря 1858 года/12 января 1859 года, с Италией 16/28 сентября 1863 г., с Францией 20 марта/1 апреля 1874 г. и с Германием 20 января/1 февраля 1894 года. Во всех содержатся те же постановления о правах, предоставляемых одним государством гражданам другого с условием подчиняться законам и предписаниям оказывающей гостеприимство страны. Незыблемость этого начала столь очевидна, а принцип международной взаимности так бесспорен, что недоразумений не было и произойти не могло. Суверенитет же каждого из контрагентов по отношению к своему внутреннему законодательству, как основное проявление независимости и державного права страны, настолько непоколебим, что до сих пор вообще не бывало примера, какой выдвинут сейчас произволом Соединённых Штатов.

II. Домогательства конгресса исключаются буквальным содержанием первой же статьи договора 1832 года. Нельзя не заметить даже, что североамериканское законодательство применяет своё право разрешать либо запрещать допуск иностранцев несравненно шире, чем Россия. В частности, Северная Америка закрывает к себе двери гораздо произвольнее и несравненно большему числу русских подданных, чем это делаем мы, устраняя одних евреев.

III. *Текст статьи 1 договора 1832 года таков: “Торговля и мореплавание между владениями Высоких договаривающихся Сторон будут свободны и основаны на взаимности. Жителям того и другого Государства взаимно будет предоставлено входить во все те гавани, места и реки, каждому из этих Государств принадлежащие, где иностранная торговля дозволена. Им не воспрещено будет останавливаться там и проживать везде в помянутых владениях, где им по делам их будет надобность. Вследствие этого, они ограждены будут той же самой безопасностью и покровительством, каковыми пользуются жители той земли, где они будут иметь пребывание, с тем, однако, что они подчинены будут существующим там законам и учреждениям, а в особенности состоящим в силе торговым постановлениям”.*

Что же касается американского закона о регулировании иммиграции иностранцев в Соединённые Штаты от 20 февраля 1907 г., то 2-я его статья гласит: *“Следующие категории иностранцев не должны быть допускаемы в С. Штаты: идиоты, слабоумные, тупоумные, эпилептики, сумасшедшие и лица, которые были сумасшедшими в течение последних пяти лет; лица, которые в течение своей жизни имели уже два или более припадков сумасшествия; бедняки; лица, которые могут пасть бременем на общественную благотворительность; профессиональные нищие; лица, больные туберкулёзом или одержимые вызывающей отвращение или опасной заразной болезнью; лица, не подходящие ни под одну из вышеуказанных категорий, у которых исследующий их врач, тем не менее, найдёт душевные или физические недостатки такого свойства что они поражают способность добывать себе пропитание; лица, которые были изобличены или которых подозревают в совершении тяжкого или иного преступления либо проступка, изобличающего их нравственную испорченность; многоженцы или те, которых подозревают в признавании ими многоженства; анархисты или лица, признающие либо проповедующие насильственное ниспровержение правительства Соединённых Штатов или всякого правительства вообще или законности либо убийство должностных лиц; проститутки или женщины и девушки, прибывающие в Соединённые Штаты для проституции или других безнравственных целей; лица, покровительствующие или пытающиеся провезти проституток или женщин и девушек для проституции или других безнравственных целей; лица, далее называемые законтрактованными рабочими, которых побудили или склонили к приезду в страну посредством предложений или обещаний работы, или которые приехали вследствие устных, письменных, а также печатных, прямых или*

косвенных договоров о предоставлении им какой-либо работы здесь, простой или квалифицированной; те, которым не более года тому назад перед их новым приездом было отказано в пропуске в виду того, что их склонили или побудили к переезду согласно вышеизложенному; все те за проезд которых уплатили другие, или которым другие помогли покрыть расходы по проезду, если только не будет представлено совершенно убедительных доказательств, что они не принадлежат ни к одной из до сих пор перечисленных категорий и что деньги за проезд уплачены за них непосредственно или косвенно какой-либо корпорацией обществом, союзом, общинным управлением или иностранным государством; все дети моложе шестнадцати лет, приезжающие без родителей или с одним из родителей, по усмотрению министра торговли и промышленности или согласно правилам, которые будут им на сей предмет издаваемы".

Русский устав о паспортах изд. 1903г. (Св. зак. т. XIV) определённее и умереннее. В ст. 230 значится: *"Относительно пропуска иностранных евреев, приезжающих в Россию через европейскую границу соблюдаются следующие правила: иностранным евреям, особенно комиссионерам значительных заграничных купеческих домов дозволяется посещать известные в России мануфактурные и торговые места и оставаться там известное по усмотрению время; министерству внутренних дел предоставляется право окончательно разрешать прошения означенных евреев по сему предмету; но банкирам и главам известных значительных торговых домов посольства и консульства могут и без предварительного разрешения министерства внутренних дел выдавать и свидетельствовать паспорта на приезд в Россию на общем основании об иностранцах, отправляющихся в Россию, с тем, чтобы о каждой выдаче и засвидетельствовании паспортов таковым евреям доводимо было до сведения министерства внутренних дел".*

IV. Результаты осуществления помянутых узаконений выражаются в следующем. При заключении договора 1832 года Россия уже имела определённые законы об иностранцах, а в частности, об иностранных евреях. Этими законами ограничивался допуск иезуитов, цыган, евреев и праздношатающихся (указы: 5 апреля 1722г., 26 апреля 1727г., 2 декабря 1742г., 16 декабря 1743г., 25 апреля 1744г., 4 декабря 1762г., 24 августа 1765г., 21 января 1788г., 9 мая 1802г., 9 сентября 1805г., 1 и 18 июля 1807г., 29 марта 1815г., 29 июля, 14 ноября и 23 декабря 1824г., 27 августа 1825г., 25 мая 1827г., 28 декабря 1828г., 29 ноября 1829 года, и 6 февраля 1830г.; смотри также Свод Закон. 1832г., Зак. о сост. равно как Устав о паспортах). Поименованными или какими-либо иными узаконениями своими Россия при заключении договора 1832 г не поступалась. Они продолжали действовать и применялись, между прочим, к американским евреям, непререкаемо в течение почти 79 лет. Лишь затем, а именно в 1911г., конгресс Американских Штатов вздумал протестовать, да ещё, как нарочно, в период, когда законы о евреях вообще, а с 1905 года в особенности, были у нас весьма значительно смягчены. Несообразность протеста раскрывается и путём факта, что тогда, как из девяноста трёх миллионов населения Соединенных Штатов мы ограничиваем приезд лишь двух миллионов евреев, т.е. всего около двух процентов, Северная Америка из полутораста миллионов русских подданных запрещает доступ не менее, чем пятнадцати миллионам, следовательно, — десяти процентам. Вдобавок, закрывая двери, не только монголам, но и всяким магометанам из России, как многоженцам, она не пустит к себе и русского, если, например, у него меньше ста долларов в кармане наличными либо еврея, буде он страдает даже не паршами, а тразомой или хотя бы, таким душевным либо физическим недостатком, который, по мнению врача, поражает способность добывать пропитание...

V. Не ограничиваясь изложенным, конгресс С.-А. Соединённых Штатов законом от 3 марта 1887 г.: а) лицам, не состоящим гражданами Соединённых Штатов или не объявившим в установленном порядке о намерении сделаться таковыми, равно как обществам с основным капиталом, из которого более 20% принадлежат иностранцам, воспретил приобретение недвижимой собственности на всём пространстве Штатов и в округе Колумбия; б) обществам для сооружения железных дорог, каналов или шоссе, хотя бы эти общества были в Штатах узаконены, равным образом, запретил приобретение земель более того, сколько необходимо для самой эксплуатации предприятия, и в) всякое недвижимое имущество, вопреки сему приобретённое, определил конфисковать в пользу Соединённых Штатов; г) на генерального прокурора возложил обязанность требовать конфискации через судебные установления, и д) признал, что, устраняя без внимания обстоятельства формального свойства, возражения сторон, разнообразие особенностей в отдельных случаях и всякие другие случайности, к главному предмету не относящиеся, суд повинен разрешить вопрос о правах Соединённых Штатов по существу.

Будучи крайне стеснительным и нарушая принцип взаимности, так как в России нет подобных ограничений для американских граждан, этот закон, тем не менее, применяется во всей силе и к русским подданным, несмотря на то, что был издан 55 лет позже изданием такого же закона против американцев. Но, что бы сказал конгресс, а в особенности, какой гвалт подняли бы тамошние евреи, если бы мы взяли на себя инициативу, предвосхищенную Соединёнными Штатами...

VI. Равенство американских граждан пред своим законом не обусловливает de jure такого же равенства и пред русским законодательством. Как самый трактат 1832 года, так и закон 3 марта 1887 года убеждают в этом неопровержимо.

VII. Стало быть, лишённое всяких оснований домогательство конгресса ниспровергается, сверх того, как началами международного права, так и собственными узаконениями Соединённых Штатов.

VIII. Не настолько, без сомнения, наивны члены конгресса, чтобы и самим этого не понимать. Узаконения же о паршах или об исключении письма на еврейском языке из признаков грамотности переселенца являются ключом загадки. Если не пресечь вовсе, то, по крайней мере, уменьшить наплыв "избранного" народа в Америку, — такова, очевидно, ближайшая цель данного

образа действий. А если пред американскими законодателями блеснула надежда вернуть малую толику сынов Иуды в Россию, то это лишь ещё раз показывает, как искренно в Штатах радуются нашим транспортам талмудистов и с какой прямотой защищают их американское равноправие. Но если, по склонности к иронии, “дядя Сэм” при разрушении трактата не прочь был позабавиться над русским народом, то, надо сознаться, он жестоко поплатился.

И по делом... На международной сцене нельзя вести себя, как носорог в посудной лавке!...

Нарушая международное право, отказ Америки вреден для неё же и выгоден России

I. Divide et impera — иезуитский принцип рационален для того, кто умеет его применять, но и опасен, так как приговаривает пользующегося к служению неправде, а это исключает последовательность и может привести к возмездию. Истина всегда себе верна, а ложь обманчива даже для своего автора, ибо дара предвидения никому не дано. Тем не менее, сыны Иуды стремятся жить обманом, за что и бывают караемы судьбой. Начиная с глубокой древности, они эксплуатируют тайные общества, корыстолюбие и страсти человеческие. Проводя совет иезуитов до конца, они не довольствуются противоречием интересов, а сами его создают, и не всегда безнаказанно, стравливая гоев для завоевания ими же самими собственного рабства. Таков, между прочим, и настоящий случай. Ещё далеко неизвестно, чем он для Израиля разрешится и в С. Америке.

II. Расширяя программу, евреи переносят указанный метод и в области международных отношений. Через обладание исключительными условиями позволяют себе иной раз такую роскошь, что не только идут к статс-секретарю Гэю по поводу кишинёвского разгрома, но и настраивают дипломатическое вмешательство ради бессмысленных притязаний Финляндии. Сообразно с этим они пытались и раньше действовать на Америку для достижения “равноправия” в России. До сих пор, однако, это ограничивалось торопливой перепиской и не приводило ни к чему. Кроме того, еврейству довелось убедиться, что слушать его в Вашингтоне станут не более одного раза в четыре года, т.е. в период президентских выборов. Посему кагалом определено было использовать нынешний момент всецело, так как, находясь почти в равновесии, демократическая и республиканская партии равно мечтают о надбавке, которую дадут иудейские голоса.

III. Дело, однако, в том, что, во-первых, акт 1832 года был заключён, когда в С. Америке израильтян ещё почти не было, и, во-вторых, хотя сейчас их уже два миллиона, тем не менее, огромное большинство — “русские” евреи. Другими словами, неприличие отказа продолжать договор усугубляется цинизмом американского намерения облагодетельствовать преступных или бежавших из России евреев в обиду еврейству легальному.

IV. Ярко свидетельствуя о единстве евреев в мире, домогательство сие не выдерживает, однако, критики даже с точки зрения самого кагала. Беспримерное вообще пререкание с другим государством о внутренних его порядках становится немыслимым, когда касается евреев. Действительно, были времена, когда, считаясь просто жидами, они являлись, например, либо собственностью городов, либо рабами германского императора. Тогда ещё, пожалуй, могла бы идти речь о защите “чужой собственности”. Но не то раскрывается ныне. Правда, домогаясь гражданских прав в эпоху Революции, сыны Иуды объявили себя благороднейшими из французских патриотов. Увы, едва национальное собрание закрыло на эту ложь глаза, как евреи начали сбегаться из всей Европы и требовать признания себя французами. А как только Натан Ротшильд успел собрать 10.000.000 рублей, похищенные им на лондонской бирже в один день вслед за битвой под Ватерлоо, так те же “галлы из Бердичева” переименовали себя уже во французских евреев наряду с иными, голландскими, испанскими, немецкими, польскими и т.д. сынами Иуды. Это было довольно нелепо. Ибо что такое, в сущности, новозеландский, трансвальский либо мексиканский еврей? Не очевидно ли, что, перебегая из Венеции в Лондон, д'Израэли оставался всё тем же евреем, но не делался англичанином, как никогда не бывал итальянцем? К сожалению, явное глумление кагала оставалось терпимым, пока сами же иудеи не решили отменить свой маскарад. Мы видим, что когда “воздушность” их гешефтов достигла такового апофеоза, что, положим, Гондурасский заём разошёлся по карманам биржевых акул и шакалов сполна, правительству же республики не оставалось ни гроша и, тем не менее, оно увидело себя в долгу на многие миллионы пред той же биржей лейб-органа кагала в Австрии “Neue Ereie Presse”, Герцль провозгласил сионизм, иначе говоря, прекратил именование еврейства не принадлежащим ему званием. Тогда и арийские народы убедились, что никакой перемены не происходило. Перед ними опять стали просто жиды или, выражаясь элегантнее, жидовские евреи, либо, ещё мягче, еврейские евреи. Повторяя и рекламируя свои съезды в Базеле и восхищаясь замыслом обосновать новое иудейское царство в Иерусалиме, сионизм меньше всего, конечно, думает об учиняемой им государственной измене. Да и мы сами этого замечать не хотим, как явствует хотя бы из разрешения всероссийского конгресса сионистов в 1903 году, допущенного в Минске таким министром внутренних дел России, как В.К. Плеве. Из сказанного следует, что и в С. Америке проживают евреи, но нет американских граждан Моисеева исповедания, как никогда, разумеется, не переставали быть лишь членами “избранного народа” те “polacy mojzeszowego wyznania”, которые заигрывали с поляками в 1905 году, пока не перегрызлись в 1907. Отсюда проистекает далее, что, рассуждая юридически, вашингтонское правительство не имеет права защищать евреев, хотя бы и прибежавших в С. Америку, так как сыны Иуды не признают его за свою государственную власть. Заключительный же вывод должен быть из этого таков, что и помимо беззаконности, а значит, недействительности вмешательства американского конгресса в русское законодательство вообще, отказ от договора 1832 г. ничтожен именно в сфере международного права еще и в виду факта, что

покровительство евреям не касается конгресса. Таким образом, несомненно, что Россия de jure неспособна унизить звание американского гражданина в лице еврея, ибо для него это звание маска, личина, а не сущность. Между тем лишь к определённой юридической личности могут относиться правомерные договоры.

V. Установив это и переходя к элементу невыгодности отказа для Соединённых же Штатов, надлежит принять во внимание следующее. Ограниченность и несовершенство нашей обрабатывающей промышленности исключает для России возможность поставлять фабрикаты за границу. Что же касается сырья, то и в этой области С. Америка настолько богата, что почти ни в чём не нуждается. Лишь быстрое размножение населения, сокращая там скотоводство, при наличности массы свободных земель у нас может давать ещё выход русским продуктам. С другой стороны, не говоря о Штатах и даже Канаде, сама Гудсонбайская компания звериного промысла ныне падает с каждым годом, вследствие хищнического добывания пушнины. В эту скромную, впрочем, сферу не закрыт и нам вход. Ясно, что предметами русского вывоза в Соединённые Штаты могут быть лишь невыделанные кожи, меха и шерсть. Наоборот, ни по чем сбывая прекрасные лён и пеньку в чужие страны, мы за тридевять земель везём к себе хлопок из С. Америки, равно как не умеем до сих пор делать машин, особенно сельскохозяйственных, и, кстати, приобретаем там же льняные и пеньковые изделия. Вот и все предметы оборота по договору 1832 года. Спрашивается, каков же баланс? По данным департамента таможенных сборов ("Обзор внешней торговли России"), дело представляется в следующем виде:

	В РУБЛЯХ:		
Годы:	Вывоз из России в Соединённые Штаты	Привоз в Россию из Соединённых Штатов	Превышение привоза из Соединённых Штатов над вывозом к ним
1899	4.388.089	43.771.931	39.383.842
1900	3.419.393	44.170.073	40.750.680
1901	4.009.421	34.920.783	30.911.362
1902	4.373.671	39 949 405	35.575.734
1903	5,355.358	63.167.381	57.812.023
1904	4.362.243	62.962.401	58.600.158
1905	3,545.526	40.835.729	37.290.203
1906	5.711.813	47.449.668	41.737.855
1907	8.413.962	55,587.642	47.173.680
1908	2.821.706	79.215.109	76.393.403
1909	11.495.931	57.854.331	46.358.400
1910	9.500.000	73.894.000	64.394.000
1911 перв. 9 мес. . . .	8.750.000	77.341.000	68.951.000
Всего:......	76.147.113	721.119.453	644.972.340
В среднем на каждый год...50.586.065			

Таким образом. Соединённые Штаты извлекли, по торговому балансу, из России только за последние двадцать лет и девять месяцев (по октябрь 1911 года) 644.972.340 рублей. Это положение данника перед С. Америкой на сумму около 50.000.000 рублей ежегодно, установил для нас именно договор 1832 года, за силой ст. 6 коего мы обязаны впускать к себе товары С. Штатов по принципу наиболее благоприятствуемой нации. Угнаться в своём вывозе мы не можем частью ради драконовского тарифа, которыми Штаты оградили себя от чужеземного привоза, частью же в виду того, что главные предметы нашего вывоза, хлеб и сельскохозяйственные продукты, для Америки не требуются. А что касается повышения русского вывоза в 1909, 1910 и 1911 годах, то от этого нам радоваться нечего. Это происходит за счёт хищничества американских евреев и разорения ими охотничьего промысла в Сибири. Оказывается, что, например, дичь за столом Америки уже почти неведома, а пушные товары и у нас вздорожали за те же годы вчетверо. Наживаем, однако, не мы, а тем паче не сибирский крестьянин. Львиную долю барышей захватывают, конечно, сыны "избранного" народа, под всевозможными кличками факторства, да ещё, быть может, американские банки, кредитующие жидов авансами для порабощения сибирских промышленников.

VI. Кому же в таких обстоятельствах, выгодно уничтожение торгового договора? Очевидно, и единственно нам. Правда, американский посол в С.-Петербурге не знает, как теперь быть для ускорения нового трактата, но едва ли это ему скоро удастся. Во всяком случае, Америка не получит того, что имела. Необходимо, с другой стороны, вразумить её, что есть разница между "Майским Цветком" и талмудом. Не одно и то же вчера скрывшийся из России еврей-бомбист и потомок переселенцев на берега Новой Англии, сошедших с корабля в 1620 году. Пора уразуметь трудолюбивым янки, что достоинства звёздного знамени, справедливость и цивилизация не такие понятия, чтобы их надо было профанировать из-за жидовских целей. Если же весь сыр-бор разгорелся ради Нухима Камайки, которого не пустили в Россию, а бежавшему из Витебской губернии от воинской повинности Мошке Зульцеру удалось как инициатору вотума в конгрессе сделать Штаты посмешищем, то вашингтонскому

правительству не мешает и об этом почаще напоминать!...

VII. Президент Тафт смягчил дерзость, подтасованную евреями Тем не менее, она совершена. Россия это так и понимает. Раздались протесты как в государственной думе, так равно во многих городских и земских учреждениях. Приняты соответствующие меры. Как чувствуют себя в Америке, мы этого знать не хотим, а без неё обойдёмся Уже идут предложения со всех сторон — из Швеции, Германии, даже из Австралии, где очень хороши сельскохозяйственные машины. Для хлопка же у нас самих имеются обширные земли в Закавказье и в Туркестанском крае. Несмотря на крайнюю молодость дела, мы добываем свыше 50% требуемого для русских фабрик хлопка. Пройдёт несколько лет, и мы получим возможность вывозить его. Спасибо американцам, что они проучили нас!

Давно следовало бы отвергнуть договор нам самим. Но мы, русские, честный народ и умеем быть друзьями. Тем хуже для еврейских рабов в Америке, когда они не сумели оценить русскую душу и столь постыдно отплатили нам злом за добро.

VIII. А что с этим позором будут делать милые израильтяне в Соединённых Штатах, того, думается, они и сами не знают. Ведь одного хлопка мы покупали до 15 миллионов пудов в год. Куда девать такую массу, да ещё внезапно?... А машины?... Так вот, когда десятки тысяч рабочих останутся без хлеба, они, должно быть, выразят и свою признательность сынам “угнетённого племени”, столь “оскорбительно для Америки” не допускаемым в Россию!...

Кагальный “бой быков”

I. Изложенным удостоверяется, что для разрушения договора 1832 года не было ни материальных, ни формальных оснований. наоборот, доказанная нами дружба и опасные для С.А. Союза результаты неблагодарности, проявленной им по наущению сынов Иуды в тяжкую для нас годину борьбы с Японией, а с другой стороны, невыгодность отказа для самой Америки, устраняли, казалось бы, всякое вероятие того, что, однако, произошло. Действительно, затевая вновь невзгоду для России, еврейство не имело, по-видимому, ни одного шанса на успех, и тем не менее, достигло кое-чего. Спрашивается, как это могло случиться?...

II. Ответом является прежде всего та “insolentia” или “arrogran-tia” judaeorum, которая давно известна как характернейшая черта еврейства. Для арийца непостижимо, на что способны дерзнуть евреи! С нашей точки зрения это немыслимо и в защиту правого дела. По мнению же сынов Иуды, это естественно и целесообразно, в особенности для торжества обмана. *“Ложь — одно из лучших средств победы,* — говорят они, — *главным же образом тогда, когда, за пределами всякой наглости, она уже способна казаться доблестью”.* Независимо от сего, в данном случае наблюдается ещё и тот, гениально отмеченный Н.В. Гоголем факт, что, увлекая самого лжеца, неправда гипнотизирует слушателей. Некому защищать нас в Америке. Отсюда клевета, распространяемая “избранным народом”, приобретает, наконец, право на доверие. Безнаказанностью она до такой степени обольщает “избранный народ”, что ему не только представляется всё по нашему адресу возможным, а начинает мерещиться, будто ничтожество и презрение — наш удел. Сверх того, в своей гордыне и злобе, евреи чуть ли не успели уверить и себя, что своим посредничеством Рузвельт облагодетельствовал нас и что за Портсмутский мир не может быть для Соединенных Штатов у России отказа. Ясно, что лучше плоды нашей признательности должны быть отданы евреям уже за то, что они соплеменники “честного маклера”. В уплату за мир мы обязаны дать именно “равноправие”, т.е. реванш за неудачу еврейства добиться этого в период войны через вооружённый бунт...

III. Палата представителей и сенат Штатов слезам, тем паче крокодиловым, не верят, а требуют звонких аргументов. Кагал принял свои меры вовремя, значит, не нуждался в газетной либо митинговой агитации. Иначе обстояло дело с мечтательной “большой публикой”. Требовалось “увлечь” её и попутно “спасти лицо” народным представителям... А как это сделать?...

IV. Устроить “бой быков”... Что это значит? Дело обстоит просто. Припомнить, как эти “бои” происходят в Испании. Что требуется?... Толпа — хищный зверь. Она жаждет варварских зрелищ. Жестокие приёмы борьбы в цирке либо жизнеопасные полёты с трапеции на трапецию, у самой его крыши; истязания лошадей и людей на бегах; человеческие жертвы Молоху авиации; смертные казни, производимые публично, как это бывает и сейчас во Франции, etc., etc., — вот чего нужно скопищам тех, кто гордо именует себя homo sapiens. Согласно с этим, и быка надо убить не просто, а доведя его до разъярения. Но любая толпа, ведь, как малый ребёнок. Нет ничего легче, как обмануть её. В ребяческом самообольщении она мнит себя непогрешимой и уверена, что никто не сумеет её обойти либо не дерзнёт. Это надо иметь в виду и на “бою быков”. Дикий самец из Сьерры-Невады несравненно опаснее в родных горах, когда спокоен и на воле, т.е. когда может сообразить, если бы захотел, чем окружённый людьми и преднамеренно раздражаемый. Здесь его ярость искусственна и бесцельна, так как вызывается не теми, кто нанесёт ему coup de grace, да и бывает направлена не на тореадора, а на кусок яркой материи... Искушённое в талмуде еврейство долголетним опытом убедилось, что с толпой надо обращаться так же, как с быком на арене цирка. И это не единственный пример. По упрямству, даже когда трос или четверо тянут его за повод, осёл не идёт на корабль. Тогда двое или трое, сколько могут, тащат осла за хвост назад. Снова по упорству он кидается ко трапу и вскакивает на палубу. Эта же система применима и к людям. Руководствуясь наблюдением, подмеченным уже скифом Анахарсисом, евреи знают, что человек есть животное стадное, а потому способен в массах, как в панике овцы, кидаться со скалы в бушующие волны. Недаром наряду с адвокатурой еврейство захватывает и театральные представления, а в самом Петербурге даёт из кагальной среды не только режиссёров для казённой сцены,

но и чуть ли не всех артистов для “Народного” театра. Не напрасно, в свою очередь, иудео-масоны оркестрируют политические выборы... Им, следовательно, и книги в руки. Обрабатывая для славы талмуда свою постановку “боя быков” на митингах и народных собраниях, они соответственно готовят и mise en scene. Хулосы и бандерильи (hulos et banderillos) это в еврейской гримировке, — низшая администрация, раздражающая толпу мелкими придирками, как делают матадоры с быком чрез уколы игл с разноцветными лентами; донкихоты-пикадоры рекрутируются из обречённых нередко на смерть стражников либо даже из ротмистров, способных выдать почётный билет “Мите” Богрову; статисты-матадоры волнуют толпу и своим количеством; это —— должностные лица “старого режима”, объедающие народ... Он ещё не знает, что с введением радикальной республики их масса будет утроена, как, например, сейчас во Франции; наконец, приводящая быка-толпу в бешенство красная материя — это предания, верования, стремления и народные упования; —— это залитые кровью “жертвы фанатизма и тирании”, всё, что создавалось веками, что велико и свято для страны и что становится под редакцией “освободителей” низостью и мракобесием, привлекает ярость обездоливаемых и оскотиниваемых иудеями человеческих стад... А когда трагикомедия достигает кульминации, является Лассаль либо Маркс, Бернштейн или Каутский и в качестве тореадора наносит смертельный удар проповедью интернационала и коллективизма. Наделив же “сознательных пролетариев” галлюцинациями о рае талмуда и удаляя, стало быть, мёртвого “быка” с арены, иудейская “квадрилья” уже беспрепятственно хватается “за кассу театра”.

V. Зная евреев, а в частности, их прессу, нет надобности входить в рассмотрение приёмов, какими на арене договора 1832 г. они приводили в ярость американцев. Жаль, что этого не понимали сами янки. Но судьба не оставит их без поучения. Пусть только Япония объявит войну, и страшная кара разразиться над Соединёнными Штатами. Тогда поймут янки, что такое сыны Иуды. Разве “избранный народ” не показал себя, помимо России, измываясь над Германией в эпоху “Cultur-Kampfa”? Разве не были изрыгаемы кагалом хулы и на его же благодетельницу Францию в 1870-71 годах, а затем ещё ужаснее, во время процесса Дрейфуса? Разве не евреи загубили оказавшую им гостеприимство Польшу? Разве не грозят смертельной опасностью для С.-Американской республики командуемые иудеями же тресты логическое развитие “хазуки” и “ма'аруфии”, установленных святым талмудом ещё в древности?...

Так или иначе, но, обольщаясь надеждой “согнуть Россию в дугу”, талмид-хохимы объявили “крестовый” поход на неё. Началось со Штатов наиболее ожидовленных: Нью-Йорк, Коннектикут, Пенсильвания, Джорджия, Луизиана и др... При отталкивающем деморализацией политиканстве в Америке и среди грязных приёмов выборной агитации вашингтонский конгресс, а в особенности местные законодательные палаты, наполняются подонками населения, шантажирующими журналистами, нечистыми на руку адвокатами, биржевыми шулерами т.п., в последнее же время и евреями. Заручившись здесь голосованиями к отмене договора, иудейство стало разжигать “большую публику” в газетах и на митингах. Неистовая брань, отчаянная ложь, бесчестное издевательство, гнуснейшие сатиры, срамные карикатуры, бешенные призывы к отмщению за поруганную яко бы честь американского гражданина, равно как за оскорбления, будто бы учинённые Русским Правительством и даже Святейшим Синодом могуществу “величайшей республики в мире”, измывались против нас по еврейской команде на всём пространстве С.-А. Союза. Под предлогом, что договор 1832 года заключён американским послом в Петербурге Бьюханаиом, уроженцем Пенсильвании, жиды подстрекнули сенатора от Филадельфии Пенроза взять первую скрипку кагального оркестра. С рвением, достойным лучшей участи, и сдабривая речь проклятиями сенатор Пенроз орал на митингах, что живым не останется, если дерзновение России не будет отомщено, а её посягательства на владение собственностью, свободу и жизнь американских граждан Моисеева закона не встретят самых крайних мер пресечения. Шаббесгоя окружал букет жидов. Доктор талмудологии Иоссия Стронг, профессор Цирус Адлер из Дропси-Колледжа, председатель американского еврейского комитета и федеральный судья Мейер Зульцбергер, член правления Б'най-Брифа и бывший С.-А. посланник в Турции, увы также не допущенный в Россию Оскар С. Страус (Иосель Штраус) и др. не менее знаменательные отцы Израиля сопровождали, окружала и превозносили шута Пенроза... С другой стороны, в Нью-Йорке имеются два брата Зелигмана, банкир и профессор. Предаваясь всяческое агитации ко вреду России, уже одни эти евреи в главном городе Соединённых Штатов способны заменить кагал, действующий в Филадельфии. Зелигман-профессор на митинге в Нью-Йорке усилено рекомендовал испортить отношения России к Японии и Китаю. Зелигман банкир вместе с Шраусом (назван выше; теперь погиб на Титанике) и Шифом состоит в правлении “Б'най-Брифа”, т.е., быть может, в центральном иудейском, а следовательно, и в потаённом международном правительстве, забавляющемся над детскими мечтаниями гоев к “свободе, равенстве и братстве”.... Третий брат, опять банкир, Срул Зелигман, живёт в Лондоне. На его дочери женат еврей же, конечно Виленкин — коммерческий агент русского министерства финансов С.-А. Соединённых Штатах. Не правда ли, хорошенький квартет?...

Наряду со своим persona gratissima, ещё раз евреем, Рафаловичем, назначенным, в свою очередь, коммерческим агентом в Париж, С.Ю. Витте подыскивает ещё ничтожного еврея и отправляет в Нью-Йорк. Здесь Ицка Виленкин от русского, стало быть, правительства приобретает ордена, чин действительного статского советника, представительную должность и жалование, большее, нежели у члена Государственного Совета. Этого мало. Не в счёт абонемента русская же служба открывает ему ход в богатую еврейскую семью, где он и женился. Но и этого мало. Будучи агентом русского министерства финансов, Виленкин не может не быть осведомлённым о весьма многом. Да и чего не знают евреи!... Так вот, Ицек Виленкин, как русский сановник, усердствует и на лоне Израилевом. Действительно, если допустить, что

немыслимо, будто он враждебен еврейству, а значит, ненавидим кагалом, то подобного агента надо уволить за бесполезностью для русского министерства финансов. А если, что естественно, он солидарен с еврейством, тогда он для России вреден, так как бессилен отказать в сочувствии единоплеменникам, следовательно, и в содействии той агитации против нашего государства, на которой они изощряются, особенно когда родной дядя его жены поучает, как нам устроит дурные отношения с Китаем и Японией, а другой дядя правит "всемирным" кагалом.

Но благодеяния г. Витте сказанным не исчерпываются. Ещё более покровительственной для сынов Иуды, нежели законы, явилась у нас политика высшей администрации. Уже издавна к евреям многие из наших сановников имеют "влечение — род недуга". Послушайте же, что говорит В.П. фон Эгерт[73]. *"И доныне удерживается директива, резко данная в этом смысле бывшим министром финансов С.Ю. Витте. Государственный банк при нём сделался просто питомником для иудейских банков. В субсидировании еврейских предприятий при нём не бывало отказа. Подведомые министерству финансов учебные заведения широко открывались евреям и т.д. Заботы о преуспевании еврейства этот министр деятельно проявлял и вне пределов России. Например, в середине 1890-х годов, объявляя и доказывая, что нет золота для поправления русской валюты и устраивая в России девальвацию, он одновременно отсылал золотом миллионы за миллионами Соединенным Штатам для поправления их валюты, отчего зависело спасение близкого там к банкротству ряда иудейских банков и спекулянтов"...* За сие недавно еще в речи, сказанной пред комиссией по иностранным делам палаты представителей в Вашингтоне, дань благодарности принёс А. Уайт: *"Я знал одного великого русского — Сергея Витте. Это он, в бытность свою министром финансов, наделял нас в Америке за время президентства Кливленда для поддержания нашей валюты многими и многими миллионами золота на самых сходных условиях ссуды"*[74].

По лозунгу, данному всесильным тогда министром финансов, благоволение к евреям стало у нас общим тоном, и в какие-нибудь пятнадцать лет произошло изумительное пропитывание еврейством целой России. Оставляемые нашими несовершенными законами многочисленные лазейки были все использованы евреями, не зевавшими при таком поощрении для распространения за черту оседлости. Теперь и вне черты любой город, а то и местечко, пестрят представителями "угнетённого племени". В их же руках монополизируется торговля страны. Поразительным образом изменилась физиономия и самого Петербурга.

Одновременно цвет еврейства получал усиленное покровительство для занятия руководящих положений в банковском и акционерном деле и украшался, где только представлялся случай и где это могло зависеть от министерства финансов, государственно-служебными отличиями.

Такими являлись и наши американские условия когда 17/30 октября 1911 года в Нью-Йоркском Ипподроме был, наконец, освистан русский национальный гимн. Произошло так. Очаровав англичан и вызывая бурю восторгов в Америке, оркестр балалаечников Андреева давал концерт с благотворительной целью. Исполнив, по своей инициативе, американский гимн, Андреев услышал требования сыграть русский... Это жиды готовили нам сюрприз! Змеиным шипением, гвалтом и рёвом были встречены уже первые аккорды. Находившийся в ложе русский генеральный консул, барон Шлиппенбах, к сожалению, поспешил удалиться. Между тем, зал, превратившийся в синагогу, неистовствовал. Сотни озверелых жидов, поднявшись с места, кричали на все лады с явным умыслом растравить и увеличить скандал. Истинные американцы не только в этом позоре не участвовали, а поднимаясь, в свою очередь, аплодировали и кликами приветствовали гимн.

Но сыны Иуды, приготовившись заранее, оказывались в большинстве и, заглушая чудную музыку, бешено ревели: *"Вспомни Кишинёв! Не забывайте о погромах!..."* Вопреки, однако, всему, как, возмущаясь, свидетельствует "Нью-Йоркский Американец" (New-Jork American), оркестр "при пламенеющих от негодования лицах музыкантов, исполнил гимн до конца...". Знаменательно, что полиция не останавливала безумия иудейского. Самый же факт оскорбления нашего гимна остаётся без возмездия и поныне... Сверх того, на следующий же день, 18/31 октября, несколько сот духовных лиц всяких наименований под председательством епископа Кортнэ собрались в здании общества "Метрополитэн" и составили резолюцию в том смысле, что необходимо прекратить гонения на евреев в России и заставить русские власти отказаться от

---

[73] Мой почтенный друг и соратник В.П. фон Эгерт путешествовал в Северной Америке, когда сыны Иуды фабриковали вотум палаты представителей об уничтожении договора 1832 года. Возвратясь домой, он изложил свои наблюдения и размышления в брошюре "Из американских впечатлений". Исполненные любви к родине, вдохновенные и негодующие указания фон Эгерта встретили живой отклик в русских сердцах. С трогательным подъёмом патриотического чувства прошло собрание в 3.000 человек разных возрастов и положений в С.-Петербурге (февраль 1912 года). Затем в Америке свершились ещё события, к нам относящиеся и вновь же подтасованные, конечно, евреями. Не умолчал В.П. фон Эгерт и о них. Его призыв "Надо защищаться!" дышит искренней печалью пред иудейской тиранией и глубоким сожалением о нашем бездействии. Приветствуя мужество В.П. фон Эгерта и как русский благодаря его за своевременность предостережения, автор обосновывался на его свидетельстве в том, что касается фактической стороны разрушения договора, заключённого Россией с Соединёнными Штатами 6/18 декабря 1832 года.

[74] "There are great Russians, one of these i have known, Serge de Witte. He it was who, as Russian minister of finance during the administration of President Cleveland, — seeing our Government, as he tought, in need of gold as a basis for its currency, tendered to us millions upon millions of gold — largely in American eagles, on terms eminently fair and reasonable". (Hearing before the Committee on Foreign Affairs of the House of Representatives. Monday, December 11, 1911. P. 11. — Официальное издание Конгресса).

непризнавания по мотивам религиозной нетерпимости силы за паспортами американских граждан известного разряда. Здесь же избрали шестерых священников, которым было поручено представить нью-йоркскому архиепископу другую резолюцию, осуждающую приёмы русской православной церкви, и побудить его к отсылке этой резолюции в Святейший Синод как выражение чувств американского духовенства...

Вот какую потеху устроил себе на радость кагал в "самом свободном государстве обоих полушарий". Как же не признать вместе с Платоном, что безграничная свобода есть и безысходное рабство!... А Платон ещё и сынов Иуды не знал!

VI. Vires acquirit eundo — мысль непреложная для истины, но, быть может, вернейшая для лжи... Да и еврейство не таково, чтобы останавливаться на полдороге. Шайка депутатов — иудеев, предводимая Мошкой Зульцером, внесла в нижнюю палату конгресса билль об уничтожении договора с Россией. Можно представить себе, что проделывали жиды и их лакеи среди "народных представителей", когда нашелся только один человек, чтобы запятнать это бесстыдство по заслугам. С другой стороны, у евреев "желчь раздавленная". Им мало оклеветать нас в преднамеренном нарушении договора, как недостаточно и унизить давшую кагалу убежище Америку. Нет! Они сами продиктовали текст резолюции, оскорбительной для нас не только в существе, а и по форме. 30 ноября/13 декабря 1911 года палата всеми голосами, кроме одного, постановила следующее:

"Народ Соединённых Штатов утверждает как основной принцип, что права его граждан не будут умалять по расовым или религиозным основаниям; что правительство Соединённых Штатов заключает договоры для равного покровительства всем классам американских граждан, безразлично к племени и вероисповеданию; что правительство Соединённых Штатов не будет участвовать в каком бы то ни было договоре, который различает или стремиться к различению американских граждан по вероисповеданию или племени; что правительство России нарушило договор 1832г., отказывая признавать американские паспорта, законно выданные американским гражданам, по причинам племенным или вероисповедным; что, по убеждению конгресса, упомянутый договор, в виду указанных причин должен быть расторгнут в ближайший срок; что, по названным причинам, договор этот объявляется прекратившимся и не имеющим в дальнейшем силы и действия по истечение одного года со дня уведомления правительства России о содержании настоящей резолюции, и что ради этого на президента возлагается обязанность довести уведомление это до сведения русского правительства".

VII. Не мог русский посол Бахметев оставаться безучастным. Вслед за его беседой с Тафтом явилось быстрое и для конгресса неожиданное распоряжение президента. Предвидя, что такая резолюция может пройти и в сенате и находя невозможным прекращение договора в столь грубой форме, Тафт решил отменить договор собственной властью, поручив американскому послу в Петербурге уведомить Русское Правительство в учтивой ноте и без упоминания о евреях. Нашему министру иностранных дел 3/16 декабря того же года посол Соединённых Штатов письменно заявил:

"Согласно инструкциям от моего Правительства и в дополнение к переговорам, имевшим место между государственным секретарём и русским послом в Вашингтоне, имею честь сообщить Императорскому Российскому Правительству предусмотренное в ст. 12 договора 1832 г. официальное заявление со стороны Соединённых Штатов, в силу которого действие этого договора должно прекратиться, в соответствии с постановлениями его с 1 января 1913 года.

Как Ваше Превосходительство изволите припомнить, переговорами, происходившими между обоими Правительствами в течение последних трёх лет, вполне установлено, что настоящий, старый договор, как это само собой понятно, уже не отвечает во многих отношениях политическим видам и всё возрастающим материальным надобностям обеих сторон. От времени до времени договор также возбуждал некоторые недоразумения, встречающиеся с сожалением обоими Правительствами.

Препровождая настоящее официальное уведомление Вашему Превосходительству, я имею указание выразить желание моего Правительства относительно возобновления стараний по заключению более современного договора о дружбе, торговле и мореплавании на основаниях, которые более совершенным образом отвечали бы интересам обеих сторон. Я в то же время уполномочен Президентом подтвердить ту высокую цену, которое правительство Соединённых Штатов придаёт историческим отношениям между обеими странами, и желание моего Правительства не жалеть никаких усилий, чтобы исход предполагаемых переговоров содействовал дальнейшему закреплению и дружественному характеру этих отношений.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы засвидетельствовать Вашему Превосходительству вновь уверение в моём глубоком уважении".

В сенате, куда, по установленному порядку, президент сообщил об изложенном, сперва стали произносить речи, не уступающие тому, что говорилось в палате. Затем, одумавшись, признали невозможным одобрить резолюцию палаты, а наоборот, утвердили распоряжение президента.

Таким образом, дело пока завершилось постановлением сената от 6/19 декабря 1911 года, одобренным и палатой представителей:

"Принимая во внимание, что: а) договор о торговле и мореплавании между Соединёнными Штатами и Россией, заключённый 18 декабря 1832 г., предусматривает в своей 12-й статье, что он имеет силу по 1 января 1839 года, а ее ли за год до сего срока от которой либо из высоких договаривающихся сторон не последует уведомления другой о своём намерении прекратить его действие, то он остаётся обязательным ещё один год после означенного дня, и так далее до истечения года со времени получения означенного уведомления; б)

16 декабря 1911 г., Президент распорядился о сообщении Российскому Императорскому Правительству через американского посла в С.-Петербурге, официального уведомления со стороны Правительства Соединённых Штатов о намерении прекратить действие означенного договора по истечении года, считая таковой с 1 января 1912 года; в) что упомянутый договор не отвечает более в различные отношения политическим принципам и торговым надобностям обеих стран, и г) толкования, даваемые ему договорившимися сторонами, расходятся по предметам первостепенной важности для каждой, Сенат и Палата представителен Соединённые Штатов Америки, собранные в конгрессе, постановляют: что сим одобряется и утверждается уведомление, сообщённое Президентом Правительству Российской Империи о прекращении действия вышеозначенного договора, согласно с порядком и условиями, в нём постановленными".

Что из этого выйдет в итоге, говорить бесполезно. Вопрос не может, однако, не стать среди работ Государственной Думы предстоящего созыва на ближайшую очередь. Во всяком случае, едва ли мыслимы какие-либо переговоры, пока Северной Америкой не будет дано подобающего удовлетворения за посягательство на честь России...

VIII. Истина имеет право быть невероятной. Посему мы видим, что 17/30 декабря в Нью-Йорке с участием как нынешнего, так и бывшего президента, Тафта и Рузвельта, полутора тысячами деятелей С.-А. Союза был назначен "банкет мира". Приглашенными являлись также послы иностранных держав, следовательно, и России. Наивные, чтобы не сказать больше, американские запевалы отправили в Вашингтон специальный поезд, но, как и надо было предвидеть, он вернулся порожним. Quos perdere Jupiter vult, dementat! Из всех миссий не приехал никто. Это было уже действительным и вполне заслуженным оскорблением по адресу тех, кто позволяет себе курить фимиам общему миру, только что учинив на него же изменническое нападение, да ещё осмеливается предполагать такой цинизм у европейской дипломатии, когда участием на банкете она санкционировала бы дерзновение, поныне невиданное даже со стороны американского правительства...

Таков был первый урок. За ним последовали и другие.

Не достигнув цели, политиканы конгресса превратили его в предмет глумления на обоих полушариях

I. Едва ли можно сомневаться, что и свободные от стыда "народные избранники" С.-А. Штатов решились сыграть на руку евреям, всё-таки лишь доверившись клятвам неунывающего кагала, будто Россия беспомощна, а её репутация отвратительна, и что, владея мировой прессой, еврейство сумеет реабилитировать конгресс да и за себя постоит.

Увы, судьба позабавилась над самими же иудеями, вновь карая их неспособность переносить счастье.

II. Из массы других подобных мы приводим некоторые отзывы главнейших газет:

Германские газеты:

Norddeutsche Allgemeine Zeitung. — Всё это не что иное, как маневр для приобретения еврейских голосов при предстоящих выборах.

Deutsche Tageszeitung. — Германское правительство должно следовать примеру, показанному Россией в деле о паспортах американских евреев... Беспристрастный наблюдатель может только симпатизировать России в настоящем

Rheinisch-Westphalische Zeitung — Дело, в котором теперь предстоит разобраться русскому правительству с американским, касается в первой линии их обоих. Но во всём мире должны найти удивительным, как это американское правительство вступается только за известный класс прежних русских подданных и требует от русского правительства, чтобы оно за этим новоиспеченными гражданами признало при их возвращении в Россию и поселении у неё вновь те же права, как за американскими гражданами английского или вообще другого происхождения, когда само американское правительство без пощады отказывает в праве приезда в Соединённые Штаты русским подданным монгольского происхождения, стало быть, ограждает доступ к себе в дом совершенно так же, как этого хочет для себя Россия. При такой "discrimination" с американской стороны должны вступиться в дело и другие держаны в видах собственного интереса.

Dresdener Nachrichten. — К русскому государству принадлежат миллионы монголов, которые признаются полноправными русскими гражданами. Несмотря на это, Соединённые Штаты всегда отказывались допускать в свою страну таких монголов... Можно думать что угодно по поводу тех строгих паспортных правил, которые в России действуют относительно иностранных евреев, однако, во всяком случае следует признать, что Россия имеет право поступать в своей собственной стране по своим собственным законам... Но янки думают, что себе они могут позволить все без обязанности делать какие либо уступки другим.

Deutsche Volkwirthschaftliche Correspondenz. — Не по соображениям торговой политики, но из-за препятствий, которые Россия своим паспортными правилами ставит приезду в её владения американским евреям, американское правительство уничтожило трактат 1832 года о дружбе и торговле с Россией.

С тем обстоятельством, что имеется несколько миллионов русских подданных, которым воспрещают приезд в Соединённые Штаты, оно с привычной бесцеремонностью не хочет считаться.

Hamburger Fremdenblatt. — Был ли случай, чтобы европейские державы жаловались на ограничение русскими паспортными правилами прав их еврейских подданных по приезду в Россию и пребыванию в ней? Мы никогда об этом не

слыхали. Увы, еврейство сделалось в Соединённых Штатах силой!... Американское правительство пробовало было вступиться за американских евреев, но Россия ответила, что она не допускает вмешательства в свои внутренние дела. Когда американское правительство вздумало сослаться тут на договор 1832 года, ему указали в С.-Перетбурге на русских подданных монгольского происхождения, которых не допускают в Соединённые Штаты. Тогда Америка уничтожила договор, и этим самым прекратились права наиболее благоприятствуемой нации по торговле, которые этот договор давал взаимно обоим государствам.

Leipziger Neueste Nachrichten. — Президент Соединённых Штатов уничтожил договор 1832 года с Россией, и теперь в Америке друг друга поздравляют с тем, что Россию за её непочтительное отношение к паспортам американских граждан поставили в угол. Однако, г. Тафт и его министр иностранных дел знают весьма хорошо, что достигнуть заключения нового договора с Россией, который давал бы всем американским гражданам, независимо от их племени или веры, одинаковые права по приезду в Россию и пребыванию в ней, начисто невозможно. Обоим этим государственным мужам также отлично известно, что, с деловой точки зрения, Соединённые Штаты гораздо более заинтересованы в хороших отношениях с Россией, нежели последние, так как они гораздо больше продают в Россию, чем оттуда покупают. Наконец, там вполне понимают, что недружелюбная политика России должна создать большие затруднения и причинить значительные убытки янки, ищущим дел на Дальнем Востоке. Но американский народ воображает, будто он одержал нравственную победу; американский орел прокричал: ура, договор уничтожен! Не видят, что г. Тафт и конгресс разыграли “political effect”... Когда “американский” гражданин, колыбель которого стояла, например, в гетто в Лодзи, вздумает в 1913 году поехать в Россию, то пусть он преспокойно свой вашингтонский паспорт оставит дома: московиты всё равно его не пропустят через границу, и у них есть на то основания. А когда он затем с огорчением обратится за помощью и утешением в Departament of State, то испытает, что “согражданину из Галиции или Польши” уделяют внимание только раз в четыре года, только около времени президентских выборов, а что затем решающее значение принадлежит во всем крупному американскому капиталу, последний же настоятельно требует сохранения добрых отношений с правительством Царя.

Английские газеты:

Times. — Чисто еврейский вопрос раздули тут до значения важного предмета и подогревали по нему негодование на митингах... Но если Соединённые Штаты признают за собой право регулировать иммиграцию к ним по-своему, то трудно им отвергать это же самое право за Россию.

Delly Telegraph. — Россия не может делать уступок в вопросе о паспортах... Прямым же последствием уничтожения трактата окажется закрытие русского рынка для многих продуктов американской промышленности.

Morning Post. — Россия чувствует себя отлично, и её забавляет возникновение еврейского вопроса в обетованной американской земле...

Irish Times. — Приёмы американских политических партий настолько известны, что мы без колебания приписываем возникновение натянутых отношений между обоими государствами махинациями партии демократов, затерянным единственно в видах её интересов. Негодование, которое, естественно, этим возбуждается в государствах, где приёмы в выборной агитации сравнительно чище, теперь смягчается чувством удовлетворения по поводу того, что роковые последствия, которые могли отсюда проистечь, предупреждены смелым шагом президента.

Французские газеты:

Temps. — Что русские на это ответят? Они скажут, что каждое государство вольно отказать в доступе в свою территорию всякому, кому заблагорассудит. Соединённые Штаты пользуются этим правом без стеснений и немилосердно исключают от доступа к ним азиатских уроженцев, между которыми Россия имеет многих подданных.

Journal des Debats. — Вопрос о паспортах угрожает испортить русско-американские отношения... Россия указывает на закон, по которому Соединённые Штаты не допускают к себе китайцев и мусульман, чем закрывают приезд в Северную Америку для 15 миллионов подданных Царя.

Libre Parole. — Совершенно законный образ действий русского правительства возмутил евреев в Соединённых Штатах, и они образовали комитет, возомнив, что смогут заставить Россию допускать в её владения всяких американских граждан без исключения... На уничтожение договора 1832 г. Россия, вероятно, ответит репрессиями и возвысит таможенные пошлины на американские продукты.

Японские газеты:

Tokio Asahi. — Хотя Америка и прилагает усилия, чтобы её евреи получили одинаковые права с прочими американцами по приезду в Россию и проживали в ней, однако, Россия на это, очевидно, согласиться не может, ибо она тогда должна была бы дать те же права всем прочим иностранным евреям. Отношения между Россией и Америкой теперь стали натянутыми, и переговоры будут нелегки... Но как же Америка, делающая выпад против России из-за своих евреев, объяснит своё поведение относительно японцев и китайцев? Если она негодует здесь на Россию, то ещё с большим правом должны на неё негодовать все державы с подданными азиатского происхождения, которым она закрывает дверь к себе, тогда как Россия ещё всё же пускает к себе американских евреев, только с известными ограничениями.

Osaka Mainichi Shimbun. — Длинная статья, озаглавленная: “Япония должна следовать образу действий России в политике”. Вот несколько мест из неё: Россия не позволяет вмешиваться в свои внутренние дела и хорошо делает. Какое имеют право Соединённые Штаты требовать изменения в ней законов

относительно приезда туда американских евреев? Пусть Америка вспомнит свои собственные законы относительно приезда в неё японцев... Уничтожение договора 1832г. для России не имеет знамения, самой же Америке принесёт значительный вред по торговле.

Этот перечень отзывов независимой и наиболее авторитетной иностранной прессы можно было бы значительно продолжить, но, по-видимому, достаточно и приведённых выше.

В виду столь единодушных порицаний, высказанных общественным мнением разных стран, американская газета "New Jork Times" от 21 января 1912 года делает следующее смущённое признание: "*Из обзора иностранных газет устанавливается ясным, но для нас, американцев, удивительным образом, что, как думают другие нации, мы не только не были правы, обвиняя Россию в нарушении договора 1812 г., но что мы обрезали себе носы на изуродование собственных физиономий и вообще поступили смешно!...*"

А в газетах, на митингах и в законодательных собраниях С. Америки кричали, что сочувствие всего мира на её стороне, и что Россия теперь будет приведена к полному изолированию, так как другие государства не замедлят последовать примеру Америки. Вышло наоборот, изолирование досталось не России, а Соединённым Штатам.

III. Содеянное кагалом является жалкой нелепостью даже по мнению наиболее видных защитников еврейства:

Макс Нордау: "Россия не сделает уступки Соединённым Штатам. Не хочу утверждать, чтобы какое-либо другое правительство не выступило с подражанием им, но английские евреи не двинутся с места. Положение евреев в России ухудшится, а антисемиты в Америке заставят американских евреев тяжело поплатиться за их мужественный образ действий. Вот и всё. (Письмо Нордау в "Jewish Chronicle").

П.Н. Милюков: *"Осуждаю приёмы агитации евреев в Америке. Она направлена не против определённой партии или против состава русского правительства, но против России в целом, и вот мы имеем результат, как раз противоположный тому, какой был желателен"* (беседа с американским корреспондентом, напечатанная в газетах New York American, New York Press и других, от 2/15 декабря 1911г.).

IV. Надо заметить, с другой стороны, что из самой Америки чрезвычайно "облегчили" положение посла Соединённых Штатов в С.-Петербурге для ходатайства о заключении нового, "благоприятного" договора.

Действительно, — это как раз самые подходящие для подобной заботы приёмы: ругать в газетах, на митингах и в конгрессе самым неприличным образом Россию, оскорблять её народ и её церковь, заглушать русский гимн свистками и рёвом издеваться грубо над особой Императора России в карикатурах и стишках, и т.п. Нечего сказать, отрадным должно оказаться положение посла, когда у министра иностранных дел либо у премьера, или в Императорском дворне ему со снисходительной улыбкой стали бы показывать: "The Congressional Record", где помещены стенографические отчёты речей в палате представителей и в сенате, или №№ "New Jork American", "New Jork Globe", "New Jork Mail", "New Jork Tribune", "New Jork Press", "Daily Rople" и др. газет от 17, 18, 19 и 20 декабря 1911 года. Но уже окончательно венчают дело факты, что американское правительство дозволяет образование в Америке шайки для снаряжения убийц в Россию, равно как для тайной посылки туда оружия, что было разрешено собирать для этого деньги на митинге, и что участие в таком митинге принимали американские правительственные лица, не исключая сенаторов (см. "Philadelphia Advertiser", "Philadelphia Inquirer" и другие американские газеты от 19 марта 1912 года).

Беснование сынов Иуды в Америке
Еврейство само призывает на себя возмездие Немезиды

I. Самая отвратительная вещь для еврея — отдавать назад, как жажда мести — основная черта в его характере. Не столько, пожалуй, стремление к роскоши, сколько именно мстительность, является источником еврейского корыстолюбия. С другой стороны, кагал не может ошибаться или, по крайней мере, не должен позволять гоям какие-либо в этом сомнения. Это понятно, ибо что же иное может служить для кагала гарантией деяний в прошлом, равно как залогом преуспеяния будущего. Вот почему с осатанелым упорством еврейство твердит о своём неизменном торжестве. Ниспровергая супостатов и сокрушая препятствия, сыны Иуды в случае невзгоды готовы на любые злодеяния, лишь бы поставить на своём. Мы видели примеры не только в России за период кагального бунта, и не в одной Франции на пути процесса Дрейфуса, а даже в Австрии, когда, будучи разбиты на городских выборах в Вене и стремясь искоренить Люэгера, кроткое еврейство мало того, что требовало нарушения конституции, но домогалось и осадного положения.

II. То же наблюдается в Соединённых Штатах. Так хорошо поставленная и ещё лучше разыгранная оперетка "негодование конгресса" в защиту американского патриотизма евреев пригвоздила к позорному столбу их же самих. Долгим опытом научились они понимать грозное изречение c'est le premier pas qui coute. Американский ягуар лизнул еврейской крови... Кагал же не перестаёт дразнить его.

А вдруг бросится!?

Выло от чего придти в отчаяние, даже в бешенство. Так и случилось.

III. Опять началась в иудейской прессе травля всего русского снова пошли митинги "американцев Моисеева закона". Презирая "вашингтонскую" конституцию и правила чести, но твёрдо памятуя, что они евреи, даже должностные лица от колена иудина в Соединённых Штатах не затруднялись участвовать в агитации и подстрекать единоплеменников. Учитывая же единство

Израиля, американские евреи вообще руководствовались уверенностью, что если явно нелепый замысел об уничтожении договора 1832 года мог быть приведён в исполнение согласно с директивами, данными русским еврейством, то и наоборот, это последнее точно соблюдает наказ, редактированный Б'най Брифом. Обосновываясь же на своём международном величии, иудаизм повсюду, а тем паче в С. Америке, полагает всё для себя дозволенным, вследствие чего, не признавая местных, как и вообще узаконений гоев, рассчитывает на безнаказанность, что бы ни содеял.

С другой стороны, отнюдь не следует забывать, что "игра", затеянная сынами Иуды, была не из таких, чтобы её можно быть прекратить безопасно, и наоборот, выигрыш давал надежду, что партнёры сами откажутся помышлять о какой-либо "партии" вновь.

"Одна Россия, — говорит Марр[75], — *хотя и осаждаемая еврейством, до сих пор ещё стоит твёрдо, но рано или поздно и она будет взята им... Евреи и сюда продерутся окончательно, а тогда уже сорвут с петель христианскую цивилизацию!..."*

Вдохновение мудрого немца как бы провидит "уничтожение договора 6/18 декабря 1832 г.".

IV. Иллюстрацией являются нижеследующие факты, удостоверенные американской же прессой. Для удобства читателей, даём их по-русски, но в виду особой их знаменательности, равно как для устранения споров, приводим и английские тексты.

"Филадельфийская пресса", 19 февраля 1912 г. Пылающим страстью языком, Герман Лёб[76], директор Департамента продовольствия, в речи своей вчера днём перед собранием из трёх тысяч евреев описывая мрачное угнетение, царящее в России, делал призыв к оружию и настаивал, чтобы на русское преследование ответ давался "мечем и огненным боем". *"Конечно, не худо отменять приговоры, поясниц он, — но лучше того "освободить навсегда от царского деспотизма".* Директор предлагал в Россию сотню головорезов с тайным доставлением в эту же страну оружия.

Лёб сменил на кафедре сенатора Пенроза. Энтузиазм слушателей уже перед ним был приподнят до высокого градуса зажигательными словами сенатора Соединённых Штатов, но огненный призыв Лёба увлёк собрание в бешеный водоворот возбуждения. "Давайте собирать деньги, чтобы послать в Россию сотню головорезов, — сказал директор. — Пусть они натаскают нашу молодёжь и обучат её пристреливать угнетателей, как собак. Подобно тому, как подлая Россия вынуждена была отступить перед маленькими японцами, так она должна будет уступить дорогу перед избранным от Бога народом. Бросьте семена и они взойдут! Толкните лавину, чтобы она покатилась по всем Соединённым Штатам, и Россия сойдёт с нашего пути. Деньги могут это сделать"[77].

Другими ораторами митинга были: директор общественной безопасности Джордж Д. Портер, бывший директор публичных работ Гарри А. Макей, судья Леон Сандерс, Яков Шен и Иосиф Гросс.

"Филадельфийские Ведомости", 19 февраля 1912 г., Когда сенатор Б. Пензор на вчерашнем массовом митинге говорил об отношении России к евреям и заявил, что Америка вполне может обойтись без какого-либо договора с этим государством, слушатели энергично выражали своё одобрение.

Но Герман Лёб, директор Департамента Продовольствия, поднял настроение собрания до лихорадочного жара, объявив, что уничтожение договора приносит известную помощь, однако, не разрешает всей задачи, и призывал американских евреев к составлению фонда для отряжения в Россию головорезов с тайной посылкой туда оружия, *"дабы зажечь боевую кровь в русских евреях". "Подлую Россию, которая вынуждена была стать на колени перед маленьким японцем, мы заставим опять стать на колени перед избранным от Бога народом", — с эмфазой произнёс Лёб в своём обращении*[78].

---

[75] W. Marr. "Der Sieg Des Judenthums uber das Germanenthum". Bern. 1879.

[76] Конечно, еврей, да ещё, невидимому из России. Теперь от имени правительства С.Ш.С. Америки, он ведает "продовольствием американского народа" в то самое время, когда его "братство" фальсифицирует и продукты земледелия, и цены на них, по "мировым данным", ожидовленного, в свою очередь, конечно, правительственного же, статистического бюро.

При такой, усовершенствованной кагалом, системе не может, конечно, являться конфликтом между интересами сынов Иуды и казны, как это случилось у нас по делу Гурко, ни тем паче супостатство Израилю, каким, например, horribile dictu, дерзнул выступить названный сейчас товарищ русского министра внутренних дел...

[77] "Philadelphia Press" of 19 Febr. 1912 — "In language flaming with passion as he pictured Russia's dark oppression, Hermann Loeb, Director of the Department of Supplies, addressing an audience of 3.000 Hebrews yesterday afternoon, sounded a call to arms and urged that Russian persecution be met with shot and sword. "Abrogation of treaties is as well enough", declared the Director, "but what is better than all and more lasting, is freedom forever from imperial despotism". The Director would send a hundred soldiers of fortune to Russia and would have arms smuggled into that land.

Director Loeb had succeeded Senator Penrose on the platform Penrose on the platform. The enthusiasm of the audience before him had already been raised to a high pitch by the United States Senator's glowing words, but Director Lobe's fiery address swept the assemblage into a whirlpool of emotion. "Let us raise the money to send a hundred of soldiers of fortune to Russia", said the Director. "Let them train our young men and teach them to shoot the oppressors like dogs. As cowardly Russia was made to yield to the little Japs, it will yield to God's chosen people. Take this seed and it will grow. Start the ball rolling throughout the United States and Russia will give way before us. Money will do it".

[78] "Philadelphia Record" of 19 Febr. 1912. — "When Senator B. Penrose referred, at the mas-smeeting of yesterday, to the attitude of Russia toward the Jews and declared that America could well forego any treaty at all with that country, the hearers cheered vigorously.

But Hermann Loeb, Director of Supplies the audience to fever-heat by declaring that the abrogation of the treaty is a help, yet does not solve the whole problem, any urging the Jews of

“Нью-Йоркское Время”. 26 февраля 1912 г. Профессор Э. Зелигман на вчерашнем митинге подробно говорил о положении, создавшемся через уничтожение Америкой её договора с Россией. *“Судьба вопроса о паспортах,* — сказал он, — *зависит всецело от того, что будет происходить в Китае. “Усваивая известную политику в отношении Китая, Соединённые Штаты могут поставить Россию в такое положение, что она рада будет заключить новый договор, более благоприятный”*[79].

“Нью-Йоркское Солнце”, 31 марта 1912 г. Евреи всего мира объявили войну России. Подобно римско-католической церкви, еврейство есть религиозно-племенное братство, которое, не обладая политическими органами, в состоянии, однако, выполнять важные политические функции. И это государство теперь предало отлучению русское царство. Для обширного северного славянского племени нет больше ни денег от евреев, ни симпатии с их стороны ни в парламентской, ни в публицистической области, а взамен этого — беспощадная ненависть. И Россия понемногу начинает понимать, что означает такая война!... [80]

V. Издаваемая евреями в СПБ “Речь” не дерзает говорить таким же языком, но она это думает. В заключение своей статьи об уничтожении договора 1832 года, газета осмелилась бросить русскому обществу такие строки:

“В конце концов, Соединённые Штаты, говоря скромно, — держава с известным международным положением, а Россия и русские, каковы бы ни были их азиатские взгляды, дорожат общественным мнением, и отказаться от договора с ней — значит покрыть её пятном, которое трудно смыть”.

“Такие речи, быть может, ещё уместны в Америке, — справедливо негодует “Новое Время”, — *но не возмутительно ли читать повторения их в пределах России и на столбцах яко бы русской газеты, торжествующей, что эту же самую Россию покрыли пятном, которое трудно смыть”.*

America to raise a fund with which to send soldiers of fortune to Russia and to smuggle arms into that country, to stir the fighting blood of the Russian Jews. “The cowardly Russia, which was made to kneel to the little Jap, will be made to kneel again to God's chosen people”, the Director swung emphatically into his peroration”.

[79] “New York Times” of 26 Febr. 1912. — Prof. F. Seligman, at the meeting of yesterday, dealt at length with the problem growing out of America's abrogation of the treaty with Russia. “The fate of the passport question depends entirely on what is going to happen in China”, he said. “The United States, by adopting a certain policy toward China, can bring Russia into a Position where she will be glad to make a new and more favorable treaty”.

[80] “New York Sun” of 31 March 1912. “The Jews of the whole world are declaring war against Russia. Like the Roman Catholic Church the Jewish community is a racial-religious fraternity which, without possessing political organs, can discharge important political functions. And this State has now excommunicated the Czardom. For the great northern Slav race there is to be no more Jewish money, nor Jewish sympathy, parliamentary or journalistic, but in lieu of these unrelenting opposition. And Russia is slowly awaking to the meaning of this warfare”. (То же самое в Tribune, New York Times и других американских газет).

“Гессен знает наше так называемое интеллигентное общество, способное сочувственно читать такие отзывы о вскормившем его отечестве; знает, что одурманенный многолетней еврейской отравой читатель не швырнёт грязный иудейский листок в физиономию выпустившей его редакции, только что плюнувшей ему самому, этому читателю, в физиономию. И русское общество, и русская власть свободно допускают публичное издевательство над Россией со стороны еврейских писак, осмеивающихся говорить от имени русского общественного мнения. Но не надо забывать, что над ними есть высший судья — русский народ, который любит и чтит родину и не позволит безнаказанно осквернять родное гнездо всяким проходимцам. Борьба между народами может принимать различные формы. Объявленная нам американскими евреями таможенная война завтра же может превратиться в настоящую, и те, кто считает возможным бороться с Россией, оставаясь в России, явно вступает на путь, ведущий к измене и предательству”.

VI. Указав на это, “Новое Время” не исчерпало, однако, вопроса.

Поразительно тождество иудейского характера во все времена и непостижимо долготерпение народов. За XXXV столетий евреи не изменились. То, что учиняли они в древнем Египте, повторяется и сегодня. Завладев лучшими частями страны фараонов, невероятно размножаясь, разжигая революцию и заражая аборигенов, еврейство на меры государственного оздоровления отвечало бунтом. Требование же правительства оставить страну встретило оно проклятиями, язвами и кознями. Сейчас усматривается, в существе, то же. Надо знать евреев и вчитаться в текст “Речи”, чтобы раскрыть весь яд презрения по нашему адресу и злобу мстительности “угнетённого” племени. Ему недостаточно ужасов 1905 года, недостаточно довольно и свободы набирать шайки убийц в Америке. Нет! Благоденствуя и, в свою очередь, захватывая Россию, евреи не только стремятся к её порабощению, но и кидают нам в глаза угрозу предательства за самую попытку обезопасить русский народ от нашествия бундистов, “иллюминаторов”, бомбистов и экспроприаторов, бежавших в Соединённые Штаты, но не желающих там оставаться. Близость аналогии видна и с другой стороны. Как в Египте за одну только разгадку сна, где, вдобавок, ровно ничего не было замысловатого, Иосиф Прекрасный обратил своих хозяев в рабов, стал господином в доме фараона, а ему самому — отцом, так и в наши дни, “директор департамента продовольствия” Лёб, пользуясь комедией уничтожения договора 1832 года, навязывает России целые транспорты чужих евреев, когда и от своих мы не знаем, куда деваться. Гессен же и Винавер в надменном пренебрежении к нашему достоинству глумятся над русской землей со всей наглостью иудейского господства. И в Египте, и в России, домогательства “избранного народа” одинаково пустопорожни. Но если “воздушность” его проделок (“Luft-Geschaftmacherkeit”) уже достойна внимания, то означенные выше, тридцатью пятью веками разделённые, операции кагала являются закоренелыми, значит, воистину нетерпимыми.

Пора этому положить предел!...

VII. Ubi facta loquuntur, non opus est verbis! Но если указанные сейчас данные сами говорят о себе, то не излишне, по крайней мере, поставить на очередь вопрос: ужели так и быть должно?...

Правда, решение связано с общеиудейской проблемой, и местное лечение бесполезно. Правда, равным образом, что никак не входит, да и не может войти в нашу задачу ликвидации всей проблемы. Тем не менее, в пределах хотя бы торгового договора, если он будет заключён с Соединёнными Штатами, нельзя не заметить, что следовало бы позаботиться и о пресечении пути в Россию наиболее опасным евреям. Таковыми, несомненно, прежде всего являются как раз те комиссионеры значительных иностранных купеческих домов, а также главы этих домов и банкиры (ст. 230 Уст. о пасп., изд. 1903 года), которым именно и предоставлена у нас привилегия свободной эксплуатации русского народа. Имея же за этим в виду, что еврейская пресса служит исключительно преступным замыслам сынов Иуды, как это явствует хотя бы из её образа действий в деле об уничтожении договора 1832 года, нельзя, наконец, не принять мер и к её обузданию.

Целесообразными являются: а) требование от издателя газеты залога с обращением на него и должной кары за сокрытие своего иудейства подставным лицом, и б) признание газетных объявлений неотчуждаемой государственной регалией. Всякий, понимающий дело, не может не согласиться, что эти меры повелительны и безотлагательны раньше выработки каких-либо других средств спасения от иудейского террора. Новизна идеи о государственной монополии на объявления не исключает её прозорливости. Что же касается осуществления её, то оно не может встретить затруднений; да и каковы бы они ни были, это ничто в сравнении с целебностью идеи.

Invia virtuti nulla est via!

Переходя, в заключение, к тому центру тяжести проблемы, который сопряжён с иудейским кредитом[81], нельзя не заметить, как это вполне очевидно, что этот предмет требует многосторонних и глубоких размышлений, самый принцип реализации которых до сих пор никем не установлен. Стало быть, бесплодно ныне трактовать о нём здесь, а тем паче касаться вскользь возможной его конструкции. Посему, завершая настоящий труд, и автор не осмеливается напрасно утруждать внимание читателя. Fed, quod potui, faciant meliora potentes!...

VIII. Если организация международного тайного правительства в лице центральной иудейской власти представляется ныне доказанной, то необходимо провозгласить в законе, что: а) евреи — не русские, не англичане, не французы, не американцы, а исключительно — евреи; б) представляя опасность для жизни арийских народов, евреи должны быть по закону трактуемы сообразно с этим; в) все дальнейшие о еврействе узаконения воспринимают силу не иначе, как в согласии с этими основными принципами, и г) разработка кодекса о евреях подлежит ведению международной комиссии, а его издание — такому же конгрессу.

IX. Эти руководящие положения надлежит почитать незыблемыми. В недалёком будущем они станут достоянием народов со всеми отсюда последствиями.

Est modus in rebus. Sunt certi denique fines, Quos ultra citraque nequit consistere rectum!...

[81] “Ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы, и господствовать будешь над многими, а они над тобой не будут господствовать” (Втор. XV, 6).